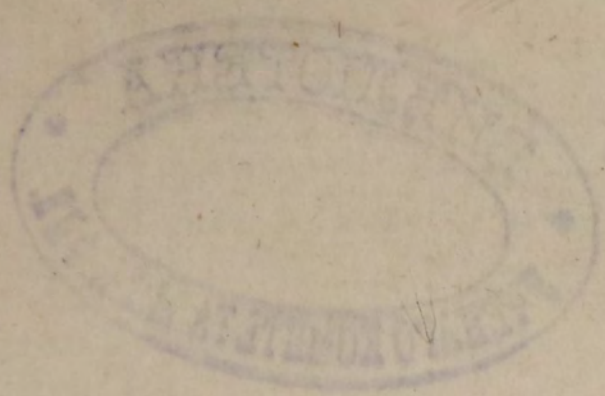

10317.

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
VI.

RECORDED

PATENT OFFICE

APR 11 1887

10317

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
ПЬЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕН-
ВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРАКСТО,
ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
КОЦЕБУ, ФРѢЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ,
НАУЛЬДИНГА, ВИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ - ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, поршрешовъ, и изображеній замѣчатель-
нѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ
свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-
Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

—ooo—
Часть шестая.
—ooo—

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1837.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Океанія: острова Нукагивскіе (окончаніе), Вайгу (или Пасхи), Питкаирнъ, Помоту (или Общества), Таити (или Отаити), Вавиту, Мангіа, Вайту-Таки и Гамоа.

ВЕРОЯТНОЕ

ИЗВЕЩЕНИЕ

РАБОТЫ ИНЖЕНЕРОВ

ОБЪЕДИНЕННАЯ КОМПАНІЯ (ОБЪЕДИНЕННАЯ)
(или ИСКУССТВО) ИНЖЕНЕРОВ (или ИНЖЕНЕРОВ)
РАБОТЫ (или РАБОТЫ) ИНЖЕНЕРОВ (или ИНЖЕНЕРОВ)
И Т.Д.

ГЛАВА ЇІV.

НУКА-ГИВА. — ГЕОГРАФІЯ. — ОБИТАТЕЛИ И ПРО- ИЗВЕДЕНІЯ.

Никто не оспариваетъ у Испанца Миндана чесши открытія Нукагивскаго архипелага. Посланный въ 1595 году Вице-Королемъ Перуанскимъ, Мендосомъ, чтобы дополнишь обзоръ купы Соломоновыхъ острововъ, которые открылъ онъ въ предшествовавшее путешествіе, *Миндана* попалъ на острова Нукагивскіе, и приспалъ къ одному изъ нихъ, хотя нельзя сказать опредѣленно, къ которому именно. Здѣсь пробылъ онъ нѣсколько часовъ. Идя далѣе, щещно старался Испанскій мореплавецъ приспалъ къ Огива-Гоа, гдѣ островиане казались желающими его знакомства, и наконецъ остановился онъ, 25-го Іюля, въ день Св. Іакова, въ гавани острова *Тао-Вати*. Тутъ шлюпка, хорошо вооруженная, оправилась къ берегу, и люди, бывшіе въ ней, вышли на землю при звукахъ барабановъ. Первые часы свиданія съ

дикарями прошли спокойно ; женщины, красивыя и ласковыя, обольщали Испанцевъ , и день кончился-бы хорошо , еслибъ дикари не начали воровства; имъ опмслили ружейными выстрѣлами. Миръ казался возобновленнымъ на другой день , но мало продолжился. Послѣ обѣдни , опсправленной подъ опкрытымъ небомъ, торжественно, при чемъ присуствовали начальникъ флота и жена его, и что слушали дикари , казалось , болѣе съ чувствомъ почтенія, нежели простаго любопытства, началась торговая мѣна, съ великимъ согласіемъ , и можно было полагать, что миръ утвердился. Но вдругъ произошла жестокая ссора, и принудила Испанцевъ приняться за оружіе противъ дикарей, бросавшихъ камни. Неравное это сраженіе убѣдило , по крайней мѣрѣ, оспровищанъ въ ихъ слабости противъ пришельцевъ. Смерть, неизъяснимая, уничтожающая будто молнія , громъ выстрѣловъ, превосходящее средствъ защиты и нападенія, заставили ихъ просить мира и покориться безусловно. Тогда устновился и продолжился постоянный миръ. Острова, найденные Минданою, были тогда точно таковы, каковы они теперь; нравы, обычаи, одежда, ничто на нихъ не измѣнилось. Миндана оставилъ ихъ 9-го Августа, назвавши шѣ, которые посетилъ: la Dominica , Santa-Cristina , San-Pedro и Magdalena , а всему архипелагу далъ онъ названіе острововъ Marquesas de Mendoza, въ честь супруги Перуанскаго Вице-Короля.

Съ шѣхъ поръ , ни одинъ Европейецъ не посѣщаль , кажется , этихъ острововъ до вѣскаго

путешествія капитана Кука. Въ Апрѣлѣ 1774 года, сей мореплаватель осмошрѣлъ и присовокупилъ къ открытымъ Минданою маленькій островокъ *Фату-гу*, и остановился въ Тао-Ваши, гдѣ пробылъ три, или чепыре дня. Съ жишелями опять началось знакомство дракою, послѣ чего пріобрѣли ихъ усшувосишь на миръ. Когда спокойсшвіе возсшановилось, Кукъ принялся за свои гидрографическія изслѣдованія, а есшесшвоиспытатели Форстеръ и Спарманиъ изучали нравы жишелей. Ничто не давало подозрѣнія о склонности шуземцевъ къ чешовѣкоадсшву, что въ послѣдсшвіи признано несомнишельнымъ. Пребываніе Кука ознаменовалось посѣщеніемъ, которое сдѣлалъ ему на кораблѣ его начальникъ *Гону*, называвшій себя царемъ всего острова. Онъ былъ одѣшъ въ свой шоржесшвенный косшюмъ — плащъ изъ какой-шо шравы, въ родѣ папируса, съ діадемою на головѣ, ожерельемъ, широкими привѣсками къ ушамъ, и множесшвомъ пучковъ чешовѣческихъ волосовъ. Не смотря на его шшшуль *геканки*, шуземцы, казалось, неслишкомъ его уважали.

За шѣмъ явился здѣсь Босшонскій Американецъ *Инграгамъ*, и первый онъ дополнилъ, въ Маѣ 1791 года, опознаніе купы, открытіемъ острововъ *Руа-Пуа*, *Руа-Гуга*, *Мотуо-Ити*, *Гіау* и *Фатугу*. Ему досшалась чешъ первого изслѣдователя, преимущественно передъ Французомъ *Маршаномъ*, который шолько мѣсяцемъ позднѣе Инграгама пришелъ сюда, шакже пересмошрѣлъ здѣшніе острова, и подобно ему надавалъ имъ своихъ именъ. Недѣлю

стоялъ Маршанъ близъ Тао-Вапи, въ заливѣ Madre de Dios, и имѣлъ дружесвенныя сношенія съ начальникомъ острова, по имени *Оту*, власъ котораго казалась неважнѣе и неболѣе уважаема, какъ и власъ Кукова пріятеля Гону. Особенную дружбу завели спутники Маршана съ дикарками, такъ, что онъ принужденъ былъ наконецъ запрешить между ними всякія сношенія, видя развратъ, самый безпушный.

Черезъ годъ потомъ, лейшенантъ Герджесъ (въ послѣдствіи убитый на Гавайскихъ островахъ), начальствуя транспортомъ съ съѣстными припасами для экспедиціи Ванкувера, остановился въ заливѣ Madre de Dios. Сношенія начались и утвердились на ружейныхъ выстрѣлахъ. Герджесъ осмотрѣлъ сѣверные острова, и еще разъ переименовалъ названія ихъ, не зная, что два мореплаватели, одинъ Американецъ, другой Французъ, осматривали ихъ и дали имъ имена въ предшедшемъ году.

Въ эту эпоху, нѣтъ сомнѣнія, архипелагъ былъ уже часто и постоянно посѣщаемъ китоловами. Съ одного такого корабля осматривая на Тао-Вапи Американецъ Робертсъ, и принятой островишанами, прожилъ здѣсь мѣсяца чешыре.

Ничего замѣчательнаго неслучилось здѣсь однакожь до прибытія корабля *Duff*, отправленнаго съ благочесливую цѣлью развезти проповѣдниковъ по островамъ Полинезійскимъ. Капитанъ *Вильсонъ*, начальствовалъ кораблемъ. Остановясь въ заливѣ Madre de Dios, онъ свезъ на землю Миссіонеровъ.

Тао-Ваши былъ тогда управляемъ *Тенаи*, сыномъ Кукова Гону, послѣ него наслѣдовавшимъ. Почтенный дикарь эпошъ оказалъ самыя благопріятныя и миролюбивыя расположенія къ проповѣдникамъ, объявляя, что онъ считаетъ ихъ своими госпіями. Изъ двухъ Миссіонеровъ, сюда предназначенныхъ, одинъ, по имени *Крукъ*, переправился на берегъ немедленно и ничего не боясь; товарищъ его *Гаррисъ* недоумѣвалъ; недѣли двѣ несходилъ съ корабля, и едва осмѣлился исполнить это 20-го Іюня. Думали, что онъ останешся, какъ его соупшникъ, но 24-го, съ палубы корабля замѣтили бѣдняка на берегу острова. Онъ держалъ въ рукахъ свой чемоданъ и призывалъ шлюпку. Пока старались угадать его клики съ корабля, довольно отдаленнаго отъ берега, прибѣжали дикари, отняли у него чемоданъ, и несчастный *Гаррисъ*, видя себя во власни пагледовъ, убѣжалъ отъ страха въ лѣсъ. Тамъ долго искали его и нашли въ жалкомъ состояніи, чуть не одурѣваго. Но исторія эшимъ некончилась.

Согласясь останься подъ защитою *Тенаи*, *Гаррисъ* нѣрѣшился соупшснвовашъ въ прогулкѣ, какую товарищъ его *Крукъ* и покровишель *Тенаи* вздумали предпринять во внутрешносш острова. Онъ несмѣлъ потерять изъ вида гавани и корабля. На бѣду его, *Тенаи*, на время разлуки, передалъ ему, по обыкновенію Нукагивцевъ, одну изъ женъ своихъ. *Гаррисъ* съ омерзѣніемъ отвергъ такую почестъ, но иначе думала супруга *Тенаи*, оскорблялась отприцаніями госпія,

и слѣдствія были шакъ забавны, что Гаррисъ про-
 клялъ развратный островъ и убѣжалъ на корабль.
 Иначе поступилъ Крукъ. Ничто не могло распро-
 ить его швердаго намѣренія, и онъ спокойно ви-
 дѣлъ удаленіе земляковъ и товарища 27-го Іюня.
 Старанія его обратишь дикарей были безуспѣшны,
 но онъ жилъ спокойно, счастливо, любимый остро-
 вишянами, пока не явился на островъ какой-то
 Ишальянецъ, оставленный съ корабля и имѣвшій
 при себѣ ружье съ нѣсколькими пулями. Хитрый и
 ловкій негодяй, онъ умѣлъ подбиться къ шужемцамъ,
 подружился съ ними, ходилъ съ ними на войну, помо-
 галъ ихъ побѣдамъ своимъ убійственнымъ оружіемъ.
 Вмѣсто согласія съ Миссіонеромъ, онъ сдѣлался
 врагомъ его. Крукъ проповѣдывалъ миръ, Ишалья-
 нецъ побуждалъ на бшвы, и наконецъ успѣлъ опо-
 дозришь его въ мнѣніи дикарей. Безъ защиты
 одного сильнаго старшины, безъ сомнѣнія, дикари
 зарѣзали и сожрали-бы Крука. Великодушный по-
 кровитель неоспалялъ до конца бѣднаго пропо-
 вѣдника, и при его пособіи Крукъ успѣлъ достиг-
 нуть въ дикарской лодкѣ Американскаго корабля
Бетзи, кошорый, подѣ начальствомъ капитана
 Феннинга, появился при входѣ въ заливъ *Madre de*
Dios. Съ любопытствомъ выслушалъ Феннингъ раз-
 сказъ Миссіонера, и по совѣту его нерѣшился
 прислать къ Тао-Ваши, преданному бѣдствіямъ
 подѣ злымъ вліяніемъ Ишальянца. Капитанъ ос-
 шанавливался у Руа-Пуа, потомъ у Нука-Гива, въ
 заливѣ Таіо-Гае. Здѣсь царствовалъ тогда юный
 властитель Паи-Рору, подѣ опекою дяди своего

Тугуре-Буга. Съ жителями открылись сношенія, и Крукъ былъ такъ доволенъ спраною и дикарями, что рѣшился оспашься между ними для проповѣди. Но предпріятіе его имѣло и на Нука-Гива успѣха болѣе, какъ на Тао-Ваши. Черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ потомъ, Крукъ воспользовался случаемъ переправиться на Таиши, гдѣ пруды его товарищей оказывали вождѣнные успѣхи.

Когда Русскій мореплавецъ *Крузенштернъ*, въ первое путешествіе Россіянъ вокругъ Свѣта, остановился въ заливѣ Таіо-Гае, двое бродягъ Европейскихъ пользовались между дикарями большою властью. Одинъ изъ нихъ былъ Англичанинъ Робертсъ, котораго видѣли мы оспавшимся на Тао-Ваши, и которъ жилъ послѣ того на Нука-Гива болѣе семи, или восьми лѣтъ; другой Французъ, по имени Іосифъ Кабри, также прожившій здѣсь много лѣтъ. Оба люди безъ образованія и безнравственные, они сами одичали съ туземцами, вмѣстѣ со шго, чтобы спарашься объ ихъ образованіи. Оба они были пашуированы, помогали оспровишянамъ въ битвахъ, и Кабри славился, какъ знаменитый воинъ. Одного только немогъ онъ дѣлать— ѣсть человѣческаго мяса, и всегда промѣнивалъ плѣнника на свиней. Главнымъ начальникомъ Таишъ былъ шогда Кеапа-Нуи, сорока-лѣтній воинъ, добраго вида, и съ ногъ до головы пашуированный. Русскій путешественникъ подтвердилъ, что власть начальниковъ, какъ говорили объ эшомъ Кукъ и другіе, была весьма ограничена: болѣе походила она на папріархальное владычество,

уважаемое только по шабу, которое ограждало начальника и его семейство. При пособіи Робертса и Кабри, Крузенштернъ легко могъ повѣрить всѣ подробности прежнихъ извѣстій. Онъ увѣрился въ лодоѣдствѣ дикарей, чего незамѣчалъ никто изъ его предшественниковъ, изучилъ нравы, законы, образованія различныхъ племенъ, ихъ отношенія между собою, союзы и вражду. Кабри нечаянно осмался на Русскомъ кораблѣ, и пономъ изъ Камчатки, черезъ Сибирь и Россію, возвратился въ Европу, хвасташъ своимъ шапуажемъ и удивляшъ разсказами.

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ тогда наблюденій, одно неподтвердилось въ послѣдствіи — будто у Нукагивскаго начальника былъ особый чиновникъ, котораго Крузенштернъ называлъ *зажигателемъ огня*. Онъ всегда находился при своемъ власшишелѣ, пока власшишель осмался въ своей резиденціи. Но едва удалялся онъ куда-нибудь, зажигашель обязанъ былъ всшупашъ во всѣ супружескія права, для ушѣшенія его супруги, за то щашельно надзирая за ея поведеніемъ. Крузенштернъ говоришъ, что такимъ подставнымъ мужемъ былъ въ его время насшоящій Милонъ Нукагивскій, дикарь съ ашленическими формами шѣла.

Мы досшigli до той эпохи, когда славный *Портеръ* учинилъ изъ Нукагивскихъ осшпировъ временную складку для своихъ призовъ. Поршерь былъ одинъ изъ Американскихъ крейсеровъ, наиболѣе другихъ причинившій зла Англичанамъ въ крапкую войну ихъ съ Сѣверо-Американцами въ 4843 году.

Съ своею флотиіею остановился онъ 25-го Октября въ заливѣ Таіо-Гае, который называлъ заливомъ Компроллеръ. Здѣсь нашелъ онъ многихъ земляковъ своихъ, спаравшихся нагрузиться сандальнымъ деревомъ, и Англичанина, по имени Вильсона, поселившагося между дикарями.

Кеаша-Нуи все еще властвовалъ надъ Таи. Одряхлѣвшій отъ употребленія кавы, это не былъ уже мужественный воинъ, видѣнный Крузенштерномъ, но слабый старикъ. Въ войнѣ съ Гапа, онъ худо защищался противъ нихъ, и гошовъ былъ уступитъ, когда Поршеръ явился близъ острова. Кеаша-Нуи умолялъ его о пособіи. Сначала, Поршеръ желалъ ошашься неупральноймъ, но Гапа ошвѣчали такъ дерзко на его предложенія о мирѣ, что онъ рѣшился покорить ихъ, если не для Кеаша-Нуи, то для собственнй выгоды. Началась война. Тогда-то перенесли дикари на рукахъ черезъ горы пушку, разбили ядрами крѣпость Гапайскую, взяли ее, привели дикарей къ повиновенію и принудили къ тягосшному договору и еженедѣльному плашежу дани свиньями для Поршера. Эша была законная плаша за услуги, оказанныя при семъ случаѣ сорока Американцами, сражавшимися противъ Гапа.

Вскорѣ окружныя племена слѣдовали примѣру Гапа. Всѣ они объявили себя данниками Поршера, за исключеніемъ двухъ сильнѣйшихъ, Таи Піи и Гаши-аку-Туого. Торжественно ошвѣчали сіи дикари, что они остающія независимы отъ власши Европейцевъ.

Поршеръ думалъ, что непришло еще время покорять смѣлыхъ дикарей. Онъ сначала хотѣлъ утвердиться, такъ, чтобы покореніе ихъ сдѣлалось легко и прочно. Племена, среди которыхъ онъ жилъ, служили ему, какъ нельзя лучше; дикари эти построили даже для Американцевъ красивую деревеньку, которую Поршеръ называлъ Маддисономъ, а потомъ, когда война объявлена была противъ Гапа, и необходимы были средства защиты, тѣ-же работники принялись строить для него, на своей землѣ, крѣпостцу, названную крѣпостью «Маддисона.» Ноября 49-го, когда сіе неправильное построение было окончено, Поршеръ почелъ себя въ правѣ принять Нука-Гива во владѣніе, отъ имени Соединенныхъ Штатовъ. Хотя два поколѣнія дикарей все еще не подчинялись ему, Поршеръ распространилъ права свои на цѣлый островъ, и объявилъ объ этомъ въ прокламаціи, которую помѣщаю я за симъ, какъ образчикъ страннаго смѣшенія старинной хвастовни Испанской и новѣйшей Американской логики:

«Симъ дается къ свѣдѣнію цѣлому свѣту, что я, Давидъ Поршеръ, капитанъ, начальствующій кораблемъ, во флотъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, начальникъ фрегата Эсексъ, взялъ во владѣніе рѣченныхъ Штатовъ островъ, именуемый жителями его Нугивагъ (Nooheevah), вообще знаемый подъ именемъ острова сира Генриха Марпина, а нынѣ называемый островомъ Маддисона; что по прошенію и при пособіи соединенныхъ племенъ долины Тье-Гои, такъ какъ и горныхъ племенъ, нами покоренныхъ и сдѣлавшихся данниками нашего флага, построилъ я городъ Маддисонъ, состоящій изъ шести хорошихъ домовъ, ка-

напнаго заведенія, пекарни и другихъ принадлежностей; что для защиты означеннаго селенія и покровительства союзныхъ жителей, построилъ я крѣпость, способную вмѣститъ шестнадцать пушекъ, изъ коихъ и поставлено мною четыре, и оную крѣпость назвалъ я также Маддисонъ.

Права наши на сей островъ, основанныя на очевидномъ первенствѣ открытія, завоеванія и занятія немогутъ быть оспариваемы. Кромѣ того, островитяне, дабы получить съ нашей стороны покровительство, споль имъ необходимое, желали быть помѣщенными въ великое семейство Американское, правленіе коего имѣетъ много сходства съ ихъ правленіемъ. Посему, желая споспѣшествовать ихъ пользамъ и благоденствію, и учинить съ тѣмъ вмѣстѣ права наши безспорными, касательно владѣнія островомъ, весьма важнымъ по множеству отношеній, принялъ я на свою отвѣтственность обѣщаніе, что будутъ они приняты Соединенными Штатами, и начальникъ нашъ будетъ ихъ начальникомъ, а они съ своей стороны утвердили, что изъ числа Американскихъ собратій ихъ, всѣ посѣщающіе островъ будутъ отнынѣ принимаемы ими съ дружбою и гостепріимствомъ; что они въ изобиліи будутъ ихъ снабжать всѣми запасами, находящимися на островѣ; что они дадутъ имъ пособіе противъ всѣхъ ихъ непріятелей, и воспрепятствуютъ, сколько по опъ нихъ зависѣть будетъ, подданнымъ Великобританіи приставать къ острову, пока миръ не будетъ заключенъ между двумя государствами.

« Во время нашего пребыванія на семъ островѣ, богатые дары были намъ представлены опъ всѣхъ племенъ, коихъ исчисленіе слѣдуетъ за симъ :

« Шести племенъ долины Tieu-Noi, называемыхъ Faeels, а именно: Hoattas, Maouhs, Houneeahs, Pakeuhs, Hekuahs, Harrous.

« Шести племенъ Haras, а именно: Niekees, Tattierows, Paehas, Keekahs, Tekahs, Mullawhoas.

« Трехъ племенъ Mamatouahs , а именно : Maamatouahs , Tioahs , Cahahas.

« Двухъ племенъ Attatokahs, а именно : Takeeahs, Pahentahs.

« Одного племени Neekees.

« Двѣнадцати племенъ Typees, а именно : Poheguals , Nacouguals, Attagiyas, Cahunukohas, Tomaraheenahs, Tieheymahues, Mooaeekas, Aterhows, Attestapwyhunahs, Attehacoës, Attetomohouys, Atta-ka-kaha-neuahs.

« И всѣ сии племена, большею частію, свидѣтельствовали желаніе быть подвластными нашему покровительству, и казались намъ расположенными приобрести, какою-бы то ни было цѣною, союзъ, обѣщающій имъ споль великія пользы.

« Въ слѣдствіе сихъ побужденій, и дабы владѣніе симъ оспровомъ не могло быть въ послѣдствіи оспориваемо, въ бушылкѣ, зарытой близъ крѣпости Маддисонъ, оставилъ я списокъ сей деклараціи, со многими монетами клейма Соединенныхъ Штатовъ.

« Въ свидѣтельство чего универждаю моею подписью.

Давидъ Портеръ.

« 19 Ноября, 1813 года. »

Какъ видите, владычество Портера захватило всѣ оспровскія племена, хотя Таи-Шии и союзники ихъ не были покорны. При первомъ требованіи Портера, чтобы они принесли дань, дикари сказали, что такое предложеніе почишають насмѣшкою; что не было имъ никакой причины желать дружбы бѣлыхъ, но если хотящъ насильно наложить на нихъ подать плодами и свиньями, то не на словахъ, а оружіемъ должно рѣшить подобное дѣло. При вторичномъ предложеніи, черезъ Кеапа-Нуи, при чемъ лично находился сынъ его и союзникъ Портера, Таи-Шии ошвѣчали еще гордѣе и оскор-

бишельнѣ : « Жители долины Тіу-Гои и начальникъ ихъ Кеаша-Нуи прусы. Гапа побиты отъ того, что они были также прусы, а Поршеръ и его товарищи бѣлыя ящерицы, кошорыя пропадутъ при первомъ трудномъ дѣлѣ, немогутъ ни лазить по горамъ, ни переносить жажды, ни даже поднять дубины. И такіе непріатели дерзають вызывать Таи-Шевъ, столь много разъ побѣждавшихъ, и кошорымъ богъ обѣщалъ всегдашнюю побѣду! Пускай придутъ бѣлыя ящерицы. Мы призываемъ ихъ. Мы боимся ихъ *буги* (ружей), кошорыми могутъ они спрашивать только такихъ прусовъ, каковы Таи, Гапа и Шуми. »

Столь оскорбительный вызовъ дѣлалъ войну неизбежною, и она началась. Ноября 3-го явился Поршеръ въ заливъ Таи-Шевъ, съ одною изъ своихъ корветовъ, пятью шлюпками и десятию дикарскими лодками. Число союзниковъ проспиралось до 5000 человекъ. Самъ неустрашимый капишанъ находился тутъ, съ 35-ю солдатами, вооруженныхъ мушкетерами. Ударили на Таи-Шевъ. Не смотря на жестокость нападенія, дикари защищались такъ опчаянно, что Американцы принуждены были удалиться, безъ всякаго важнаго преимущества.

Тогда смѣлость дикарей увеличилась, и надобно было учинить противъ нихъ сильнѣйшее дѣйствіе. На сей разъ, двѣсти фузелеровъ Американскихъ вмѣшались въ битву, продолжительную и кровопролитную. Огнеспрѣльное оружіе превозмогло дубину. Селеніе несчастныхъ Таи-Шии было

взято , разграблено , сожжено. Наученные такимъ ужаснымъ урокомъ , бѣдняки просили мира , и получили его на весьма щедрыхъ условіяхъ. Имъ , опредѣлили заплащивъ выкупа 400 свиней , и потомъ вносишь ежегодно подашь , соразмѣрную съ количествомъ подаши другихъ дикарей.

Съ сего времени , Нука-Гива сдѣлалась совершенно покорною Американскому капитану. Онъ властвовалъ здѣсь мирно и по волѣ. Но покореніе Полинезійскаго острова было только мимоходное дѣло храбраго капитана. Декабря 10-го, устроивъ все по своему желанію , онъ отправился въ море , уводя съ собою всѣ военныя суда , и оставляя на Нука-Гива только три изъ своихъ призовъ , подъ защитою крѣпости и подъ начальствомъ лейтенанта Гембля , командѣ котораго предославилъ онъ 22 человѣка солдатъ и матрозовъ. Вскорѣ увидѣлъ эшотъ офицеръ , что положеніе его было довольно затруднительно. Подспирѣаемые Англичаниномъ Вильсономъ , о которомъ упомянуто выше , туземцы не замедлили измѣнить свое обхожденіе съ Американцами. Не только переспали они плащивъ подашь , но даже грозили овладѣть кораблями. Съ другой стороны , безпорядки начались между бѣлыми и лейтенанша не захоуѣли ни слушаться , ни уважать. Съ мѣсяць прошло въ скрышныхъ волненіяхъ , и потомъ вспыхнулъ опасный бунтъ. Офицеровъ заковали въ желѣза , и бросили ихъ въ пріомъ одного изъ кораблей , послѣ чего бунтовщики подняли Англійскій флагъ и отправились опъ острова. Уже выйдя изъ залива ,

спустили они плохую шлюпку, и посадили въ нее офицеровъ, которые, съ большимъ трудомъ, но успѣли однакожь приспастъ къ берегу. У Гембля оставалось еще подъ начальствомъ два корабля идесять человѣкъ, ненарушавшихъ повиновенія. Съ споль малыми силами, онъ отбилъ нападеніе дикарей, но видя ихъ возвращающихся въ большемъ числѣ, принужденъ былъ сжечь одинъ корабль, а на другомъ отправился по морю съ своимъ маленькимъ экипажемъ, и благополучно достигъ Гаваевъ, гдѣ полонилъ его Англійскій корабль. Нѣсколько Американцевъ, оставшихся въ Маддисонѣ, перерѣзаны по отъѣздѣ Гембля. Англичанинъ Вильсонъ былъ душою и начальникомъ всѣхъ предпріятій между дикарями. И такъ жалкимъ и кровавымъ образомъ кончилось предпріятіе Поршера, начатое подъ споль удачными надеждами. Все, что произошло изъ него, было единовластіе на островѣ, пережившее покореніе Американцами. Старый Кеа-ша-Нуи остался главнымъ начальникомъ всего Нука-Гива, и сынъ его Муана сохранилъ шишулъ единовластителя. Но между шѣмъ старшины различныхъ племенъ своевольствовали, дрались между собою, какъ прежде, хотя и не спорили о шишулѣ начальника, котораго не уважали.

Послѣ экспедиціи Поршера, на Нука-Гива происходило мало замѣчательнаго. Американскій лейтенантъ Паулдингъ, съ кораблемъ *Dolphin*, останавливался, въ 1825 году, въ заливѣ Уми, и отзывается попомъ о туземцахъ съ похвалою. Въ 1829 году, миссіонеръ Спюарсъ плавалъ около береговъ

осрова на военномъ Американскомъ кораблѣ *Vincennes*, и начерпалъ свое плаваніе въ картинѣ, полной истины и занимательности. Капитанъ корабля вмѣшивался въ дѣла, превозжившія туземцевъ, по поводу наследства юнаго Муана. Опасеніе заступничества Европейцевъ заставило непокорныхъ подчиниться наследнику Кеаша-Нуи. Наконецъ, въ Мартѣ 1830 года, Англійскій капитанъ Валдегравъ, съ кораблемъ *Серингапатнамъ*, остановливался у острова Нука-Гива, но его извѣстія были опривиспы и неважны.

Такова исторія Нукагивскаго архипелага со времени открытія его Европейцами. Перейдемъ къ его географіи.

Нукагивскій архипелагъ, лежащій между 8—10° ш. Ю. и 140—142° д. З. (отъ Парижа), занимаетъ пространство около 60-ти морскихъ льѣ, отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., при ширинѣ почти 15-ти льѣ. Его составляютъ 42-ть острововъ, изъ коихъ только три имѣютъ нѣкоторую обширность, а всѣ остальные суть утесы, или земли незначительныя. Идя отъ юга, представляются всѣ они въ слѣдующемъ порядкѣ:

Отаги-Гоа, или *Фету-Гива*, который названъ былъ Минданою островомъ *Св. Магдалины*, небольшой клочекъ земли, 15-ть, или 20-ть миль въ окружности, но высокій и населенный. По картѣ Спюарша, подлѣ него есть маленькій островокъ, на Ю. В., называемый *Моту-Нао*.

Почти въ 40-ти льѣ на сѣверъ является *Мотане*, другой островъ, возвышенный, длиною на

5, или 6-ть миль, но узкій и малонаселенный. Это *Санъ-Педро* Миндана. По нѣкоторымъ картамъ, на югъ отъ него большая мѣль.

Къ западу, опидѣляясь проливомъ въ нѣсколько миль, слѣдуетъ островъ *Тао-Вати*, по указанію Крузенштерна. Это островъ св. *Христины* Миндана, *Тагу-Ата* Спюарна, *Ван-Тао* Маршана и многихъ другихъ. Хотя онъ не болѣе 25, или 30 миль въ окружности, но занятъ сильными и многочисленными племенами.

Близъ двухъ означенныхъ острововъ, къ сѣверу, находится *Огива-Гоа*, или *Dominica* Миндана—24 мили протяженія отъ востока къ западу, при разнообразной ширинѣ, отъ 6-ти до 40-ти миль. Мало посѣщаемый мореплавателями, кажется, что этотъ островъ населенъ менѣе *Тао-Вати*, не смотря на различіе произрастающей земли. Жителей полагаютъ на немъ до 7000 человекъ.

Въ шести, или семи льѣ на С. В. отсюда, находится *Фетугу*, или Куковъ островъ *Гуда*, возвышенный, но мало извѣстный, отъ 8-ми до 40 миль въ окружности. *Руа-Пуа*, лежитъ въ 22-хъ льѣ на западъ отъ *Фетугу*. Это островъ *Адамъ Инграгама*, *Треваніонъ* Герджеста, *Джефферсонъ* Робертса, названный Маршаномъ по своему имени *Marchand*. Высокій и населенный, островъ этотъ около 20-ти миль въ окружности. Его заслоняютъ нѣсколько утесовъ, и въ числѣ ихъ должно упомянуть объ островкѣ, въ двухъ миляхъ отъ него на югъ, который названъ былъ Инграгамомъ *Линкольнъ*.

Въ 20-ти миляхъ на С. отъ Фешугу является царь всего архипелага, прелесный, цвѣтущій *Нука-Гива*, какъ назвалъ его Крузенштернъ. Это обще принято всѣми, хотя въ послѣдствіи означенное имя измѣняли въ *Нуку-Гива*, *Ноггагива*, *Нугагива*, *Нугива* разные географы. Вотъ другія названія: *Federal Island* по Инграгаму, *Ваух* по Маршану, *Henry Martin* по Герджесу, и наконецъ *Adam's Island* по Робертсу. Пространство его 47-ть миль отъ В. къ З. и 40-ть отъ С. къ Ю. Народонаселеніе полагаютъ въ 45,000 человекъ, раздѣленныхъ на разныя племена.

Островъ *Руга-Гуга*, въ 48-ти миляхъ на В. отъ Нука-Гива, высокій и населенный, будетъ отъ 48-ти до 20 миль въ окружности. Инграгамъ назвалъ его островомъ Вашингтона, Герджесъ *Piу*, а Робертсъ *Массачузетъ*. Нынѣ онъ мало посѣщаемъ.

На С. З. отъ Нука-Гива, почти въ 40-ти льѣ, лежатъ два небольшіе, необитаемые острова *Моту-Ити*, часто навѣщаемые туземными рыбаками. Инграгамъ назвалъ ихъ Франклиновыми, а Робертсъ *Blake Island*.

Наконецъ, къ сѣверу оканчивается архипелагъ двумя высокими, необитаемыми островами *Гіау* и *Фатугу*, занимающими протяженіе 40-ти, или 42 миль отъ Ю. З. къ С. В., съ прибавленіемъ нѣсколькихъ утесовъ. На картѣ Спюарса наименованы они *Теоа* и *Гету-Тауа*. Инграгамъ назвалъ ихъ *Кнох* и *Напакъ*, Маршанъ *Masse* и *Chanal*, Ро-

бершсь *Freementle* и *Langdon*, и наконецъ Герджесъ *Roberts Island*. Необитаемые, они посѣщаются опъ времени до времени Нукагивцами, которые ѣздяшъ сюда за кокосами и пшичьими перьями для своихъ уборовъ.

У народовъ, опчаспи занимающихъ, какъ мы видѣли, всѣ исчисленные нами острова, какъ у всѣхъ Полинезійскихъ племенъ, еспъ древнія, смѣшенныя преданія. По одному изъ нихъ, Оашаіа и жена его, Ана-Нуна, прибыли когда-то съ острова Ведео, находящагося подъ вѣтромъ, и привезли съ собою хлѣбное дерево, сахарный тростникъ и многія другія прозябенія. У нихъ было, прибавляешъ преданіе, сорокъ человекъ дѣшей, кошорые ушвердились на различныхъ мѣстахъ архипелага, и размножились удивительнымъ образомъ. Кеаша-Нуи, власпвовавшій во времена Крузенштерна, происходилъ по прямой линіи опъ Оашаіа, перваго насельщика и начальника Нука-Гива.

Не одно это преданіе было у Нукагивцевъ объ ихъ происхожденіи, по другому, за 20-ть поколѣній прежде, богъ Гаіи принесъ въ архипелагъ свиней и живность. Онъ появился около восточной часпи архипелага, въ заливѣ Гапа-Ушуа, вырылъ тамъ источникъ, чшобы имѣшъ воду, и опдыхалъ подъ деревомъ, названномъ *Gaiu*, и съ того времени сдѣлавшимся табу. Болѣе объ этомъ богѣ ничего неизвѣстно. Но какъ шуземцы даюшъ свинѣ название *пуарка*, можно предполагать, чшо Гаіи былъ какой нибудь Испанскій мореплавателъ XVI-го вѣка.

Опять богъ, говорящъ оспровишяне, принесъ имъ съ острова Ушупу кокосы, когда-то, очень давно. Впрочемъ, между Нукагивцами всегда общее было повѣрье, что множесство острововъ находящися въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ихъ архипелага. Боги сказали имъ такое обстоятельство, по ихъ словамъ. Въ разныя времена, они пыпались на опкрытія въ своихъ лодкахъ. Такимъ образомъ опправился для изслѣдованій дѣдъ Кеаша-Нуи, и не возвращался на родину. Года за два до прибытія Портера, одинъ изъ начальниковъ, Темага-Таипи, опасаясь неудачи на войнѣ, приготовилъ множесство большихъ двойныхъ лодокъ, съ пѣмъ, чтобы въ случаѣ бѣды, ввѣришь себя и народъ свой пригошовленной флошилѣ, и плыть на неизвѣстныя острова. Война прекратилась; лодки вышацили на берегъ, и посшавили ихъ подъ навѣсами, чтобы употребить ихъ при несчастномъ случаѣ въ будущее время.

Англичанинъ Вильсонъ, котораго Портеръ нашель поселившимся на Нука-Гива, говорилъ, что въ бытность его на островѣ, болѣе 800 дикарей опсправились въ лодкахъ своихъ искашь неизвѣстныхъ земель. Ни одинъ не ворошился, кромѣ бывшихъ въ лодкѣ, которая не поплыла далѣе острова Гіау, остановилась тамъ, и была потомъ приведена обратно ловцами фаэпоновъ.

Подобныя путешествія были спраспью пуземцевъ, и самые шагуа (жрецы), кажешся, не были ей чужды. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда дикарскихъ лодокъ, пущившихся на удачу, шагуа

приходили скрышно въ хижины народа, разрѣженнаго онбышіемъ соплеменниковъ, и шамъ, пронзительнымъ голосомъ возвѣщали оспальнымъ дикарямъ, что собратія ихъ счаспливо достигли до земли, обильной свиньями, пицею, хлѣбными деревьями, кокосами и всякими благами. Пономъ, указывая въ ту спорону, гдѣ находилась обѣтованная земля, они приглашали всякаго идши на соединеніе съ счаспливыми земляками. Вѣря, такимъ обольщеніямъ, дикари бросались въ лодки и предавались морю въ своихъ ушлыхъ ладьяхъ. Безъ сомнѣнія, бывали счаспливцы, успѣвавшіе достигнуть другихъ острововъ Океаніи, населявшіе ихъ и обрабатывавшіе, но сколько въ замѣнъ того долженствовало быть несчастныхъ, гибнувшихъ въ подобномъ опчаянномъ спранспованіи — сколько жерпвъ голода, жажды, бурь, вѣрной смерти, вмѣсто достиженія къ мечтапелнымъ садамъ Океанійской Гесперіи!

Изъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ мореплавателей, капишанъ Валдегравъ былъ единственнѣйшій, не отдававшій похвалы внѣшнему виду и физическому сложенію Нукагивцевъ. Другіе всѣ соглашались признавъ ихъ первымъ изъ Полинезійскихъ племенъ, особливо женщинъ; даже Крузеншпернъ, писатель совсѣмъ нелюбящій воспорговъ, описалъ ихъ красавицами. Въпренницы и кокешки, онѣ опличающіяся недоспашками въ эпомъ опношеніи — щегольствомъ, заботливостью о нарядахъ. Крузеншпернъ говоритъ, что лицо у Нукагивки болѣе кругло, нежели овално, глаза большіе и выразительные,

зубы прекрасные, волосы въ натуральныхъ локонахъ, и цвѣтъ шѣла свѣплѣе другихъ Полинезійскихъ породъ. Должно прибавить, что шали у нихъ безобразны, и что ноги у нихъ нехороши.

По свидѣтельству Поршера, имѣвшаго время и случай наблюдать Нукагивцевъ, они храбры, великодушны, справедливы, привѣпливы, шонки, остроумны и поняшлывы. Страхъ, внушенный имъ Американскимъ Капитаномъ, безъ сомнѣнія, много способствовалъ такому соединенію добрыхъ качествъ, ибо людоедство всегда придаетъ дикарямъ, кошорые ему подвержены, кровожадность, незамѣченную Поршеромъ, но долженствующую составлять основаніе многихъ пороковъ. Вѣроятно, опасеніе укрыло также отъ наблюдателя склонность Нукагивцевъ къ воровству, общую имъ съ другими Океанійскими народами. Въ лицахъ ихъ нѣтъ недоспашка, ни въ выраженіи, ни въ правильности. Разнообразіе головныхъ уборовъ, пестрый папуажъ, одежда и украшеніе, все эшо даетъ имъ видъ странный и поразительный съ перваго взгляда. Въ военномъ нарядѣ, съ своими ожерельями, повязками, перьяными шлемами, и одѣтые для пляски, верша будно ловкая Испанка, своими папирообразными вѣерами, они кажутся болѣе дикими, болѣе первобытными, болѣе безыскусственными, нежели полуобразованные обишатели Гаваевъ.

Нукагивцы подвержены множеству болѣзней, расстройству легкаго и печени, и особливо водяной болѣзни, которую приписываютъ недоспашку плодовъ, излишне зашамбуированныхъ. Нерѣдки

между ними ревматизмы и родъ проказы, безобразящей пѣло. Накожныя сыпи и глазныя болѣзни также здѣсь обыкновенны. Послѣднія почишаюшя дикарями слѣдствіемъ колдовства. Злодѣй-колдунъ добываетъ немного слюны своего непріателя, прячетъ ее въ пакешецъ изъ листочка, завязываетъ особеннымъ манеромъ, и если неуспѣюшъ отыскать пакешца, чшобы разрушить очарованіе—бѣда неминуемая: зрѣніе заколдованнаго понемногу слабѣетъ, и наконецъ бѣдняжка слѣпнетъ.

Госнепріимство считалось здѣсь прежде священною обязанностью, для кошорой ничего нещадили. Въ новѣйшія времена, злоупотребленія, какія дѣлали изъ просподушія дикарей Европейцы, уменьшили его. Надобно признаться, что Нука-Гива до сихъ поръ много потеряла, и еще ничего непріобрѣла отъ сообщенія съ Европейцами. Она утратила нѣсколько добрыхъ, самобытныхъ свойствъ, ничего не получивъ за нихъ въ обмѣнъ. Насиліе, несправедливость, злоупотребленіе власпи нынѣ на Нука-Гивѣ въ большемъ размѣрѣ, нежели въ первыя времена открытія.

Соспояніе дружбы и союза, въ какомъ живали прежде здѣшніе дикари, было тогда нѣмъ замѣчательнѣе, что они неподчинялись никакому настоящему правительству, никакимъ положишельнымъ законамъ. У каждаго племени былъ, правда, свой *геканки*, наслѣдственный начальникъ, но эпо была власшь болѣе патриархальная, отъ кошорой всякому находились средства уклониться, измѣнявшаяся при разныхъ начальникахъ, и болѣе зави-

сѣвшая опѣ личности начальника, нежели опѣ его сана. Рядомъ съ текайки шелъ *тоа*, или первый воинъ, полководецъ, власть котораго, безмѣрная на полѣ битвы, была ограничена во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ. Самая обязанность идти на войну была произвольная и нисколько не непремѣнная.

Единственная положительная власть была власть жрецовъ, основанная на таинственномъ и ненарушимомъ табу. По извѣстіямъ Спюарта, предметы табу раздѣлялись на четыре различныя степени: *Атуа*, боговъ, *Тагуа*, прорицателей, *Тагуна*, жрецовъ, и *Угу*, священно-служителей.

Атуа, или боги, заключали въ себѣ всѣ сверхъестественныя существа, образовывавшія Теогонию Нукагивцевъ, множество божествъ, съ большимъ еще того множествомъ ихъ принадлежностей. Различныя лицеизображенія всего этого представляли идолы въ моряхъ. Начальники послѣ смерти поступали въ *атуа*. Они ревѣли въ буряхъ, завывали въ волнахъ, гремѣли въ громахъ, шумѣли въ листвахъ деревьевъ и жужжали въ крыльяхъ насекомыхъ. Это составляло основаніе здѣшней мифологіи. — Иногда за-живо люди переходили въ *атуа*. Такіе люди-боги должныствовали дать доказательство чѣмъ-либо сверхъестественнаго могущества, совершивъ въ глазахъ народа какое-нибудь чудо, явивъ власть свою надъ стихіями. Съ тѣхъ поръ, объявленные *атуа*, они жили въ таинственномъ заключеніи, ограждая страхомъ свои священные убѣжища. Такіе люди, за-живо причтенные

въ боги, были впрочемъ большою рѣдкостью—едвали по одному можно было насчитать ихъ на каждомъ оспровѣ. Миссіонеръ Крукъ видѣлъ одну изъ такихъ рѣдкостей на Тао-Вапи, въ 1797 году. «Это былъ уже старый человѣкъ—говоритъ онъ—съ самой юности жившій въ Гана-Теишеина, въ обширной хижинѣ, окруженной палисадомъ. По срединѣ жилища былъ у него алтарь; на перекладинахъ и по окрестнымъ деревьямъ висѣли человѣческіе скелеты, головою внизъ. Никто не дерзалъ проникать въ это логовище, кромѣ осужденныхъ на смерть. Жертвы предлагали этому уроду гораздо болѣе, нежели самымъ идоламъ. Нерѣдко садился онъ на возвышенной площадкѣ, передъ домомъ своимъ, и громко требовалъ двѣ, или три жертвы вдругъ. Его имя призывали во всѣхъ спорахъ оспрова; со всѣхъ сторонъ готовили и несли жертвы въ Гана-Теишеина.» Преимущественно ашуа бывали иногда наследственные, но всего чаще приобретались лично. Они бывали плодомъ продолжительныхъ хитросостей и ужаснаго обмана.

Послѣ ашуа идутъ тагуа, отдѣленіе жрецовъ, болѣе многочисленное, болѣе общительное, но также важное по вліянію, взаимно подкрѣпляющее боговъ-людей и подкрѣпляемое ими взаимными потачками. Если ашуа суть за-живо боги, тагуа прорицатели и волшебники. Стараясь дѣйствовать на легковѣрные умы, они обладаютъ тайною чревоугаданія, спрашиваютъ и отвѣчаютъ сами различнымъ голосомъ, потомъ, потрясая руками кустарникъ, объявляютъ, что богъ

хочешъ увлечь ихъ сквозь крышу и снова провесить сквозь двери. Припворяясь вдохновенными, кривляясь, ворочая во все спороны спрашными глазами, судорожно двигая руки, бѣгая, какъ сумасшедшіе и вдругъ ошанавливаясь, они предвѣщаютъ смерть врагамъ, и требуютъ человѣческихъ жертвъ богу, ими обладающему. — Тагуа суть также единственные лекаря Нукагивцевъ (хирургія предоснавлена особому званію дворянъ), ибо все болѣзни счисляются здѣсь слѣдствіемъ колдовства, а тагуа присвоили себѣ силу сражаться со всеми злыми духами. Призванные къ больному, они ищутъ, куда спрясался бѣсенокъ, преслѣдующій спрадающего человѣка, и если найдутъ, то начинаютъ сильно давить его руками. Такимъ образомъ убиваютъ они людей, возбудившихъ ихъ гнѣвъ, а непомогаютъ, разумѣется, никому. Погружаютъ еще больныхъ въ воду и сѣкутъ по водѣ вѣшкой кустарника. — Послѣ смерти, тагуа все переходятъ въ апуа, и такой апофеозъ сопровождается непременно человѣческими жертвами. Нерѣдко, чтобы доспать жертвъ для подобнаго шоржества, принуждены начинать войну съ кѣмъ нибудь изъ сосѣдей. Смерть тагуа по этому почти всегда предвѣщаетъ междоусобіе. Женщины могутъ сдѣлаться тагуа, но съ нѣкоторыми ограниченіями, и въ меньшемъ числѣ, нежели мужчины.

Степень ниже тагуа суть тагуна, просто жрецы, обширная толпа, безпрестанно подкрѣпляющая себя новыми негодьями. Тагуна прислужники главныхъ правителей морая; они совершаютъ жертво-

приношенія , поюпъ гимны , буютъ во храмовой шампамъ , опправляюпъ похороны , дѣлаюпъ хирургическія операціи , перевязываютъ раны , справляютъ изломанныя кости , и даже , какъ увѣряютъ , имъ вѣдомо препанированье . Особенная одежда ихъ состоитъ изъ шапки — кокосовый листъ подвязывается концами подъ подбородокъ , съ другимъ листомъ , обвернутымъ въ кругъ шеи , шакъ , что изъ этого образуется родъ капишона съ галспухомъ . Это опличительное убранство почти никогда не скидается , а при опправленіи должно-сти считается необходимостью .

Послѣдняя степень людей табу суть *угу* , или прислужники тагуа при человѣческихъ жертвахъ . Это имя дается имъ потому , что никто не можетъ получить сего опличія , не убивши , по крайней мѣрѣ , одного непріятеля въ битвѣ своимъ угу , или головоломомъ . Должность угу состоитъ въ нисшихъ прислугахъ по мораямъ , за что имѣютъ они мѣсто при сожраніи жертвъ и пирахъ тагуа и тагуна , что запрещается другимъ дикарямъ .

Кромѣ исчисленныхъ духовныхъ почестей существуютъ еще гражданскія опличія . Такъ почетныя шипла и награды припасами даются начальникамъ , опличившимся дарованіями , или ловкостью , людямъ , превосходящимъ въ выдѣлкѣ оружія , ушварей , уборовъ , лучше другихъ дѣлающимъ лодки и строящимъ дома , даже рыбакамъ наиболѣе смѣлымъ и опважнымъ . Наградами замѣняются владѣнія недвижимостями , кошорья на-

слѣдственны и переходящъ изъ рода въ родъ. Только начальники и почешные люди имѣющъ ихъ; оспальные дикари нанимаются въ работники.

Главнѣйшія произведенія Нука-Гива сущъ общія всей Полинезіи: таро, плоды хлѣбнаго дерева, кокосы, бананы — глывная пища островищанъ. Свиной мало, и пошому ихъ предоспавляющъ начальникамъ. Сахарный тростникъ преуспѣваетъ здѣсь — иногда доспигаетъ онъ до 14 фушовъ вышины, при 12 дюймахъ въ окружности, но дикари только сосущъ изъ него сокъ и жующъ сердцевину. *Кава*, или настойка изъ перечнаго корня (*pipet*), лакомство здѣшнихъ дикарей, но излишество въ употребленіи его здѣсь меньше, нежели на другихъ островахъ Океанійскихъ. Подъ именемъ *кавы* жизненной разумѣющъ здѣсь минеральную воду, крѣпкаго вкуса, полезную въ нѣкошорыхъ болѣзняхъ.

Дикаркамъ полная воля до 18-ми лѣтъ; онѣ власны дѣлать что угодно, и часто употребляющъ во зло такую влась. Пошомъ обязаны онѣ заключить болѣе прочные союзы, но необязывающъ однакожь и пришомъ на спругую вѣрность. Супружество, слѣдствія его и прочность, здѣсь не уважающъ. Поршеръ рассказываетъ примѣры супружеской и материнской любви, но говоритъ и о примѣрахъ самыхъ безспыдныхъ шалостей. Изъ всего должно заключить, что супружество на Нука-Гива естъ дѣло совершенно условное, и у большей части временное жипье вмѣстѣ, обязательство весьма поверхностное, и то только

между начальниками и власпишелями бракъ имѣеть нѣкошорую силу и важность. Но такіе особы женились наиболѣе въ своемъ семействѣ, и всего чаще на своихъ ближнихъ родственикахъ.

Иногда союзы между семействами начальниковъ ведутъ даже къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Такъ, на примѣръ, сынъ Кеапа-Нуи женился на дочери начальника Таи-пиевъ, посюстороннихъ враговъ своего народа; невѣста приплыла къ жениху черезъ проливъ, раздѣляющій долины двухъ племенъ; строгое табу наложено послѣ сего на проливъ, и пресупленіемъ повелѣно счищать всякое кровопролитіе на табуированномъ пространствѣ. Еслибы мужъ отослалъ жену свою обратно къ ея роднѣ, табу уничтожилось-бы, и тогда могли-бы обновиться битвы. Въ противномъ случаѣ, вѣчный миръ долженствуетъ быть между двумя родными племенами, ибо по смерти Таи-Пійской княжны, она, какъ апуа, продолжила табу междоусобій. Въ слѣдствіе такого-же союза, поколѣніе долины Таю-Гае навсегда сдѣлалось дружественнымъ другому внутреннему поколѣнію. Мау-Даи женился на дочери Кеапа-Нуи, и этимъ наложено было табу союза и дружбы на вѣки.

Табу совершенно властвуетъ на Нука-Гива. Ему подвергаются ошличныя кушанья, какъ-то: свиньи, черепахи, бониши, дорады, предоставляемые только избраннымъ людямъ. Для остальнаго народа остаются только обыкновенныя ѣства — хлѣбные плоды, кокосы, иньямы и незапретныя рыбы. Жилища табуированныхъ людей недоступны никому

изъ людей, неопличенныхъ шабу, даже самымъ женамъ шабуированныхъ, имѣющимъ жилища опдѣльныя. Но люди-шабу, напрошивъ, могутъ вездѣ ходитъ и все ѣсть. Они особенно почищаются священными; надъ ихъ головою ничего неможеть бытъ поставлено, и все чѣмъ нарушается сіе правило, уже должно бытъ усранено изъ употребленія другихъ, непосвященныхъ въ шабу. Мщеніе чело-вѣку, нарушившему шабу, преслѣдуется до самой смерти нарушителя, и страхъ такого наказанія, вмѣстѣ съ привычкою издѣлсва, поддерживаесть повсюду строгость успавовъ шабу. Если женщина забудется до того, что перейдетъ черезъ какой нибудь предметъ шабу, или сядетъ на немъ, оскверненная ею вещь исключается изъ общаго употребленія, а дерзкая пресупница наказываетъ смерью. Если мужчина-шабу прикоснулся рукою къ спальной рогожкѣ, она не можеть уже служишь постелею, но изъ нея можно сдѣлать плашь, или парусъ на лодку. Подобныя усупки были придуманы, чтобы усранишь немного безчисленныя невыгоды шабу. И вообще должно полагать, хотя объ этомъ никшо не говорилъ, что какія нибудь условія уменьшаютъ шабу. Безъ того, всякую минушу, нечаянно и съ умысломъ, надобно бы подвергаться страху нарушенія шабу, и бытъ, что называется *кикино*, а всякій кикино обреченная жершва, кошорую должно убить и съѣсть. Никакія Папскія проклятія Среднихъ вѣковъ не могли бытъ спрашнѣ. Но и самые шабу имѣютъ также свои обязанности. Въ шоржесшвенныя эпохи

налагающъ на нихъ много лишеній : они должны воздерживаться отъ пляски, отъ умащенія масломъ, отъ сообщенія съ женами, и даже не входить въ свои жилища. Подобные запреты налагаются особенно по кончинѣ знаменитыхъ шагуа, для умилоствленія гнѣва покойниковъ.

Нѣкоторыя мѣста постоянно пабуируются для простолюдства, какъ - то : мѣста, гдѣ спавяшъ кушанья, и залы пиршесствъ. « Залы эши — говорять Поршеръ — образуютъ значительныя спроенія, возвышенныя на 6-ть и 8-мъ фушовъ площадкою, изъ красивыхъ, искусно сложенныхъ камней. Длинною фушовъ по 300, при ширинѣ фушовъ въ 40, такія залы окружаются спроеніями, изящество которыхъ дѣлающъ честь народу, воздвигавшему ихъ безъ помощи желѣза и другихъ металловъ. Большая часть камней въ площадкахъ имѣетъ до 8-ми фушовъ длины, при 4-хъ въ ширину и толщину. Это совершенно роскошь здѣшва, но подобныхъ спроеній много, и кромѣ торжественныхъ собраній, они ни на что не употребляются. »

Хотя почти доказано, что Нукагивцы пожираютъ трупы людей, приносимыхъ на жертву, но ни одинъ путешественникъ не засмалъ ихъ при этомъ отвратительномъ дѣлѣ. Мы не знаемъ, ни какъ совершаются жертвоприношенія, ни какъ дѣлился жертва. Даже Поршеръ, жившій въ такой тѣсной связи съ дикарями, немогъ ни однажды видѣть ихъ кровавыхъ пиршесствъ. Конечно, зная отвращеніе его отъ такого ужаснаго обряда, ту-

земцы щашельно скрывались его наблюдений. Все что совершалось на виду въ мораяхъ , состояло изъ религіозныхъ поклонений , пѣсенъ въ честь идоламъ и звуковъ шамшама. Крузеншпертъ положился, кажется, слишкомъ на рассказы, утверждая, по словамъ двухъ Европейцевъ , найденныхъ имъ между дикарями , будто во времена голода Нукагивцы рѣжутъ женщинъ, спариковъ, дѣшей, жарятъ и ѣдятъ ихъ.

Но то безспорно, что Нукагивцы любятъ сохранять, какъ трофеи , осматки своихъ враговъ , волосы, зубы ихъ, черепа, все это развѣсивая въ своихъ жилищахъ. Изъ большихъ костей дѣлаютъ они, весьма искусно, остроги, изъ маленькихъ ожерелья, ручки для вѣровъ , ошейники , разные воинскія орудія , и наконецъ , маленькихъ идоловъ. Но всѣ такія вещи изъ осматковъ человѣческихъ находящіяся впрочемъ не у многихъ спаршинъ. Многократно иные изъ нихъ опказывались передъ Поршеромъ опъ названія ѣдуновъ человѣческаго мяса.

Увеселенія здѣшнія почти неразличаются опъ Гавайскихъ. Пѣніе, пляска , болшовство, спанье — вошъ что наполняетъ свободные часы туземцевъ. Маршанъ первый замѣтилъ, что дикари забавляются также хожденьемъ на грубо сдѣланныхъ ходуляхъ.

Музыка вся состоитъ изъ шамшама. Это музыкальное орудіе бываетъ иногда огромнѣйшее , и издаетъ глухіе и рѣзкіе звуки , оживляющіе туземцевъ сильными впечатлѣніями. Пляска состоитъ

въ непрерывныхъ прыжкахъ на одномъ мѣсѣ, подымая опъ времени до времени руки, и быстро шевеля пальцами.

Кромѣ удъ и сѣшей, Нукагивцы ловятъ еще рыбу особеннымъ образомъ: прутъ корень какого-то ядовитаго растенія, и бросающъ кусочки его на дно моря. Дѣйствіе на рыбу бываетъ такъ сильно, что черезъ нѣсколько мгновеній всплываетъ она полумертвая на поверхность волнъ.

Воинскія орудія суть: дубины, пики и праща. Головолемы бывающъ по 5 фузовъ въ длину, изъ казуарины, плосные, тяжелые, гладко вылощенные. Рожу вырѣзываютъ у нихъ на одномъ концѣ. Пики, изъ того-же дерева, дѣлаются опъ 10-ти до 12 фузовъ длиною, въ дюймъ толщиною по срединѣ, заостренные на оба конца. Пращи плещутъ изъ кокосовыхъ жилокъ, и весьма искусно.

Тапуажъ доведенъ здѣсь до высокаго совершенства. Опличные люди, говоря буквально, сплошь покрыты всякими фигурами, и утонченной роскоши ихъ неизбавляющъ даже выбритыя части головы. Тапуажъ не ограничивается здѣсь, какъ на Гаваи, рисунками звѣрей и всякими беспорядочными чертами. Напрошивъ, онъ составляетъ симметрическую общность колець, полосъ, всякихъ фигуръ, такъ, что съ перваго взгляда почтеше островитянъ покрытыми плащомъ разнаго рода, изъ разныхъ шканей, или кольчугою, украшенною безчисленными насѣчками. Люди нисшихъ званій тапуируются менѣе, и нѣкоторыя даже вовсе неупо-

прєблѣють пашуажа. Женщинамъ позволяешся онѣ только на рукахъ, на киспяхъ рукъ, концахъ ушей и губахъ.

Обрѣзаніе здѣсь упопрєбительнѣе, и Поршеръ немогъ нахвалишся опрѣштвомъ оспровишянъ. Моушся онѣ по три раза въ день, наблюдая чистоту и въ пригошовленіи кушаньевъ и припасовъ. Никогда Нукагивецъ неспанешъ ничего ѣсть, не понюхавши кушанья сначала.

Киповые усы составляютъ самый ходкій поваръ на Нука-Гива. Желая пріобрѣсти расположеніе Кеша-Нуи, Поршеръ позволилъ ему выбирать изъ всего, что только было на кораблѣ. Сшарикъ ухватился за нѣсколько киповыхъ усовъ, едва показали ихъ ему, завернулъ ихъ въ конецъ своего плаща, и просилъ Американцевъ никому несказывать, что онъ обладаетъ такою драгоцѣнностью. « Корабль въ 300 тоннъ — говоритъ Поршеръ — можешъ сполна нагрузишся сандалнымъ деревомъ на здѣшнихъ островахъ, за десятокъ большихъ киповыхъ усовъ. За это количество, при всей своей беспечности, дикари побѣгутъ рубить сандалъ въ самыхъ отдаленныхъ горахъ, перешащашъ куски его на берегъ, и даже сами погрузяшъ въ корабль. Грузъ этотъ можно потомъ продать въ Кантонѣ за миллионъ долларовъ. » Хотя такой расчетъ надобно далеко понизить, какъ въ цѣнѣ киповыхъ усовъ, такъ и въ цѣнѣ сандала, но и до сихъ поръ киповые усы суть драгоцѣннѣйшіе предметы мѣны на Нука-Гива, и за нихъ всего

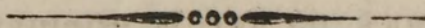
охопнѣ снабдяшъ корабль припасами. За тѣмъ уже слѣдуютъ ружья и порохъ.

Языкъ Нукагивскій есть нарѣчіе Полинезійское, болѣе близкое къ Гавайскому, нежели къ Таитскому. Впрочемъ, его еще такъ мало изучали, что ничего нельзя сказать объ немъ положительнаго. Численіе здѣсь десятичное, и слова выражающія десять первыхъ, главныхъ чиселъ, одинаковы съ словами для нихъ на другихъ архипелагахъ.

Почти всѣ Нукагивскіе острова высоки, гористы и лѣсисты. Хотя вулканическіе, они не представляютъ ни одного огнедышащаго крашера. Прибрежное плаваніе здѣсь безопасно, потому что коралловыя груды здѣшнія не расстигиваютъ своихъ опроговъ далеко въ море. Единственное затрудненіе въ остановкѣ на якорь составляютъ быстрые переходы въ безвѣтріе, которые захватываютъ иногда корабль близъ береговъ, и дѣлаютъ его беззащитною жертвою теченій, прибывающихъ къ берегамъ.

Свинья, собака и крыса, какъ во всей Полинезіи, были единственными четвероногими, извѣстными на Нука-Гива до прибытія Европейцевъ. Старались потомъ завести здѣсь домашнихъ животныхъ нашихъ, но безуспѣшно. Развелись только кошки, и издавна. Дикари говорятъ, будто ихъ ввелъ къ нимъ какой-то богъ, по имени Гишагиши, который, шестьдесятъ лѣтъ тому, привезъ этихъ звѣрей на Тао-Вапи, откуда распространились они на всемъ архипелагѣ. Богъ этотъ, прибавляютъ они, приплылъ въ большой лодкѣ, величиною съ

маленькій оспровъ, и убилъ человѣка, во время бытности своей на Тао-Ваши. Преданіе это, очевидно, относится къ Куку, посѣдившему упомянутый оспровъ въ 1773 году. Дикарь точно былъ убитъ во время его шамъ споянки. Имя Гиша-гиши, вѣроятно, измѣненіе слова *Танти*, откуда прибылъ тогда Кукъ, и кошорое, безъ сомнѣнія, часто повѣряли его сопутники.

ГЛАВА LV.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ ОСТРОВОВЪ НУКАГИВСКИХЪ КЪ ТАИТ- СКИМЪ. — ОСТРОВЪ ВАЙГУ.

Все принимало мрачный и непріязненный видъ , когда мы осматривали Нукагивскій архипелагъ. На землѣ надлежало защищаться оружіемъ отъ воровства дикарей. На кораблѣ надобно было употребить усилія противъ бури , ибо вскорѣ настала она, по предвѣщанію Пендлетона. При захожденіи солнца, вѣтеръ устоялся отъ С. З., съ ужасающею силою. Цѣлый день, Океанія держалась прямой дороги къ Таиши ; сбиваемая съ пути , она шѣмъ упорнѣе спремилась противъ волнъ, какъ женщина, гораздо болѣе Океана упрямая и спорливая. Но, наступила ночь ; ураганъ удвоилъ свою ярость , спаль бѣшенъ , неукротимъ. Ежеминутно ударяли волны его въ палубу , капились по ней , обливали ее, переливались черезъ нее. Нашъ превосходный корабль могъ еще сражаться ; борьба еще неупомила его ; смѣло шель онъ на бившу, и съ моремъ

и съ бурей. Но Пендлешонъ предпочелъ осторожность отвагѣ. И вопль, спустивъ свои верхніе паруса, Океанія пошла по волнамъ тихо, смиренно, хотя быстро, легко, почти незамѣтно. Эта новая походка дала кораблю болѣе увѣренности, движенія менѣе быстрыя. Казалось, что Океанъ смиловался надъ его послушаніемъ, и согласился не качать его такъ жестоко, что качка сія была почти невыносима. Меня это порадовало шѣмъ болѣе, что при упорной борьбѣ корабля съ волнами, я терзался несносною тошнотою.

Казалось, конца небудетъ этой свалкѣ стихій. Уже двое сутокъ продолжалась она, и ничто не показывало намъ никакого облегченія. Болѣе полупораспа льѣ сбило насъ въ спорону съ нашего пуши. Филипсъ не выдержалъ болѣе. «Чтобы тебѣ легко не было, вѣтерокъ Нордъ-вестовый!» заговорилъ онъ—«полпори тебѣ бомбы! что ты—аль бѣлены объѣлся? аль согласился съ Пендлешономъ довести насъ до какого нибудь гидрографическаго открытія? Посылаешь насъ на закуску морскимъ рыбамъ, что-ли? И вѣдь надо-же на бѣду: теперь этому вѣтру совсѣмъ не время, и въ этой споронѣ его никогда не бываетъ! Охъ! чтобы ему подавиться кишомъ, этому Нордъ-весту! Двѣ недѣли мы пошеряемъ отъ его глупостей! И что ему мѣшались не въ свое дѣло—*goddam!*»

Но Филипсъ могъ браниться, сколько угодно. Нордъ-вестъ его не слушался, шумѣлъ сильнѣе его. Сдѣлалась перемѣшка. Филипсъ надѣялся выиграть,

поворошомъ на другой бокъ (lof roug lof). Но шумъ оиашь принялся въпры порывами ошъ N. O., съ безпресшаннымъ громомъ, съ молнією, съ дождемъ. Это было несшернимо, даже и не Филипсу. Только послѣ недѣли совершенно прошивной нашему пуши прогулки, послѣ переборки всего, что только море и въшеръ предспавляющъ сшрашнаго, буря ослабѣла, въшеръ перепрыгнулъ ошъ юга, и пошомъ мало по малу принялъ направленіе ошъ Ю. В., обыкновенное въ здѣшней споронѣ. Мы сдѣлали 400 льѣ въ спорону, обогнувши почши въ 45° уголъ, прошивъ прямой линіи ошъ Нукагива къ Таиши.

Все это, по видимому, недѣлало большаго впечатлѣнія на нашего Пендлешона. Одаренъ-ли онъ былъ въ высочайшей сшепени рѣшишельностью на все, эшою оприцашельною, но драгоцѣнною для моряка добродѣтелью? Вывелъ-ли онъ какой нибудь порядокъ новыхъ соображеній изъ нашей непріятной оспановки? Я незналъ ничего, но только видѣлъ лицо его шакъ-же спокойнымъ, какъ физіогномію Филипса совершенно сбшою съ шолку. Мы разговорились объ эшомъ. «Да, что-же прикажете дѣлать?» возразилъ мнѣ Пендлешонъ. «Нравъ Океана походитъ на нравъ женщины, вздорливой, прихотливой, кошорой сегодня нравишся шо, чего завшра она шерифъ неможешъ. Всего лучше объ немъ незабошишся, пошому что шакъ, или сакъ, а онъ свое возмешъ. Вотъ почему, хороша-ли, дурна-ли погода, мнѣ все равно. Въ морской жизни всегда плачь со смѣхомъ и

смѣхъ со слезами. Если море спокойно, и вы на него положились, задремлете — берегитесь: какъ Юдиѣ, оно опрубитъ вамъ, не голову, а мачшу, что хуже потери всякой головы! Если оно сердится, и вы съ нимъ спорите, спойте прошивъ него, лучше инаго ушеса — помаленьку оно смирился, перестанешъ шалишь и поладишь съ вами. Вотъ вамъ моя морская философія. До Филипса она не дошла. Его мапрозская корка слишкомъ толста, да съ нимъ и толковать нѣчего! Бранитъ-ся ему здорово — пусть бранится!

Съ удовольствіемъ слушалъ я здравыя сужденія моего лихаго капишана. Онъ продолжалъ:

«Впрочемъ, повѣрьте — во всемъ есть своя добрая сторона. Случай всегда служилъ мнѣ лучше всякаго разсчета. Если мнѣ приходилась удача въ моей кочевой жизни—право, случаю бывалъ я эшимъ обязанъ. Если у меня на спарость опложено 50,000 доллеровъ въ Нью-Йоркскомъ банкѣ, если у эшого янки Филипса, кошорый безпреспанно жалуется, и по привычкѣ кричитъ что онъ раззорился, есть хорошенькій домишко въ Массачузетѣ, гдѣ живутъ его жена и ребятишки—все эшо доспалось мнѣ и ему не экспедиціей напередъ разсчитанной, не разсчетомъ на-досугѣ. Все что называютъ вѣрною фактурою, выводомъ изъ прейсъ-кураншовъ, балансомъ по шорговлѣ, все эшо, почти всегда, пущья зашѣи. Считаютъ такъ, а на дѣлѣ иначе, и практика дурачитъ теорію. Общіе выводы необходимы, но дробь сглаживаетъ счастье. Знаете-ли, что разбишю корабля одолженъ я былъ однажды пол-

нымъ грузомъ припанговъ, на кошоромъ выигралъ за три курса, самые счастливые? Изломанныя мачты, якоря, изгрызенные моремъ, печь, изорванные снасти — сколько разъ все это наводило меня на обѣшованныя земли въ эсихъ мало извѣстныхъ моряхъ! Вотъ что заставляеиъ меня спокойно слушатиъ всякаго случая, бури, тишины, всѣхъ морскихъ прихостей. И шеперь—видите гдѣ мы: насъ перекинуло подъ 25° южной широты и 127° 30' долготы западной, почти къ восточному краю архипелага Помонускаго. Чшо-жь за бѣда въ такой разгулкѣ? Судьба позволяеиъ намъ переглядѣиъ всю эту кучу островковъ, запасиись шупъ черепахами, припангами, можеиъ быиъ, сокровищами! Можеиъ быиъ—мы успѣемъ спасиь какой нибудь погибающій корабль—это дороже всякихъ сокровищъ! Можеиъ быиъ, мы увидимъ, опредѣлимъ мѣль, ушесъ, поставимъ ихъ на каршу, и спасемъ будущихъ нашихъ товарищей въ путешесивіяхъ по Океани. Провидѣніе даромъ ничего недѣлаеиъ — во всемъ скрыта мысль, видимая, невидимая, очевидная, шайная, но мысль—вездѣ и всегда. Я вѣрю этому.»

—Капишанъ — сказалъ я — вы чудо-человѣкъ, съ благородною душою, добрымъ сердцемъ!

« Полно-те льспишъ, любезный товарищъ» — отвѣчалъ Пендлешонъ—я чесный человѣкъ и хрисіанинъ — шолько.»

Нашъ разговоръ продолжился. Неговорливый оиъ природы, Пендлешонъ бывалъ словоохотенъ, когда это выходило случайно. Онъ признался мнѣ шупъ, что почишаеиъ меня доспаиочнымъ предлогомъ

оправдать наше уклоненіе въ спорону съ прямаго пуши : пользуясь имъ, я буду имѣть случай посмотришь на Помошускій архипелагъ, кошорый безъ шого осшался-бы у насъ въ споронѣ. « Мнѣ жаль, даже, » сказалъ Пендлешонъ, « что неподвинуло насъ еще восшочнѣе, и вы не можете шеперь видѣть двухъ единшвенныхъ острововъ восшочной Полинезіи, остающихся у насъ довольно далеко на восшокъ къ Американскому берегу: эшо *Салазь-и-Гомезъ* и *Вайгу* (островъ Пасхи) ». Дѣйшвишельно — онъ эшого былъ промежушокъ въ моемъ Океанійскомъ спранспивованіи, и я просилъ Пендлешона, нѣсколько разъ шамъ бывавшаго, дополнишь мнѣ рассказомъ шаконъ недосшашокъ. Эшо подширекнуло словоохотливостъ моряка, и онъ рассказаль мнѣ исторію эшой небольшой купы, сношенія шужемцевъ съ Европейскими мореплавателами, Голландцемъ Роггевейномъ, Англичаниномъ Кукомъ, моимъ землякомъ Лаперузомъ и Рускимъ Коцебу. Я спѣшилъ все записать подъ его дикшовку, и не подъ однимъ эшимъ ошрывкомъ слѣдовало-бы мнѣ посшавишь имя Пендлешона, если-бы ошличать все, чѣмъ обязанъ я въ моихъ замѣчаніяхъ моему доброму и опышному Американцу.

Salas y Gomez есть ничто иное, какъ безобразная куча ушесовъ, необишваемыхъ, ошкрытая въ 1793 году Испанскимъ мореплавателемъ, по имени кошораго она называется. Другой Испанецъ описаль ее въ 1805 году. Коцебу въ 1816-мъ, Бичей въ 1826 году, являлись шуть въ свой чередъ и подходили

довольно близко. Положеніе острова опредѣлено хорошо — $26^{\circ} 28'$ ш. ю. и $107^{\circ} 41'$ долг. зап. —

Островъ *Вайгу* совсѣмъ другое. Извѣстный у Англичанъ подъ именемъ *Eastern Island*, у Французовъ подъ названіемъ *île de Pâques*, онъ былъ открытъ 6-го Апрѣля 1722 года, Голландскою эскадрою адмирала Роггевейна (*Roggeween*), причемъ дали ему имя въ честь свѣтлаго праздника, въ копорый случилось его открытіе, *Paashaen* по-Голландски, *Easter* по-Англійски, *Pâques* по-Французски. Едва завидѣли островъ, какъ къ кораблю Роггевейна подплыла лодка; въ ней былъ дикарь, высокаго роста, веселаго характера, счастливой физіогноміи. Онъ вскарабкался на палубу, гдѣ приняли его ласково; подарили ему кое-какихъ бездѣлокъ — онъ повѣсилъ ихъ себѣ на шею; дали ему ѣсть — онъ ѣлъ славно; поподчивали его виномъ — онъ не пилъ его и выплеснулъ себѣ въ лицо. Словомъ, онъ былъ большой шутникъ и проказникъ, кривляка, какъ обезьяна — прыгалъ, болталъ, передразнивалъ всѣхъ. Когда наступилъ вечеръ, гости едва могли спровадить въ его лодку. Осправясь къ берегу, онъ кричалъ во все горло: *Одоррага, одоррага!*

На другой день экспедиція спала у берега. По приморью, уславленному идолами, врытыми въ землю, пѣснилась изумленная и любопытствующая толпа. Начали знакомство съ дикарями, ошоружно, съ недовѣрчивостью, копорая въ послѣдствіи оправдалась. Въ тотъ-же вечеръ, по какому-то предлогу, одинъ Голландецъ выстрѣлилъ изъ ружья

и убилъ оспровишянина. Началась битва. Роггевейнъ самъ поспѣшилъ на берегъ, со 450-ю солдатами и машрозовъ. Онъ велѣлъ стрѣлять въ дикарей, недопускавшихъ высадки. При первомъ залпѣ былъ убитъ бѣдный проказникъ, увеселявшій наканунѣ Голландцевъ. Урокъ былъ шяжкій и достапочный. Желая умиласпивишь грозныхъ пришельцевъ, дикари повергли къ ногамъ ихъ оружіе, подарки, разные припасы, даже отдавали Голландцамъ женъ своихъ, умолая о пощадаѣ.

Тогда усшановился постоянный миръ, явилась большая дружба. Голландцы осмошрѣли оспровъ. Земля была хорошо обрабошана; поля огорожены и раздѣлены; каждое семейство занимало свою хижину. Спроенія были ошъ 40-ка до 60 фушовъ въ длину, и 8-мъ и 40 фушовъ въ ширину. Спроили ихъ изъ кольевъ, вопкнушыхъ въ землю, обмазанныхъ глиною, или грязью, и покрывшихъ сухою шравою. Дикари гошовили кушанье въ глиняныхъ горшкахъ — хошъ эшо почти невѣрояшно. Свины водились на оспровѣ.

Живые, ловкіе, сильные, оспровишяне казались крошки, пріашны, скромны, даже робки. Цвѣшъ кожи походилъ у нихъ на Испанскій; нѣкошорые были почти совсѣмъ бѣлы. Тѣло у всѣхъ дикарей было испещрено рисунками пшиць и живошныхъ. Женщины, лукавыя и довольно красивыя, казались весьма расположенными къ Европейцамъ. Мы упоминали объ огромныхъ идолахъ, по приморью разставленныхъ; они казались предметомъ особеннаго почшенія дикарей, изъ кошорыхъ иные особенно

находились при нихъ; но были жрецы, по мнѣнію Роггевейна, ибо оплечались онѣ другихъ дикарей большими серьгами, бришыми головами, и головными уборами изъ бѣлыхъ и черныхъ перьевъ. Идолы были прегромныя, вырублены изъ камня, и имѣли нелѣпую фигуру человѣческую. Вокругъ каждаго находилась площадка, вымощенная бѣлымъ камнемъ.

Безпокойная западнымъ вѣтромъ, Голландская экспедиція удалилась, и объ островѣ Пасхи ничего не было слышно до временъ Кука, который проспоялъ при немъ восемь дней, въ Мартѣ 1774 года. Преданіе о спрашномъ наказаніи онѣ пришельцевъ сохранялось еще между дикарями, и Англичане не были принуждены ссориться съ ними. Кукъ и ученые спутники его Форстеры могли по волѣ сдѣлать всѣ необходимыя замѣчанія, для поясненій географіи мѣстной.

Германскаго наблюдателя поразило особенно одно общешельство — малое число женщинъ, въ сравненіи съ числомъ мужчинъ. Даже во внутренности острова такое замѣчаніе оправдывалось очевидностію, и Форстеръ думалъ, что дикари должны современемъ здѣсь истребиться. Онъ открылъ еще, что туземцы говорили нарѣчіемъ Таитскаго языка. Съ Кукомъ былъ Таитянинъ Гиди-Гиди (Оедидей) и онъ могъ разговаривать кое-какъ съ жителями. Начальникомъ острова и селенія былъ тогда нѣкто Тоги-Таи. Власъ его казалась весьма ограниченою, и онъ больше совѣщивалъ, нежели приказывалъ. Туземное имя острова,

до тѣхъ поръ мало извѣстное , было, слѣдуя Форстеру *Вайгу*, а по мнѣнію Кука *Тапи*.

Островъ показался Форстеру вообще безплоденъ , почти сплошь покрытъ темными , черными и красноватыми каменьями, губчатого свойства и происхожденія очевидно вулканическаго. Главное произрастеніе составляли злаки (*graminée*), росшіе пуками лисневъ, столь скользкихъ, что съ прудомъ можно было ходить по нимъ непадая. Впрочемъ , почва была желѣзистый шугъ , и основныя скалы острова недопускали произрастенія ни травъ , ни расленій. Нигдѣ незамѣтно было ничего , что стоило-бы назваться деревомъ. Главнѣйшее составляли: бумажная шелковица, употребляемая , какъ на Тапи , для выдѣлки тканей ; родъ недошроги, съ краснымъ, крѣпкимъ, тяжелымъ деревомъ, но искривленнымъ, уродливымъ, толщиною не болѣе 3-хъ дюймовъ въ окружности, рѣдко достигающимъ 7-ми футовъ въ вышину ; нѣсколько деревьевъ *hibiscus populneus* , небольшихъ, благоцвѣща и ломкихъ , съ листьями, похожими на ясеневые. Но несмотря на недоспашокъ пригоднаго дерева , у дикарей были однакожь лодки , и это доказываетъ, что либо изслѣдованія Форстера были неполны и неспочны , либо что колоды приносило сюда опъ времени до времени моремъ.

На всемъ островѣ не было ни ручья, ни попока, ни ключа. Вонючую воду добывали въ болотѣ и дикари пили ее. Впрочемъ, насажденія были у нихъ хорошо содержимы , и состояли изъ полей съ пататами , иньямами, пыквами, бананами, сахарнымъ

шросшникомъ и однимъ родомъ соланума, или морелли. Курицы, единственное изъ замѣченныхъ домашнихъ живошныхъ, были малочисленны, невелики и худы. Полагали, что дикари ѣдятъ крысъ. Пшицъ земныхъ видѣли немного, и рыбная ловля казалась необильною. Кукъ и Форсперъ полагали число жишелей до 900 человекъ; но какъ они замѣшили мало женщинъ, вѣроятно, скрывавшихся, то и должно думать, что такой цифръ далеко невыражалъ дѣйствительности.

Мужчины были шапуированы съ ногъ до головы; женщины менѣе, но оба пола расписывали себя красною и бѣлою краскою. Одежда мужчинъ состояла обыкновенно въ маленькомъ передникѣ, привязанномъ веревочкою вокругъ шѣла. Но иные, и женщины особливо, завершывались большимъ лоскушомъ шкани, покрывая себѣ ноги другимъ лоскушомъ поменѣе. Мужчины носили иногда на головѣ родъ діадемы, убранной перьями, а женщины надѣвали калпаки соломенные, съ ошпримъ верхомъ. У женщинъ и мужчинъ нижняя часть ушей была безобразно разрѣзана и опшпануша, даже на два, на шри дюйма къ низу; въ эти дыры вспавляли пучки бѣлаго пуха, перья, кольца изъ разныхъ вещей.

Жалкія хижины шуземецевъ состояли изъ жердей, вошкнушыхъ въ землю, въ нѣкоторомъ распояніи одна опъ другой, согнушыхъ и связанныхъ верхними концами, такъ, что изъ этого образовывался родъ свода; посрединѣ поддерживали его жердочки, прямо поставленные, и все было покрыто

справою. Выходило что-то похожее на опрокинутую длинную корзину, 6-ти, или 8-ми фузовъ шириною, и фузовъ 5-ть, или 6-ть вышиною. Входъ былъ такъ узокъ, что пролѣзали въ него ползкомъ. У нѣкоторыхъ жилищъ, до половины состоявшихъ изъ землянокъ, сводъ состоялся изъ складенныхъ одинъ на другой каменьевъ. Входъ въ такія жилища шужемцы воспрещали Англичанамъ, и пошому Кукъ полагалъ, что это были гробницы.

Лучше Роггевейна, Кукъ видѣлъ и описалъ огромныя каменныя статуи, главную достопамятность острова Вайгу. Открылось, что это не идола, но древніе памятники, воздвигнутые въ честь какихъ-то знаменитыхъ шужемцевъ. Памятники сіи находились на разныхъ мѣстахъ острова; тамъ и сямъ разбросанные обломки другихъ показывали, что нѣкогда число ихъ было гораздо большее. Ничто не могло дать понятія объ этихъ уродливыхъ произведеніяхъ непоспѣжимаго искусства, кромѣ изображенія. Вообразите каменныя, грубо описанныя громады камней, отъ 10-ти до 15-ти, даже до 20 фузовъ въ вышину; человѣческую рожу, съ глазами, похожими на эллипсисъ, поперегъ головы, съ носомъ, безъ лба, короткою шеею, превеликими ушами, съ очеркомъ грубыхъ, прямыхъ волосовъ, съ плечами, едва обозначенными, безъ рукъ, безъ ногъ. Наверху особенное прибавленіе — огромный камень, родъ Египетской шапки, странной формы, какъ будто короны, или шляпы, украшенія, или шажеспи — Богъ въспѣ! Такова являлась любо-

пышная общность памятниковъ. На иныхъ шапка, въ видѣ каменнаго цилиндра, 4-хъ, 5-ти фузовъ въ діаметрѣ, составляла почти прѣшь цѣлой вышины сшапуи. Видя Англичанъ, подходящихъ къ площадкамъ, окружавшимъ памятники, казалось, шуземцы изъявляющъ неудовольствіе. Они просили чужеземцевъ ошойдши. Общее именованіе сихъ монументальныхъ изваяній было *Анга-Табу*, но многія изъ нихъ имѣли особенныя названія: *Томо-Аи*, *Томо-Ери*, *Гугу*, *Мара-Гейна*, *Ума-рива-Вина-пу*, что вѣроятно, означало имена людей, въ чью память сшапуи были посвящены. Ни одинъ изъ сихъ памятниковъ не могъ бытъ дѣломъ современнымъ. Бѣдное состояніе дикарей не могло дать имъ никакихъ средствъ къ трудамъ столь огромнымъ. Простыя надгробія изъ камней, обмазанныхъ извѣсткою, замѣняли подобныя сооруженія монументовъ изумишельныхъ. Во все продолженіе бытности здѣсь Англичанъ, никакихъ признаковъ религіи и богослуженія сшапуямъ замѣчено не было, и этимъ опровергалась мысль Роггевейна. — Все оружіе оспровишанъ состояло изъ длинныхъ и короткихъ головоломовъ, изваянныхъ съ одного конца, и нѣсколькихъ копьевъ, украшенныхъ на концахъ кускомъ лавы.

Таишянинъ Гиди-Гиди, сопровождавшій сюда Кука, изложилъ въ крапкой, но вѣрной замѣшкѣ на память впечатлѣніе, произведенное на него оспровомъ Вайгу: « *Таата маитан*, *Венуа ино* (люди добрые, а земля злая). » Дѣйствительно, безплодіе земли долженствовало бытъ причиною упадка Вайгу, ибо древнія огромныя сшапуи, и домъ, видѣн-

ный Форстеромъ, превосходно сложенный изъ широкихъ камней, показывали прежде бывшее здѣсь образованіе, исчезнувшее для насъоящихъ обитателей.

Въ свою очередь, 9-го Апрѣля, 1786 года, Лаперузъ остановился, подобно Куку, на западномъ берегу Вайгу, и пробылъ тутъ около сутокъ. На сей разъ видѣли женщинъ много, и мужчины весьма непохвальный поргъ. За то Французскіе маэпрозы несердились, когда дикари учинили нѣсколько примѣровъ дерзкаго воровства. Только одному изъ воришекъ, самому смѣлому, досталось нѣсколько дробинъ въ догонку.

Ученые, бывшіе при экспедиціи, дополнили и пояснили своими изслѣдованіями замѣчанія предшественниковъ. Число жилищей полагали тогда до 2000. Увѣрились, что каменные подземелья, видѣнные Кукомъ, были жилища, а не гробницы. Осмотрѣли подлѣ приспани хижину, въ 340 футовъ длиною, построенную, какъ всѣ другія, но по величинѣ своей служившую мѣстомъ пребыванія для цѣлаго селенія. Измѣряли и описали спашуи, уже и прежде измѣрянные и описанные, и кромѣ того каменный парапетъ какой-то, въ 380 футовъ длины и 320 ширины. Окончательно утвердили, что было здѣсь нѣкогда образованіе древнее, отъ котораго уклонились насъоящіе островитяне, но которое запечатлѣлось слѣдами очевидными и безспорными. Лаперузу принадлежишь открытіе, ускользнувшее отъ вниманія другихъ: онъ пашель

древній краперъ попухшей огнедышавшей горы. Форма его походила на сръзанный конусъ, столь обширный, что верхняя часть составляла почти миль двѣ окружности. Низъ, образуя дно крапера, былъ зашопленъ болошомъ, въ углубленіи почти на 800 футовъ. Сторона крапера къ морю была разрушена на прѣшь всей вышины. Долину, проспирравшуюся у подошвы волкана, прекрасную и плодородную, покрывали насажденія банановъ и бумажной шелковицы. На боку крапера была видна полуразрушенная снатуя.

Кукъ и Лаперузъ опредѣляли пространство острова въ 36 миль окружности. Онъ усѣянъ горами, видимыми за 12-ть и 15 льё съ моря. Берега безопасны, но недоспаетъ добраго якорнаго мѣста. Кукъ и Лаперузъ спояли оба въ приспани, опкрышой всѣмъ въпрамъ сѣвера и юга, начиная съ западной стороны.

Вся эта первая эпоха знакомства съ жишелями Вайгу, столь дружески и ласково принимавшими Европейцевъ, кажется, кончилась съ Кукомъ и Лаперузомъ. Коцебу не могъ уже похвалиться дружбой Вайгусцевъ, и такую перемѣну приписывалъ онъ злодѣйствамъ и насилію, которыя позволили себѣ многіе изъ бродящихъ Европейскихъ шкиперовъ противъ бѣдныхъ жишелей Вайгу. Онъ собралъ свѣдѣнія объ одномъ изъ событій сего рода. Американскій шунеръ *Нанси*, изъ Нью-Лондона, зашелъ, въ 1805 году, къ острову *Мазафуэро* (Mas à Fuero), близъ Жуанъ-Фернандеза, между Амери-

канскимъ берегомъ и Вайгу. Тамъ шкиперъ произвелъ удачный ловъ тюленей, и продалъ шкуры ихъ выгодною цѣною въ Каншонъ. Желая воспользоуаться такою находкою, рѣшился онъ поселить нѣсколько промышленниковъ на Мазафуэро. Самъ онъ не могъ тамъ остановиться надолго, по причинѣ неудобной стоянки, не могъ и отдѣлить людей изъ своего экипажа. Безсовѣстный рѣшился употребить въ свою пользу бѣдныхъ Вайгусцевъ. Корабль его счалъ у береговъ Вайгу. Но дикари воспротривились, дрались ошчаянно, не смотря на превосходство оружія непріятелей, и шкиперъ едва могъ захватить только десять мужчинъ. Ихъ заковали въ кандалы, и дали имъ свободу, когда Вайгу уже пропалъ изъ виду. Но ошчаянные дикари не думали о погибели, и какъ будто сговорясь, всѣ мгновенно бросились въ море. За ними хотѣли броситься и дикарки, но ихъ удержали. Между тѣмъ, соединясь въ морскихъ волнахъ, несчастные Вайгусцы, по видимому совѣщались нѣсколько времени о томъ, куда имъ плыть? Частъ ошправилась прямо въ направленіи къ родинѣ; другіе обратились совсѣмъ въ другую сторону. Американцы поспѣшали за ними въ шлюпкахъ, хотѣли ловить, спасать бѣглецовъ, но стараніе было тщетно. Едва шлюпка догоняла кого нибудь изъ дикарей—онъ нырялъ въ глубину, какъ рыба, и выплывалъ далеко въ сторону. Шкиперъ предославилъ бѣдняковъ ихъ жребію, и только однихъ дикарокъ увезъ на Мазафуэро. Подобныя происшествія повсорялись неоднократно.

Можно понять, что столь безчеловѣчныя дѣйствія должны были сдѣлать Вайгусцевъ недоувѣрчивыми. Пошому всякаго кишолова, къ нимъ при-
сшававшаго, они вспрѣчали непріятельски. Довольно упомянуть объ ихъ бишвахъ съ капишаномъ Александромъ Адамсомъ, начальникомъ Гавайскаго брига *Каагу-Ману*, въ 1806 году, и съ капишаномъ Вейншипомъ, командиромъ *Албатросы*, въ 1809 году.

Русскій мореплаватель Коцебу ничего этого не-
зналъ, когла спалъ у Вайгу, 28 Марта, 1816 года, съ небольшимъ кораблемъ своимъ *Рюрикомъ*. Ди-
кари вздумали погубить его вѣроломствомъ. Они
выплыли на вспрѣчу его весело, привезли плодовъ
и кореньевъ, мѣняя ихъ на желѣзные подѣлки. Но
когда Рускіе хотѣли выйдти на берегъ, на нихъ
бросились шолпою, спали ихъ бишь, грабятъ. На-
добно было защищаться. Нѣсколькими ружейными
выспрѣлами разогнали нападавшихъ, но они воро-
пились снова, пустили шучу каменевъ, и Коцебу
приказалъ поспѣшно плыть назадъ, боясь, что въ
неравной бишвѣ переломающъ всѣ ребра. Онъ не-
медленно отправился въ пущь, и шолько успѣлъ
замѣтитъ, что прибрежныя огромныя спашуи всѣ
свалились съ своихъ подножій.

Послѣ него, кажется, шолько Бичей привезъ нѣ-
сколько новостей о житъѣ-бытѣ островишанъ,
дополнивъ обзорѣніе и самой земли ихъ. Это бы-
ло въ 1826 году. Бичей обошелъ сѣверную оконеч-
ность Вайгу, до шѣхъ поръ худо осмолрѣнную
его предшественниками. Тутъ лучше можно было

разглядѣвъ геологическій составъ острова. Бичей ясно видѣлъ крашеры вулкановъ, поухшіе и поросшіе зеленою, за исключеніемъ только одного, близъ С. В. края. Берега казались безплодны, но долины хорошо обработаны. Въ одной изъ нихъ можно было различить длинныя хижины, окруженныя другими маленькими, и высѣявшіяся сквозь зелень банановъ. Замѣтили еще морай, съ четырьмя идолами на помостѣ, составлявшемъ большую каменную огорожу, на которой видѣлись какіе-то бѣлые камни.—Пока Англичане лавировали такимъ образомъ около острова, дикари слѣдовали за ними по одной дорогѣ съ кораблемъ, только описывая кругъ меньше. Одни были нагіе, едва прикрытые маро; у другихъ были наброшены на плеча рогоженныя плащи.

Достигнувъ гавани, гдѣ останавливался Кукъ, Бичей послалъ двѣ хорошо-вооруженныя шлюпки начать сношенія съ дикарями. Казалось, что туземцы были въ добромъ расположеніи. Они вплавъ пустились къ шлюпкамъ, послѣдуемые своими женами, и съ разными припасами для промѣна. Шлюпки были уже недалеко отъ побережья, когда къ нимъ подплылъ человекъ, на плечахъ кошораго сидѣла дочь, прехорошенькая дѣвушка. Пловецъ посадилъ свою красивую ношу въ шлюпку, и просилъ Англичанъ удостоить ее своимъ вниманіемъ. Дикарка стоила его рекомендаціи, была прелестна, съ прекрасными черными глазами, съ длинными черными волосами, ниспадавшими на ея смуглыя плечи. Подъ глазами было у нея немного шашуировано,

но гораздо болѣе шапуажа являлось по шѣлу, опѣ поясницы до колѣнъ, какъ у другихъ дикароковъ. Тушъ наколено было множество полосокъ, шакъ близко, что въ опдаленіи можно было почесать эшопъ шапуажъ узкою исподницею. Едва красивая плушовка вскочила въ лодку, она схватила, безъ дальнихъ церемоній, мундиръ одного офицера, и надѣла его на себя, какъ попало. Воровство и грабежъ кажутся шесшымъ врожденнымъ чувствомъ Вайгусцевъ; они родятся ворами. Посланные Бичеемъ узнали эшо самымъ неожиданнымъ образомъ. Несмотря на ласковое начало, едва шлюпки коснулись берега, дикари бросились на Англичанъ и старались схватить что только можно было. Въ нѣсколько минутъ они содрали-бы съ гостей своихъ даже плашье, еслибы гости не спали защищаясь опѣ неучивыхъ хозяевъ. Но шѣмъ дѣло некончилось. Дикарь, что-то въ родѣ старшины, прибѣжалъ съ толпою народа, вооруженнаго дубьемъ, и звукъ военной трубы, вмѣсто которой дикари употребляютъ раковину, подалъ знакъ начала опкрышой битвы. Наглому старшинѣ сдѣлали небольшой подарокъ. Онъ остановилъ шоварищей. Прошло съ четверть часа мирно, но вдругъ всѣ женщины удалились и дикари бросились въ драку. Дѣйствіе каменьева, дропиковъ, головоломовъ было столь жестокое, что начальникъ Англійскаго опряда приказалъ поскорѣе опспушать къ шлюпкамъ. Опсюда спали спрѣляшь, и наглый старшина, зачинщикъ смяшенія, былъ убитъ первый. Несмотря на сей урокъ, невозможно было удержатъ-

ся прошивъ множества, и Англичане поспѣшили опплыть къ кораблю. « Всѣмъ, кто ни былъ на шлюпкахъ—говоритъ Бичей—доспалось по нѣсколь- ку ушибовъ каменьями; многіе были даже очень жестоко ранены, но ни одинъ не умеръ. Со споро- ны пуземцевъ, кромѣ вышеупомянутаго спаршины, еще одинъ дикарь поплашился жизнью. »

Бичей помѣстилъ однакожь въ журналъ своемъ весьма выгодное описаніе шѣлеснаго сложенія оспровишянъ, въ копорыхъ нашелъ онъ большое сходство съ Ново-Зеландцами. « Это красивая по- рода — говоритъ онъ—особливо женщины, съ ихъ овальнымъ лицомъ, правильными черсами, высокимъ, ровнымъ лбомъ, прелесными зубами, черными гла- зами, хопя маленькими и нѣсколько впалыми. Цвѣтъ кожи немного свѣплѣе цвѣта Малайцевъ. Общая форма шѣла весьма правильна; члены немускулисты, но показывающъ однакожь ловкость и крѣпость. Черные, какъ смоль, волосы сѣдѣющъ у Вайгусцевъ только въ глубокой старости.—По наблюденіямъ Бичея, заливъ, гдѣ оспанавливались онъ и Кукъ, находится подъ $27^{\circ} 9'$ ш. ю. и $144^{\circ} 45'$ д. з. — Самая высшая точка горъ оспрова воздвигается почти на 4400 фузовъ отъ морскаго уровня.

ГЛАВА LVI.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ ОСТРОВОВЪ НУКАГИВСКИХЪ КЪ ТА- ИТСКИМЪ. — ОСТРОВЪ ПИТКАИРНЪ.

Мы занимались еще нашимъ островомъ Вайгу, когда крикъ : Land (земля)! обратилъ наше вниманіе на окружавшее насъ море. Уже около десяти часовъ шли мы наспоющею нашею дорогою, на воспокъ. Тамъ завидѣли землю. Пендлемонъ по упру повѣрилъ хронометръ высокою солнца. «Прелестъ!» восклицалъ онъ, спѣша на палубу—«буря его не пошевелила ни на секунду — игрушечка, жемчужина — неопдамъ его за 2000 піаспировъ!» Таковъ былъ монологъ добраго мореходца, восхищеннаго своими морскими часами, эшимъ драгоценнымъ на морѣ инспрументомъ, вѣчно показывающимъ время шой земли, изъ кошорой направлень пушь корабля, время Парижа, Лондона гдѣ угодно—вѣчную испину, отккрышую въ новѣйшее время, споль уменьшившую и исправившую вычепы долгош. Ничто неизмѣняешся на эпомъ неподвиж-

номъ цыферблатѣ, хоть вы перейдете съ одного конца свѣта на другой — часъ полудня врѣзанъ шупъ, какъ средство сравненія на каждую минушу. Спрѣлка показываетъ шупъ время разлученныхъ съ вами, и вы можете съ нею переноситься въ кругъ вашихъ родныхъ, вашихъ друзей, не ошибаясь ни одною секундою въ счетъ часовъ, копорые счищаютъ они. Бѣдный скипалецъ чужбины — вы переселяетесь вашею мыслию туда, далеко — обманываеете шоску разлуки, эту временную смерть сердца для любви вашей. . .

Разумѣется, не такія саншменшальныя мечпанія заставили Пендлешона хвалишь свой хрономешръ. Онъ восхищался его исправносшью. По вычесамъ выходило, что мы должны увидѣшь островокъ *Дюси* (*Ducie*), и—вошъ онъ рисовался передъ нами въ шуманной дали. « Испанецъ Квирось опкрылъ его въ 1606 году—говорилъ мнѣ Пендлешонъ — и назвалъ островомъ *Воплощенія* (*Incarnation*). Англичанинъ Эдуардсъ опыскалъ его вновь въ 1791 году, и далъ ему нынѣшнее его имя. Другой Англичанинъ, Бичей подходилъ къ нему близко въ 1826 году, опредѣлилъ мѣсто его подъ 24° 40' ш. ю. и 127° 6' д. з., и хорошо осмошрѣлъ его. Это маленькій островишко, въ двѣ мили длиною, въ милю шириною, по разсказу Бичея, низкій необишаемый, покрышый высокимъ, въ 12, 15 фушовъ кустарникомъ. Посрединѣ его морской лагушь, или морское озеро, по видимому, глубокое, но почти недоступное опъ мѣлей. Рыбы, особливо акуль, бездна по коралловымъ мѣлямъ, сосшавляю-

щимъ опояску вокругъ земли. Если Вайгу и Савазъ-и-Гомезъ несчиташъ сюда принадлежащими, Дюси выходишъ крайняя почка подводныхъ возвышенностей, служащихъ основою волканическимъ островамъ Таиши и коралловымъ островамъ, которые извѣсны подъ собирашельнымъ названіемъ Помошу.»

Мы обошли мимо сѣверной стороны острова, и на другой день, 4-го Апрѣля, передъ нами открылась другая земля. « Это островъ *Елисаветы* — началъ опять свои замѣчанія Пендлешонъ — также открытый, какъ полагаюшъ одни, Квирсомъ, который назвалъ его San-Juan-Baptista (о. св. Іоанна Крестителя). Крузенштернъ, напрошивъ, говоришъ, будто Англичанинъ Кингъ первый открылъ его. Незнаю, кто правъ, но Бичей первый опредѣлилъ его положеніе — $24^{\circ} 24'$ ш. ю. и $130^{\circ} 38'$ д. з. — Безспорно, но онъ-же называешъ его *Гендерсономъ*, и при томъ споришъ, что первымъ открытіемъ его обязаны мы несчастнымъ плавашелямъ, бывшимъ на кораблѣ *Эссексъ*, который въ 1820 году, былъ здѣсь разбишъ китомъ. » —

— Какъ? Что такое? Китомъ!

« Исторія довольно странная, и споишъ того, чтобы разсказать ее. Случилась она съ шкиперомъ Георгіемъ Поллардомъ, отважнымъ, добрымъ морякомъ, достойнымъ всякаго вѣроятія.

« Начальствуя надъ китоловнымъ кораблемъ *Эссексъ*, Поллардъ находился, 20-го Ноября 1820 года, близъ экватора, подъ 420° » долгош. Принялись

за промыселъ китовъ. Два изъ этихъ морскихъ великановъ были уже ранены острогами, и корабельныя лодки, какъ обыкновенно, преслѣдовали и поимали ихъ.

« Никакой опасности непредвидѣлось, когда вдругъ, около полудня, китъ, необыкновенной величины, словно бѣшеный, устремился къ кораблю, какъ будто хотѣлъ мстить за своихъ братьевъ, и такъ сильно ударилъ хвостомъ своимъ по кормѣ корабельной, что корабль содрогнулся въ своемъ основаніи. Но еще онъ удержался на сей разъ. Непрошло часа — то-же чудовище возвратилось снова, изъ всѣхъ силъ ударило въ бокъ корабля, проломило корабельную стѣну, и опроверженіе было такъ велико, что пріюмъ тотчасъ наполнился водою. Погибель являлась неизбежная. Спустили скорѣе при шлюпки, наполнили ихъ припасами и снарядами, и двадцать человѣкъ несчастныхъ плавателей предалися волѣ вѣтровъ и моря. Въ первые дни, одна изъ шлюпокъ, съ семью человѣками, опшала опъ другихъ и объ ней ничего болѣе не слыхали. Двѣ остальныя, послѣ трехъ недѣль бѣдственнаго плаванія, терзаемыя бурями и пишиною чрпсали къ острову Елисаветы, кошорый вы видише передъ собою, и гдѣ ничего ненашли они кромѣ яицъ морскихъ птицъ. Надобно было погибнуть на этомъ безплодномъ утесѣ—шрое непоѣхали опсюда, опшались здѣсь; остальныя пуспились вновь по волнамъ. Состояніе поѣхавшихъ и оставшихся было равно опчаянное. Скоро находившимся въ шлюпкахъ нѣчего было ѣсть;

двое умерли отъ изнеможенія — товарищи съѣли
 иррупы ихъ. Когда эшимъ побѣждено было отвра-
 щеніе отъ ужаснаго ѣсна, при новомъ приступѣ
 голода рѣшились жершивовашь однимъ для спасенія
 всѣхъ. Бросили жребій. Онъ палъ на капитанскаго
 слугу. Несчастнаго убили и сожрали. Спрашнаго
 жребія невозобновляли, пошому, что одинъ изъ
 спутниковъ умеръ, и другіе пишались его пру-
 помъ. Среди сихъ ужасныхъ событій шлюпки раз-
 лучились и каждая была спасена отдѣльно. Плава-
 шели походили болѣе на привидѣнія, нежели на
 людей. Спасли и прехъ оставшихся на островѣ
 Елисаветы. Корабль нарочно посланъ былъ за ними.
 Три мѣсяца прожили они на необитаемой скалѣ
 эшой, пишаясь ппицами, кошорыхъ успѣвали пой-
 машь и нѣсколькими черепахами. Единственное
 убѣжище ихъ соспавляла пещера, гдѣ нашли они
 восемь скелешовъ человѣческихъ, какъ будто пред-
 вѣщаніе участи, ихъ самихъ ожидавшей... Не-
 счастливые рассказывали, что всего болѣе терзала
 ихъ жажда; прѣсной воды у нихъ небыло. Надобно
 было терпѣшь по пяши, во шести дней, пока отъ
 дожда накоплялось немного спасительной влаги въ
 ращелинахъ ушесовъ. Капитанъ Монпгоммери, на
 кораблѣ *Суррей*, взялъ ихъ, еле живыхъ. Но эшотъ
 бѣдный Поллардъ! Несчастье преслѣдовало его —
 другой корабль его разбился объ ушесъ вблизи
 Гаваевъ» . . .

« Да, чтобы обратишься къ острову Елисаветы,
 видише, что шрое бѣдняковъ могли осмопрѣшь его
 вполнѣ. Онъ съ миль ширины и миль пяшь въ дли-

ну. Берегъ его, какъ описюда можно различить, обрывистые утесы, фушовъ въ 50 вышины, подрываемые моремъ. Прибой дѣлаешъ ихъ почти недоступными. Основаніе острова мадрепоровый известнякъ, какъ равно и мѣли, на которой онъ находишся. Кажешся, волканическое дѣйствіе образовало все эшо. Въ сошнѣ брассовъ отъ берега, глубина не болѣе 25 брассовъ, но далѣе лотомъ въ 200 брассовъ нельзя доспашъ дна.»

«Вы видите зелень, покрывающую островъ, будто коверъ,» продолжалъ Пендлешонъ — «эшо кустарникъ и шрава, довольно низкія, но споль густыя, споль сплошныя, что даже шрудно пробрашъся по нимъ до вершины утесовъ. Самое высокое дерево изъ всего здѣшняго произрастанія панданъ; осшальное кустарники, деревцы, папороти, ползущія шравы. Ни одно не даешъ плодовъ, пригодныхъ для пищи.»

Пока мы разговаривали, Океанія шла бышпро, и мы пришли на линію острова (*travers de l'île*), гдѣ несчастные спутники Георга Полларда сполько пошерпѣли. Ночь скрыла его отъ насъ. На слѣдующій день явилась новая земля, пошому, что въ эшомъ мѣспѣ Южнаго моря, острова какъ въ рѣшешо насѣяны. Едва исчезаетъ одинъ — другой смѣняетъ его.

Островъ, появившійся передъ нами, былъ Питкаирнъ, недавно засшавившій говоришъ объ немъ въ Европѣ, маленькая, разнородная колонія, папріархально правимая Англичаниномъ Смишомъ, или Джономъ Адамсомъ. Пендлешонъ считалъ себя

въ долгу передъ этимъ спарикомъ. Въ одно изъ прежнихъ плаваній, Адамсъ такъ ласково принялъ его, такъ награди́лъ его на дорогу свиньями и живностью, что и теперь хотѣлось Пендлешону поблагодарить спарика за радушное гостепріимство. Едва легли мы въ дрейфъ передъ островомъ, какъ спущена была кишоловка. Самъ Пендлешонъ опсправился на ней, пригласивъ меня съ собою.

Пишкаиртъ совсѣмъ неказался такимъ мрачнымъ и дикимъ, какъ два острова, прежде него видѣнные нами. Эшо была игрушка, эдемъ, покрышый произраспаніемъ свѣжимъ и сильнымъ. Чѣмъ болѣе приближались мы, тѣмъ болѣе открывались передъ нами разнообразныя ландшафты, живописныя очерки земли, увлекашельныя красоты природы. Но среди сей живой природы, ни одна живая душа не появлялась. «Что съ ними сдѣлалось?» говорилъ Пендлешонъ. «Бывало, они топчасть сбѣгушся навспрѣчу мореплавателей. Ни одной лодки на морѣ, ни одного человѣка на берегу. Спранно!» Мы остановились въ маленькой бухтѣ, единственномъ мѣстѣ гдѣ островъ доступенъ во все протяжении своихъ скалъ, возносящихъ вершины къ небесамъ. Не безъ труда пробившись сквозь прибрежный бурунь, мы должны были взлѣзати на береговые утесы, фушовъ 200 вышиною. Тутъ открылся намъ свободный путь черезъ роши, состоящія изъ пандановъ, гибисковъ, бумажной шелковицы, драконоваго дерева, поинцій, церберовъ и кокосовъ, купами разсѣянныхъ всюду. Мы направлялись въ средину острова, гдѣ разспилается уеди-

ненная, шайншвенная долина, на кошорой разсе-
лилъ свою колонію Адамсъ. На каждомъ шагу, уди-
вленіе моего спутника увеличивалось. « Ихъ рѣ-
шишельно уже нѣтъ здѣсь!» вскричалъ онъ наконецъ.
Въ самомъ дѣлѣ: мы подошли къ селенію, изъ ко-
шораго былъ видъ на море, сквозь промежутки
рощи. Оно состояло изъ пяти домиковъ — жише-
лей невялялось ни одного. Мы громко кричали —
небыло отвѣта. Я полагалъ, не удалились-ли коло-
нисты въ лѣса, но явное запущеніе жилищъ въ ко-
шорыхъ не было уже никакой мебели и утвари,
разныя порчи, произведенныя при переборкѣ, все
показывало добровольное навсегда удаленіе ко-
лонистовъ. Пендлешонъ сомнѣвался: не было-ли
сюда нашествія, можешъ быть, дикарей съ окрес-
ныхъ острововъ? Но никакіе слѣды насилія не под-
тверждали подобной догадки. « А! » сказалъ тогда
Пендлешонъ — « они исполнили свое намѣреніе —
уже давно хопѣли они опшправиться на Таипи.
Зачѣмъ, бѣдняки? Вы шакъ счастливы были здѣсь! »

Мы сѣли въ шѣни великолѣпнаго пандана. Изъ
нѣскольکو пшичекъ, заспрѣленныхъ нами, и свиньи,
кошорая бродила съ другими неподалеку и была
убита нами, изготновили намъ обѣдъ. Пендлешонъ
разсказалъ мнѣ между шѣмъ исторію Пипикаирна.

Островъ былъ опкрытъ 2-го Іюля 1767 года,
Англичаниномъ Каршерешомъ, и названъ имъ по
имени мапроза, кошорый первый его увидѣлъ. При-
ближась на мило къ берегу, Каршерешъ немогъ
приснашь къ нему. Удовольствовались опредѣлені-
емъ положенія острова, ошиблись при семъ случаѣ

почти на три градуса долгошы, и объ Пишкаирнѣ пропалъ слухъ до приключенія, какое случилось съ капитаномъ Блеемъ (Bligh).

Блей былъ старый Куковскій *master*, грубый, угрюмый морякъ, особливо подражавшій своему бывшему начальнику въ немилосердомъ и жестокомъ обхожденіи съ подчиненными. Около 1787 года, его оправили изъ Англіи, на корабль *Boon-ty*, съ порученіемъ: перевезши изъ Таиши въ Англійскія Американскія селенія хлѣбное дерево, для разведенія тамъ. Октября 26-го 1788 года, Блей спалъ у Таиши, гдѣ экипажъ его корабля сильно подружился съ туземцами, особливо съ туземками. Препорученіе принялись исполнять; корабль нагружили, поплыли, и близъ острова Тофуа открылся заговоръ, издавна сославленный. Машрозы, и съ ними нѣсколько офицеровъ, возспали прошивъ капитана своего. Надобно сказать, что Блей — и это оправдалось въ послѣдствіи, когда онъ былъ губернаторомъ Новаго-Южнаго Валлиса — вывелъ всѣхъ изъ шептѣнія жестокимъ самоуправствомъ. Самъ онъ сознался, въ офиціальномъ рапортѣ о своемъ приключеніи, что начальниками заговора сдѣлались лейтенантъ Хриспіернъ и мичманы Гейвудъ, Юнгъ и Спюаршъ, до того бывшіе примѣромъ превосходнаго, безукоризненнаго поведенія. Нельзя оправдывать бунтовщиковъ—впрочемъ, они и поплашились за это, но каждый капитанъ долженъ имѣть въ памяти примѣръ Блея.

Заговоръ удался. Бросили въ большую шлюпку Блея и восемнадцать человекъ, оказавшихся ему вѣр-

ными. Мы ихъ найдемъ въ послѣдствіи. Двадцать пять человѣкъ бунтовщиковъ оспались на *Bounty*, и воропились къ Таишскому архипелагу. Дорогою коснулись они Тубуаи, острова, въ 120-ми льё на югъ отъ Таиши, и можетъ быть, поселились-бы шущъ, не пускаясь далѣе, если-бы шужемцы не встрѣшили ихъ непріязненно. Уже побывавши на Таиши, присовокупивъ къ себѣ Таишянъ, согласившихся ѣхать съ ними, бѣглецы снова пришли къ Тубуаи и ушвердились на немъ. Но колонизація непродолжилась и немогла даже основаться. Черезъ нѣсколько дней узнали о заговорѣ Тубуайцевъ, должны были драться съ ними, и вопреки совѣшамъ лейшенанта Хриспіерна, нерѣшились упоршвовашъ въ занятіи владѣнія, споль опаснаго. *Bounty* въ третій разъ пошелъ къ Таиши, гдѣ оспалась большая часть его экипажа, и черезъ два года была захвачена и испреблена Англійскимъ фрегатомъ *Пандора*, посланнымъ для опысканія бунтовщиковъ. Лучше разгадывая слѣдствія, Хриспіернъ, съ восьмью человѣками бунтовщиковъ, восемнадцатью Тубуайцами и Таишянами, и двѣнадцатью Таишянками, пушился въ море. Изъ множества острововъ, подлежащихъ вольному выбору, Хриспіернъ предпочелъ островъ Пиш-каирнъ. Тушъ свезли на берегъ все, что почли полезнымъ для поселенія, и попомъ сожгли свой корабль, 23 Января 1790 года, чшобы скрыть всѣ слѣды.

Оспашки моравъ и жилищъ засшавили сперва опасашься новыхъ поселенцевъ: не заселенъ-ли

осшровъ? Но, къ счасшью, опасеніе оказалось ложнымъ. Обще начали работашъ эши основашели Англо-Океанійской новой колоніи; поспроили домики; разчиспили землю. Но основаніе гибели положено было нарушеніемъ правъ товарищесшва. Англичане объявили себя господами, а бѣдныхъ Полинезійцевъ сдѣлали своими работниками. Они были принуждены прудиться и терпѣшь прищѣсненія своихъ мнимыхъ власшиселей. Несмошря на злоупотребленіе власши, миръ и тишина поддержались года съ два. Тутъ начались смяшенія—маленькое общество немогло ужиться! Оружейникъ Вилліамсъ лишился своей подруги, требовалъ другою и угрожалъ оставишь колонію, если неисполнятъ его желанія. Онъ былъ такъ необходимъ, что рѣшились опнишь насильно жену одного изъ Таишянъ и опдали ее Вилліамсу. Оскорбленные дикари возропшали, грозили мщениемъ. Подслушавъ пѣніе дикарокъ, узнали о заговорѣ дикарей. Двое изъ нихъ, главные зачинщики, убѣжали, но были догнаны и убиты въ лѣсу своими родичами, которыхъ шолько на шаконъ условіи рѣшились протшшишь Европейцы. Еще два года продолжился миръ. Но его нарушилъ шайный заговоръ, при чемъ пяшь Европейцовъ, и въ числѣ ихъ Хриспіернъ, были убиты дикарями. Эшо было знакомъ къ началу кровопролитій. Дикари, сдѣлавшіеся повелителями, были перерѣзаны вдовами Англичанъ, неушѣшными по умерщвленіи ихъ мужей. Въ Окшябрѣ 1793 года, на Пишкаирнѣ оставались шолько чешыре Англичанина, двѣнадцашъ женщинъ и нѣсколько дѣшей.

Недумайте, чтобы эпопей оспаюкъ нашелъ спокойствіе! Сначала Таипянокъ взяла нестерпимая жоска по опчизнѣ, и онѣ грозили смершью, если неопвезутъ ихъ на родину. Потомъ выдумали добывашъ крѣпкій напитокъ изъ корня *ти* (*dragacaena terminalis*), и это причинило смершъ одному изъ Англичанъ. Другаго убили сами поварищи, въ 1799 году, когда онъ силою захопѣлъ опнятъ жену одного изъ нихъ. Мичманъ Юнгъ умеръ опъ болѣзни, и изъ всего народонаселенія оспался наконецъ только одинъ Европеецъ, двѣнадцашъ при немъ женщинъ и девашнадцашъ дѣшей, изъ кошорыхъ инья были по 7-ми и 8-ми лѣшъ.

Пережившій всѣхъ своихъ поварищей Англичанинъ былъ *Смитъ*, но онъ въ послѣдствіи назвалъ себя *Джонъ Адамсъ*, и подъ симъ именемъ былъ извѣстенъ всей колоніи.

Царь, законодатель маленькаго государствва, не смотря на то, что былъ онъ грубый, просшой машрозъ, Джонъ Адамсъ понялъ всю важность своего спраннаго положенія. Ему казалось, что судьба передала на опчешъ совѣсши его учасъ его многочисленнаго семейсшва, и возложила на него опвѣшеспвенность за будущее благоденспвіе людей, его окружавшихъ. Размышляя о гибельномъ безначаліи прошедшаго и слѣдспвіяхъ необузданныхъ спрасшей, въ здоровомъ смыслѣ, религіозномъ чувствѣ, воспоминаніяхъ юности, нашелъ онъ силу и средства произвесъ изумительную реформу и пересоздаъ свое маленькое государствво. Добродѣшель, благочеспіе, союзъ любви и дружбы, дошо-

лѣ невѣдомыя на Пишкаирнѣ, скоро сославили неизмѣнный законъ быша. Спущницы Адамса увлеклись на новую дорогу, со всею пылкостью не-испорченныхъ головъ и сердець. Дѣти воспишывались въ нравственномъ направленіи, оказывая удивительное послушаніе. Вскорѣ колонія представила рѣдкій образецъ благочестія и добродѣтелей. Адамсъ установилъ порядокъ супружескѣ между потомками разныхъ ошцовъ, и при его наставленіяхъ, повинуваясь ему, какъ живому закону, маленькая Пишкаирнская колонія процвѣтала тишиною и счастіемъ.

Только въ 1808 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, Американскій капитанъ Фольджеръ, на кораблѣ Топазъ, открылъ существованіе безвѣснаго уголка земли, гдѣ владычествовалъ Адамсъ. По возвращеніи въ Европу, онъ разсказалъ о своей неожиданной находкѣ. Въ бытность его на Пишкаирнѣ, подѣ властью Адамса считалось 35 человекъ обою пола. Но Европѣ было тогда не до Пишкаирна; опять забыли его до 1814 года, когда капитаны Геинсъ и Пипонъ, преслѣдуя крейсеровъ Поршера, явились передъ островомъ Адамса. Нѣсколько путешественниковъ приплыли къ Англійскимъ капитанамъ, и вообразили изумленіе мореплавателей, когда эти господа заговорили чистымъ Англійскимъ языкомъ! Немедленно, оба Англійскіе капитаны сошли на берегъ, желая видѣть колонію и почтеннаго патриарха ея. Спарикъ испугался при видѣ роднаго Англійскаго мундира. Онъ думалъ, что черезъ 25-ть лѣтъ пришли мстители его пресупленія. Земляки спѣшили

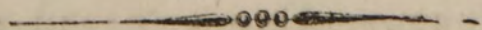
разувѣришь стараго мапроза ; сказали ему, что ничего не долженъ онъ опасаться; что возмущеніе на Англійскомъ кораблѣ давно уже получило свое возмездіе, а папіріархъ Пишкаирна загладилъ вину мапроза Смиша. Увѣрили и домочадцевъ Адамса, что дѣдушка nebudeтъ разлученъ съ ними. Семейство, котораго Адамсъ казался опцомъ, состояло тогда изъ 46 человекъ, почти все взрослыхъ.

Послѣ сего Пишкаирнъ посѣщали многіе китоловы, и съ одного изъ такихъ кораблей оспался здѣсь нѣкто Буффетъ. Обоштенный счастливымъ житеемъ колонистовъ, онъ испросилъ себѣ у Адамса позволеніе занять при немъ мѣсто паспора и учителя. Въ Декабрѣ 1825 года, Пишкаирнъ посѣщенъ былъ Бичеємъ, подобно Пипону изложившимъ попомъ въ журналѣ своемъ любопытныя и прогательныя подробности объ Адамсовой колоніи. Просподушіе, чистота нравственная, золошой вѣкъ, какъ будто перешли сюда изъ романической долины Баппюековъ. Бичей познакомился съ Адамсомъ, опцомъ и повелителемъ 66-ти человекъ, обожавшихъ его. Селеніе состояло изъ скромныхъ, но опряшныхъ домиковъ, прикрытыхъ и окруженныхъ вѣшьями пандановъ и кокосовъ. Довольство просподы видно было между жителями. У нихъ были курицы и свиньи, поля съ иньямами, съ банами, съ шаро. Смѣсь Англичанъ и Полинезійцевъ, Пишкаирнское поколѣіе мешисовъ представляло крошкія, пріятныя фізіогноміи. Складные члены шѣла были у нихъ одарены ловкостью и силою.

Въ послѣдствіи узнали мы на Таиши, что капитанъ Валдегравъ, за годъ до насъ, приспалъ къ Пипкаирну, въ Мартѣ 1830 года. Джонъ Адамсъ скончался за годъ прежде, и никто не могъ замѣсшить его. Начало раздоровъ уже скрывалось между Пипкаирнцами, которыхъ считалось тогда до 80-и обоего пола. Въ это время Таишскій миссіонеръ Скоптъ посѣтилъ Пипкаирнъ, и испросилъ для его обитателей позволеніе переселиться на Таиши, чтобы докончить здѣсь ихъ религіозное образованіе и воротиться обратно, если они захотятъ. Адмиралтейство предославило въ распоряженіе ихъ корабль. Они рѣшились оставить свою родину. Отплытіе ихъ случилось за мѣсяць до нашей остановки у Пипкаирна. Марта 7-го 1831 года, 87-мъ Англо-Таишанъ сѣли на шлюпъ Комета, начальствуемый капитаномъ Сендилендомъ, и 23-го Марта прибыли на Таиши, гдѣ мы ихъ видѣли, и гдѣ юная Царица приняла ихъ подъ свое покровительство.

Исторія Пипкаирнцевъ этимъ некончилась. По возвращеніи въ Европу, я узналъ еще одну главу ея. Колонисты Пипкаирнскіе никакъ не могли привыкнуть къ Таишскому климату. Чшо-то въ родѣ повальной болѣзни умершвило изъ числа ихъ двѣнадцать человекъ. Они умоляли перевезти ихъ обратно на родину, хоть на ихъ собственный счетъ. Одинъ Американскій корабль договорился съ ними за 200 доллоровъ (около 1000 рублей), и они заплашили ему мѣдью, сохраненною при соженіи Христіерномъ Bounty, въ 1790 году. Бла-

гополучно доспигли бѣдняки своего драгоцѣннаго острова и повели прежнюю жизнь. Въ Маѣ 1833 года посѣщаль ихъ Англіійскій Капитанъ Фрименшль (Freemantle), на кораблѣ *Вызыватель* (Challenger). По его разсказамъ, Пипкаирнцы живутъ спокойно и счастливо, хотя пребываніе на Таипи измѣнило нѣсколько первоначальную простоту нравовъ. Пьянство, строго запрещаемое Адамсомъ, вѣдрилось на островѣ опъ примѣра трехъ Англичанъ, новыхъ поселенцевъ между прежними. Но, кажется, основатель и патриархъ колоніи нашель себѣ достойнаго преемника въ почтенномъ спарикѣ Джосуа Галлѣ, исправляющемъ должности пастора и учителя. Въ колоніи считалось 79 человекъ. На пространствѣ чепырехъ миль острова можеть пропитаться до 400 человекъ. Безъ недостатка прѣсной воды, здѣсь могли-бы существовать всѣ наслажденія физической жизни. Самая высокая изъ Пипкаирнскихъ горъ около 160 шаговъ опъ поверхности моря.

ГЛАВА LVII.

ОКОНЧАНИЕ ПЛАВАНІЯ КЪ ОСТРОВАМЪ ТАИТСКИМЪ. АРХИПЕЛАГЪ ПОМОТУ.

Распроганные проспились мы съ Пипкаирномъ — безмолвнымъ въ то время мѣсномъ счастливаго быша людей, съ могилою Адамса, съ опустѣлымъ селеніемъ его, съ дѣяшельною и сильною его природою, съ полями, на кошорыхъ безплодно гибли плоды труда и заботы. Въ шуманахъ исчезъ отъ насъ самый возвышенный пунктъ холмовъ его, когда появился передъ нами другой оспровъ — Оено, маленькій коралловый утесъ, одѣтый кустарникомъ, окруженный мѣлю, на кошорой Бичей пошerialъ лодку, одного машроза, и чуть не погибъ самъ. Капишанъ корабля Геркулеса, Гендерсонъ первый узналъ эту скалу, но она сохраняетъ имя Оено, корабля, подъ начальствомъ капишана Уорпа, бывшаго здѣсь въ 1824 году. Широта $24^{\circ} 4'$, долготы $133^{\circ} 4'$

На другой день, 5-го Апрѣля, въ шесть часовъ утра, мы были въ одной милѣ отъ мѣлей оспрова

Полумѣсяца (Crescent). Сей островъ, или лучше сказаць, скала, съ продолговатымъ клочкомъ земли, въ 25 фузовъ шириною, едва на шесть фузовъ ось поверхноспи моря, со всѣхъ сторонъ огороженная прибоями волнъ, съ маленькимъ лагуномъ внупри покрыта кустарникомъ и деревцами. Самые высокіе изъ нихъ неболе 5 фузовъ, и шолько панданъ, между ними распуцій, можетъ служить для пищи. Проходя на виду земли, мы замѣнили человекъ сорокъ туземцевъ. Они сполпились смотрѣть насъ съ одного мыска, и знаками приглашали насъ пристать. Въ трубу можно было разглядѣть, что это народъ рослый, складный, покрытый шапуажемъ, съ волосами, распущенными по плечамъ, и съ черными, густыми бородами. Сквозь кустарникъ видны были крыши хижинъ, а на одномъ углу выказывались при квадрашныя каменные зданія, каждое съ дверью — должно бытъ, храмы, или гробницы. Вильсонъ открылъ сей островъ въ 1797 году, но немогъ обозрѣть его, по неприязненности туземцевъ. Бичей, въ 1826 году, опредѣлилъ его положеніе — $23^{\circ} 20'$ ш. ю. и $136^{\circ} 56'$ д. 3.

Отсюда могли уже мы различить срединный островъ *Гамбьерской* купы, ошстояцій льё надесять. Ю. В. въперъ шакъ ослабѣлъ въ это время, что мы едва подвигались по 3—4 мили въ часть. Пендлешонъ хошѣлъ воспользоваться шакимъ маловѣтріемъ, и Филипсъ, радъ не радъ, но долженъ былъ бросить якорь на западной сторонѣ острова, при 30-ти брассахъ глубины. Едва оспа-

новился корабль, множество судовъ съ дикарями сполнилось около него. Суда эти, по постройкѣ, были самыя плохія изъ всѣхъ, какія только я видалъ. Похоже на Индійскіе кашимароны (ч. II, стр. 9), они состояли просто изъ плошовъ, для чего сколочено было нѣсколько бревенъ, и широкій парусъ, на двухъ жердинкахъ и наклоненной мачтѣ, вѣялся надъ каждымъ такимъ плошомъ. Островитяне сѣпляли ихъ одинъ съ другимъ, по пяти и по шести, и образовывали черезъ то обширную нашилку, гдѣ могли помѣститься отъ 80 до 400 человекъ. Но подходя къ кораблю плошы опять дѣлились, и на каждомъ оспавалось по 12—15 дикарей, ловко правившихъ своими уродливыми средствами для плаванія по Океану.

Когда весь эшопъ народъ сполнился вокругъ корабля, открылись переговоры. На одномъ изъ плошовъ находился начальникъ; по крайней мѣрѣ, такъ мы заключили, ибо у него были на головѣ бѣлыя перья, между тѣмъ, какъ всѣ остальные дикари неимѣли никакихъ украшеній и никакой одежды, кромѣ маро. Ему предложили нѣсколько бездѣлокъ, и онъ съ радостью взялъ ихъ, одаривъ насъ за то кускомъ кислаго какого-то шѣста, пахнувшаго сильно и непріятно. Между тѣмъ, еще не смѣя идти на палубу, всѣ дикари искали: нельзя-ли чегонибудь украситъ — одни угрожали русленямъ, другіе ныряли въ море и сшарались оподрасть куски мѣдной обшивки. Имъ грозили руками — они незаботились; приложились въ нихъ

ружьями—и это ихъ не испугало. Явно было, что огнеспрѣльное оружіе имъ уже не новинка.

Послѣ нѣкотораго сомнѣнія, начальникъ съ бѣлыми перьями взошелъ на корабль. Ободряясь мало по малу, онъ началъ наконецъ забавляться свободно всѣмъ, что видѣлъ, все разсмапривать, всему удивляясь и изумляясь, несполько внимая на то, что говорили ему, чѣмъ любясь диковинками, какія представлялись его взорамъ. Хорошо наглядѣвшись, началъ онъ показывать чрезмѣрную радость, плясалъ, прыгалъ, пѣлъ, кривлялся, перерывая движенія скороговорками; потомъ собралъ онъ въ передникъ свой, сдѣланный изъ бѣлой шкани, все, что ему подарили, оставилъ насъ и спѣшилъ на свой плотъ.

Только что увидѣли его между собою дикари, находившіеся вокругъ Океаніи, каждый изъ нихъ захопѣлъ вскарабкаться на палубу. Но боясь ихъ ловкаго лазанья и воровства, Пендлешонъ допустилъ весьма немногихъ. Другіе оставались внизу, производя оглушающій шумъ смѣшанныхъ криковъ, хохота и неистощимаго болшанья. Мы желали-бы на что-нибудь помѣнялась съ этими чужаками, но у нихъ ничего не было—они пришли любопытными посѣщителями, но не поргашами. Вообще казались они стройны и пріятнаго лица. Тапуажъ по шѣлу, превосходно наколотый, расположенъ былъ въ видѣ плашья, какъ-то: полосатыхъ панталоновъ, и тому подобнаго.

На другой день Пендлешонъ приказалъ вооружить двѣ шлюпки, чтобы отправиться на берегъ,

Филипсъ оспался аргусомъ корабля, съ приказаніемъ — допускашь на корабль немногихъ. Здѣсь нѣчего было опасаться, чѣобы спражъ измѣнилъ приказанію изъ вѣжливости къ прекрасному полу. Почпи всѣ Гамбіерки были очень некрасивы. Мы ошправились. На приморьѣ, среди многочисленной толпы дикарей, находились два, по видимому, начальника. Они встрѣпили насъ привѣшомъ по-Океанійски, то естъ, сильно пошерли своими носами объ наши носы. Надобно было повиновашься обычаю. Мы ошправились послѣ сего къ селенію дикарей, находящемуся въ С. З. часпи оспрова, миляхъ въ полушорѣ отъ пристани. Дорога прикрывалась хлѣбнымъ деревомъ, кокосами, и по споронамъ ея видны были плохо воздѣланныя поля. На пуши свиша наша увеличилась, и вскорѣ насъ окружили съ сошню оспровишянъ, впрочемъ казавшихся учпивыми и предупредительными.

Тамъ и сямъ видны были хижины туземцевъ, со входами съ юга. Одна изъ нихъ, наполненная сѣпями, была совершенно заперша. Подлѣ нея, на помоспѣ, лежали два шѣла, закушанныя шканями. Когда мы приближались къ нимъ, дикари давали намъ разумѣшь знаками, чѣобы мы не прогали ихъ, но позволяли намъ глядѣшь, сколько угодно. Далѣе предсшавилась намъ площадка, ошчаспи вымощенная и окруженная коралловыми каменьями. Она служила дворомъ обипалищу, болѣе другихъ обширному, въ 36 фушовъ длиною, въ 20-ть шириною, соразмѣрной вышины и съ соломенною кровлею. Съ одной изъ ошкрышыхъ споронъ была шущъ галле-

рея, и на ней находился старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ длинною сѣдою бородою, правильными чертами лица и важнымъ видомъ. Маро перепоясывалъ его по шѣлу; голова была прикрыта перянымъ вѣнкомъ, а осшатокъ украшенія и одежды составлялъ превосходный шашуажъ. По ужасной длинѣ его ногшей, по обвисшему толстому шѣлу, легко было увидѣшь, что званіе старика необязывало его на тяжелую работу.

И точно — это былъ *ариги*, или начальникъ. Несходя съ мѣсна, онъ почшилъ насъ носовымъ привѣтствіемъ. Потомъ принялъ онъ отъ Пендлешона маленькіе подарки, съ важною, сшепенною благосклонностью. Необольщаясь ласкою знаменитой особы, Пендлешонъ спросилъ его по-Таишски: нельзя-ли успупись ему чего нибудь хорошаго, и обмѣняшь на подарки, кошорые будутъ еще лучше? На такой положишельный вопросъ, старикъ ошвѣчалъ уклончивою дипломаціею. «*Бобо Ман* (завіпра)!» сказалъ онъ. Пендлешонъ замолчалъ, но вскорѣ ошплашилъ Пошомускому Талейрану шую-же монешою. Ариги началъ шребовашь еще подарковъ. «*Бобо Ман!*» было ошвѣшомъ Пендлешона.

Пока продолжалась аудіэнція, я осмашривалъ нѣкошорыя изъ хижинъ, окружавшихъ площадь, дрянныя лачуги изъ гибиска, покрышыя пальмовыми лиспьями, длиною неболѣе 8—10, шириною 5—6 фушовъ и шакон-же вышины. Входъ въ эши кануры былъ шакъ низокъ, что должно было ползши.

Между шѣмъ , спарый ариги вспалъ съ своей площадки. Приблизась къ Пендлетону , взялъ онъ его за руку , подвелъ къ высокому дикарю , весьма недурному собою , и сказалъ : « Это почтенный ариги; спало бышь , ему надобно подарокъ. » Пендлешонъ исполнилъ совѣшъ. Тутъ новый ариги изъяснилъ , что онъ спаршина большого селенія на другомъ краю оспрова , и просилъ къ нему пожаловать , присовокупляя для большого убѣжденія , что у него превосходная вода. Еще было непоздно. На шлюпкахъ находились ошборные мапрозы , хорошо вооруженные. Новаго знакома взяли мы къ себѣ и опправились.

Селеніе , подчиненное ему , находилось на восшочномъ берегу большого оспрова. Надлежало обогнушь , не безъ шруда , проливъ , дѣлящій оспрова *Пирдъ* и *Бигеръ*. Мы обплыли Ю. В. часть Пирда , покрышую богатымъ произрасшаніемъ , и пошомъ вошли въ прекрасную гавань , въ глубинѣ прибрежья кошорѣй , подъ сводами кокосовъ , хлѣбнаго дерева и гибиска , бѣлѣли хижины селенія цѣли , нашего плаванія.

Самъ ариги , сопешникъ нашъ , указалъ намъ мѣсно , гдѣ мы пристали съ нашими шлюпками. Принявъ пошомъ должностъ хозяина , онъ повелъ насъ , въ сопровожденіи 50—60 человекъ дикарей , къ большой площади , куда для угощенія нашего принесли кислаго шѣсна , завернушаго въ банановые лисшья. Изъ ошвращенія и недовѣрчивости , мы нерѣшились ѣсть такого кушанья , и довольствовались нѣсколькими кокосами , съ шрудомъ сыскан-

ными. Являлось нѣсколько женщинъ , большею частью некрасивыхъ. Каждую минушу , на каждомъ шагу надобно было дарить , ничего не получая въ обменъ , даже плодовъ и живности , чѣмъ такъ щедро подчиваютъ дикари другихъ архипелаговъ. Едва могъ Пендлешонъ доспастъ гибисковый шампань , который казался большою рѣдкостью между островишянами. Увлеченный надеждою на подобную вещицу , я описалъ ошъ товарищей и основановился близъ одной хижины , гдѣ шрое дикарей чрезвычайно меня ласкали. Вдругъ жестокій ударъ чухъ не оглушилъ меня. Я повалился : дикари выхвашили мое ружье ; бросились сдиранъ плашье. Трое бездѣльниковъ завели меня въ засаду , и мнѣ невозможно было теперь съ ними бороться. Но видъ угрожающей опасности придаетъ необыкновенную силу и смѣлость. Быстро вскочивъ , ухватился я за мои пистолешы ; успавилъ одинъ изъ нихъ на дикаря , схватившаго мое ружье — онъ испугался , бросилъ его , побѣжалъ ; другой хотѣлъ драшься и пистолешный выстрѣлъ раздробилъ ему плечо , пока другимъ пистолемъ спращалъ я шрешьяго непріателя. На выстрѣлъ мой прибѣжалъ Пендлешонъ съ мапрозами. Шесъдесять дикарей вдругъ спѣснились вокругъ насъ ; дубины ихъ начали работашъ ; одинъ изъ нашихъ былъ жестоко раненъ. Надобно было прибѣгнуть къ силѣ для своего спасенія. Пендлешонъ велѣлъ стрѣлять ; двое непріателей легли на мѣстѣ , другіе бѣжали , крича ужаснымъ образомъ. Но побѣда могла быть кровава и ненадежна. Бѣгущіе основановились ; шол-

ны сшановились многочисленнѣе, движенія ихъ рѣшительнѣе. Нельзя было шеряшь времени. Пощѣшно бросились мы въ шлюпки, и когда выплыли въ море, человекъ двѣсши пѣснились уже на берегу, и бросали въ насъ каменьями. Въ шощъ-же вечеръ осшавили мы здѣшнюю спорону, шощъ-же безплодную, сколько негосшепрімную.

Осшровъ, или, лучше сказать, *островки Гамбіерскіе*, были ошкрыты въ 1797 году Вильсономъ. Онъ невыходилъ на берегъ, и, кажешся, чшо до Бичея, въ 1826 году, никшо незанимался ихъ обзорѣніемъ. Бичей не былъ однакожь сшасшливѣе насъ. Онъ шощчасъ поссорился съ туземцами, и даже ушощребилъ пушки для зашщипы ошъ нихъ. — Вся куна сосшощишъ изъ мѣли, почши округлой, миль около сорока пространешва. Въ срединѣ ея выспа-вляющіся пяпъ, или шесшъ осшрововъ, довольно невысокихъ, кромѣ множешсва осшровковъ довольно низкихъ, на внушренней цѣпи мѣлей. Самый большой изъ высокихъ, осшровъ *Пирдъ*, 4 мили въ длину и едва миль въ ширину. Двойная вершина горы, называемой *Дуффъ*, возвышается здѣсь на 4400 фушовъ.

Всѣ низкіе осшрова и побережья осшрововъ высокихъ сущъ мадрепорического основанія, но внушренность сихъ послѣднихъ свойсшва волканическаго. Ушесы, большею частью, базальшовая, порисшая лава, а въ нѣкошорыхъ мѣсшпахъ замѣшны довольно правильные кристаллы площнаго базальша. Бичей нашелъ здѣсь золишы, извешпковый карбонатъ, халцедоны и ясписы разныхъ цвѣшовъ.

Крапера онъ нигдѣ не ошылалъ. Всѣ острова покрыты удивительною зеленью. Распишальная земля здѣсь неглубока, но весьма плодородна. Ея произведенія, какъ и ея обитатели, общи всей Полинезій, хотя многимъ мѣстамъ ея уступаютъ въ обработкѣ и образованіи; за то нравы сохранили болѣе дикой нравственности. Женщины здѣшня неласковы съ чужеземцами. Бичей полагалъ все народонаселеніе купы до 4500 душъ. Гора Думфъ, середина острова, находится подъ $23^{\circ} 8'$ ш. ю. и $137^{\circ} 15'$ д. з.

На слѣдующій день, 6-го Апрѣля, съ утра, другой островъ былъ уже передъ нами, ибо мы вошли какъ будто въ млечный путь смѣшанныхъ и сжатыхъ острововъ. Это былъ островъ Гудъ — цѣпь низкихъ, лѣсистыхъ, необитаемыхъ земель, окружающихъ бассейнъ, или лагунъ, въ $41\frac{1}{2}$ миль длины и 5 миль ширины. Кусты зелени покрываютъ сѣ острова. На одномъ изъ нихъ, каменная хижина, похожая на находящуюся на островѣ Полумѣяцѣ, и свидѣтельствующая о прежнемъ обитаніи сей земли. Эдуардъ открылъ Гудъ въ 1791 году; Вильсонъ видѣлъ его въ 1797-мъ, Бичей въ 1826 году. Онъ опредѣляетъ его подъ $24^{\circ} 31'$ ш. ю. и $137^{\circ} 54'$ д. з. (западный край).

На другой день, Океанія обошла сѣверный край Карисфорда, меньшаго, миль 4, или 5-ть въ окружности острова. Низкій, и по видимому, необитаемый, онъ представляетъ букеты зелени и нѣсколько купъ кокосовъ на длинныхъ опросткахъ земли, окружающихъ внутренній лагунъ.

Открытый Эдуардомъ въ 1791 году, Карисфордъ былъ снова видѣнъ, въ 1826 году, Бичемъ, пославшимъ лодку осмотрѣть его. Естественныя испашель, находившійся при экспедиціи, чуть не упонулъ сходя на берегъ. Подъ тѣнью деревъ нашли при колодца, нѣсколько хижинъ, каменную гробницу, все это съ давняго времени оставленное. Бичей опредѣляетъ мѣсто острова подъ $20^{\circ} 45'$ ш. ю. и $140^{\circ} 43'$ д. з.

Близъ Карисфорда полагаютъ, едва-ли не мнимый, островъ *Дуффъ*, будто-бы найденный Вильсономъ въ 1797 году. Мы прилежно смотрѣли и ничего не видали, подобно другимъ, искавшимъ этой мечтательной находки Вильсоновой.

Къ солнечному восхожденію показалась передъ нами серебристая, длинная цѣпь мѣлей, опоясывающая длинное, круглое пропязженіе земляной опушки, въ которой заключается внутренній лагунъ. Тамъ и здѣсь, мы могли различить нѣсколько необитаемыхъ хижинъ. Въ 500-хъ брассовъ прошли мы около сѣверной части мѣлей, бросали лошъ, и 500-ми брассами недоспали дна. « Это островъ *Пятидесятницы* (Whitsunday), » сказалъ мнѣ Пендлтонъ. « Валлисъ открылъ его, въ 1767 году, и посылалъ къ берегу шлюпку. Нашли лодки и хижины, но не видали дикарей; они всѣ убѣжали на западную сторону. Ширина Пятидесятницы $19^{\circ} 24'$ ю., а длина $140^{\circ} 57'$ (сѣв. западный край); пространство его 4 мили длины и 3 мили ширины.

За тѣмъ увидѣли мы островъ *Королевы Шарлотты* (Queen-Charlotte), похожій на предшество-

вавший, но только безъ лагуна. Онъ казался необы-
 шаемымъ, хотя въ маленькомъ заливѣ къ сѣверу
 мы различили хижины и лодки. При открытіи его
 Валлисомъ, въ 1767 году, жители, видя, что
 шлюпка плыветъ отъ корабля къ берегу, хотѣли
 сопровивляясь высадкѣ. Но рассчитавши, что
 сопровивленіе будетъ для нихъ невыгодно, они
 бросились въ девять лодокъ и уплыли отъ гостей
 своихъ. Англичане на свободѣ осмошрѣли землю,
 нашли водохранилища, хижины, лодки, гробницы,
 гдѣ, подъ навѣсами, шлѣли на открытомъ воздухѣ,
 трупы. Дикари казались средняго роста, темнаго
 цвѣта, съ волосами, вѣявшими по плечамъ. Жен-
 щины были красивы, мужчины стройны. Ихъ
 одежда состояла изъ лоскута грубой ткани, слу-
 жившаго вмѣсто пояса, который поднимался на
 плеча. Бичей опредѣлилъ положеніе острова — 49°
 $47'$ ш. ю. и $144^{\circ} 4'$ д. з. — Онъ шесть миль въ дли-
 ну и миля въ ширину.

За нимъ слѣдовалъ островъ *Эмонтъ*, низкій,
 но обитаемый. Онъ невеликъ, лѣсисто, шесть
 миль въ окружности, лежитъ подъ $49^{\circ} 24'$ ш. ю.
 и $144^{\circ} 36'$ д. з., открытъ Валлисомъ, въ 1767
 году. Но когда Англичане хотѣли сойдти на бе-
 регъ, они увидали дикарей, ожидавшихъ ихъ съ
 оружіемъ въ рукахъ. Бичей былъ счастливѣе въ
 1826 году. Онъ велъ мѣну съ жителями, и за нѣ-
 сколько кусковъ желѣза, они готовы были промѣ-
 нять ему весь свой островъ. Только одного не
 успунали — какихъ-то палокъ съ пучками перьевъ,
 которымъ придавали они неоцѣнимую важность.

Апрѣля 9-го обошли мы, шуазахъ въ 200-хъ, островъ *Туи-Туи*, ошкрышый Каршерешомъ въ 1767 году, и названный имъ *Глогестеръ*. Бичей осмашпривалъ его въ 1826 году и положилъ на карпу, подъ $49^{\circ} 8'$ ш. ю. и $143^{\circ} 0'$ д. з. Это опять цѣпь узкихъ обрывковъ земли, подобно другимъ низкихъ, лѣсиспыхъ, на чешырехъ, или пяши миляхъ пропашженія отъ В. къ З. — На Ю. В. часши ихъ находишся каменный морай. Валлисъ видѣлъ нѣсколько дикарей, имѣвшихъ въ рукахъ пики.

Отъ Туи-Туи подошли мы къ острову *Гейу*, гдѣ надлежало намъ оспановишся, если-бы даже буря и не повернула насъ въ эту сторону. Здѣсь ловишся жемчугъ, и за восемь мѣсяцевъ прежде Пендлешонъ сдѣлалъ заказъ его островишянамъ. Апрѣля 40-го, Океанія вошла въ узкій проливъ, яедущій въ великолѣпный внушренній бассейнъ. Гавань сія заслонена съ одной стороны низкими оспровами, съ другой мѣлями, вровень съ поверхностью воды.

Мы оспановились прошивъ сараевъ, гдѣ живушъ ловцы. Люди эши показались миѣ крепинами Полинезійскихъ племенъ—плоскій, расплющенный носъ, углубленные, глупые глаза, шолешыя губы, рошъ угломъ къ низу, лицо въ морщинахъ, длинные, гусшыя волосы . . . , росшъ средній, но сгорбленный, высунувшіяся кости, развалившіеся мускулы, вся одежда маро—шаковы явились намъ красавцы Гейускіе, а женщины были еще гаже, неопрятнѣе, и казались рабынями мужчинъ. . . .

Ариги оспрова опличался только роспомъ немного поболѣ. Онъ принялъ насъ довольно дружески, но съ видомъ смущенія. Какъ ни глупъ и ни безобразенъ онъ былъ, но умѣлъ мошенничать, и продалъ другому изъ барыша жемчугъ, приготовленный имъ по задашку Пендлешона. Кое-какъ сладили дѣло. Капишанъ взялъ дровами, плодами, небольшимъ количествомъ черепахъ и перламутра. Снисходительность Пендлешона, казалось, восхищала дикарей, и они сдѣлались услужливы и ласковы.

Одинъ изъ нихъ, уроженецъ Анаа, и съ нѣсколькихъ лѣтъ поселившійся на здѣшней скалѣ въ качествѣ миссіонера, служилъ намъ руководителемъ и переводчикомъ. Черезъ него узнали мы землю и ея обитателей. Съ недавняго времени здѣшніе уроды отказались отъ людоедства. Прежде, шѣла непріятелей, убитыхъ въ битвѣ, и людей, погибшихъ насильственной смертью, были предназначаемы для пиршества. Ариги, принимавшій въ нихъ личное участіе, восхищался еще и теперь превосходнымъ вкусомъ человѣческаго шѣла, особливо женщинъ. Отказавшись отъ сего лакомства, онъ охотно жралъ однакожь сырое мясо. Женъ было у него шри, но онъ могъ имѣть болѣе, могъ прогнать отъ себя которую угодно, безъ всякихъ обрядовъ и причинъ, кромѣ изъявленія своей воли. Никакой гражданскій, или религіозный уставъ не освящаетъ здѣсь браковъ. Мифологія состояла до прибытія упомянутаго миссіонера въ грубѣйшемъ идолослуженіи. У cadaго дикаря былъ свой бол-

ванъ, которому онъ поклонялся. Всего чаще идола соснавлилъ опрубокъ дерева, убранный пучкомъ человѣческихъ волосовъ. Но лучшимъ и сильнѣйшимъ богомъ считался уродецъ, котораго можно было сдѣлать изъ кости непріятеля, или недавно умершаго родственника. Внутрь ея всапливали пучекъ волосовъ челоука, которому принадлежала кость, и потомъ вѣшали чучелку эту на дерево, гдѣ получала она жершвы и обожанія, однакожъ соразмѣрно своимъ заслугамъ. Если ей нехошѣлось исполнить иной разъ прошенія своихъ обожателей, ее топчасть исключали изъ числа боговъ и замѣняли другою. Но если полагали, что описавной богъ сердился, то старались умилошвивить его дарами, состоявшими изъ кокосовыхъ орѣховъ. Первый корабль, увидѣнный пуземцами, почтенъ былъ ими за духа одного изъ недавно умершихъ земляковъ. Мѣсто, гдѣ похороненъ умершій, считается шабу. Похороны состоятъ въ томъ, что завернувъ мершвеца въ рогожку, зарывающъ его въ землю. Предполагая, что духъ умершаго приходитъ на могилу, славящъ ему воду и запасы. Такая обязанность препоручается опредѣленнымъ для сего людямъ, и они увѣрены, что бѣда неминуетъ ихъ, если они пренебрегутъ своею обязанностью. Народонаселеніе острова нельзя положить болѣе сошши челоука.

Подобно другимъ, уже описаннымъ мною островамъ, Гейу состоятъ изъ коралловыхъ полосокъ, очень узкихъ, покрытыхъ деревьями съ навѣтренной и совершенно обнаженныхъ съ подвѣтренной

спороны. Онъ неменѣе тридцати миль въ длину и пяши въ ширину. Бугенвиль открылъ его въ 1768 году, и назвалъ островомъ *Арфою*, по причинѣ сходства формы его съ видомъ сего инструмента. Это-же самое заставило Кука, видѣвшаго сей островъ на другой годъ, назвать его *Лукомъ* (Bow). Дюперре видѣлъ его въ 1823-мъ, а Бичей опредѣлилъ въ 1826 году положеніе его— $18^{\circ} 26'$ ш. ю. и $142^{\circ} 59'$ д. з. (середина).

Вечеромъ 10-го, мы подняли паруса, и на другой день ушромъ прошли подлѣ *Дава-Гиди*, цѣпи низкихъ, лѣсисныхъ, обитаемыхъ острововъ, 8—40 миль въ длину, открытыхъ, вѣроятно, въ 1769 году Бугенвилемъ, а на слѣдующій годъ видѣнныхъ Кукомъ, и включенныхъ имъ въ его *two-groups* (двѣ купы). Издалека замѣнилъ сей мореплавателъ обитаемыхъ, показавшихся ему складными, смѣлыми; они вооружены были копьями. По наблюденію Бичея, *Дава-Гиди* находится подлѣ $18^{\circ} 42'$ ш. ю. и $144^{\circ} 38'$ д. з. (середина).

Въ десяти часовъ утра обошли мы другой островъ, называемый *Птица* (Bird), низкій и необитаемый, неболѣе 4-хъ миль въ окружности. Бугенвиль открылъ его въ 1768 году, и неудоспоилъ даже подарить находкѣ своей имя, которое далъ ей уже въ слѣдующемъ году Кукъ, а Бичей, въ 1826 году, опредѣлилъ мѣсто сей земли, $17^{\circ} 48'$ ш. ю. и $145^{\circ} 27'$ д. з. (южный край).

Потомъ, въ 4—5 миляхъ на югъ прошли мы по южному краю острова *Крокера*, маленькаго и низкаго, неболѣе семи миль въ длину, одной мили

въ ширину. Бугенвиль, въ 1768 году, оставилъ его безъ названія. Бичей назвалъ его въ 1826 году *Крокеръ*, хотя можно полагать, что Испанецъ Бонечеа, въ 1772 — 1774 годахъ, видѣлъ сей самый островъ, назвавши его островомъ *Св. Квинтина*. Положеніе $17^{\circ} 26'$ ш. ю. и $145^{\circ} 47'$ д. з.

Начиная съ Крокера, мы направились къ З. и проходили около новой купы низкихъ и лѣсистыхъ острововъ, значительной болѣе предшествовавшихъ. Это былъ рядъ низкихъ земель, разной величины, имѣющій неменѣе 15-ти миль въ длину и 5—6 миль въ ширину. Дымъ, выходящій надъ хижинами, показывалъ обитаемость земли. « Это островъ *Анао* — сказалъ мнѣ Пендлешонъ. — « Кукъ нашелъ его въ 1769 году, назвалъ островъ *Цѣпъ* (Chain), видѣлъ его опять въ 1773 году, но не посѣщалъ. Кажется, его назвалъ Бонечеа, въ 1772 году, Todos los Santos (о. Всѣхъ святыхъ). Бичей видѣлъ его въ 1826 году, и назначилъ подъ $17^{\circ} 26'$ ш. ю. и $147^{\circ} 50'$ д. з. (середину острова). Самъ неходя здѣсь на берегъ, сей мореплавателъ нашелъ на маленькомъ островкѣ на Ю. Ю. В. отъ Туи-Туи (названномъ отъ него *Бейамъ*) человекъ сорокъ дикарей, уроженцевъ Анаа, обращенныхъ въ христіанство. Вотъ какъ они сюда попались: данникъ Таипи, отъ котораго лежишь недалѣе 200 миль, Анаа послалъ своего старшину Ту-Вари, со 150-ю дикарями, поздравить новоизбраннаго царя, юнаго Помаре. Въ виду Таипи, западные вѣтры разогнали и разсѣяли экспедицію. Двѣ лодки погибли; шретья, приславши къ острову Баррова,

коснулась потомъ Бейама, съ поперею часши экипажа. Тушъ нашель бѣдняковъ Бичей, и по просьбѣ Ту-Вари взялъ его къ себѣ на корабль и перевезъ въ его опчизну. »—Островъ Анаа, завися опъ Таиши, шеперь совершенно обращенъ въ христіанство, и даже снабжаетъ миссіонерами другія мѣста Помотускаго архипелага.

Все, что могли мы видѣть изъ острововъ на пуши нашемъ, уже осмопрѣно. Мы рѣшились направишься прямо къ Таиши, неспалкиваясь непрерывно съ этими кораллородными скалами и мѣлями, споль опасными, по малоспи ихъ возвышенія надъ водою. Такимъ образомъ оспавили мы, вправо и влѣво, множество островковъ и острововъ, большею часшію мало извѣстныхъ, мало посѣщаемыхъ. Соединишь ихъ здѣсь въ одинъ очеркъ, по самымъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, кажется, значишь оказашъ услугу географіи. Ради пользы, да простиашъ мнѣ довольно длинное поясненіе объ этомъ уголкѣ Океаніи, мало замѣчательномъ, но описанномъ.

Названіе: Помоту, придаваемое архипелагу, который насъ шеперь занимаетъ, значишь по-Таишки всѣ низкіе острова, находящіеся подъ вѣшпромъ, въ опношеніи къ Таиши. Имъ должно замѣнишь различные имена — архипелага опаснаго, моря бурнаго, острововъ низкихъ, кошорыя разными мореплавателами были придаваемы сей купъ острововъ. Она простираешся на пространствѣ 500 льѣ, опъ В. Ю. В. къ З. С. З., начиная съ острова Дуси (Ducie) до острова Лазарева, при различной ши-

ринѣ, непереходящей 140. льѣ, въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Всѣ острова, или лучше сказать, купы острововъ, составляющихъ Помощускій архипелагъ, за исключеніемъ Пипкаирна и Гамбіера, суть земли низкія, мадрепоровыя груды, окружающія внутренніе лагуны моря, необитаемые, или населенные Полинезійскими народами.

Всѣхъ острововъ счисляется до шестидесяти; многіе уже исчислены мною—вошъ оспальные.

О. Кокбурнъ, небольшой¹, низкій, необитаемый, съ лагуномъ внутри. Ошкрытъ Бичеемъ, въ 1826 году. Длина чешыре, ширина при миляхъ. С. В. оконечность его $22^{\circ} 42'$ ш. ю. и 144° д. з.

О. Оснабургъ—купа низкихъ, лѣсисныхъ, необитаемыхъ островковъ, окружающихъ обширный внутренній лагунъ. Ошкрытъ Карпьеретомъ, въ 1767 году. Здѣсь разбился кишоловный корабль *Матильда*, въ 1792 году, и Бичей нашелъ здѣсь ошпаки его въ 1826 году. Кажется, кромѣ морскихъ пшицъ, ящерицъ, крабовъ и черепахъ, здѣсь нѣтъ обитаемыхъ. Длина ошъ В. къ З. 15 миль, ширина, ошъ С. къ Ю. 7 миль. Восш. край земли $21^{\circ} 50'$ ш. ю. $144^{\circ} 5'$ д. з.

О. лагунъ Блея, низкій, лѣсисный, населенный, съ лагуномъ. Блей ошкрылъ его въ 1792 году; Бичей видѣлъ въ 1826 году. Туземцы ходящъ почти нагіе; цвѣща весьма смуглаго; волосыносящъ завязавши въ пукъ на головѣ. Противъ Бичея вооружились они копьями, головоломами и каменьями. Ширина С. края $21^{\circ} 38'$ —долгота $142^{\circ} 58'$.

О. Баррова, невеликъ, низокъ, лѣсистъ, миль пять въ окружности; внутри его лагунъ. Бичей, открывшій его въ 1826 году, нашелъ на немъ слѣды недавняго пребыванія. Лѣса кокосовъ, пандановъ, севолъ, казуаринъ, пемфисовъ, пурнефортией покрываютъ его, образуя прелестную тѣнь. Широша южн. $20^{\circ} 45'$, долгоша зап. $141^{\circ} 24'$.

О. Клермонъ, низкій, лѣсистый, съ внутреннимъ лагуномъ, открытъ въ 1822 году капишаномъ корабля Минервы, Белемъ, а на слѣдующій годъ осмотрѣнъ капишаномъ Дюперре, корабль кошораго, ночью, приблизился къ мѣлямъ его. Потомъ видѣлъ его Бичей, въ 1826 году. Обишались почти нагіе. Одинъ изъ нихъ былъ черенъ, какъ Африканскій Негръ. Всѣ показывались недовѣрчивы и невыпускали орудія. Вся купа эта будетъ около 12 миль, отъ С. З. къ Ю. В., при 3, или 4-хъ миляхъ ширины. Сѣверный край — $18^{\circ} 28'$ ш. ю. и $138^{\circ} 47'$ д. з.

О. Серль (I. Serles), купа низкая, лѣсистая, съ лагуномъ. Открыта Вильсономъ въ 1767 году. Онъ замѣшилъ путь морай и нѣсколько слѣдовъ народонаселенія. Дюперре видѣлъ эти оспровки издали, въ 1823 году. Бичей приблизился къ нимъ въ 1826 году, и нашелъ жилищей, похожихъ на своихъ соседей. Семь миль съ половиною въ длину и двѣ въ ширину сославляютъ все пространство. Ю. В. край подъ $18^{\circ} 22'$ ш. ю. и $139^{\circ} 17'$ д. з.

О. Св. Павла (I. San-Pablo). Но должно-ли считать его, хотя онъ находится на старинныхъ Испанскихъ картахъ? Тщетно былъ обыскиванъ онъ новѣйшими мореплавателями.

О. *Нарцисъ* , низкій , лѣсистый , населенный , съ лагуномъ внуши. Вновь осмопрѣнный капишанами Кларкомъ и Гумфри , въ 1822-мъ , а Дюперре въ 1823 году, онъ 8-мь миль въ длину , отъ В. С. В. къ З. Ю. З. и двѣ мили въ ширину. Средина его подъ $17^{\circ} 20'$ ю. ш. и $140^{\circ} 48'$ д. з.

О. *Копейщиковъ* (I. Lanciers), низкій , круглый , лѣсистый , безъ лагуна. Бугенвиль открылъ его въ 1768 году, и назвалъ такъ пошому, что жилище его были вооружены копьями. Черезъ годъ потомъ видѣлъ его Кукъ, и назвалъ его *Шерстяной калпакъ* (Thumb-Cap). Бичей нашелъ его необитаемымъ въ 1826 году. С. З. край земли подъ $48^{\circ} 30'$ ш. ю. и $141^{\circ} 30'$ д. з.

О. *Теган* — куна низкихъ , лѣсистыхъ , обитаемыхъ людьми острововъ , съ внутреннимъ лагуномъ. Также Бугенвиль первый открылъ ихъ , видѣвши издали и назвавши *Quatre-Facardins*. На слѣдующій годъ, Кукъ перемѣнилъ сіе названіе на *Лагунъ*. Бичей , въ 1826 году, видѣлся съ туземцами , которые показались ему довольно спраннымъ народомъ. Исполинскаго сложенія, съ курчавыми, густыми волосами , дикари были, вопреки своихъ сосѣдей , честны и добры въ сношеніяхъ и бѣлѣ цвѣтомъ шѣла. Одинъ изъ нихъ, съ усами, казался такъ бѣлъ, что его можно было почесать Европейцомъ. Впрочемъ, ни у одного не было ни украшеній , ни пашуажа. Мужчины были одѣшны въ маро ; иные набросивъ еще рогожку на плеча , и голову убравши перьями. У женщинъ средину шѣла закрывала рогожка , и казалось , что здѣшнія Амазонки

пользовались правами власти болѣе всѣхъ другихъ Океанійскихъ женщинъ. Когда мужчины являлись на берегъ, вымѣнявши что-нибудь у Европейцевъ, женщины все принимали у нихъ. Пространство этой купы отъ восьми до десяти миль въ окружности. По наблюденію, замѣтная роща на зап. краю находящаяся подъ $18^{\circ} 43'$ ш. ю. и $144^{\circ} 10'$ д. з. —

О. Глочестеръ, низкій, песчаный, необитаемый. Соединенно съ тремя слѣдующими составляетъ онъ купу, названную Квиромъ *Четыре постриженника* (Quatro-Coronados). Карперентъ снова видѣлъ сей островъ въ 1767 году; корабль *Жемгужина* (Margaret) посѣтилъ его въ 1803-мъ, а капитанъ Бичей въ 1826 году. Каменный морай видѣнъ былъ тогда на Ю. В. краю острова. Положеніе: $20^{\circ} 37'$ ш. ю. и $145^{\circ} 23'$ д. з. (самая середина).

О. Св. Михаила (San-Miguel) открытъ Квиромъ, въ 1606 году, видѣнъ Карперентомъ, въ 1767 году, причемъ его съ товарищами называли островами Глочестерскими. Положеніе: $20^{\circ} 33'$ ш. ю. и $145^{\circ} 41'$ д. з.

О. Жемгужины (Margaret), маленькій, низкій, лѣсистый, обитаемый, открытый кораблемъ Жемчужиною, въ 1803 году. Турбуль торговалъ съ дикарями, которые шемнокожи, заплетаютъ волосы въ длинныя плешушки и вооружаются копьями. Положеніе: $20^{\circ} 24'$ ш. ю. и $145^{\circ} 34'$ д. з.

О. Турбуля, низкій и обитаемый, открытый Жемчужиною въ 1803 году. Длина его три мили. Положеніе: $20^{\circ} 0'$ ш. ю. и $145^{\circ} 39'$ д. з.

О. Бритомартъ, открытый въ 1822 году. Положеніе: $49^{\circ} 52'$ ш. ю. и $147^{\circ} 44'$ д. з. — Не это-ли Квирсовъ *Св. Павелъ*?

О. Кумберландъ, низкій и лѣсисый. Открытъ Валлисомъ въ 1767 году; видѣнъ Бичеемъ въ 1826 году. Длина его, при ширинѣ двухъ миль, десять миль, отъ З. С. З. къ В. Ю. В. — Средина его опредѣлена — $49^{\circ} 44'$ ш. ю. и $143^{\circ} 35'$ д. з.

О. Бейамъ (Buam), низкій, 12-ть миль въ окружности, съ лагуномъ; открытъ въ 1826 году Бичеемъ. Положеніе С. З. его края — $49^{\circ} 48'$ ш. ю. и $142^{\circ} 45'$ д. з.

О. Вилліама-Гейриха — цѣпь маленькихъ, низкихъ, лѣсисыхъ оспровковъ, лежащихъ по одной мѣли, восемь миль длиною, отъ З. С. З. къ В. Ю. В. — Открыты Валлисомъ въ 1767 году, видѣны Дюперре въ 1823 году, Бичеемъ въ 1826 году. Положеніе: $48^{\circ} 45'$ ш. ю. и $144^{\circ} 41'$ д. з. (середина).

О. Маракау, одна изъ двухъ купъ (two-groups), открытых Кукомъ въ 1769 году; вновь видѣны Бичеемъ въ 1826 году. Низкій, лѣсисый, занимающъ 12-13 миль, отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В. и обитаемы. Кукъ говоритъ, что дикари здѣшніе темноцвѣтны, складны, ходящъ нагіе, покрывая голову сѣшкою. Положеніе: $48^{\circ} 4'$ ш. ю. и $144^{\circ} 36'$ д. з. (середина).

О. Бюйерсъ, низкіе и сближенные одинъ къ другому. Открыты Жемчужиною, въ 1803 году. Положеніе: $48^{\circ} 7'$ ш. ю. и $145^{\circ} 24'$ д. з. (середина).

О. Ману, открыты въ 1774 году, Бончеа, который назвалъ ихъ оспровами *Вегеряго звона*

(Las Animas). Пошомъ видѣли ихъ: Биллингсгаузенъ въ 1819 году (назвавшій ихъ о. *Моллера*), Дюперре въ 1823-мъ, Бичей въ 1826 году. Цѣль лѣсисныхъ и населенныхъ островковъ, лежащихъ на одной мѣли, семь миль въ ширину, семнадцать въ длину отъ С. В. къ Ю. З. — Положеніе: $17^{\circ} 50'$ ш. ю. и $143^{\circ} 7'$ д. з. (середина).

О. *Тауеръ* (Towere), ошкрышый Бонечеа, кошорый назвалъ его О. *Св. Симона и св. Іуды* (въ 1772 году). — Кукъ переименовалъ его, въ 1773 году, островомъ *Рѣшительности* (Resolution). Бичей видѣлъ его въ 1826 году. Въ 1774 году, дикари здѣшніе ошбились оружіемъ отъ высадки Испанцевъ. Островъ эшотъ, низкій и лѣсисшый, пять миль въ длину. Положеніе Ю. В. края $17^{\circ} 22'$ ш. ю. и $143^{\circ} 47'$ д. з.

О. *св. Квинтина*, ошкрышый въ 1772 году Бонечеа, вновь видѣнный имъ въ 1774 году. Вѣроятно, эшо Куковъ *Сомнительный* (Doubtful) островъ. Бичей видѣлъ его въ 1826 году. Онъ низокъ и очень лѣсисшъ. Положеніе $17^{\circ} 49'$ ш. ю. и $144^{\circ} 58'$ д. з. (середина).

О. *Гумфрея*, ошкрышый кораблемъ *Добрая Надежда*, подъ начальствомъ капишана Гумфрея, въ 1822 году. Низкій и малоизвѣстный. Положеніе: $16^{\circ} 48'$ ш. ю. и $143^{\circ} 58'$ д. з. (середина).

О. *Собагій*, ошкрышый, въ 1616 году, Шушеномъ; названный имъ пошому, чшо онъ видѣлъ шущъ собакъ, кошорыя однакожь не лаяли. Только Коцебу былъ пошомъ здѣсь, въ 1816 году, и назвалъ его *Сомнительнымъ*, недоумѣвая: шочно-ли

эпошъ оспровъ должно почиать за « Собачій » Шушеновъ? Онъ низокъ, необитаемъ, лѣсистъ, съ лагуномъ; окружность его отъ 15-ти до 18-ти миль. Положеніе: $14^{\circ} 50'$ ш. ю. и $146^{\circ} 6'$ д. з.

О. Лишенія (Disappointment), ошкрытый Байрономъ въ 1765 году — двѣ купы низкихъ, лѣсистыхъ, населенныхъ оспровковъ, раздѣляемая одна отъ другой проливомъ, въ 10-ть миль шириною. Ловкіе, проворные, вооруженные пиками, дикари здѣшніе воспротивились высадкѣ Байрона. Острова сіи покрыты прекрасными кокосами. Самый малый будетъ около 5-ти льё въ окружности. Положеніе: $14^{\circ} 6'$ ш. ю. и $143^{\circ} 16'$ д. з. (сѣверный край самага большаго оспрова).

О. Предпріятія. Коцебу ошкрылъ его въ 1824 году, и нашелъ населеннымъ дикарями желтосмуговашаго цвѣта. Красивыя проспниковыя хижины видны были шамъ и сямъ подъ деревьями. Морская зыбь и непріязненность дикарей воспрепятствовали сѣзду на землю. Оспровъ низокъ, лѣсистъ, съ лагуномъ внутреннимъ. Протяженіе его четыре мили, отъ В. С. В. къ З. Ю. З. — Положеніе: $15^{\circ} 58'$ ш. ю. и $142^{\circ} 32'$ д. з. (середина).

О. Графа Аракчеева. Ошкрытъ, въ 1819 году, Биллингсгаузенномъ; видѣнъ въ 1824 году Коцебу. Низкій, обитаемый, съ лагуномъ, онъ будетъ около $4\frac{1}{2}$ миль въ длину, отъ С. В. къ Ю. З. — Положеніе: $15^{\circ} 49'$ ш. ю. и $143^{\circ} 12'$ д. з. (середина).

О. Князя Волконскаго. Ошкрытъ Биллингсгаузенномъ, въ 1819-мъ, видѣнъ Коцебу, въ 1824 году. Низкіе клочки земель, на ошмѣли, кошорая около

24 мили въ длину, отъ С. къ Ю. — Положеніе: $45^{\circ} 46'$ ш. ю. и $144^{\circ} 29'$ д. з.

О. Барклая де-Толли. Открытъ Биллингсгаузенемъ въ 1819 году. Цѣпь низкихъ земель на мѣли, длиною $44\frac{1}{2}$ миль, отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З. — Положеніе: $46^{\circ} 6'$ ш. ю. и $144^{\circ} 43'$ д. з.

О. Доброй Надежды (Good Hope), открытый, въ 1822 году, кораблемъ сего имени, капитаномъ Гумфреемъ. Низкій, и находящійся подъ $46^{\circ} 48'$ ш. ю., $143^{\circ} 58'$ д. з. (середина).

О. Нигери. Открытъ, въ 1819 году, Биллингсгаузенемъ. Низкій, семь миль, отъ С. къ Ю. — Положеніе: $46^{\circ} 42'$ ш. ю. и $145^{\circ} 5'$ д. з.

О. Роши (Holt), открытый, въ 1803 году, Жемчужиною; вновь видѣнный въ 1819 году Биллингсгаузенемъ (онъ назвалъ его островомъ *Ермолова*). Купа низкихъ островковъ, на одной мѣли, протягивающейся на $45\frac{1}{2}$ миль, отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В. — Середина ихъ $46^{\circ} 22'$ ш. ю. и $145^{\circ} 28'$ д. з.

О. Филиппа. Открытъ Жемчужиною, въ 1803 г. — Турнбуль говоритъ, что жили его дики и неприступны. Они являлись почти нагіе, только съ однимъ маро, и только спаршина отличался ожерельемъ изъ перламутровыхъ раковинъ. Биллингсгаузенъ видѣлъ сію купу въ 1819 году, и говоритъ, что она простирается на 32 мили отъ З. С. З. къ Ю. Ю. В., по мѣли, служащей ей основаніемъ, и что положеніе ея $46^{\circ} 28'$ — $46^{\circ} 42'$ ш. ю. и $145^{\circ} 48'$ — $146^{\circ} 22'$ д. з. — *Можетъ быть, что этошъ островъ есть островъ Holt Жемчужины, и*

слѣдственно , за предшествовавшимъ должны ос-
нащаться чesть oшкрышiя Биллингсгаузенoмъ и на-
званiе Ермолова.

О. Фюрно — купа низкихъ , обитаемыхъ земель ,
съ внутреннимъ лагуномъ, въ 60 миль окружноcтью,
лежащая подъ $47^{\circ} 6'$ ш. ю. и $145^{\circ} 24'$ д. з. (среди-
на). Ошкрышы Кукомъ въ 1773 году.

О. Приключенiя (Adventure) ошкрышъ имъ-же и
погда-же, и опредѣленъ подъ $47^{\circ} 4'$ ш. ю. и 146°
 $38'$ д. з.—Съ тѣхъ поръ никшо невидаль его.

О. Читагова. Купа низкихъ земель, на мѣли, дли-
ною 41-шь миль, ошъ В. С. В. къ З. Ю. З., и ши-
рокой на $3\frac{1}{2}$ мили, подъ $46^{\circ} 54'$ ш. ю. и $147^{\circ} 42'$
д. з.—Ошкрышы Биллингсгаузенoмъ, въ 1819 году.

О. Сакена. Ошкрышъ имъ-же. Купа земель, на
мѣли въ $43\frac{1}{2}$ миль, ошъ С. З. къ Ю. В., подъ 46°
 $29'$ ш. ю. и $146^{\circ} 36'$ д. з.

О. Рарака, ошкрышый , въ 1831 году, капиша-
номъ Ирлендомъ, низкiй, 15-20 миль пространс-
ва, подъ $46^{\circ} 6'$ ш. ю. и $147^{\circ} 46'$ д. з. (середина).

О. Витгенштейна , цѣпь землищъ, поспавленныхъ
на одной ошмѣли, въ 32 мили длиною , ошъ С. З.
къ Ю. В., при ширинѣ $9\frac{1}{2}$ миль, ошъ $46^{\circ} 32'$ — $46^{\circ} 3$
ш. ю. и ошъ $148^{\circ} 3'$ д. з. до $147^{\circ} 43'$.—Ошкрышъ
Биллингсгаузенoмъ въ 1819 году.

О. Санъ-Діега (Св. Іоакима), высокая земля, ош-
крышая Бонечеа , подъ $46^{\circ} 50'$ ш. ю. и $149^{\circ} 30'$ д.
з. (Сомнишелень).

О Грейга, купа низкихъ , необитаемыхъ острововъ, лежащая на мѣли, въ 17-ть миль окружноспью, подъ $46^{\circ} 41'$ ш. ю. и $148^{\circ} 41'$ д. з.—Открыта Биллингсгаузеномъ, въ 1819 году.

О. Карлсгофа, открытый Роггевейномъ въ 1722 году, видѣнный вновь Коцебу, въ 1824 году, низкій, лѣсисный , необитаемый, имѣющій 10-ть миль длины, отъ В. къ З., и четыре мили ширины. Положеніе— $45^{\circ} 27'$ ш. ю. и $147^{\circ} 48'$ д. з. (середина).

О. Паллизеръ. Эта купа острововъ, открытых Роггевейномъ , названа была имъ Гибельными островами, пошому, что одинъ изъ кораблей его здѣсь погибъ , а два другіе спаслись съ большимъ трудомъ. Жителей здѣшнихъ описывалъ онъ высокими, съ длинными волосами, и съ шѣломъ, испещреннымъ всякаго рода красками. Видъ ихъ былъ грубъ и свирѣпъ. Кукъ видѣлъ сіи острова въ 1774 году, и далъ имъ нынѣшнее ихъ имя; Вильсонъ замѣшилъ ихъ въ 1797 году; наконецъ , въ новѣйшее время, осматривали ихъ Биллингсгаузенъ, въ 1819-мъ , Коцебу въ 1824 году. Они состоятъ изъ четырехъ отдѣленій : перваго къ С., шестидесять миль окружноспью , $45^{\circ} 47'$ ш. ю. и $148^{\circ} 53'$ д. з. (середина); втораго къ С. В., 14 миль длины , 9 миль ширины , $45^{\circ} 28'$ ш. ю. и $148^{\circ} 29'$ д. з. (середина); третьяго къ Ю. В. (отдѣльное имя , острова *св. Елисаветы*), 19 миль длины отъ З. С. З. къ В. Ю. В. (середина), и наконецъ , четвертаго, къ Ю. З., около 20 миль протяженія отъ В. Ю. В. къ З. С. З., $45^{\circ} 46'$ ш. ю. и $149^{\circ} 5'$ д. з. (середина).

О. Румянцева, открытый и осмотренный Коцебу, въ 1816 году; низкий, пусынный, весьма лѣсисый, 8, или 9 миль въ окружности. Положеніе: $14^{\circ} 55'$ ш. ю. и $146^{\circ} 56'$ д. з.

О. Ура и *Тюкеа*, открыты въ 1616 году Шупеномъ, назвавшимъ ихъ *Бездонными* (Zondergrond), для показанія, что подлѣ нихъ онъ не нашелъ дна морю. Вѣроломные и воры, островитяне напали на Голландцевъ съ дубьемъ, и принудили ихъ сдѣлать; всѣ дрались, мужчины и женщины; первые употребляли пикъ, съ острыми каменьями, и пращи; другія просто руками душили непріятелей, хватаясь за горло. Дикари были высоки, складны, курносы, съ прорѣзанными ушами. Они дорого цѣнили желѣзо, и старались украсить все, что видѣли на кораблѣ. Байронъ остановился здѣсь; наименовалъ купу островами *Короля Георгія*, насильно сдѣлавъ высадку на берегъ и доспавъ нѣсколько кокосовъ. Въ лодкахъ дикарей садилось человекъ по 30-ти, ловко правившихъ ими. Байронъ видѣлъ здѣсь руль шлюпочный, и разныя мѣдныя и желѣзныя вещи, вѣроятно, остатки разбишаго корабля. Кукъ явился здѣсь въ 1774 году. Дикари не дерзнули драться, но казались невнимательны и грубы, такъ, что капитанъ удалился, боясь нечаяннаго нападенія, и на прощаньи выпрѣлилъ въ нихъ изъ пушекъ. Цвѣтомъ дикари были шемнѣе Таитянъ и по виду сильнѣе ихъ. Тапуажъ ошличался у нихъ изображеніемъ рыбъ. Мужчины ограничивали одежду маро; женщины были одѣшны болѣе. Привѣщивовали они носомъ. У нихъ видѣли собакъ, похожихъ

на Таиискихъ, только съ длинною бѣлою шерстью. «Для окормленія рыбы», говоритъ Форстеръ, «ди-
кари употребляютъ родъ кохлеаріи, называемый
ими *ину*; они перемалываютъ сію праву съ разны-
ми черепокожными». Почву земли составляютъ тон-
кій слой на коралловомъ грунѣ. Языкъ жителей
походитъ на Таиискій, только болѣе въ немъ гор-
ловыхъ звуковъ. Мораи сходны съ Таиискими. Изъ
новѣйшихъ осмошрѣлъ сіи острова Коцебу; по край-
ней мѣрѣ, южный, назвавши его остр. *Спиридова*,
ибо думалъ, что это новое открытіе. Въ 1824
году Коцебу опять былъ здѣсь, и упоршировалъ въ
мнимомъ открытіи своемъ.

О. Тіукеа. Купа низкихъ, лѣсистыхъ, обитае-
мыхъ земель, миль около 30-ти въ окружности,
подъ $14^{\circ} 27'$ ш. ю. и $147^{\circ} 41'$ д. з.

О. Ура. Опять цѣпь низкихъ лѣсистыхъ и насе-
ленныхъ острововъ, миль около 40—42-ти прося-
женія, отъ С. В. къ Ю. З. — Положеніе (средины)
 $14^{\circ} 39'$ ш. ю. и $147^{\circ} 27'$ д. з.

О. Вильсона, открытый симъ мореплавателемъ
въ 1797 году, и почтенный имъ за Тіукеа. Турн-
буль снова осмошрѣлъ сіи низкіе острова, лежа-
щіе на мѣли, 20-30 миль въ окружности. Поло-
женіе (средины): $14^{\circ} 28'$ ш. ю. и $148^{\circ} 30'$ д. з.

О. Потопленной земли (Waterland), открытый
Шушеномъ, въ 1616 году; жителей на немъ не-
было. Вильсонъ видѣлъ его въ 1797 году, и почелъ
островомъ Ура; Турнбуль былъ здѣсь въ 1803
году. Это купа низкихъ земель, на мѣли, около

20-30 миль окружности, подъ $44^{\circ} 36'$ ш. ю. и $148^{\circ} 45'$ д. з. (середина).

О. Летанія (Vliegen), открытъ въ 1616 году Шушеномъ, и названъ такъ по безсечному числу мусшиковъ. Роггевейнъ видѣлъ его въ 1722 году, и далъ ему названіе *Лабиринта*, по множеству мѣлей, его окружающихъ. По крайней мѣрѣ, къ этой купѣ можно приложить все, что говоритъ онъ объ островахъ, лежащихъ въ 25 льё отъ острововъ Погибельныхъ, сказывая, что они протягиваются на 30 льё въ длину. Какъ-бы то ни было, Байронъ, бывшій у нихъ въ 1765 году, и обошедшій ихъ съ сѣверной стороны, назвалъ ихъ по своему, *остр. Принца Валлійскаго*. Жемчужина наименовала ихъ, въ 1803 году, *остр. Настоятеля (Dean)*. Коцебу былъ здѣсь въ 1816 году, и говоритъ, что они образуютъ цѣпь лѣсисныхъ острововъ, болѣе 70-ми миль протяженія (отъ В. Ю. В. къ З. С. З.), при ширинѣ, по крайней мѣрѣ, 20 миль, съ внутреннимъ лагуномъ. Положеніе: $44^{\circ} 49' - 45^{\circ} 24'$ ш. ю. и $149^{\circ} 18' - 150^{\circ} 18'$ д. з.

О. Крузенштерна. Коцебу открылъ его въ 1816-мъ, Биллингсгаузенъ осматривалъ въ 1819 году. Цѣпь низкихъ острововъ окружаетъ лагунъ, среди коего возвышается лѣсисный островъ. Отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З. протяженіе 15 миль. Положеніе (средины) 45° ш. ю. и $150^{\circ} 34'$ д. з.

О. Лазарева, маленькій, пусынный, открытый въ 1819 году Биллингсгаушеномъ, длиною на $5\frac{1}{2}$ миль, отъ В. къ З., и донынѣ самый западный изъ

всего Помошускаго архипелага. Положеніе: $44^{\circ} 56'$ ш. ю. и $151^{\circ} 5'$ д. з.

О. Матіа. Таишянинъ Тупаіа говорилъ объ немъ Куку, въ 1769 году, и поставилъ его исправно на каршѣ острововъ, копорые называлъ онъ Матте-Гива, или Маттеа. Бонечеа слышалъ объ нихъ въ 1774 году отъ Таишскаго лоцмана, но Турнбуль первый лично видѣлъ ихъ въ 1803 году. Онъ описываетъ ихъ плоскими, довольно возвышенными, видимыми за 7—8 льё съ моря, и покрытыми богатымъ произрастаніемъ. Жемчужина останавливалась здѣсь въ прекрасной гавани подъ вѣтромъ, и въ сношеніяхъ съ шугемцами обошлась безъ непріязни. Нравы, обычаи, одежды, дома, лодки имѣли много сходства съ Таишскими. Только все это казалось грубѣе и не столь утонченно. Видѣли здѣсь лодку, прибывшую за нѣсколько времени изъ Таиши, для взятія дани. По всему, сей островъ можно лучше причислить къ Таишскимъ, нежели къ Помошускимъ. Биллингсгаузенъ былъ здѣсь въ 1819 году, и говоритъ, что окружность земли будетъ около 4-хъ миль. Положеніе: $45^{\circ} 53'$ ш. ю. и $150^{\circ} 39'$ д. з.

ГЛАВА LVIII.

ОСТРОВА ТАИТСКІЕ. ПРЕБЫВАНІЕ.

Едва прошли сушки съ тѣхъ поръ , когда мы потеряли изъ виду архипелагъ Помошу , и уже уединенная вершина Маишіа очеркивалась передъ нами. По мѣрѣ приближенія нашего къ сему острову, товарищу Таиши , легко было оплечить и разсмотрѣть въ подробностяхъ другую природу , другой геологическій составъ , нежели каковы были видѣнные нами въ безчисленныхъ утесахъ , мимо коихъ бродили мы уже сполько дней. Не нѣсколько шощихъ деревъ на коралловыхъ обломкахъ , не бездонные внутренніе лагуны , не безплодные песочныя кошки , не побережья , только пшицами морскими заселяемая , не утесы , вровень съ водою , предсавлялись намъ , но—сѣнистыя вершины , пересѣкаемые мрачными и свѣжими рышвинами , попоки и высокоствольныя деревья , богатая , роскошная зелень , обработанныя лощины , селенія , скрытыя подъ навѣсами кокосовъ.

Пендлешонъ зналъ , что припасы на Маипіа дешевле, чѣмъ на Таиши. Онъ отправилъ Филипса къ берегу въ лодкѣ. Я отправился съ нимъ. Мы поплыли къ ю. части острова, самой людной, и путешественники уже такъ хорошо привыкли къ подобнымъ посѣщеніямъ , что мы нашли на прибрежьи спада свиней и корзины, полныя плодами и овощами. Съ обѣихъ сторонъ пошорговались въ цѣнѣ , но согласясь однажды , свято соблюдали продавцы свои условія, недумая ни обворовать, ни оплушовать насъ. Только издали поглядѣлъ я на селеніе, видъ котораго являлъ довольство. Спрошенія казались опрятны, были огорожены. Мнѣ указали христіанскую часовню, овальное строеніе, церковь для всего острова.

Маипіа , земля волканическаго происхожденія, не болѣе 5—6 миль окружности. Бысота ея , слѣдуя Бичею , около 4250 футовъ отъ поверхности Океана. Небольшое народонаселеніе здѣшнее зависитъ отъ Таиши , по крайней мѣрѣ , со времени открытія. Первый Европейецъ , видѣвшій сей островъ , былъ Испанецъ Квирозъ въ 1606 году. Онъ назвалъ его *Dezena* ; Валлисъ былъ здѣсь въ 1767 году, и переименовалъ островъ *Оснабрикомъ*. Онъ мѣнялся съ жителями , а за воровство награждалъ ихъ нѣсколькими выстрѣлами. На слѣдующій годъ явился Бугенвиль, съ новымъ именемъ острову—*Будуаръ*, а въ 1772 году пришелъ Бонетеа, и вздумалъ передѣлать имя его въ *San-Chrisloval*. Пошомъ всѣ мореплаватели , посѣщавшіе Таиши съ В. стороны видѣли и осматривали Маипіа. Онъ находится подъ 17° 53' ш. ю. и 150° 25' д. з.

За Маишіа небосклонъ прояснился передъ нами, и почпи незамѣнно открывалась вдали, на разстояніи 90 миль, вершина Таиши, темнѣя почкою надъ обзоромъ, какъ будто маленькій ушесъ. То скрываясь, то вновь мелькая яснѣе, почка эша разраспалась непрерывно до самаго захожденія солнца. Всю ночь шли мы прямо къ землѣ, и съ разсвѣтомъ великолѣпное зрѣлище было передъ нашими взорами: передъ нами былъ онъ, эшотъ очаровательный островъ Таиши, царь Полинезійскій, мѣсто образованія Европы среди дикарей Океаніи; мы могли обхватишь общность красотъ его, разсмотрѣшь разнообразіе его подробностей, многочисленные и разповидныя вершины его, глубокія, уединенныя долины, лѣса, висящіе по ребрамъ горъ, или, какъ вѣнцы, колеблющіеся на пучныхъ вершинахъ. Мы могли удивляться ей, эшой дивной землѣ, дочери огнедышащихъ горъ, съ ея двойнымъ поясомъ — однимъ изъ морской пѣны и серебра волнъ на прибояхъ, другимъ изъ песчропы и зелени произрастанія по побережью. Да, эшо былъ мечпашельный Таиши, островъ Валлиса, Бугенвила, Кука, гостинница, всегда опшверстая кораблямъ, земля состраданія къ ихъ опасностямъ и бѣдамъ, гостепріимная среди сполькихъ непріязненныхъ архипелаговъ, великодушная, искренняя, гошсовая, шакъ быспро принимающъ образованіе общесшвенное—Таиши былъ передъ нами, брилліантъ пяшой часши свѣта, Колумбомъ кошорой былъ безсмертный Кукъ!

Когда насталъ день, мы были почти близъ цѣли нашего назначенія. Мысъ Венера, образуя самый сѣверный уголъ острова, остался отъ насъ въ 5-ти миляхъ на З. Ю. З., и черезъ три часа могли мы спастъ въ Мапаван, главной Таишской гавани. Бывалый знакокъ здѣшнихъ мѣстъ, Пендлешонъ шелъ прямо, когда лодка вдругъ выплыла изъ за-ушеса; на кормѣ ея находился дикарь, одѣтый въ жилетъ и панталоны, но босой. Онъ быстро взобрался на палубу. «А! это ты, Тѣмъ!» сказалъ Пендлешонъ — проспалъ, пріѣхалъ! Видишь, что твое дѣло почти въ половину сдѣлано. Да, нѣтъ нужды—прибавилъ капишанъ, замѣтивъ смущенный видъ лоцмана—шѣмъ лучше докончишь ты оставшее. Бери корабль подъ свою команду!» Бѣднякъ ободрился. Онъ принялъ гордый видъ, какъ будто какой нибудь лоцманъ Руана, или Урайта, пошелъ на кубрикъ, поглядѣлъ на компасъ, схватилъ рупоръ и началъ распоряжаться. Океанія повиновалась ему; въ 10-ти шуазахъ прошли мы мимо Дофинова ушеса, и въ 9 часовъ утра, 14 Апрѣля, спали на якорѣ, при довольно сильной волнѣ, въ заливѣ Мапаван.

Едва остановились мы, и еще не успѣли убрать парусовъ хорошенько, нашъ корабль уже превратился въ шумный базаръ. Сорокъ шеземныхъ лодокъ окружали насъ, и вскорѣ вся палуба покрылась плодами, кореньями, изваянными пагаями, и особливо превосходными раковинами. Все это предлагалось въ промѣнъ на предметы Европейской промышленности, плашья, рубахи, шляпы, чего жадно

требовала толпа продавцовъ. Никакое описаніе не можешъ передать забавнаго зрѣлища, какое было тогда передъ нами. Описывая Гаваи, говорилъ уже я о смѣшеніи одеждъ и уморишельномъ употребленіи одежды Европейской. Здѣсь являлось все это сто разъ смѣшнѣе. У каждаго дикаря былъ клочекъ чего нибудь Европейскаго, а осташокъ шѣла весь голой, или прикрытый рогожкой. Одинъ Таинянинъ прогуливался шунъ просно нагой, обернувшись по срединѣ своимъ маро, но — на ногахъ его были надѣшны жокейскіе сапоги, съ бѣлыми ошворошами. На другихъ были только панталоны; на иномъ только шляпа. А всего милѣе являлись люди въ красныхъ мундирахъ съ Англійскими эполетами, и предсавъше себѣ мундирныя фалды эшихъ господъ на голыхъ и пашуированныхъ лядвяхъ, безъ прибавки всякаго другаго прикрытія!

Не менѣе любопытно было наблюдать за сценами мѣны и торговли. Легко можно было замѣшнъ, что сообщеніе съ Европейцами ушнчло уже коммерческія свѣдѣнія дикарей. Немѣняясь еще, они брали предлагаемую вещь, смолрѣли, переворачивали ее всячески; пошомъ, недовѣряя себѣ, спрашивали шоварищей о пользѣ и выгодѣ промѣна. Но заключивши шоргъ, уже никшо не спорилъ. Въ большомъ ходу было въ шо время всякое плашье, ибо миссіонеры, спараясь уничтожнть пашуажъ, приказывали всѣмъ и каждому одѣваться по-Европейски. Но кромѣ плашья шребовались порошокъ, ромъ, домашняя ушварь; пошомъ дикари головы

были купить что попало, и чѣмъ курьёзнѣе была вещь, тѣмъ больше нравилась. При всякой мѣнѣ была нѣкошорая условность цѣны, кошорой основаніемъ служили Испанскіе піаспры. Иногда наличные, они переходили изъ рукъ въ руки; въ другой разъ торговались на цѣнность ихъ по количеству шовара. Такъ, на примѣръ, четвертная бушылка рому, два аршина выбойки, аршинъ леншъ, клочекъ серебрянаго, или золошаго галуна, приводились въ мѣру прошивъ піаспра. Наши мапрозы пустились въ шоргъ всякою вещью, и даже самъ великолѣпный Филиппъ съ полчаса торговался о шаромъ исподнемъ плащѣ, синяго цвѣта, кошорое, впрочемъ, невзяли-бы Европейскіе вещьники. Я также вмѣшался въ торговлю, шараясь достать нѣсколько превосходныхъ раковинъ, какія собираются на здѣшнихъ мѣляхъ.

Совершенно занятой тѣмъ, что происходило у меня передъ глазами, сначала незамѣчалъ я, что многіе изъ туземцевъ, подходя ко мнѣ, нашептывали мнѣ слова: *Taio, Taio*, съ какимъ-то таинственнымъ умиленіемъ. Уже въ прешій разъ ухо мое было поражено симъ словомъ, когда Филиппъ находился подлѣ меня, радуясь, что сбылъ наконецъ свой шоваръ, нехуже какого-нибудь ловкаго жида. «Да,» сказалъ онъ мнѣ — «выбрали-ль вы таіо?» — А что это такое? — спрашивалъ я. — Объ немъ говорятъ уже мнѣ — изъясните, что такое таіо? — «Это значить другъ, съ кошорымъ мѣняюща именами, защитникъ, покровитель, спутникъ вашъ на Таити. Здѣсь нельзя быть безъ таіо,

и онъ такая-же необходимость, какъ палка на улицѣ Нью-Йорка.» — Спранный обычай! — « Въ немъ есть выгоды и убытки. Между двумя шаю все бываетъ общее, и большею частію, за личныя выгоды Европейецъ плапашъ карманомъ. Впрочемъ, шаю не изъ знашнаго званія больше слуга вашъ — смѣло берите изъ проснолюдиновъ, а вошъ, избави васъ Богъ отъ знамениаго шаю! Спросите-ка у Пендешона, чего споишъ ему его великій другъ, бывшій секретарь правительсва, Упа-Пару. Точно бочка бездонная—что ни лей, все мало! Да, еслибы только смѣлъ, онъ попросилъ-бы опдашъ ему Океанію. Нѣтъ! отъ такой жадной акулы подальше, а шаю выберите вамъ надобно, товарищъ! Безъ этого и на берегъ неходите.»

Съ волками должно вышъ, и я принялся выбирать себѣ Пилада изъ присущесвовавшихъ дикарей. Въ числѣ ихъ замѣшилъ я одного, болѣе другихъ скромнаго, и молчаливаго. Онъ поднесъ мнѣ въ подарокъ разныя мѣлочи, и нѣсколько разъ, приближаясь къ моему уху, нашепывалъ мнѣ: *Прансезъ коти таю турви!* Непонимая значенія сихъ словъ, я не отвѣчалъ. Но когда Филипсъ изъяснилъ мнѣ шайну, я поспѣшилъ призвать къ себѣ Ошури (имя Таишянина), и при помощи одного Англичанина, поселившагося на Таиши, мы условились съ нимъ на вѣчную дружбу и общность имѣнія. Онъ долженсвовалъ быть моимъ пушеводилемъ и покровителемъ на Таиши. Новый другъ мой былъ просной *раатира*, честный, почтенный помѣщикъ, весьма уважаемый земляками, еще не-

старый, съ выраженіемъ доброты на лицѣ, не очень красивомъ. Уже не первый я, но многіе Европейцы прежде меня избирали его своимъ alter ego. За семь, или за восемь лѣтъ прежде, при бытности здѣсь Французской корветки *Раковина*, Опури былъ таіо лейтенанта Дюмонъ-Дюрвиля, и имѣлъ отъ него письменное свидѣтельство въ честности и дружбѣ. Едва только утвердилъ я на немъ мой выборъ, добрякъ совершенно предался моимъ услугамъ; при помощи двухъ служителей, сопровождавшихъ его, онъ завалилъ мою каюшу кокосами, бананами, еви, шканями, копьями, красивыми пагаями. Я думалъ немедленно заплашишь за его подарки также подарками, но онъ объявилъ, что *сегодня* ему нельзя ничего принять. Такъ велишь обычай. *Завтра* совсѣмъ другое дѣло, и мой чередъ показывать свою щедрость.

Зная, что намъ недолго оспаваться въ Мапавай, я хопѣлъ съ пользою употребить все мое время.

На другой день, съ разсвѣтомъ, мой таіо ждалъ уже меня на палубѣ. Я сошелъ въ его лодку, и обогнувъ мысъ Венеры, онъ высадилъ меня на берегу прошока, здѣсь впадающаго въ море. Недалеко отсюда увидѣлъ я домикъ миссіонера Вильсона, и небольшую часовню, къ нему прилежащую. Мы посѣтили это зданіе, построенное по образцу земныхъ хижинъ, съ тѣмъ только различіемъ, что со всѣхъ сторонъ были у него окна отъ пола до полу, съ оконницами во всю длину отъ вершинъ. Въ семъ храмѣ могло помѣститься до 300

человѣкъ, сидя на скамейкахъ, довольно опрятныхъ. Небольшое кладбище окружало церковь. День былъ воскресный; церковь полна народомъ, женщины съ одной, мужчины съ другой стороны, но все собраніе было такъ странно одѣто, что не смотря на свяшность мѣста и предметъ сборища—я едва нерасхохотался. Можно было подумать, что мы пришли въ самый уродливый маскарадъ, магазинъ смѣшныхъ костюмовъ, вѣпошный рядъ въ лицахъ. Дыроваыя, истасканныя плащя, бальныя робы, кошорыхъ и служанки уже неносящъ, одежды паяцовъ — словомъ, все, что выкидываютъ изъ лоскупныхъ лавокъ въ нашей части свѣта, было свезено на Таиши, куплено и надѣто дикарями. Миссіонеры сполько напвердили бѣднякамъ о необходимости одежды, что Таишяне, за всякую цѣну, прикрыли себя лохмотьями, кошорые навезли и все еще возящъ къ нимъ Англичане и Американцы. Наши маэпрозы сбыли здѣсь всю свою вешю, и оставили себѣ только самое необходимое. Особенно понравился мнѣ теперъ одинъ дикарь, завернуый въ широкій плащъ, будно гидальго Испанскій; башмаки съ пряжками были у него на ногахъ при этомъ плащѣ, и—ничего болѣе небыло. Онъ горделиво сморѣлъ на земляковъ своихъ, хвасая обширностью своей покрышки и блестящею обувью. Впрочемъ, онъ и могъ хвасать свободною своею одеждою потому, что многимъ плащя были узки, и они едва шевелились, епянуыые и распянуыые въ чемъ попало. Щеголь въ плащѣ могъ размахивать руками, какъ ему было

угодно, а у иныхъ руки были распырены, будно крылья вѣтряной мѣльницы, и они не могли пошевелишь ими. Женщины, вообще некрасивыя, являлись одѣшы нелучше мужчинъ. На иныхъ напянушы были мужскія рубахи, такъ, что ноги оспавались голыя; другіе задрапировали себя въ длинныя, узкіе лоскущя, словно въ саваны. Почши у всѣхъ, сприженныя головы прикрыты были маленькими шляпками на Англійскій манеръ, съ запачканными леншами и изношенными цвѣшами. Цвѣшная роба соспавляла верхъ роскоши—но *какая* она была, и *какъ* надѣша—неспрашивайше! Я и шеперь не могу вспомнишь безъ смѣха.

Несмошря на спранность одежды нельзя было однакожь безъ прогашельнаго умиленія смошрѣшь на собраніе, сидѣвшее въ порядкѣ, безмолвно, шихо, важно. Стоя близъ своего палоя, миссіонеръ Вильсонъ пѣлъ псаломъ, и ему впорили нѣкоторыя присущспвующіе, хошя и неочень согласнo. Пошомъ, онъ прочишалъ главу изъ Библии, оспанавливаясь по временамъ и спановаясь на колѣни, между шѣмъ какъ слушапшеля кланялись въ землю. Такъ продолжалось около полу-часа, при глубокомъ благоговѣніи. Едва шолько, украдкой, нѣкоторыя изъ молодежи взглядывали на меня, угадывая, что я новоприбывшій госпъ на Таиши.

При выходѣ нашемъ изъ церкви, мой шаіо далъ мнѣ замѣшишь на другомъ берегу прошока жилище Ношша, наспоашеля всѣхъ Таипскихъ миссіонеровъ и воспишашеля юнаго царя Помаре. Подлѣ церкви, все на берегу прошока, находишся и цар-

ское жилище, служащее мѣстомъ пребыванія для Двора, когда онъ бываетъ въ Мапавані. Это красивый домъ, окруженный овощнымъ огородомъ, обсаженный плодовитыми деревьями всякаго рода. Особенно замѣнилъ я тушь плантацію шаро, ушучаемую поливкой.

Послѣ взгляда на главнѣйшія зданія, мы отправились къ приморью, находящемуся около приспани. Тушь построено въ рядъ нѣсколько хижинъ, и мы увидѣли сидящихъ и стоящихъ обитателей ихъ, занятыхъ рукодѣльемъ, или отдыхавшихъ съ женами и дѣтьми. Всѣ почти привѣщивали меня, когда проходилъ я мимо, ушчивымъ *ia urana*, что можно почести нашимъ Европейскимъ *Bon jour*. Иные были шакъ даже уштивы, что приглашали меня завернуть въ ихъ жилища и отдохнуть; тушь, прыгая и играя вокругъ меня, дѣти приносили мнѣ цвѣтовъ, раковинъ, бабочекъ. Весь этотъ народъ былъ сплошь крошкѣ, спокоенъ, гостепріименъ; я узнавалъ въ немъ Таипянь Валлиса, Бугенвиля и Кука. Только одного не видалъ я—красавицъ, сплошь расхваленныхъ прежними мореплавателями. Всѣхъ встрѣчаемыхъ мною дикароковъ, всего менѣ можно было похвалить за красоту. Упомянутыя преждевременно, съ чертами лица болѣе непріятными, нежели правильными, едва-ли только между немногими молоденькими дѣвочками, копорымъ юность придаетъ нѣкоторую прелестъ и свѣжестъ, Таипянки оправдываютъ свою прежнюю славу. Женщины Нукагивскія несравненно красивѣе ихъ. Но ошъ чего-же въ шестидесятъ лѣтъ

произошло такое перерожденіе въ физическомъ типѣ здѣшняго народа? Развѣ первоначальные мореплаватели Океаніи назвали превосходнымъ только порядочное, и уже съ излишкомъ расхвалили, превознесли здѣшнихъ туземцевъ, конечно, замѣчательныхъ подлѣ Негриптянской породы Меланезовъ? Обошленіе послѣ долговременнаго плаванія, видѣженіи, съ кошорами такъ давно не видались, желаніе обогатить поэтическими картинами снрансвованія, и безъ того споль романическія — все эшо не поясняетъ-ли разительной противоположности двухъ эпохъ? Хотя, дѣйствительно, совершилось существенное перерожденіе и сдѣлалось обезлюдненіе на Таипи со времени открытія, тѣмъ болѣе однакожь должно ссыласться на всѣ упомянутыя мною отношенія, что въ мужчинахъ незамѣтно упадка, равнаго упадку женщинъ, а физическое перерожденіе одного пола, когда другой уцѣлѣлъ болѣе, кажется, будетъ дѣло споль-же нелѣпое сколь и неизъяснимое. Прибавлю наконецъ, что и употребленіе Европейскихъ лоскутьевъ, вмѣсто прежняго, дикаго, живописнаго наряда, должно почестъ весьма губительнымъ для внѣшней красоты здѣшнихъ дикарей, и для впечатлѣній, какія опъ того слѣдуютъ.

Заглянувши въ прибрежныя хижины, Опури далъ мнѣ отдохнуть подлѣ входа въ одну изъ нихъ, по видимому, болѣе другихъ красивую, таинственно прикрытую кокосами. Эшо было жилище значительной особы въ Машаваи. Мы хотѣли въ него войдши, когда увидѣли Пендлешона, идущаго съ

боковой дорожки, въ сопровожденіи исполина, па-шагона Океанійскаго. Великанъ эпошъ былъ Уна-Пару, таіо Пендлешона, и красивый домикъ принадлежалъ ему. Вообразите себѣ человѣка лѣтъ пятидесяти, въ 6 фушовъ, 2 дюйма вышиною, и по крайней мѣрѣ, фушовъ семи въ окружности. На эшой громадѣ мяса предсавыше себѣ дѣтское лицо — такъ было оно запечалѣно крошостью и ласковостью. Пендлешонъ предсавилъ меня, и Уна-Пару потчасъ пригласилъ меня опдохнуть въ его жилищѣ, прося почищать домъ его моимъ домомъ и слугъ его моими слугами. Мы опправились всѣ вмѣстѣ, и я препеналъ, чшобы великанъ не повалился какъ нибудь на насъ—онъ измалъ-бы насъ совершенно. Въ жилищѣ его нашли мы полу-дикую, полу-Европейскую роскошь; пять опличныхъ, вычищенныхъ ружей находилось тушь на сшойкѣ, рядомъ съ головами и красивыми па-гами.

Опсюда пошли мы гулять по Машавайской долинь. Насъ было шеперь двѣ парочки друзей, Пендлешонъ, я, два наши таіо. Сперва полагалъ я рѣшительно невозможнымъ какое либо движеніе для уродливой груди мяса, именовавшейся Уна-Пару, но шѣмъ болѣе удивился я, видя, чшо эша груда легко опереживаетъ насъ своими ужасными ножищами.

Подобно Гаваю, внутри необитаемый, Таиши населенъ шолько по побережью. Способная къ обитанію, или лучше сказать, обитаемая часть земли

ограничивается только полосой в 300—400 шаговъ около моря, въ иныхъ мѣстахъ, нерѣдко, суживаясь даже до 450 шаговъ. Мапаваи есть одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ расширяется она наиболѣе, ибо пошокъ, текущій изъ внутреннихъ рывинъ, образуешь здѣсь небольшую наносную долину, въ полъ-лѣе пространствомъ во всѣхъ направленіяхъ. Если-бы можно было охранить сію землю отъ разливія водъ, изъ нея образовалась-бы долина удивительно плодоносная.

Почти въ полу-миль отъ мыса Венеры, мы увидѣли часть большой дороги, чуть не совершенно обхватывающей весь островъ. Дорога эта широка, прекрасна, дославно возвышена надъ лежащими по сторонамъ ея землями, и съ обоихъ боковъ опдѣляется канавами для стока воды. Деревянные мосты брошены надъ пошоками, такъ, что теперь есть по острову сухимъ путемъ сообщеніе отъ одного селенія къ другому, несмотря ни на какое разстояніе.

«Взгляните на эту дорогу,» сказалъ мнѣ Пендешонъ, «и согласитесь, что это необыкновенный подвигъ въ землѣ столь бѣдной. Но способъ, которымъ она устроена, еще необыкновеннѣе. Грѣхи Тайшанъ и шалости Тайшанокъ уравниали, уладили это шоссе и прорыли эти каналы. Вы смѣшаетесь? Но, право, такъ. Гражданскія наказанія и духовныя эпитимьи направлены здѣсь къ общей пользѣ. Здѣсь неосуждаютъ ни на пеню, ни въ шюрму, ни на галеры—осуждаютъ только на об-

дѣлку дороги, какъ въ Кишаѣ на разсѣпѣ бамбукомъ. Количесство урока размѣряется важностью пресупленія и переходитъ отъ двухъ шуазовъ до соппи. Осужденный обязанъ исполнить работу самъ, или посредствомъ друзей, либо подвластныхъ. Выходитъ, что бѣдняки работаютъ сами; господинъ, помещикъ высылаетъ на дорогу своихъ служителей; молодая дикарка велишь выполнять урокъ своимъ обожателямъ. Спарухамъ и некрасивымъ изъ женщинъ, какъ равно шѣмъ изъ мужчинъ, кому нѣчемъ нанять, осмѣается работать лично. Пощады никому нѣтъ. Видите, что немного надобно было времени для установленія различій въ званіяхъ на Океанійской землѣ. Мысль — пользоваться шалостями для общаго блага, была бы превосходна, если-бы не перешли при томъ за предѣлы. Спараясь добыть побольше работниковъ, Миссіонеры учредили на Таиши родъ тайныхъ лазутчиковъ, а это повело къ лицемерству и обману. Излишество спросовъ породило скрытность — грѣшатъ больше прежняго, только скрываютъ грѣхи. Повелили Таиши, неограниченные судіи дѣлъ и совѣсти, Миссіонеры долго могли-бы сохранить власть свою, еслибы неупотребляли ея во зло; теперь она ослабѣваетъ, и этому они сами виною.

« Помаре II-й, » продолжалъ Пендлешонъ, « былъ Кловисомъ, Констаншиномъ Таиши. Первый онъ обратился въ христіанство, и туземцы слѣдовали его примѣру. Всю жизнь свою являлся онъ усерднымъ христіаниномъ, и не только забо-

шился о распространеніи новаго ученія, какъ го-
 сударь, но самъ исполнялъ обязанности проповѣд-
 ника вѣры; ему одолжены первымъ переводомъ
 Евангелія на Таишскій языкъ. Религія христіан-
 ская была при немъ цвѣтущею, но Миссіонеры не
 имѣли однакожь власпи, и едва покушались они
 распространить ее, Помаре удерживалъ и ограни-
 чивалъ ихъ. Пошому они мало объ немъ сожалѣли.
 Малолѣтство наслѣдника показалось имъ споль
 удобнымъ средствомъ вознаградишь себя, что они
 воспользовались имъ, безъ всякой мысли о слѣд-
 ствіяхъ. Помаре III-й былъ опданъ подъ опеку
 ихъ, и его, какъ Іоаса, воспитали во храмѣ. Безъ
 преждевременной кончины сего юнаго царя, на Та-
 иши была-бы шеперь полная Реформашская оеокра-
 шія. Когда надобно было назначишь преемника По-
 маре III-му, умершему почти въ дѣтствѣ, волею
 и неволею Миссіонеры возвели на шронъ юную
 княжну Аимашу, подъ именемъ Помаре-Вагине I-й.
 Аимаша молодая женщина, лѣтъ 17-ти, живаго
 характера, непокорной воли, огненнаго шемпера-
 менша. Ошказываясь ошъ управишелей и наставни-
 ковъ, она возобновила при Дворѣ своемъ еще не-
 забышые безпорядки жизни знаменишой Иди, жены
 предка своего Помаре I-го. При началѣ царшво-
 ванія соблюдали еще нѣкошорую умѣренность, но
 мало по малу, ободряемая примѣромъ машери сво-
 ей и шешки, Аимаша совершенно предалась увле-
 ченію своего пламеннаго характера. Чшо ошавало-
 лось дѣлашь миссіонерамъ? Аимашу нельзя было
 осудишь на сто пуазовъ расчищенія дороги. А

между шѣмъ Дворъ пустился ей подражать ; онъ являлся лицомъромъ при воспитанникѣ Миссіонеровъ , и сдѣлался развратнымъ при новой Мессалинѣ. Примѣръ высшихъ опразился на всемъ Таиши. До сихъ поръ , Миссіонеры не придумаютъ никакихъ средствъ прошивъ несчастнаго порядка дѣлъ. Нѣсколько разъ помышляли о томъ , чіюбы лишишь власти недостойную повелительницу Таиши, но никто не смѣетъ пристуишь къ перевороту , смоль опасному и незаконному. Пасторъ Вильсонъ сей часъ только сказывалъ мнѣ о собраніи недовольныхъ старшинъ въ Папай-Иши. Признаюсь, больно подумашъ, что Таиши грозятъ новыя бѣдствія.

« Но это еще не все. Угрожаемые въ своемъ Таишскомъ царствѣ , Миссіонеры неменѣе безпокоятся о томъ , что происходитъ въ ихъ главномъ Лондонскомъ управленіи. Тамошнее Общество Миссій , которому они подчиняются , осуждаетъ честолюбивое поведеніе своихъ сочленовъ. Въ Лондонѣ говорятъ, что Океанійскіе проповѣдники слишкомъ много и слишкомъ усердно вмѣшиваются въ мірскія дѣла ; что если они не присваиваютъ себѣ вполнѣ власти , то занимаются сборомъ имѣній , дѣлаются помѣщиками, даже шоргашами. Общество рѣшишельно полагаетъ , что все это неприлично, ни духу христіанскаго ученія, ни смыслу данныхъ Миссіонерамъ наставленій , и что время уже напомнишь пастырямъ Океанійскимъ слова Спасителя: « Царство мое нѣсть отъ міра сего. » Обращая все это къ вопросу о Таи-

ни , думаютъ о томъ , что если Таити теперь совершенно обращенъ въ христіанскую вѣру, нѣтъ никакой опасности оставить его безъ Европейскихъ Миссіонеровъ , поставивъ имъ въ обязанность идти проповѣдывать слово Божіе въ другихъ странахъ Океаніи, дикихъ и идолопоклонническихъ. Можете понять , какъ подобные толки превозносятъ здѣшнихъ паспортовъ , при мѣстныхъ затрудненіяхъ?»

Разговаривая такимъ образомъ мы взошли на холмъ , самый возвышенный въ сей части острова. Отсюда могли мы обхватить взорами: Мапавай, его хижины, его часовни, его купы кокосовъ и хлѣбнаго дерева; мысъ Венеры, съ его флагомъ на мачтѣ; налѣво отъ насъ были дворцовыя поспроенія Папаоа , бѣлѣвшія между другими, и все это окруженное поясомъ морскихъ прибоевъ, по кошорымъ мелькали лодки дикарей. На этомъ холмѣ , въ хижинѣ, кошорой видны еще останки , всегда останавливался Помаре, когда путешествовалъ изъ Папаоа въ Мапавай. Валлисъ и Кукъ называли это мѣсто *Мысомъ дерева*, по одному отдѣльному дереву, кошорымъ кончилось оно къ морю.

На слѣдующіе дни я усердно продолжилъ мои прогулки. Добрый мой паіо хотѣлъ , чтобы прежде всего посѣпилъ я жилище его внутри острова. Въ Мапави былъ у него только маленькій пріютъ. Настоящее пребываніе , гдѣ находились жена и дѣти его, было между Мапавай и Папаоа. Полчаса пути довели насъ до этого помѣщенія , опрятнаго и хорошо устроеннаго. Извнѣ , все

свидѣтельствовало заботливую тщательность, внутри все показывало довольство. Четыре, или пять ружей, нѣсколько мужскихъ и женскихъ одеждъ, домашней утвари, и особенно бушлоковъ и горшковъ, являлись, какъ воспоминанія, оставленные Европейскими таіо. Гостепріимство было здѣсь шѣмъ дѣйствительнѣе, что оно было привычно и приносило пользу. Жена Ошури встрѣтила меня съ опверстыми объятіями; она была уже немолода, но двѣ дочери, лѣтъ по 14-ти и 16-ти, казались гошовыми всячески обласкавъ меня, если-бы, по Таишскому обычаю, я даже многого попребовавъ, какъ таіо опца ихъ. Могу увѣришь, что я неоскорбилъ скромности Таишскихъ красавицъ — ни однимъ взоромъ нескромнымъ! Все ограничилось великолѣпнымъ обѣдомъ на Таишянскій манеръ. Свинья, цѣликомъ зажаренная, пара вареныхъ курицъ, рыба, испеченная въ банановыхъ листьяхъ, плоды хлѣбнаго дерева, бушылка рому съ водою — вопшъ что соснавило нашу пирушку. Кончивъ обѣдъ, началъ я угощать моихъ ласковыхъ хозяевъ подарками. Ихъ составили: старый писполешъ, красный мундиръ, двѣ бѣлыя, двѣ цвѣтныя рубахи, и наконецъ вещь, о важности кошорой я и воображать немогъ — шри аршина мишурнаго, позолоченнаго галуна, съ прибавкой нѣсколькихъ ножиговъ, зеркальцовъ и пронизокъ. Видъ галуна произвелъ такой воспоргъ, что всѣ, отецъ, мать, дочери, начали прыгать по хижинѣ. Сперва Madame Ошури бросилась ко мнѣ на шею; потомъ обняли меня обѣ дочери; я думалъ, что меня задушашъ изъ благо-

дарности. «Неговори никому, что ты намъ это подарилъ!» шептали мнѣ всѣ. Я вовсе непонималъ ошъ чего происходяшъ такая радость, такой восторгъ, и только на другой день, когда я спалъ спрашивать у Пендлешона, объяснилось мнѣ, что золошой галунъ былъ самою модною вещью на Таиши; что многія изъ знаменитыхъ, красивыхъ и недоспунныхъ Таишскихъ дамъ дружески обошлись-бы со мною за мой вчерашній подарокъ, и что при аршина его можно оцѣнять — почти въ пятьдесятъ свиней. Мода вездѣ всеильна, но я былъ сердечно радъ, что вовсе нечаянно успѣлъ показать свою щедрость доброму Ошури и его семейству. Прибавлю, что въ замѣнъ этого преданность его ко мнѣ доходила съ тѣхъ поръ до фанатизма. Онъ гошовъ былъ для меня въ огонь и въ воду, былъ неоплутнымъ моимъ спутникомъ, квартирмейстеромъ и мешпрдошелемъ, безъ всякой платы. Мой галунъ не даромъ пошелъ.

Первая прогулка наша внутрь острова ограничилась прелестною долиною Матавайскою. Ошпаваясь на разсвѣтѣ, мы перешли прошокъ, Ошури вбродъ, а я на его плечахъ. Потомъ, направляясь къ горамъ, мы прошли всю эту долину, нынѣ безлюдную, а во времена Кука сполъ населенную. Земля была однакожь превосходна, какъ прежде, и покрыва рощами кокосовъ, хлѣбнаго дерева и спондій. Въ прехъ миляхъ ошъ приморья, долина суживается, горы сближаются; до сихъ мѣстъ одѣшны кустарникомъ, онѣ усѣяны густыми деревьями вдоль самыхъ обрывистыхъ наклоновъ своихъ.

Бѣлоперые фаѣшоны носяшся надъ сими пустынями, между шѣмъ, какъ красивыя горлицы, зеленые попугаи и ласпочки порхають вокругъ пупешесивенника. Въ основаніи ушесовъ видѣнъ пориспый, весьма черный прахинъ. Тамъ и здѣсь вода просачиваешся сквозъ камни, вьешся змѣйками, или льешся водопадами. Солнце едва освѣщаешъ здѣсь ущелья часа на чешыре въ день, и пошому шущъ всегдашняя, очаровашельная прохлада.

Ошсюда мѣстоположеніе возвышаешся круче. Ежеминушно, слѣдуя за печеніемъ пропока, надлежало переходить черезъ русло его, чшобы найдши гдѣ нибудъ единспивенное мѣстечко, какое ошпавалось шущъ для прохода среди его базальтовыхъ окраинъ. По дорогѣ попалось намъ пяшь, или шесшь рѣзвыхъ мальчиковъ, какъ милосши, просившихъ у насъ позволенія идши за нами. Они бѣгали, прыгали кругомъ, будшо собаченки; по одному знаку, по одному слову, спѣшили сорвать мнѣ каждую шравку, каждый цвѣпочикъ, подняшь и подашь мнѣ каждый камешекъ, бѣжашь за пшичкою, кошорую удавалось мнѣ заспѣрѣлишь. Пощигнушь было невозможно удивительной ловкостш эшихъ дикарѣнковъ; убишую пшичку сыскивали они въ самомъ густомъ кусшарникѣ, и за булавку, либо пронизку, не знали какъ ошблагодарить. . . .

Легко позавшракавши дорогою, къ 40-шм часамъ ушра были мы въ шомъ мѣстѣ, гдѣ пошокъ, сжапный между двухъ скалъ, падаешъ съ 60-шм, или 80-шм фушовъ ошвѣсной высоты. Масса его здѣсь еще невелика, и пошому часть воды взвѣваемая

вѣтрами, разлетается въ мѣлкія брызги, падая водяною пылью; другая пѣнисто извивается по канавкамъ, изрытымъ ею въ утесахъ.

Но далѣе видъ мѣста явился гораздо величественнѣе. Лѣвый берегъ расширяется и даетъ просторъ обширной роцѣ, между пѣмъ, какъ правый высился отвѣсною стѣною, фузовъ во сто, образуясь изъ базальтовыхъ призмъ, подобныхъ базальтамъ Дороги Великановъ. Всѣ сіи призмы, отъ 4-хъ до 6-ти дюймовъ поперечника, находящаяся въ положеніи совершенно перпендикулярномъ, исключая нисшую часть утесовъ, на 10—12 фузовъ, гдѣ видны онѣ, подъ угломъ около 45°, внѣ общаго отвѣса. По внѣшности ихъ, скаперсъ воды, раздѣляясь съ самой вершины, падаетъ дождемъ въ пошокъ. Надъ нею огромный скапъ воды валился съ ужасной вышины, и шумъ его паденія такъ силенъ, что заглушаетъ самый громкій человѣческій голосъ. Таишяне называютъ сей гремѣщій, великолѣпный водопадъ *Пи́га*, и множество суевѣрныхъ преданій соединяется съ его пошоками.

Выше *Пи́га*, долина такъ стѣснена; что надобно идти уже въ самомъ руслѣ прошока, въ иномъ мѣстѣ по колѣна въ водѣ. Но за пѣмъ остановила насъ другая, непреоборимая преграда—рядъ поперечныхъ утесовъ, съ которыхъ лепѣли кипучіе пошоки воды. Можемъ быть, перебравшись чрезъ сію преграду, мы нашли-бы доступный путь къ вершинѣ одной изъ горъ ошрова, но усталость и сближеніе вечера заставили насъ обратиться въ *Машавай*. Черезъ два часа попомъ, мы весело

поужинали въ хижинѣ Опури , жареною рыбою и весьма вкусными шеврепами.

Продолжительно было-бы описывать всѣ мои прогулки по внутреннимъ обласнямъ острова. Неупомимый и охочій ходокъ , я неоспавался ни на четыре часа посюяннаго отдыха, пока мы пробывали въ Мапаваи ; я видѣлъ все , что могъ видѣть , карабкался на всѣ ушесы, о копорыхъ писали прежніе путешественники , и даже открылъ нѣсколько новыхъ путей для будущихъ геологовъ и еспе-спвоиспытателей. Бѣдный Опури , при всей неохотѣ, долженъ былъ указать мнѣ дорогу къ вершинѣ Мови, гдѣ до меня не бывалъ ни одинъ Европеецъ. Мы напали на гордую Мова съ вершинѣ Тага-Раи , идя нѣсколько часовъ по трудной , но проходимой дорогѣ. Потомъ принуждены мы были карабкаться съ ушеса на ушесъ , цѣпляясь за кустарники и папороти. Исцарапанные и измученные доспигли мы послѣдней плоскости , служащей основаніемъ окончательной вершинѣ. Среди безмолвія здѣшней природы, прерываемаго только полешомъ нѣсколькихъ фашоновъ , я увидѣлъ произрашенія высшихъ обласей , среди копорыхъ особенно разспилала свои густыя отрасли шучная *цїател* ; направо и налѣво видны были тѣнистые перелѣски. Мы доспигли 4200 фуазовъ высоты. Весь пикъ можно полагать въ 4700 фуазовъ. Прекрасно было зрѣлище съ шого мѣста , гдѣ мы остановились : передъ нами являлись при спороны Таиши ; все сѣверное побережье съ его прибойми; вершины Эimeo и Табу-Эману, и даже низкія земли

Тешуа-Роа, въ ондаленіи 42-ти льё по морю. Недовольный даже и эшимъ, я жаждалъ зрѣлища еще болѣе великолѣпнаго, и подалъ знакъ Ошури идти выше. Мой бѣдный шаю покачалъ головою. «Куда идти?» спросилъ онъ — «нельзя—нѣтъ дороги!» — Испышаемъ! — И несмотря на безнадежность моего шоварища, мы полѣзли выше. Но вскорѣ могъ я убѣдиться, что предпринимаю дѣло невозможное. Тропинки никакой слѣда не было. Надлежало прокладыватьъ дорогу руками и ногами сквозь колючіе и упругіе кустарники, ославляя на нихъ клочки одежды. Съ полчаса, я все еще боролся съ невозможностью, и наконецъ уснушилъ къ большой радости моего добраго шаю. Мы вернулись въ Машаваи.

Болѣе продолжишельною, но не столь шрудною была наша прогулка къ знаменишму внушреннему озеру, *Ваги-Ріа*, шаинсшвенному водохранилищу, гдѣ у воды, по повѣрью шуземцевъ, нѣтъ дна, и по берегамъ кошораго живутъ злые духи. Свиша моя на сей разъ увеличилась. Кромѣ шаю, перевозившаго меня въ своей лодкѣ, со мною былъ еще гвардеецъ молодой царицы, красивый солдатъ Таинскій, по имени Май-Тиши. Его званіе и чинъ могли дославить мнѣ уваженіе и почешъ повсюду. За цяшъ, или за шесшъ лѣтъъ прежде, Май-Тиши — и эшимъ спрахъ какъ онъ гордился — провожалъ также къ шому мѣшшу, куда оншправлялись мы, *Раатира Руссія* (почшеннаго Рускаго). Въ послѣдшвіи узналъ, я, что эшомъ раашира былъ ешесшвоиспытанель *Кофманнъ* (Hoffmann?). — Горделиво

несъ гвардеецъ на плечѣ свое ружье—безъ курка, и сумка видна была у него съ боку—пустая.

Сдѣлавши необходимыя приготошвленія, пустились мы на парусѣ, при добромъ восшочномъ вѣшперкѣ, быспро перенесшемъ насъ къ Паи-Они, на предѣлы округа Аша-Гуру, гдѣ безвѣшпріе принудило насъ принянься за пагаи. Несмотря на такую оспа-новку, мы успѣли къ вечеру добрашья и ночевашь въ Тебу-шоа-шеа, въ округѣ Папара. Тушъ нах-одился славный морай Папарскій, воздвигнушый дѣ-домъ Тааши въ честь бога Оро, его покровишеля въ войнахъ прошивъ Помаре. Маи-Тиши хошѣлъ проводишъ меня къ оспаишкамъ храма, не смотря на прошиворѣчіе Ошури, кошорый, будучи спро-гимъ пуришаниномъ, мерзилъ подобнымъ любопы-спвомъ для осмошпрѣнія прокляшаго капища. Юный солдашъ съ жаромъ рассказывалъ мнѣ о славныхъ восшоминаніяхъ, какими былъ ознаменованъ Папара.

На другой день опсправились мы сухимъ пушемъ. Лодка должна была дожидашья насъ въ Тера-Вау, самомъ узкомъ мѣспѣ перешейка, соединяющаго Таиши съ Таиарабу. Прошедши черезъ прибрежное селеніе Ваи-Риди, оставили мы приморскій берегъ и пустились во внушреннія мѣста оспрова. Сна-чала непримѣшно подымаясь, дорога довела насъ къ очаровашельной долинѣ, обспавленной базаль-шовыми ушесами, похожими на Пигскіе. Съ сего волканическаго основанія скользашъ ручьи, сосспав-ляющіе сліяніемъ своимъ рѣчку, текущую ниже по рышвинѣ. Это самое большое теченіе водъ изъ всего оспрова, неошѣненное уже кокосами и хлѣб-

ными деревьями, но орошающее насаждения ананасовъ и померанцевъ, съ плодами превосходнаго вкуса.

Изрѣдка являлись намъ на пуши хижины, гдѣ укрывается жалкое населеніе долины. Мы ночевали въ одной изъ нихъ, и намъ подали для ужина цѣлую свинью, исжаренную въ подземной печи, рѣчныхъ шевретовъ и плодовъ. Соединивъ такой припасъ съ сухарями и ромомъ, что взяли съ собою въ дорогу, мы имѣли превосходный ужинъ. Наши хозяева приняли въ немъ участіе, какъ добрые христіане прочитавъ сперва молитву передъ шрапезою (Benedicite). Толстые наспилки рогожекъ и двѣ огромныя *тапа* служили мнѣ постелью. Я спалъ, какъ убитый. Май-Тиши казалось, что оказанное намъ гостепріимство было обязанностью нашихъ хозяевъ, но я долгомъ почелъ однакожъ отблагодарить ихъ ножомъ, парой ножницъ и опорожненною бушылкою. Бѣдняки были просто въ восторгѣ.

По мѣрѣ углубленія нашего въ долину, увеличивались ея дикія красоты. Она занимала болѣе пространства, но на каждомъ изъ краевъ ея все еще высились опѣсеныя сѣны, уже въ 4000 футовъ, пересѣкаемые серебряными скашершями водопадовъ. Тушошній жишель, Тибу, другъ Май-Тиши, проводилъ насъ до края обитаемой области. Съ ея предѣловъ исчезли все пропинки. Мы ползли съ холма на холмъ, обошедши сперва болото, около кошораго бѣгали стада дикихъ свиней. Последнимъ усиліемъ черезъ трудный переходъ, мы очутились наконецъ на берегу преслову-

наго озера, хранилища прѣсной воды, около мили въ окружности. Ограниченное опчасши опвѣсными утесами, вышиною въ 4500 футовъ, съ другой обложенное пологимъ скасомъ, облѣпленное нѣсколькими кустами папороти, озеро это выставляло по берегамъ довольно правильныя, базальшовыя призмы, сброшенныя беспорядочно и перемѣшанныя съ кусками лавы, пузырячшой и порисшой. Кажешся, что воды его, снабжаемая пошоками, бѣгущими съ окрестныхъ горъ, имѣющъ для спока подземныя пуши. Самая большая глубина озера 44-шь шуазовъ у берега и 47-шь посрединѣ. Говорятъ, что въ немъ попадаются огромнѣйшіе угри—явленіе, уже замѣченное въ возвышенныхъ водохранилищахъ Иль-де-франса. Впрочемъ, Таилское озеро неопиличаетъ ни одною изъ такихъ особенностей, кошорою непоходило-бы оно на другік вмѣстилища прѣсной воды на большихъ вышинахъ.

Къ вечеру возвратились мы въ хижину Тибу, и на другой день доспигли нашихъ лодокъ, кошорыя съ особенною ловкостью умѣли передвинуть для насъ черезъ перешеекъ. Пользуясь высокимъ приливомъ, служители Опури переплыли по волнамъ моря эшошъ узкій и низкій испмъ, раздѣляющій Таиши на двѣ неравныя половины. Въ новой прогулкѣ нашей около береговъ, мы видѣли округи Гидіа, Вага-Гейна, Вапаи-Ано, и черезъ двое сушокъ, я былъ снова на Океаніи, совершенно окруживши большой полуостровъ Таилскій.

Пендлешонъ успѣлъ между тѣмъ почши окончить свои дѣла, и къ счастью моему, озабоченный

ими, онъ только на другой день хотѣлъ отпра-
 виться на парадную аудіенцію къ юной царицѣ,
 бывшей тогда въ Папара. Меня включили въ число
 чиновниковъ Пендлемоновой свиты. Вообще онъ
 былъ неочень доволенъ торговлею въ Машавай.
 Вкусъ къ предметамъ роскоши, къ одеждѣ, къ га-
 лунамъ, всякимъ Европейскимъ издѣліямъ, безъ со-
 мнѣнія, былъ сильнѣе и живѣе, нежели когда либо
 прежде, но за то недоставало теперь шеземныхъ
 предметовъ для промѣна. Легко можно было пред-
 видѣть, что вскорѣ у Таишанъ вовсе нѣчего бу-
 деть отдавать заморскимъ торговцамъ. Желая,
 особенно, въ послѣднее время, удовлетворишь по-
 потребностямъ шуалеша и покупкѣ плашья, пребуе-
 маго отъ нихъ миссіонерами, шеземцы принуждены
 были даже отказываться себѣ въ запасъ жизненныхъ
 потребностей. Несчастный Таиши, столь мало
 обильный произведеніями и руками рабочими, ви-
 дитъ себя посщепенно ниспадающимъ въ большую
 бѣдность и безлюдство.

Пендлемонъ немогъ даже сыскашь на Таиши
 пошребнаго ему запаса для корабля. Для эшого
 надобно было ему бѣгать по всѣмъ присшанямъ
 здѣшняго архипелага. Такимъ неудобствамъ усшу-
 нила даже и его привычная философія. Въ первый
 разъ увидѣлъ я его недовольнымъ, и онъ, прошивъ
 обыкновенія, пущился въ угрюмыя разсужденія,
 когда мы отправились вмѣстѣ для предсшавленія
 Таишянской царицѣ. «Мнѣ жаль славнаго Таиши»—
 говорилъ онъ.— «Благодаря распоряженіямъ Евро-
 пейцевъ, онъ совсѣмъ пропадаетъ. Таиши научил-

лся лицомъришь, награждая себя за принужденіе развраномъ. О дѣлѣ никшо недумаетъ. Наше образованіе было гибельно здѣшнему вѣтренному народу. Развранъ нынѣшній ужасаетъ меня — Римъ и Египетъ не представляли ничего подобнаго — эшо спрасши дикарей при удобстввахъ Европы»....

Пока добрый Пендлешонъ съ досадою пересказывалъ мнѣ свои замѣчанія о современномъ состояніи острова, мы прислали у набережной, весьма удобной и хорошо содержимой, кошорая вела къ царскому дворцу. Эша часпица острова прелешна, покрытая рощами, обработанная, насажденная плодовиными деревьями, перемѣшанными съ баррингшоніями и казуаринами, соспавляя насажденія полезныя и красивыя. Дворцовая спража вспрѣшила насъ съ почеснями. Какъ будто для шого, чшобы неразнишь вообще съ народомъ, она была полуодѣша и вооружена кое-какъ, забавная въ Европейскихъ лоскутьяхъ, важная между шѣмъ, и довольно порядочно маневрируя ружьемъ. Жилище царское соспавляла хижина, проспорнѣе другихъ, съ кровлею, поддержанною двумя рядами смолбовъ. Единспвенное внутреннее дѣленіе дворца соспавляла поперечная перегородка, ошдѣлявшая переднюю ошъ другой комнашы. Въ первой обыкновенно находипся спража; во второй царское семейство и придворные. Когда вошли мы, всѣ при принцессы Таипянскія были вмѣспѣ. Юная царица покоилась въ креслахъ; двѣ другія особы сидѣли на стульяхъ. Всѣ они вспали при нашемъ приближеніи и пожали намъ руки Юная. Царица *Помаре-*

Вагине I-я далеко некрасавица, но съ пріятнымъ лицомъ, и съ выраженіемъ болѣе лукавымъ и умнымъ, нежели ея собесѣдницы. Особенно блистали ея глаза, оживленные сильными спраспиями. Направо отъ нея находилась мать ея *Помаре-Вагине*, женщина лѣтъ пятидесяти, а налѣво тетка, бывшая царица *Тере-мое-мое*, мать недавно умершаго молодаго *Помаре III-го*. Будучи гораздо моложе сеспры своей, она сохраняла еще остатки красоты, за которую была такъ любима своимъ мужемъ.

Кругомъ стояли знатнѣйшіе спаршины острова: Ушами, свойственникъ царскаго семейства; два брата, *Гипоти* и *Паваи*, богатѣйшіе помѣщики *Таишскіе*, и наконецъ *Тааши*, неменѣе важный по вліянію, и совершенно преданный *Миссіонерамъ*. Кромѣ того были шутъ также значительные шуземцы, подвласные поименованнымъ аріи, или находящіеся при разныхъ придворныхъ должностяхъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, разговоръ начался о дѣлахъ. Его вела регентша. Она откровенно заговорила о важнѣйшихъ государственныхъ тайнахъ, и рассказала намъ, что капитану *Сендиленду* удалось дружески окончить маленькія непріятности между правительствомъ и разными спаршинами *Таишскими*, прибавивъ, что такое примиреніе обѣщаетъ въ будущемъ много добра. «Мы сегодня-же — сказала она — всѣ отправляемся въ *Раіанеа*, чтобы никто прежде насъ не успѣлъ передать такой счастливой новости нашему родственнику, спарому царю *Таматоа*.» — Спало, я буду имѣть честь увидѣть васъ, царица, въ *Раіанеа* —

опивчалъ Пендлепопъ — потому что я намѣренъ завернуть шуда съ моимъ кораблемъ. Позвольте надѣяться, что вы сдѣлаете мнѣ честь вашимъ посѣщеніемъ.—Регеншта общала эту честь, и аудіенція кончилась прибавкой нѣсколькихъ лукавыхъ и ласковыхъ взглядовъ юной Помаре-Вагине.

Весьма немного времени оставалось намъ для обозрѣнія Папара, и прилежащаго къ нему округа Паре. Ишолинъ Упа-Пару былъ нашимъ пушеводилелемъ. Прежде всего проводилъ онъ насъ къ гробницѣ знаменишаго Помаре II-го, находящейся подлѣ самага дворца. Это небольшое каменное зданіе, съ подземнымъ склепомъ для гроба. Все обнесено огорожею, внутри которой разсажены прекрасныя казуарины и баррингтоніи. Три пушки находящіяся подлѣ гробницы, но въ избѣжаніе всякихъ опасеній, онѣ заклепаны.

Также неподалеку отъ дворца видѣнъ обширнѣйшій сарай, родъ законодательнаго форума, гдѣ собирались прежде туземцы, сходясь со всѣхъ мѣстъ архипелага. Въ этой загородкѣ, длиною на 600, а шириною на 60 фузовъ, можешь помѣститься все народонаселеніе Таишское. Нерѣдко по 6-ши и по 7000 человекъ спѣснялись здѣсь, слушаютъ ученія хрисіанскихъ проповѣдниковъ, или разсуждають о законахъ и постановленіяхъ общесивенныхъ. Нынѣ уже не бываетъ такихъ совѣщаній постоянно, и самое мѣсто помѣщенія ихъ разваливается.

Оставивши эшоу опустѣлый и безмолвный форумъ Таиши, мы вышли на прелестное поле.

Тутъ мимоходомъ взглянули мы на колонію Пипи-каирнскую, поселенную на землѣ, кошорую дала имъ царица. Недовольные своимъ переселеніемъ, спраждущіе ошъ здѣшняго климаша, колонисшы грустили о своей родинѣ. Мы видѣли шушъ мнимаго сына Хрисшіернава, какого-то крепина, явно обличавшаго собою невѣрную родословную, и молодого Юнга, сына мичмана Блейева, болѣе поварища своего ловкаго и умнаго. Потомъ, черезъ богашое и великолѣнное помѣстье Тааши, доспигли мы до мыса Таане, гдѣ Англичанинъ Бейкнелль учредилъ сахарный заводъ, среди обширныхъ плантацій сахарнаго просшника. Худо воздѣлываемыя, просшны доспигаютъ однакожь 20-25 фушовъ въ вышину, при соразмѣрной толщинѣ.

Неподалеку ошъ Бейкнеллева завода показывающъ мѣсто, гдѣ сущесшвовалъ прежде самый лучшій морай Таишскій. Нѣсколько каменьевъ, разбросанныхъ по землѣ, и преданія, уже смѣшанныя въ разсказахъ шуземцевъ, оспающся единсшвенными памяшниками эшого древняго зданія. Пяшнадцаши лѣшъ довольно было для искорененія прежняго шуземнаго вѣрованія. Пендлешонъ хощѣлъ было засшавишъ Опа-Пару поговоришъ о храмѣ и жершвахъ, какія въ немъ ошправлялись. « Все эшо были глупосши — ошвѣчалъ онъ, избѣгая всякихъ объясненій — и миссіонеры невелиашъ намъ даже и вспоминашъ объ нихъ. »

Далѣе, на прибрежьи Папай-Иши находишся жилище Регеншши, большая и красивая хижина, окруженная прекрасными плодовишыми деревьями. За

нимъ , шагахъ въ 200-хъ по одному направленію , увидѣли мы очаровательныя, опрятныя , ловко поспавленные жилища и часовню Миссіонеровъ. Долго жилъ здѣсь одинъ изъ самыхъ спаринныхъ проповѣдниковъ , о копоромъ упоминалъ я описывая Нука-Гива, миссіонеръ Крукъ, но въ слѣдствіе системы перемѣщеній , какую ввело теперь Лондонское Общество Миссій , онъ переселился въ Таіарабу.

Необращаясь еще на дорогу къ приспани , мы заглянули на островокъ Моту-Та , красивую купу деревьевъ , какъ будто нарочно брошенную среди морскихъ мѣлей. Здѣсь былъ бельведеръ Помаре II-го. Лежа на брюхѣ , пославивши подлѣ себя бушылку рому , онъ проводилъ здѣсь цѣлые дни въ переводѣ на Таишянскій языкъ книгъ , какія давали ему Миссіонеры.

Десяти дней нашего пребыванія въ Машаваи было доспапочно Пендлешону для окончанія всѣхъ дѣлъ его, а мнѣ для моихъ обозрѣній. Апрѣля 23-го, упромъ , былъ опданъ приказъ подымахъ якорь. За часъ до оптѣзда нашего число людей на кораблѣ удвоилось. Подлѣ каждого изъ насъ стоялъ его *таіо*, желавшій воспользоваться послѣдними минушами дружбы. Упа-Пару, какъ півица, сосалъ карманъ Пендлешона. Опъ меня неопспавалъ неизбежный Ошури , пѣнь моя , почная кукла, заводимая моею волею. Онъ ходилъ, когда я ходилъ, сидѣлъ, когда я сидѣлъ, лежалъ у ногъ моихъ, когда я ложился. Пора было спастись опъ моего друга, чшобыдохнуть свободнѣе. Я начиналъ уже бояшь-

ся занемочь сплиномъ отъ тяжкой безразличности моего друга. Правда — менѣе всего Опури былъ попрошайкою — онъ не просилъ, но — онъ бралъ, и каждое движеніе его, какъ будто подговаривало мнѣ: «Надобно дашь.» Впрочемъ, мы дружески уладили наши счефы; я оказалъ великодушіе выше всякаго ожиданія, и мой паіо горевалъ искренно о моемъ отъѣздѣ. Добрый Опури! увѣренъ я, что на Таиши нельзя опыскашь лучшаго паіо, если уже нельзя избѣгнушь такой бѣды. Всѣмъ посѣщителямъ Таиши, принужденнымъ выбирать паіо, я рекомандую Опури, мою десятидневную пѣнь Таишскую, жемчужину всѣхъ паіовъ.

Едва успѣли мы поднять якорь, какъ уже бросили его опяшь. Черезъ чешыре часа послѣ отъѣзда изъ Машавай, мы были въ Талуской гавани острова Эimeo.

Островъ *Эimeo*, именуемый жишелями, а по ихъ примѣру нерѣдко и Миссіонерами, *Муреа*, можно назвашь ковромъ зелени. Это брильянтъ всего архипелага, по разнообразному зрѣлищу ландшафтовъ и плодородію земли. Горы его, хопя несполь высокія, какъ на Таиши, между шѣмъ чрезвычайно скалишы и перерѣзаны рышвинами, по копорымъ шумяшь и брызжущъ водопады. Прекрасное озеро, находящееся въ С. В. части острова, между горами и моремъ, наполнено рыбою и покрыто ушками. Округлая мѣль облегаешъ островъ на разстояніи мили, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже менѣе. Гавань *Талу*, правильнѣе называемая

Олу-Ногу, столь много разъ посѣщенная Кукомъ, составляетъ пристанище надежное и вѣрное.

Съ западной стороны прибрежья сей гавани видно селеніе *Палетоаи*, собраніе небольшихъ домиковъ, построенныхъ по-Европейски, выбѣленныхъ извесшкою, красивыхъ на взглядъ и неудобныхъ для жилья. Часовня Папешоайская самая великолѣпная на всемъ архипелагѣ. Она состоишь изъ восьми-уголоваго зданія, по 60 фузовъ съ каждой стороны, складеннаго изъ кусковъ коралла, хорошо ошшукатуренныхъ, и шакъ выглаженныхъ, что ихъ можно почесъ за крѣпкій камень. Красивыя скамейки и каѣдра изъ автокарповаго дерева украшають ея внутренность.

Съ восточной стороны гавани находится другое селеніе, *Афаре-Аиту*, лежащее на прелестномъ мѣстоположеніи. Подъ именемъ *Южно-Океанійской Академіи* (South-Sea Academy) заведено въ немъ училище для дѣтей Миссіонеровъ. Тутъ, кромѣ чтенія и письма, преподають имъ основанія искусствъ и знаній, Исторію, Географію, Астрономію и Математику. Въ здѣшнемъ училищѣ воспитывался юный Помаре III-й, подъ надзоромъ и при стараніи профессоровъ Блоссомъ и Ормонда, начальниковъ Академіи.

Рядомъ съ симъ учебнымъ заведеніемъ находящіяся нѣкоторыя промышленныя зданія. Тутъ есть фабрика бумажныхъ издѣлій, подъ начальствомъ фабриканша и миссіонера Армишеджа, и канашный заводъ, подъ управленіемъ другаго миссіонера, Симпсона. Донынѣ оба эти опыта промышленности

успѣвають весьма посредственно. Миссіонеры складываютъ всю вину на беспечность и лѣность туземцевъ ; но не должно-ли отнести большую часть вины на то, что туземцевъ употребляютъ какъ работниковъ, и при томъ мало имъ платящъ ? Почему не завлечь ихъ желаніемъ собственной пользы, сдѣлавъ участниками барышей, и черезъ то заставивши заботиться объ успѣхѣ дѣла ?

Впрочемъ, небольшою оспровъ Эimeo любимецъ Миссіонеровъ. Здѣсь была колыбель ихъ владычества. Здѣсь прежде всего спали они твердою ногою. Отсюда успѣли они распространиться по всему архипелагу. Нигдѣ Океанійцы не оказались имъ столь преданны и послушны, какъ на Эimeo. Жители Эimeo первые подчинили себя власти Миссіонеровъ, и если суждено ей разрушиться, вѣроятно, они будутъ послѣдніе при такомъ переворотѣ.

Только одинъ день простояли мы у Эimeo. На-завтра, Апрѣля 24-го, Океанія наша пустилась далѣе. На Ю. З. остались у насъ вершины *Табу-Еману*, и 25-го остановились мы въ Барскомъ заливѣ, на С. В. сторонѣ оспрова *Вагине*. Видъ залива, съ его хижинами, разбѣянными вдоль приморья, перемежанными съ кучами деревьевъ и прислоненными къ зеленѣющимъ горамъ, съ коихъ спремятся прозрачныя потоки водопадовъ, весьма красивъ.

Немедленно спустившись на берегъ, мы пошли сначала къ главному владѣтельному оспрова, миссі-

онеру Барфу, а потомъ къ впороспепенному, храброму царю Магейне, хрисіанину послушному и ревностному. Волей и неволей, должно было остаться у добраго дикаря пообѣдашь, и хозяинъ постарался сдѣлать наше угощеніе по-Англійски. Явились ножи, ложки, вилки, спаканы, хоть все это было неполнѣ и неопрятно. Впрочемъ, обѣдъ шелъ весело. Говорили о Вагине, важности его и настоящемъ состояніи. Магейне насчитывалъ у себя до 4800 человекъ подданныхъ, хотя и изъ этого небольшого населенія надобно было положить убыль на послѣднюю войну. Война эта непрямо касалась подданныхъ Магейне. Дрались два другіе острова, Тагаа и Раіатеа. Но многіе старшины съ Вагине, неслушая добрыхъ совѣтовъ своего повелителя, вздумали принимая участіе въ чужой ссорѣ и воевать, одни за одну, другіе за другую спорящую сторону. Изъ того вышли безполезная шрапа и скорбь праура для жителей острова Вагине.

Послѣ обѣда Магейне представилъ намъ свою невѣстку, вдову единственнаго сына его Тааро-Аріи, и внука своего Тамаріи, наследника острова послѣ дѣда. Это былъ мальчикъ, лѣтъ 9—10-ти болѣе, и воспитанный Миссіонерами, онъ обѣщалъ въ себѣ лучшаго хрисіанина, нежели какимъ былъ отецъ его, умершій въ юныхъ лѣтахъ, плачевною смертію. Сначала Тааро-Аріи показывалъ много ревности къ вѣрѣ; но, увлеченный злыми совѣтами, началъ онъ насмѣхаться надъ Миссіонерами и храмами ихъ, и предался всякимъ безпут-

спивамъ общества ареоевъ. Скорбный отецъ испыталь все, чшобы обратишь заблуждаго на пушь истинный. Его женили, но черезъ два мѣсяца началъ онъ пренебрегать своею женою, дурно обходиться съ нею, и—это уже было послѣднею крайностью распущества его—до того забылся онъ, что шампуироваль себя шѣло. Миссіонеры рѣшились показать надъ нимъ примѣръ правосудія. Они требовали и достигли того, что сынъ царскій былъ судимъ, какъ нарушитель всѣхъ общесшвенныхъ уставовъ. Приведенный предъ судилище, Тааро-Аріи былъ осужденъ, какъ простолодинъ, на дорожную работу. Въ опчаяніи отказался онъ опъ замѣны другими, и вышелъ на работу самъ лично. Опъ усилія въ трудѣ, или опъ скрываемаго волненія чувствъ, у него лопнула жила и онъ умеръ. Черезъ два мѣсяца послѣ смерти его, жена его родила сына.

На Вагине Кукъ взялъ съ собою *Маи*, вшораго Полинезійца, бывшаго въ Европѣ, копорый воротился попомъ на родину осыпанный подарками, и копорому Кукъ завелъ здѣсь небольшое хозяйство. Впрочемъ, Маи былъ урожденецъ не Вагине, но Раіашеа, откуда бѣжалъ онъ въ слѣдствіе нападенія осшровишянъ Бора-Бораскихъ. Когда появился Кукъ въ архипелагѣ Таишскомъ, Маи жилъ какъ *гоа* (другъ, или родня) при царѣ Вагинскомъ. Послѣ чешырехъ лѣтъ опсущствія, перенесши ошу въ Лондонѣ, онъ получилъ въ подарокъ опъ Кука домикъ, построенный въ Англійскомъ вкусѣ площадкомъ корабельнымъ, пару лошадей, козь, дру-

гихъ полезныхъ живошныхъ, броню, полное вооруженіе, мушкетъ, пистолеты, пороху, пуль, ручной органчикъ, электрическую машинку, нѣсколько фейерверочныхъ шпукъ, и множество вещей меньшей цѣны. Каждый изъ означенныхъ предметовъ казался сокровищемъ жителямъ Варскимъ и всему Вагине. Маи былъ осыпанъ почестями отъ царя, кошорый отдалъ за него дочь свою, перемѣнилъ имя его въ названіе *Паари* (мудреца), подъ кошорымъ послѣ того былъ извѣстенъ Маи. Но, кажешся, что Маи употребилъ во зло свое положеніе, и особливо превосходство своего Европейскаго оружія. Любимецъ жестокаго власшишеля, онъ самъ сдѣлался какимъ-то чудовищемъ. Никогда неразсаваясь съ своими ружьями и пистолетами, онъ забавлялся иногда, испытывая мѣшкоснѣ глаза своего, спрѣлая въ проходящихъ, вдали изъ ружья, вблизи изъ пистолета. Памянь о такихъ бесполезныхъ убійствахъ осталась еще на Вагине, и имя Маи произносилась пошомками съ омерзѣніемъ. Мѣсно, на кошоромъ Кукъ построилъ домъ Маи, до сихъ поръ называется *Беритани* (измѣненіе слова *Britaine*, Британія). *Памльмуссъ*, посаженный, какъ увѣряють, самимъ Кукомъ, составляетъ единственный ослашокъ бывшаго при домикъ сада. Изъ живошныхъ, оставленныхъ Англичанами, сохранились только собаки и свиньи. Шлемъ и другія части брони Маиевой сберегаются въ хижинѣ, построенной на мѣстѣ его дома. Между начальниками острова раздѣлены разныя игрушки Европейскія, подаренныя Маи, и ихъ сохраняють, какъ

драгоцѣнность. Юный князь Тагоа, между прочимъ, имѣлъ и показывалъ миссіонеру Эллису большую Библию, въ четвертку, съ множествомъ раскрашенныхъ картинокъ, доставшуюся ему изъ наслѣдства Маиева. Куда дѣвались органчикъ и машинка электрическая неизвѣстно. Исторія мѣста, гдѣ былъ домъ Маи, также представляетъ разныя воспоминанія. Въ 1809 году поселились на немъ Миссіонеры, изгнанные изъ Таиши, и первая школа ихъ была открыта противъ пампльмусса, посаженнаго Кукомъ. Въ 1824 году, старшины Погуе-Геа и Тарай-Ману, сдѣлавшись владѣльцами Беригани, построили шухъ двухъ-этажный домикъ, самый красивый въ цѣломъ островѣ, и сдѣлали изъ него удивленіе дикарей. Мы посѣтили Беригани, гдѣ шакъ живо все напоминаетъ Кука; видѣли его пампльмуссъ, единственное дерево сего рода въ цѣломъ архипелагѣ, свидѣтельствующее о томъ, что оно росло на чужбинѣ, своими искривленными вѣтвями и шощимъ листомъ.

Въ шомъ-же вечеръ оставили мы Варскій заливъ, чпобы перейти къ острову *Raiatea*, гдѣ бросили якорь на другой день, 26-го Апрѣля. Съ нашей Океаніи могли мы распознать бѣлыя хижинки селенія Ушу-Маоро, протянушаго по сѣверному побережью *Raiatea*. За ними амфиатеанромъ восходящъ зеленые берега, примыкаясь къ четырехугольной, гораздо возвышеннѣйшей горѣ, издали похожей на исполинское построеніе. Главное селеніе острова было прежде на другомъ мѣстѣ, называемомъ Вао-Аара, но миссіонеры нашли, что

Ушу-Маоро гораздо удобнѣе, поселились шунъ , и привлекли за собою почти все народонаселеніе Раіашеа.

Когда Океанія остановилась въ гавани, шуазахъ въ 200-хъ разстояніи отъ берега , я отправился сопровождать Пендлешона къ г-ну Вилліамсу , миссіонеру , пребывающему на Раіашеа. Онъ занималъ прелестный домикъ , неподалеку отъ приморья. Ласково и услужливо принялъ онъ насъ , и извѣстилъ , что Царица и Регентша Таишскія прибыли вчера ; что они отправились въ Тагоа , къ своему старому родственнику , и вернувшись въ эшотъ-же вечеръ. Теперь оставалась въ Ушу-Маоро только старая царица Раіашейская , къ которой предложилъ намъ сопутствовать ему нашъ вѣжливый миссіонеръ.

И такъ , вмѣстѣ отправились мы къ жилищу царицы. Прекрасный былъ эшот домикъ , каменный, бѣлый, хорошо оштукатуренный , состоящій изъ четырехъ комнатъ , рядомъ расположенныхъ ; одна служила залой для пріема , другія спальнями и кабинетами. Въ залѣ четыре окна, съ стеклами, и двой большія двери , одна деревянная на улицу, другая съ стеклами , къ морю , которое волнами своими плещетъ почти подлѣ самаго строенія, омывая небольшой газоновый лужокъ , съ рядами деревцовъ , примыкающій къ домику. Панели внутри дома хорошо выкрашены , полы покрыты рогожками , и стулья расставлены въ комнатахъ , сдѣланные изъ хлѣбнаго дерева, съ спинками и по-

душками изъ кокосовыхъ волокъ, искусно сплетенныхъ. Въ боковыхъ кабинетахъ увидѣли мы кушетки, съ множествомъ рогожекъ вмѣсто матрацовъ, прикрытыхъ сверху того цвѣтными ситцевыми покрывалами. Драпери изъ шапа и бѣлыхъ тканей украшали окна и кровати. Словомъ, все это составляло весьма красивое помѣщеніе, и многіе изъ здѣшнихъ старшинъ имѣютъ подобныя жилища.

Старая царица нехозяйничала въ то время въ своемъ дворцѣ; она уступила его дѣтямъ своимъ, прибывшимъ съ Таиши. Желая видѣться съ нею, мы должны были идти въ другое, болѣе скромное жилище, гдѣ нашли царицу, будто царицу Омировскую, за тканьемъ рогожекъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, старушка оставила свое занятіе и протянула къ намъ руку. Она была лѣтъ между 50-ти и 60-ти, пріятнаго, почтеннаго вида, съ оспашками красоты, кою славилась въ своей юности. Накинувши на плеча лоскутъ бѣлой ткани, при *пау*, или пуземной юбкѣ, съ синими клѣпками, она дополнила нарядъ свой огромною шалью и соломенною епанчею. Мы разговорились съ нею, и ея отвѣты были добродушны и ласковы. «Какъ хорошо вы плетете», сказалъ ей Пендлешонъ. — «Нѣтъ», отвѣчала царица, «мое плетенье грубое, а вотъ лучше» — она показала намъ рогожки своихъ прислужницъ — «но въ молодости, я не знала себѣ соперницы въ этомъ занятіи.»

Мы разсѣлись съ старою царицею очарованные ею, какъ и она казалась восхищенной нами. Поло-

жили, что на другой день, царское семейство, по возвращеніи своемъ изъ поѣздки, посѣпишь нашу Океанію. « Можешъ бышь, опъ вашего приглашенія опкажущся власшители Раіа-шеа, » говорила намъ царица, « но царицы Таиши заранѣе почишають праздникомъ попиравать у васъ. »

Осшашокъ дня былъ у меня свободень, и если-бы пребываніе наше недолженствовало слишкомъ ограничиться, я рѣшился-бы, можешъ бышь, опсправиться въ Опуа, прежнюю столицу оспрова, миляхъ въ 42-45-ти на Ю. Ю. В. опъ Упу-Мароа. Тамъ сущесшвовалъ нѣкогда древній и знаменишій морай бога Оро. Сей богъ, самый славнѣйшій изъ всѣхъ Таишянскихъ, имѣлъ въ Опуа самый прекрасный изъ храмовъ. Неполько спекались въ него обипашели Раіашеа, но со всѣхъ споронъ архипелага, и даже изъ Таиши, въ извѣспныя времена, приходили многочисленныя, изувѣрныя поклонники. Теперъ морай уже несущесшвуешъ, и даже основаніе его и послѣдніе остатки идоловъ покрылись произраспаніемъ. Кроваво и спрашно было въ прежнія времена эпо свящилище идолослуженія, по разсказамъ Миссіонеровъ. Ежедневно падали въ немъ человѣческія жершвы подъ ножемъ жрецовъ, и свирѣпныя празднества его немало споспѣшесшвовали даже обезлюдненію архипелага. Спѣбны въ зданіяхъ морая были увѣшаны человѣческими черепами, въ сосшояніи большого или меньшаго плѣнія. Во внушренности оспрова, въ горахъ, сущесшвовала еще *пери*, или крѣпость, считав-

шаяся неприступною, убѣжище дѣшей, сшариковъ и женщинъ, въ случаѣ войны, или нашесшвія.

На другой день, какъ было сказано, Океанію посѣпило все царское семейство, власпишели Раіашеа и Тайши. Съ нѣкошораго времени, нашъ Филипсъ находился въ печальной шѣни— жесшюкое разспройсшво желудка и лихорадка держали его прикованнымъ къ его койкѣ. Теперъ шолько начиналъ онъ немного оправляться. Онъ былъ нашъ Океанійскій *chevalier d'honneur* повсюду. Мысль о такой обязанности придала ему геркулесовскія силы — мершвыи или живой, онъ долженсшвовалъ украсишь собою наше веселье Раіашейское. И вошъ съ ушра, подъ его руководсшвомъ, вымыли палубу, убрали снаспи, прибрали каюшу; лодка ошправи- лась привезши цѣлый возъ цвѣшновъ изъ прибрежной рощи, и своими полсшыми руками началъ разспавляшь ихъ, букешами, вѣнками и въ Японскихъ вазахъ, самъ Филипсъ, съ изысканнымъ вкусомъ и кокешсшвомъ. Мапрозамъ велѣно было надѣшь бѣлыя рубашки и одинакія лакированные шляпы. Потомъ Филипсъ занялся собсшвеннымъ шуалешомъ. На огромное жабо свое, какъ признакъ шоржесшвенности, вопкнулъ онъ почешную булавку съ бирюзой, чущъ не въ дюймъ, и голубой цвѣшъ этого украшения превосходно изображалъ глазъ Циклопа среди бѣлизны его галспуха. Тайшскіе таи и желаніе добышь нѣсколько дублоновъ заспавили нашего щеголя сбыть въ Машавіи почти весь свой гардеробъ, но у него оспавалась еще богатая куршка, съ серебряными, вышшшими

якорями, и съ галуномъ по боршику. Одѣшый шакимъ манеромъ, съ своею превосходною соломенною шляпою, немного сбавившій румянца послѣ болѣзни, нашъ лейтенантъ былъ—чудо красавецъ! Немножко Таишскимъ кокешкамъ, онъ могъ сдѣлаться опаснымъ — даже и кокешливой Помаре-Вагине I-й, хотя она была и властительница Таиши и архипелага.... Любовь слѣпа и неразбираетъ своихъ шалостей по шабели о рангахъ!

Около полудня, шпорожевой извѣстилъ насъ, что плывутъ двѣ лодки, и весь экипажъ, по свистку, выстроился въ два ряда. Залпъ изъ девяти пушекъ привѣтствовалъ знаменитыхъ гостей. Въ первой лодкѣ находилась знакомка наша, спарая Царица, и съ нею спарикъ Царь Раіашейскій, еще довольно крѣпкій и громаднаго роста. Въ немъ было, по крайней мѣрѣ, *шесть футовъ*; цѣлою головою превышалъ онъ насъ, и мы казались, при шолщинѣ его, карликами. Съ благороднымъ видомъ, съ умною осанкой, живо подошелъ онъ къ Пендлешону, и пожалъ ему руку самымъ дружескимъ образомъ. Коспюмъ его состоялъ изъ Англійскаго мундира, довольно опрятнаго, при чемъ были шляпа, перевязь, шпага, даже панталоны и чулки — полный нарядъ, большая рѣдкость въ коспюмѣ самыхъ знатныхъ Таишянъ. Спарая Царица была въ бѣлой кисейной робѣ, съ желтымъ шелковымъ плашкомъ, опороченнымъ по краямъ бахрамою, съ апласнымъ поясомъ, и соломенною шляпою, украшенною лентами.

Но вниманіе наше успремилось къ другой лодкѣ. Въ ней находились члены царскаго семейства Таишскихъ власпишелей. Едва успѣли мы пригословишся къ приему, молодая Таишская царица уже прыгала по палубѣ, весело и шаловливо. Пендешонъ предложилъ ей руку, провожая ее къ кормѣ корабля; Филипсъ завладѣлъ ручищею почтенной регенши Помаре-Вагине, а другіе офицеры поочередно являлись, какъ *cavaliers servants*, для проведенія вдовствующей царицы Тере-мое-мое, супруги губернашора Вагинскаго, ея дочери, и другихъ почешныхъ спущницъ царицы. Юная Аимаша одѣта была въ черную апласную робу, съ красивою кисейною бордюрою, поясомъ, кошорый зашегивался золошою пряжкою, и шляпкою, съ широкими полями, на головѣ! Все вмѣстѣ, нарядъ и особа царицы, показывали ловкое кокешество. Ея спущницы были одѣшны шакже сколько можно лучше, и кромѣ немногихъ несообразносшей, вообще весьма ловко и прилично. Свишу сосшавляли еще многіе молодые знашные люди, благоприличной наружности, и одинъ Американскій мапрозъ, находящійся въ службѣ царицы. Видъ всего Двора предсшавлялъ вообще столько свободы въ наружности, сколько было ее въ поведеніи царицы и придворныхъ, возбуждавшемъ жестокое негодованіе Миссіонеровъ. Повѣряшъ-ли, что Миссіонеры употребили уже на Таиши прежнее оружіе Папъ? Тешку и мапъ Аимашы они уже предали проклятію, и шѣмъ-же грозили ей самой. «За чѣмъ-же сшало?» ошвѣчала она, когда ей сказали объ

этомъ. — « Опъ проклятія ихъ ничего худого не-
сдѣлалось ни манери , ни пешкѣ моей — и мнѣ
ничего несдѣлается. »

Когда знаменишая наша бесѣда расположилась
на кормѣ корабля , Пендлешонъ велѣлъ грянуть
вновь изъ пѣнадцати пушекъ. Пушки у насъ были
невелики , но все ударъ раскашлся жестокій , а
внезапность его сильно испугала всѣхъ дамъ. Спа-
рая Царица Раіашейская упала на колѣни и шворила
молишвы; Аимаша схватилась за руку Пендлешона
съ судорожнымъ усиліемъ ; Регеншша повалилась
всею пѣжеснью шѣла на Филипса , и онъ не зналъ,
какъ удержашъ шучную эшу громаду , и какъ
возвратишь ей чувшва; другія кричали: « *Мантан!*
Мантан (хорошо , хорошо)! » но захватили голо-
вы руками. Только спарикъ Царь Раіашейскій не-
пошевелился съ мѣсна , какъ человекъ привычный
къ пушечному грому.

За шѣмъ сѣли мы за обѣдъ , и знаменишые госпи
наши вели себя довольно прилично. Всѣ казались
привыкшими къ Европейскимъ обѣдамъ , безъ боль-
шой неловкости управляясь съ ножами , вилками и
шарелками. Неменьше казались они знакомы и съ
Англійскими шосшами , довольно ревностно учащая
ихъ. Дамы неопшсавали опъ мужчинъ , изъ учши-
восши-ли къ нашему Амфишріону , или находя вку-
сными его ромъ и вина. Когда дошло до десерта ,
головы были разгорячены , но никшо не охмѣлѣлъ.
Сидя между молодою Царицею и Регеншшею , Фи-
липсъ казался царемъ пира , и славно награждалъ
себя за воздержаніе. Благодаря ему , наши собесѣд-

ницы были пріятно изумлены , когда опять вышли на палубу: флейшъ и барабану нашлась въ дополненіе скрипка. Одинъ изъ мапировъ, до сихъ поръ скрывавшій свое дарованіе , опличился въ присутствіи Таишскаго Двора и имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Паганини едва-ли бывалъ осыпаетъ когда нибудь сшоль громкими похвалами.

Едва прогремѣлъ пушечный залпъ въ честь поплавшихъ отъ корабля лодокъ , мѣсто пированья заснула на Океаніи дѣятельная работа. Мапировы сбросили свой нарядный костюмъ и принялись за якорь. Филиппъ смѣнилъ свое жабо, свою булавку съ бирюзой , свой мундиръ съ якорями на дорожную куртку. Вскорѣ Океанія пустилась въ ходъ , обогнула съ сѣверной стороны Тагоа , и направилась къ Бора-Бора. Вечеромъ мы уже завидѣли высокую вершину горы сего острова, какъ будто маякъ безъ огня. На ночь надобно было подобрашъ паруса. На разсвѣтѣ двинулись мы шѣмъ быстрѣе , въ 400 шуазахъ расшоянія мелькнули мимо сѣверныхъ мѣлей Бора-Бора , обошли мысъ Апиши , и къ полудню бросили якорь передъ мысомъ Пагуа, на 20-ти брассахъ глубины.

Послѣ сшолькихъ ошановокъ въ разныхъ мѣстахъ Таишскаго архипелага , я думалъ , что меня не удивитъ уже никакая новостъ живописныхъ его подробностей. Таиши , Эimeo , Вагине , Раіапса пресынили меня разнообразіемъ впечатлѣній. Я почти рѣшился смолчѣть на Бора-Бора равнодушно. Но , невольно, при взглядѣ на зрѣлище совершенно новое и любопытное , на землю сшранную разно-

образіемъ, невольно измѣнилъ я самъ себѣ. Этого конуса горы, составленный изъ скалъ, одѣтыхъ зеленью, надъ узкою, но сѣнсною долиною, съ его двумя уступами зелени, однимъ ниже, убраннымъ панданами, другимъ выше, съ его кокосами, представленными будто зонтики; попомъ, тамъ и здѣсь хижинки, какихъ я еще и невидывалъ, красивыя, милыя, линіями посаженныя—нѣтъ! нельзя было оставаться равнодушнымъ и неполюбовавшись такою картиною! Еще особенное обстоятельство составляло характеръ Бора-Бора. Цѣпь его прибрежныхъ мѣлей, вмѣсто того, чтобы въ разныхъ мѣстахъ, то скрывалась подъ волнами, то выставлялась изъ нихъ, здѣсь была обнаженною, тамъ зеленѣющею, цѣпь эта вся была покрыта кокосами, образуя такимъ образомъ сплошную опору острова. Вообразите себѣ букетъ роскошной зелени, окруженный зеленою гирляндой—вотъ Бора-Бора. На пространствѣ моря между берегомъ и мѣлями, вода была такъ свѣтла, такъ пуха, будто въ озерѣ.

Здѣшній миссіонеръ Пламъ встрѣтилъ насъ на пристани. Онъ проводилъ насъ къ двумъ царямъ острова—Тафаура и Маи, самымъ обыкновеннымъ примѣрамъ Таишскихъ физіогномій. Первый изъ нихъ, Тафаура, былъ однакожъ дядькою Помаре III-го, при жизни сего юнаго царя. Это дикарь высокаго роста, но соразмѣрной толщины. Свободные послѣ нашего визита, мы осмошрѣли селеніе. Оно дѣлилось на двѣ части, Машапай и Беула; въ каждой есть свой старшина, и число народа въ

обѣихъ простирается до 400 человекъ. Подлѣ превосходной набережной изъ коралловыхъ кусковъ, видны жилища и часовыя миссіонеровъ, превосходнѣйшія строенія изъ всѣхъ на Бора-Бора, пошому что туземцы ревностные христіане. Въ нихъ нѣтъ уже ничего изъ той врожденной храбрости, копорая, лѣтъ за пятьдесятъ прежде, дѣлала ихъ спрашными всему остальному архипелагу—это уже не тѣ воины знамениаго Пуни, копорые покорили Тагаа и Раіапее, и угрожали Таиши. Нѣтъ! сдѣлавшись крошкими и мирными, они повинуются голосу Миссіонеровъ, слушають проповѣди ихъ и читають Библію.

Цѣлый день оставался у меня, и я рѣшился употребить его на трудное и опасное восхожденіе на Бора-Борскую гору, именуемую *Пагіа*. Я просилъ г-на Плаша дать мнѣ указашеля дороги, и онъ рекомендовалъ мнѣ семидесятилѣтняго спарика, по имени Тааши, еще свѣжаго, ловкаго, хошь онъ запомнишь Кука и его корабли. За синюю рубаху, спарикъ взялся провожать меня до самой вершины пика. Охотно прибавилъ я еще прекрасный плашокъ, копорого, казалось, весьма желалъ спарикъ. Мы отправились рано утромъ, съ внукомъ Тааши, мальчикомъ добраго вида. Переправясь къ мысу Фаре-Пиши, я просилъ показать мнѣ славный морай, нѣкогда посвященный богу Оро, о копоромъ споль много говорили прежніе мореплаватели. Тааши указалъ мнѣ мѣсто его, заросшее кустарникомъ. Пошомъ, сдѣлавъ мнѣ знакъ хранишь глубокое молчаніе объ его ошкрытіи, онъ

далъ мнѣ замѣшпть на берегу моря оспашокъ зда-
нія, фушовъ 25-30 въ длину, и 5-6 фушовъ въ шол-
щину, образованный изъ коралловыхъ каменьевъ,
положенныхъ на землю, между копорыми были на-
бишы мѣлкіе кремни. Это образовывало родъ по-
моспа, на копоромъ спояла спашуя спрашнаго
Оро, окруженная небольшимъ числомъ нисшихъ
идоловъ. Сюда приносили жертвы, здѣсь рѣзали ихъ
и шворили идольскія молишвы. Тамашп самъ про-
велъ часпъ жизни своей въ служеніи здѣшнему ка-
пищу, и подробно зналъ всѣ опврашпшельныя по-
дробности его обрядовъ. Жрецы нерѣдко присоеди-
няли голосъ его къ шѣмъ пронзительнымъ, шаин-
ственнымъ крикамъ, которые выдавали они за
признакъ присупспвія божеспва.

Къ западу, въ параллельномъ направленіи опъ
бывшаго жершвенника, Тамашп указалъ мнѣ еще
подъ лизеронами, и другими спелющимися распе-
ніями, основанія преогромнаго прямоугловаго сарая,
фушовъ 400 длины и 40-ка въ ширину, «Тушъ,» го-
ворилъ мнѣ онъ, «было мѣсто приношенія на жерш-
ву людей. Нерѣдко, послѣ жестокой какой-нибудь
бишвы, видалъ я здѣсь до 20-ти шруповъ несчаст-
ныхъ непріятелей, зарѣзанныхъ въ честь Оро.»—
Далѣе, на югъ опъ сарая, къ восшочной споронѣ,
видны были два каменные помоспа, фушовъ по 8-ми
квадрапныхъ, гробница знамениаго какого-шо
спаршины, называвшагося Тегеа, по словамъ моего
проводника. Черезъ двадцать лѣшъ опнынѣ, всѣ вос-
поминанія прежней жизни, сіи храмы, сіи жершвен-
ники и гробпицы, пожираемые произрастаніемъ, со-

вершенно исчезнутъ , даже и въ преданіяхъ. Миссіонеры строго запрещаютъ говорить объ нихъ , и сшарикъ Тамаши казался встревоженнымъ мыслью, чшобы я неразсказалъ объ его нескромности. Онъ даже опасался своего роднаго внука. Такъ далеко просшираетсѣя система наблюденія, введеннаго Миссіонерами , кошорые для общей безопасности не бояшся принимають мѣры, сшѣснительныя въ семейственныхъ связяхъ.

Посѣдивъ оспашки морая, мы переплыли въ лодкѣ своей въ заливъ *Фануи* , углубленный въ сей часши оспрова. Тупъ, въ оконечности его, подлѣ развалинъ какого-шо жилья, начали мы подымашся на гору. Выходъ былъ довольно пологъ, до мѣсна, называемаго шуземцами *Огуаи*, гдѣ находишся родъ крѣпости , или пари, сосшавленной изъ ушесовъ. Далѣе восхождение наше сдѣлалось шруднѣе, среди шравъ, смоченныхъ росою и дождевою водою , черезъ густыя кушарники и по грудамъ скользкаго базальша. Мы досшигли однакожъ довольно шчасшливо до пункта , возможнаго досшигенію Европейцевъ. Выше его, пикъ *Пагійскій* образовывалъ уже недосшупное оспроконеціе , ошвѣсшую иглу со всѣхъ шпоронъ, какъ будшо неправильную башню, фшшовъ 200 въ вышину. Смотрѣя на нее , можно было сказашь , что шолько пшшцы въ состояніи досшигать еѣ оспраго верха. Но Тамаши увѣрялъ меня, что когда пшшцы сидѣють на яицахъ, *Бораборцы* веходѣють шуда по неровностямъ ушесовъ и захващывають фашоновъ на гиѣздахъ ихъ, добывая красныя перья. Для совершеннаго убѣжде-

нія въ словахъ своихъ , не смотря на свои 70-лѣтнѣ , пустился онъ и , въ двѣ минушы неболѣе , вистѣлъ уже въ 30-ши футахъ надъ моею головою. Тренеща , что онъ свалился опшуда , я просилъ его сойдши.

Впрочемъ , и съ того мѣся , гдѣ мы находились , зрѣлище было столь великолѣпно , что мнѣ не за чемъ было лазить далѣе. Я обнималъ взоромъ весь Борабора , съ его гирляндю кругомъ изъ кокосовой зелени , и его свѣшлую окружную каймою моря. Мнѣ открывались вдали вершины окрестныхъ острововъ , Тагаа , Раіашеа , и даже Вагине съ одной , и побережья Тубаи съ другой стороны. Безконеченъ былъ эшотъ обзоръ—богатый , населенный островами , смѣшеніе земель и воды !

Желая долѣе насладиться эшимъ , я запасся легкимъ завпракомъ и расположился шеперь на вершинахъ Пагіа , подъ кустами деревянистыхъ папорошей. Здѣсь заспалъ меня Англичанинъ , поселившійся на Бора-Бора , и вскорѣ послѣ меня пуспившійся на Пагію съ своимъ проводникомъ. Джонесъ (его имя) обошелся со мною дружески ; мы раздѣлили наши запасы и ромъ , и при концѣ завпрака казались спарыми друзьями. Джонесъ говорилъ мнѣ о торговлѣ острова , положеніи миссіонеровъ , робкомъ и совершенномъ повиновеніи имъ шуземцевъ.

«Повѣрише-ли вы , что я до сихъ поръ немогу отъ нихъ ничего узнать о прежней ихъ жизни , столь занимательной ?» говорилъ мнѣ мой товарищъ. «Бѣднякамъ строго приказано забыть о своихъ предкахъ !»—Эшо любопышно—отвѣчалъ я—но

вопъ, кажешя, мой сшарикъ словоохопливѣе другихъ на рассказы—попышаемъ разспросить его? — Мы обратились къ Тамаши, и сшали просить его, рассказать намъ исторію храбраго Пуни. При шакомъ неожиданномъ шребованіи, проводникъ мой смушился; я насшоялъ, предложивъ ему маленькое зеркальцо. Сшарикъ еще колебался, между желаніемъ владѣть драгоцѣнностью и сшрахомъ посшрадасть за свою болшливосшь. Особливо недовѣрчивые взгляды обращалъ онъ на присутсшвовавшаго шунъ земляка, и какъ будто боялся внука своего. «Удалимъ другихъ» — сказалъ мнѣ Англичанинъ. Я ыскалъ предлогъ; далъ каждому изъ нихъ по ножуку, приказалъ нарѣзать намъ кокосовъ и дожидаться насъ послѣ шого въ пари.

Тушъ мой Тамаши вздохнулъ свободнѣе. «Пріятно мнѣ — сказалъ онъ — поговорить о нашей сшаринной бывальщинѣ; люблю еще я наши народныя пляски, запрещенныя шеперь намъ игры, уничтоженныя нынѣ одежды наши, красивый шапуажъ, о кошоромъ невелиашъ намъ думать. Вспомнивъ о прежнихъ бешвахъ нашихъ, бросаюсь я къ моему головолому и выпрямляюсь, какъ будто иду на бой. Бѣдный Тамаши! ты слишкомъ сшаръ для перемѣны на новое, шибѣ несвыкнушья съ новымъ! Да, я живу въ шомъ, чего уже нѣтъ; я не могу презирать шо, чшо уважалъ всю жизнь мою, а чшо-же дѣлать? Говорить невелиашъ — запрещено! За малѣйшее словечко дѣши обвинять меня передъ миссіонерами. Тушъ будетъ сшыдъ, будетъ худо.» — Мы разувѣрили ошкровеннаго сшарика, и шакъ об-

ласкали его , что онъ разсказалъ намъ исторію Пуни.

Изъ двухъ царей , жившихъ каждый съ одной стороны залива Фануи , оба , по сражались , по мирились съ окрестными островами. Различная смѣсь удачь и неудачъ сопровождала такія событія , пока не явился Пуни. Началъ онъ шѣмъ , что соединилъ въ одинъ свои руки самодержавіе всего острова. Потомъ , проспирая далѣе свои завоеванія , побѣдилъ онъ Раіашеа и Тагаа , собралъ безчисленныя сокровища и построилъ великолѣпный морай Фаре-Пишискій. Во время Кукова посѣщенія , въ 1777 году , когда Пуни опдалъ сему мореплавателю якорь Бугенвиля , найденный однимъ изъ спаршинъ Таіарабу , Бора-Бора былъ на верху силы и могущества. Но съ шѣхъ поръ счастье оставило своего любимца. Скупость родила ему прошивниковъ на самомъ Бора-Бора , и на спароси лѣтъ Пуни былъ уже бѣденъ и лишенъ владычества. Зависть и ненависть между семействами Май и Тафура много способствовали его паденію.

Спаршина Тапоа , племянникъ Пуни , успѣлъ однакожь сохранить кое-что изъ владѣній дяди. Съ нѣсколькими воинами , перенесъ онъ побѣдоносное оружіе на Вагине , Тагаа , Раіашеа , и утвердилъ свое пребываніе на семъ послѣднемъ островѣ. Чувствуя силы свои , онъ рѣшился мстить за Пуни и снова покорить Бора-Бора. Съ войскомъ , проспиравшимся до 4000 человекъ , сосланнымъ изъ жипелей Раіашеа , Вагине и даже Таиши , переправился онъ на родину. Бораборцевъ небыло и 900

человѣкъ прошивъ него , но неопчаяваясь въ побѣдѣ , они укрыли своихъ женъ и дѣшей въ пари , и сами спали въ слабыхъ и доступныхъ нападенію мѣстахъ. Тапоа приспалъ въ заливѣ Анао , на восточномъ прибрежьи Бора-Бора ; пошелъ на приступъ къ укрѣпленіямъ ; Бораборцы дрались опчаянно , такъ , что нападашеть принужденъ былъ уступити , пошерьавъ пришомъ своего друга , Англичанина. Взбѣшенный неудачею , Тапоа раззорилъ селеніе Фануиское , но ободренные жители вышли изъ своихъ укрѣпленій и дали жестокое сраженіе въ долину Тагу-Руаи , гдѣ враги ихъ опять принуждены были уступить. Тапоа удалился съ флотомъ своимъ въ Раіатеа , и сдѣлавшись пошомъ союзникомъ Помаре , погибъ онъ въ битвѣ Гипіійской , со славою храбрѣйшаго воина на Таишскомъ архипелагѣ. Съ тѣхъ поръ , а этому прошло не болѣе двадцати лѣтъ , Маи и Тафаура остались спокойными власшителями Бора-Бора.

Спутникъ нашъ и быпосказатель Тамаши участвовалъ въ упомянутой войнѣ , и хопя находился онъ въ рядахъ сражавшихся прошивъ Тапоа , но воздавалъ глубокое почтеніе побѣжденному врагу , съ презрѣніемъ опзываясь о двухъ его побѣдишеляхъ , покорныхъ теперь волѣ Европейцевъ. Сходя съ горы , онъ повелъ насъ черезъ Огуои , эту естественную крѣпость Бора-Бора , удержавшую первое стремленіе непріятелей. Она находилась на скалистомъ гребнѣ горы , опдѣляющемъ Фануискій заливъ отъ Анаоскаго. Входъ съ восточной стороны защищался толстою стѣною , 200 фушовъ дли-

ны и 4—5 футовъ вышины, составленною изъ наваленныхъ одинъ на другой каменьева. При видѣ сего мѣсна бивъ, старый Тамаши почувствовалъ ожившими всѣ воспоминанія своей юности. Вновь обрѣтая силу движеній и голоса, онъ разсказалъ намъ разныя случайности осады, нападеній непріятеля и мужества защитниковъ. Съ прудомъ могли мы заспавишь спарика говорить; теперь еще болѣе было труда заспавишь его молчать. Разсказами о подвигахъ своего героя проводилъ онъ насъ до самаго мыса Пагоа, гдѣ сѣли мы въ шлюпку Океаніи. На кораблѣ нашелъ я обоихъ царей Бора-Бора, сидѣвшихъ за обѣдомъ Пендлешона, вмѣстѣ съ миссіонеромъ. Тутъ имѣлъ я случай лучше разсмотрѣть обоихъ дикихъ власпишелей, и по раболѣпному виду ихъ могъ увѣришься, что слова старого Тамаши о подчиненности ихъ Европейцамъ были справедливы.

Океанія запаслась на Бора-Бора дровами, весьма рѣдкими на Таиши. Мы опвалили опъ острова 29 Апрѣля, и черезъ нѣсколько часовъ были уже на южной споронѣ *Маупити*, который соспавомъ земли своей походилъ на Бора-Бора; только пикъ здѣшній менѣе возвышенъ и менѣе оспроконеченъ. Мы полагали оспановишься здѣсь, и шлюпка была уже готова опсправиться въ здѣшній узкій и опасный проливъ, когда Пендлешонъ оглядѣлся кругомъ по небосклону и опмѣнилъ свое намѣреніе. «Видно намъ суждено нынѣшній разъ все дѣлать по неволѣ» — сказалъ онъ. «Я хотѣлъ еще сушки побыть въ Таишскомъ архипелагѣ, а теперь приходишься бѣ-

жашь немедленно. Я располагалъ идти прямо на Тонга, а пойду—Богъ знаетъ куда! Два нордъ-вешовые (сѣверо-западные) урагана въ сорокъ дней—что за шалости, здѣсь, въ это время! Это неслыханное дѣло, чудо морское!»—Ничего непонималъ я изъ словъ капишана. Въмѣсто В. вѣпра была погода совершенная пишь, жаръ тяжелый, удушливый. Кой-гдѣ клочки облаковъ шянулись по горизонту, но ничто не предвѣщало возмущенія стихій. Но Пендлешонъ приучилъ меня вѣрить въ его метеорологическія предсказанія, и на сей разъ предвѣщаніе его оправдалось, такъ-же скоро, и такъ-же вполнѣ, какъ и всѣ прежнія.

ГЛАВА LIX.

ОСТРОВА ТАИТСКІЕ. ГЕОГРАФІЯ.

Купа , извѣстная подѣ именемъ *Таитской* , состоитъ изъ острововъ: *Маишіа* , *Таиши* , *Эimeo* , *Табу-Эману* , *Вагине* , *Раіатеа* , *Тагаа* , *Бора-Бора* , *Тубаи* , *Маупиши* , и низкаго острова *Тешуа-Роа*.

Я уже говорилъ о *Маишіа*. Островъ *Таити* самый большой изъ всей купы, по которому дается новѣйшее наименованіе архипелагу , явно предпочтительнѣе наименованіямъ *острововъ Общества* и *острововъ Георгіевыхъ*, между которыми колеблюшся Англичане. Смѣшеніе географическихъ идей у Англичанъ въ семъ отношеніи таково, что многіе изъ нихъ островами Общества называютъ всю купу, между тѣмъ, какъ другіе, и въ томъ числѣ миссіонеры , приписываютъ это имя только *Таиши* и чешыремъ , лежащимъ около него, островамъ , называя западные отдѣльно *I. Georgian*. Оставляя споры, скажемъ, что островъ *Таиши* есть земля возвышенная , склоняющаяся во всѣ стороны къ бере-

гамъ , образуя круглую леншу приморья , единственно обитаемую и обработанную островишянами. Таиши окружается цѣпью ушесовъ , между коими разсыпаны острова и находящія широкіе и глубокіе проѣзды , ведущіе къ внутреннимъ гаванямъ. Во времена открытія на островѣ полагалось отъ 400 до 450,000 жителей. Въ 1828 году , когда вѣрная ревизія произведена была миссіонерами , оказалось всего на все не болѣе 7000. Островъ дѣлился на двѣ неравныя части низкимъ перешейкомъ , заливаемымъ во время большихъ приливовъ. Болѣе обширное отдѣленіе земли кругло , а меньшее овално. Первое составляеиъ *Таити-собственно* , второе *Таіа-Рабу*. Обѣ части вмѣстѣ , отъ С. З. къ Ю. В. , простираются почти на 40 миль въ длину , при различной ширинѣ , отъ 6-ти до 24-й миль. Таиши занимаетъ такимъ образомъ пространство отъ $17^{\circ} 28'$ до $17^{\circ} 56'$ ю. ш. и отъ $151^{\circ} 24'$ до $152^{\circ} 4'$ д. з.

Эimeo (или *Муреа* , по названію миссіонеровъ) небольшой гористый островъ , окруженный цѣпью ушесовъ , съ нѣсколькими добрыми пристанями для кораблей. Окружность его около 25-ти миль , а число жителей до 4300 человекъ. Гавань *Талу* находится широтъ подъ $17^{\circ} 28'$ ю. ш. и $152^{\circ} 43'$ д. з.— Квирозъ первый видѣлъ сей островъ , въ 1606 году; Валлисъ снова нашелъ его въ 1767 году и назвалъ *Йоркомъ*; Бугенвиль осмоирѣлъ его въ 1768 году; потомъ Кукъ посѣтилъ его нѣсколько разъ , въ 1769, 1774 и 1777 годахъ , возвративъ ему прежнее имя его. Но Бончеа , въ 1774 году , опять

переименовалъ Эмео въ островъ *Воскресенія* (San-to-Domíngo).

Находясь въ девяти лѣ къ сѣверу отъ Таиши , *Тетуа-Роа* собственно состоишь изъ двухъ , или прехъ , низкихъ , лѣсистыхъ , занятыхъ нѣсколькими семействами островковъ. Они простирающа на три мили отъ В. на З.; середина ихъ подъ $17^{\circ} 4'$ ш. ю. и $151^{\circ} 52'$ д. з.—Вѣроятно, ихъ назвалъ Квирозъ *Fugitiva*, при открытіи въ 1606 году; потомъ нашелъ Бугенвиль и ошибочно наименовалъ *Умаитіа*, въ 1768 году; на картахъ Кука, осматривавшаго ихъ въ 1769 г., названы они *Тетура*, а Бонечеа , видѣвши ихъ въ 1774 году, наименовалъ ихъ *Tres Hermanos* (три брата).

Табу-Эману (или *Маіао-Ити* , по названію Миссіонеровъ) былъ открытъ въ 1767 году Валлисомъ , наименовавшимъ его *Saunders* ; потомъ осматрѣнъ Кукомъ въ 1769 году, и Бонечеа въ 1774 году, при чемъ получилъ онъ имя *Руннаго* (*Pelada*). Это земля довольно возвышенная, окруженная прибоемъ волнъ , имѣющая не болѣе 4-хъ миль въ поперечникѣ и населенная почти 200 человекъ. Центръ ея находится подъ $17^{\circ} 28'$ ш. ю. и $152^{\circ} 43'$ д. з.

Вагине, открытый Кукомъ въ 1769 году, снова видѣнный имъ въ 1774-1777 годахъ , былъ тогда названъ *Гюагейне*. Бонечеа замѣнилъ его въ 1774 году и назвалъ *Красивымъ* (*Hermosa*). Это высокая земля , обильная , богатая , окруженная овальною цѣпью прибоевъ, почти на 25-ть миль въ объемъ; нынѣшнее народонаселеніе на немъ до 1800

душъ. Гавань *Ware* находишся здѣсь подъ $46^{\circ} 41'$ ш. ю. и $153^{\circ} 23'$ д. з.

Raiaaea и *Тагаа* сушь два острова, обложенные одною общею цѣпью ушесовъ, на 24 мили въ длину, отъ С. къ Ю., при ширинѣ различной, отъ 5-ти до 12 миль, усѣянной мѣлкими, лѣсисными островами. Кукъ открылъ сіи острова въ 1769 году, снова видѣлъ ихъ въ 1774-1777 годахъ, и обезобразилъ ихъ имена, назвавъ *Улиетеа* и *Отага*. Бонечеа далъ имя *Принцессы* (*Princesa*) острову *Raiaaea*. На этомъ островѣ нынѣ до 1700, на Тагаи не болѣе 4000 жителей. Ушесы, окружающіе эту маленькую купу, идушъ отъ $46^{\circ} 34'$ до $46^{\circ} 56'$ ш. ю. и $153^{\circ} 40'$ — $153^{\circ} 56'$ д. з.

Бора-Бора открытъ также Кукомъ, въ 1769 году, и названъ *Бола-Бола*, а Бонечеа перемѣнилъ сіе названіе, въ 1774 году, въ *San-Pedro* (св. Пётръ). Высокій, съ широкимъ поясомъ ушесовъ, обставленный съ боковъ островами, какъ-то: *Тубуан*, *Тенаки-Роа*, *Пити-Ау*, *Бора-Бора* имѣетъ не болѣе 800 жителей. Гавань его подъ $46^{\circ} 30'$ ш. ю. и $154^{\circ} 6'$ д. з.

Тубан, или *Моту-Оти*, названный *Тубіа*, при открытіи его Кукомъ, въ 1769 году, состоятъ изъ двухъ маленькихъ острововъ, лѣсисныхъ, низкихъ, обитаемыхъ нѣсколькими семействами. Чешыре мили самая большая ширина этихъ острововъ. Прибой волнъ окружаетъ ихъ. Средина подъ $46^{\circ} 47'$ ш. ю. и $154^{\circ} 9'$ д. з.

Маупити, или *Мау-Руга*, былъ открытъ Кукомъ, въ 1769 году; попомъ видѣтъ Бонечеа, и названъ

опъ него, въ 1774 году, *Sant-Antonio* (Св. Антоній). Этой островъ высокъ, весьма лѣсисъ, и геологическую особливостъ его составляютъ груды прекраснаго различія *долеритовъ*, кромѣ базальтовыхъ утесовъ недавняго образованія, общихъ всѣмъ другимъ островамъ. Его окружаетъ прибой, 15-18 миль въ окружности, почти совершенно замкнутый въ сѣверной части низкими и лѣсисыми островками *Авера* и *Туа-Нае*. Число жителей здѣсь не болѣе 500, или 600 душъ. Средина подъ $16^{\circ} 27'$ ш. ю. и $154^{\circ} 34'$ д. з.

На западъ отъ Таишскихъ острововъ есть еще три острова, которые, кажутся, должно присовокупить къ Таишскому архипелагу:

Первый — *Могипа*, былъ открытъ въ 1767 году Валлисомъ, который подходилъ къ нему и назвалъ его островомъ *Гоу* (Howe). Кукъ также приближался сюда въ 1774 году. Ни тотъ, ни другой мореплавецъ не видалъ здѣсь жителей, а туземцы на *Раіашеа* рѣшительно подтвердили Куку, что *Могипа* необитаема, и что Таишяне плаваютъ иногда къ нему для ловли черепахъ. Собственно, это купа мелкихъ, низкихъ, лѣсисыхъ острововъ, наброшенныхъ на утесы, вровень съ водою и мила чешыре въ окружности. Средина ихъ считается подъ $16^{\circ} 42'$ ш. ю. и $156^{\circ} 34'$ д. з.

Второй островъ, *Сциллей*, былъ также открытъ Валлисомъ, въ 1767 году, и онъ говоритъ объ немъ, какъ о небольшой купѣ островковъ, низкихъ и обсаженныхъ прибойми. Съ ихъ поръ, кажется, никто не доставлялъ объ этихъ островкахъ

лучшаго извѣстія. Срединѣ ихъ лежишь подѣ $46^{\circ} 30'$ ш. ю. и $157^{\circ} 55'$ д. з. —

Третій островъ — *Биллингсгаузена*, открытый Коцебу, въ путешествіи его, въ 1824 году. Это также купа низкихъ, лѣсистыхъ, обвязанныхъ цѣпью прибоѣ островковъ. Одно кокосовое дерево возвышаетъ вершину свою надъ всѣми другими. Жителей нѣтъ. Три мили въ длину, отъ С. къ Ю., и двѣ съ половиною въ ширину, составляютъ пространство сей земли. Срединѣ ея подѣ $45^{\circ} 48'$ ш. ю. и $154^{\circ} 32'$ д. з.

ГЛАВА LX.

АРХИПЕЛАГЪ ТАИТСКІЙ. ИСТОРІЯ.

Нѣтъ сомнѣнія, что первый Европейскій мореплавецъ, открывшій *Таити*, былъ Испанецъ *Квирозъ*. Февраля 10-го 1606 года, увидѣлъ онъ землю, оспававшуюся за вѣтромъ, и отправилъ бригантину искать тамъ гавани. Посланные остановились въ десяти брассахъ отъ берега, и спустили на воду лодки, которыя, оббиваемыя буруномъ, не могли пристать къ землѣ. Прибрежье было покрыто островищами, изъяслявшими Испанскимъ плавающимъ всякіе знаки дружбы. Ободренный ихъ призывомъ, молодой Испанецъ, Франциско Понсъ, бросился вплавъ, переплылъ бурунь, и, при помощи плывцовъ, достигъ острова, гдѣ его осыпали ласками. Другіе Испанцы послѣдовали примѣру отважнаго товарища, и также были обласканы островищами, которые оставались однакожь вооруженные деревянными копьями, саблями и дубинами. Они казались сильны и рослы. Хижины ихъ были

расположены просяженіями, подъ кокосовыми деревьями, по приморью. Пробывъ между дикарями нѣсколько часовъ, Испанцы вплавъ достигли своихъ лодокъ. Ни одинъ изъ шужемцевъ не послѣдовалъ за ними.

На другой день корабли Квироса спали подъ вѣтромъ, и шлюпки опсправлены были для налипія водою. Никакого ручья, никакого источника не нашли посланные, принуждены были рыть прибрежный песокъ, и въ эсихъ колодцахъ вода оказалась солоноватая. За то собрали много кокосовъ. Пустившись во внутренность земли, Испанцы увидѣли, что находящаяся на узкомъ полуостровѣ, попопляемомъ приливомъ, такъ что въ это время море образуешь два острова изъ двухъ полуострововъ. Встрѣшивъ старуху островишянку, уговорили ее ѣхать на корабль; она согласилась безъ затрудненія, была одарена, угощена, одѣта и перевезена опять на берегъ. Въ этошъ разъ шужемцы выплыли на встрѣчу шлюпкамъ въ лодкахъ съ парусами. Они чрезвычайно обрадовались, увидя старуху, увезенную чужеземцами и возвратившуюся съ подарками на островъ. Ласки и дружество къ Испанцамъ удвоились. Одинъ изъ островишянъ, человекъ высокаго роста и добродушнаго вида, носилъ на головѣ вѣнецъ изъ красивыхъ черныхъ перьевъ, по видимому, означавшій его старшинство надъ прочими. Русые волосы его, падавшіе на плеча кудрями, возбудили удивленіе Испанцевъ, тѣмъ болѣе, что только онъ одинъ опличенъ былъ эшимъ опъ другихъ островишянъ. Видя, что Испанцы упорно

приглашають его знаками опсправившись съ ними на ихъ корабли, онъ вошелъ въ одну изъ шлюпокъ Испанскихъ, съ нѣсколькими шоварищами. Но едва выплыли въ опкрытое море, испуганные пѣмъ, что находящаяся во власпи неизвѣстныхъ людей, дикари побросались въ море; начальника едва могли удержашъ, почти силою. Его довели такимъ образомъ до бригашины, но не могли уговорить взойти на нее. Принуждены были накормить его, обласкать и одарить въ шлюпкѣ. Потомъ, думая, что всѣмъ эпимъ приобрѣшена была его благосклонность, опвели его на берегъ, и—въ самое время: небольшое число Испанцевъ, оставшихся на берегу, было окружено толпою туземцевъ; вооружась дробиками и копьями, они хотѣли уже мспить за своего начальника, полагая, что его убили и съѣли на кораблѣ чужеземцевъ. Положеніе Испанцевъ являлось весьма опаснымъ, когда начальникъ дикарей возвратился, восхищенный приемомъ чужеземцевъ. Его возвращеніе было знакомъ возобновленія дружбы и радости. Матросовъ Испанскихъ наперерывъ угощали, ласкали, дарили бездѣлками. Офицеръ, начальствовавшій шлюпкою, получилъ опъ дикарей все, что они имѣли самага драгоцѣннаго. На другой день Квирось опправился далѣе, давши новоопкрытой землѣ имя *острова Sagittaria*.

Опкрытіе Квироса оставалось забытымъ почти сино шеспдсѣсятъ лѣтъ, по есть, до того времени, когда снова посѣтили неизвѣстный островъ *Валлисъ* и *Бугенвилъ*. Первый приспалъ здѣсь въ Іюнѣ 1767 года, остановился въ заливѣ Машавайскомъ,

и едва не разбилъ своего корабля на Дельфинской мѣли. Вѣроломные, безпокойные, воры съ самаго начала, островитяне получили порядочный урокъ исправленія ружейною спрѣльбою Англичанъ, но собравшись потомъ въ большемъ числѣ, опважились на непріязнь болѣе открытую и дерзкую. Въ одно утро, шреста лодокъ островитянскихъ, болѣе нежели съ 2,000 человекъ дикарей, направились къ Англійскому кораблю и осыпали его градомъ каменьевъ. Капитанъ допустилъ непріятелей на пушечный выстрѣлъ, и картечами расплашился съ ними за непріязненные ихъ намѣренія. Нѣкоторыя изъ лодокъ, несмотря на то, старались приблизиться къ кораблю, но усиленное дѣйствіе огня принудило наконецъ всѣхъ дикарей бѣжать. Начальникъ ихъ погибъ при семъ случаѣ.

Послѣ столь грознаго урока заключили опять миръ, но на другія сущи снова нарушили его. Надобно было прислушиваться къ войнѣ рѣшительной, истребленію всѣхъ островитянскихъ лодокъ, находившихся въ заливѣ и вышавшихъ на берегъ. Наконецъ, сила превосходнаго оружія оправдалась, и ужасъ, наведенный огнемъ Европейцевъ, установилъ миръ прочный. Дикари, столь дерзкіе, столь смѣлые до сего времени, сдѣлались ласковы, услужливы, крошки и добры. Казалось, что пушка и ружье совершенно измѣнили ихъ характеръ. Валлисъ обозрѣлъ подробно весь островъ. Изъ начальниковъ, посѣщенныхъ имъ, онъ говорилъ только о царицѣ *Оберетъ*, женщинѣ лѣтъ сорока пяти, величественной осанки, добраго нрава, и весьма уважаемой

между островишянами. Она жила въ двухъ миляхъ отъ пристани, въ обширномъ сараѣ, 330 футовъ въ длину, 40-ка въ ширину и 30-ши въ вышину; огромное жилище это утверждалось на 54-мъ столбѣ. Здѣсь владычествовала Обереа, окруженная Дворомъ своимъ, составленнымъ изъ множества начальниковъ и слугъ. Кажется, что слишкомъ тѣсная связь завязалась между Царицею и Англійскимъ Каптаномъ. Онъ оставилъ свою Дидону послѣ пяти-недѣльнаго пребыванія. — Валлисъ назвалъ островъ именемъ Короля *Георгія III-го*, и заставилъ Оберею, если вѣрить рисункамъ его путешествія, торжественно подчиниться владычеству Его Великобританскаго Величества.

Такимъ образомъ островъ сдѣлался владѣніемъ Англійскимъ въ 1767 году. — Въ 1768 году, когда явился здѣсь Бугенвиль, онъ перешелъ во владѣніе Французовъ, а черезъ пять лѣтъ потомъ объявили его принадлежащимъ Испаніи, благодаря Испанцу Бонечеа, приставшему здѣсь въ то время. — Тогда считали еще весьма важнымъ принятіе новооткрываемыхъ острововъ во владѣніе того или другаго Европейскаго Государя, хотя нынѣ никто не думаетъ объ исполненіи подобнаго, ничего недоказывающаго обряда.

Наспоящимъ власишелемъ Таиши въ это время былъ малолѣтнее дитя, во имя котораго царствовали другіе. Монархическое, или почти монархическое правленіе острова отличалось тѣмъ, что едва у власишеля рождался сынъ, обязанности отца совершенно измѣнялись: сынъ считался Царемъ,

или *Оту*, по названію туземцевъ, а отецъ былъ уже только правителемъ отъ его имени. Во время бытности на Таиши Валлиса, *Оаммо* правилъ такимъ образомъ за сына своего *Темаре*. Царица-мать была *Обереа*, или, правильнѣе, *Пуріа*, подружившаяся съ Англійскимъ Капитаномъ, и знаменитая по своему роду и богатству. Хотя супруга правителя, она имѣла любимцемъ своимъ одного изъ жрецовъ Таишскихъ, по имени *Ту-Паіа*, урожденцемъ съ *Раіашеа*. Два особенныя отдѣленія земель управлялись двумя братьями, *Тутага* и *Гапан*, а старикъ *Ваги-Адуа* владѣлъ полуостровомъ *Таіа-Рабу*.

Такъ раздѣлялись власны Таишскія, когда *Бугенвиль* сіналъ на якорѣ близъ округа *Гидіа*, въ Апрѣлѣ 1768 года. Кромѣ нѣсколькихъ покушеній на воровство, и смерти одного оспровитянина, убитаго по недоумѣнію, ничто непомревожило пребыванія Французскаго мореплавателя на островѣ, продолжавшагося недѣлю. Онъ имѣлъ сношенія съ *Реші*, начальникомъ округа *Гидіа*, и по разсказу *Бугенвиля*, удостоилъ его посѣщеніемъ одинъ изъ пріумвировъ острова, *Тутага*. Эпопъ власнители просперъ свое госпепріимство и свою ласковость до того, что предложилъ *Бугенвилю* одну изъ женъ своихъ, молодую и прекрасную. *Тутага* и всѣ родичи его были люди высокаго роста, неменѣе шести фузовъ каждый.

Бугенвилю одолжена Европа первою каршиною Таиши, столь роскошною и увлекательною, что о Таиши заговорили повсюду, и жадное любопыт-

ешво публики было пригошовлено къ послѣдовавшимъ за нѣмъ разсказамъ Кука и его шоварищей. Красота Таишянокъ, ихъ заманчивая снисходительность, ихъ неподдѣльная прелестъ, надѣлали много шуму во Франціи и въ Англіи. Всѣ съ восторгомъ кричали о первобытной простотѣ дикарей, ихъ сердечномъ гостепріимствѣ, ихъ нравахъ; даже одежда и оружіе ихъ являлись предметомъ восхищенія. Руководимый восторгомъ, слишкомъ анакреонтическимъ, Бугенвиль хопѣлъ названъ очаровашельный островъ *Новою Цитерою*, но эшо вымышленное названіе уничтожилось передъ другимъ, кошорое Бугенвиль привезъ во Францію, первый сказавши, что шужемцы острова называютъ землю свою *Таити*.

Бугенвиль вывезъ съ собою одного Таишянина, *Утуру*, брата начальника округа Гидійскаго Ретти. Утуру прожилъ въ Парижѣ одиннадцать мѣсяцевъ, угощаемый, ласкаемый, разсмашриваемый всѣми, какъ вещь диковинная. Дикарь скоро привыкъ къ удобствамъ Европейскаго образованія, шолько никакъ немогъ выучишся Французскому языку. Въ 1770 году, на корабль *Бриссонъ*, увезли его въ Ильде-Франсъ, ошкуда искали случая препроводишъ въ ошчизну, но ошправясь на Мадагаскаръ съ несчастнымъ Маріономъ, бѣдный Утуру умеръ шамъ ошъ заразительной болѣзни.

Послѣ ошѣзда Бугенвиля, на Таиши совершился полиишическій переворотъ. Одинъ изъ пріумвировъ, честшлюбивый Тушага, соединился съ Ваги-Адуа, правишелемъ Таіа-Рабу, и спарался низвергнушъ

правишество Оаммо и царицы Пуріи, передавая имя Царя, или Ошу, не Темаре, тогдашнему наследнику, но другому дитяши. Несмотря на благоразумныя предостереженія Ту-Паіа, любимца Царицы, ничего не было приговорено въ защиту. Заговорщики успремились на Папара, похищили изъ тамошняго моря знаки царскаго достоинства и одежду главнаго жреца, перенесли то и другое въ Аша-Гуру, и нѣкоторое время совершались попомъ въ семь мѣсѣхъ всѣ торжественныя праздники и жертвоприношенія. Власть похищителей укрѣпилась, усиленная множествомъ измѣнниковъ законному властителю. Въ слѣдствіе этого переворота, главный Ошу оставался подъ правленіемъ Тушага въ Пари, своемъ наследственномъ владѣніи, когда Капианъ Кукъ явился въ Машавай, въ 1769 году, для наблюденія прохожденія Венеры мимо солнца.

Кукъ немедленно началъ сношенія съ туземцами. Онъ видѣлся съ правишелемъ Тушага, съ Тубурай Тамаиди, начальникомъ Машавая, съ Реши, другомъ Бугенвиля, начальникомъ Гидіа, и съ Теари, сыномъ стараго Ваги-Адуа, начальникомъ Таіа-Рабу. Кукъ являлся также къ царицѣ Обереѣ, или Пуріѣ, тогда уже старой и увядшей красавицѣ. Она представила ему сына своего, какъ насоящаго наследника, называя правишелемъ Оаммо. Только одной особы непоказали Куку, несовершеннолѣтняго Ошу.

Въ обращеніи съ островитянами, Кукъ встрѣчалъ повсюду ласковость и привѣтъ дружескій.

Воровство случалось, но было рѣдко, неважно, и строго наказывалось. По всему острову можно было ходить совершенно безопасно, и Кукъ осмолрѣлъ его. Онъ посѣпилъ царскій морай въ Папара, смроеніе смранное и замѣчательное по своему усмройсмву. Это было чмпыреугольное зданіе, 130-ши фушовъ въ длину, 80-ши въ ширину, 40-ка въ вышину, образованное одинадцатью смдѣленіями, смъ посмщеннымъ уммьшеніемъ ихъ въ верху, шакъ, что самое высшее имѣло пространсма весьма немного фушовъ. Внѣшность его была изъ обмеманныхъ коралловъ, а внутрмнпость набиша круглыми кремнями. Неподалеку смъ моря бѣлѣлись груды костей—осмашки жершвъ, погубленныхъ въ послѣднюю войну.

Когда Кукъ собрался уже смшвалишь смъ пристани, двое мапсрововъ бѣжали смъ его корабля. Для возвращенія бѣглецовъ, предпріимчивый Капшпанъ прибѣгнулъ къ одному изъ смѣхъ рѣшительныхъ, насильсшвенныхъ средсмвъ, кошорья упошреблялъ онъ смоль нерѣдко. Немедленно захвапшлъ онъ почти все царское семейсшво, Тушага, Тубураи-Тамаиди, Оберею, многихъ другихъ начальниковъ, и объявилъ, что до смѣхъ поръ будетъ держашъ ихъ на кораблѣ, пока невозвращашъ ему убѣжавшихъ мапсрововъ. Оспровишпане побѣжали повсюду искашь бѣглецовъ, привели ихъ и размѣнялись на плѣнниковъ Кука.

И Англійскій пушешесшвенникъ неосмавилъ Таиши безъ шого, чтообы невзяшь смъ собою одного изъ дикарей, по примѣру Бугенвиля. Это былъ

всеобщій обычай тогдашній. На сей разъ соучастникомъ Европейцевъ сдѣлался *Ту-Паіа*, бывшій Великій Жрецъ. Осправясь съ Кукомъ, посѣшилъ онъ Новую Зеландію и умеръ въ Батавіи, вмѣстѣ съ своимъ слугею. Изученный таинствомъ Таинской мифологіи, умный и свѣдущій во многомъ, Ту-Паіа могъ-бы пояснить намъ многое, касательно первоначальной исторіи своей земли, передалъ-бы Европѣ преданія драгоцѣнныя, и пошому смерть его была оплакиваема многими, какъ потеря невозвращаемая.

На Таиши посѣшилъ еще Кука *Терао*, власнншель Еімео. Кукъ приспавалъ также къ оспрову Вагине, гдѣ видѣлъ знамениаго Бора-Борскаго Пуни, нѣкогда воишеля храбраго, но въ то время слабаго и дряхлаго старика. Тѣмъ невыгоднѣе было мнѣніе Англичанъ о Пуни, что онъ немогъ снабдить ихъ никакими запасами.

Между тѣмъ, болѣе и болѣе увеличивалось могущество Тушага, правншеля оспрова Таиши. Богатства, оставленные ему Кукомъ — оружіе, плашье, и разныя Европейскія произведенія, придали Тушага много важности. Онъ началъ мечпашь о увеличеніи своей власти, хощѣлъ покорить полуоспровъ Таіа-Рабу. Тщешно пресшарѣлый Ваги-Адуа убѣждалъ его къ миру прежними своими подвигами. Чесполобецъ внималъ только своей гордости. Съ многочисленнымъ флотомъ направился Тушага къ полуоспрову, и далъ битву, гдѣ обѣ стороны пріобрѣли нерѣшительные успѣхи. Недовольный такою нерѣшительностью, Тушага высту-

пилъ въ походъ по сухому пуши, и, ведя съ собою юнаго Ошу, напалъ на непріятеля, ожидавшаго его близъ перешейка. Сраженіе было кроваво и гибельно для Тушага; онъ погибъ въ битвѣ, вмѣстѣ съ Тубураи-Тамаиди; Реши и другіе полководцы были жестоко ранены; бѣдный Ошу едва могъ спасшійся бѣгствомъ въ горы. Уже Ваги-Адуа шелъ къ Машаваю и Пари, и весь островъ, разграбленный имъ, покорный ему, склонялся предъ побѣдителемъ, когда побѣжденные предложили мириться. Предложеніе было принято. Ошу, достигшій тогда совершеннолѣтія, началъ царствовать, при пособіи совѣтовъ опцовскихъ. У него было шрое браньевъ младшихъ; одинъ изъ нихъ, славный въ послѣдствіи подъ именемъ *Ора-Пиға*; двое другихъ именовались *Вандуа* и *Тепазу*.

Власишель Таіа-Рабу недолго пережилъ свое поржество. Онъ оставилъ власть сыну, и этого-то сына видѣлъ потомъ, въ 1772 году, Бонечеа, о путешествіи котораго мы имѣемъ извѣстія недоспащочныя, и еще въ 1773 году другой Испанецъ, Лангара, съ корабля котораго бѣжалъ мапрось, сдѣлавшійся любимцемъ и совѣшникомъ Ваги-Адуа II-го.

Въ Апрѣлѣ 1773 года, Кукъ появился вторично близъ Таиши. Сначала восемь дней простоялъ онъ у Таіа-Рабу, гдѣ наканунѣ оплышій посѣтилъ его Ваги-Адуа.—Форстеръ говоритъ, что эшотъ власишель былъ тогда молодой человекъ, лѣтъ 17, или 18-ти, складный, пріятной фізіогноміи, но безъ всякаго сильнаго выраженія, робкій и недовѣр-

чивый. Цвѣтъ шѣла его былъ довольно бѣлъ, волосы весьма гладки, темнорусые, рыжіе къ концамъ ихъ. Пока сидѣлъ онъ на своей царской скамейкѣ, служившей ему подвижнымъ трономъ, видъ его осматриваясь постоянно угрюмый и важный, несообразно лѣтамъ, но покинувъ тронъ, власшишель являлся ласковымъ и непринужденнымъ.

Послѣ пребыванія на берегу, при чѣмъ путешественники посѣтили Репи, начальника Гидійскаго, ничего неспросившаго у нихъ о братѣ своемъ Опуру, сопушникѣ Бугенвиля, Англичане отправились къ сѣверной оконечности острова и остановились у Мапаваи. Тушъ блистательный пріемъ ожидалъ Англійскаго Капитана со стороны Таишскаго Опу. Эпошъ царь былъ тогда около 30-ти лѣтъ отъ роду, красивый, стройный и добрый по выраженію лица. Онъ былъ съ усами, небольшою бородкою на нижней губѣ, съ черными, рассыпавшимися въ кудри волосами. Никто не смѣлъ накрывать головы въ его присушествіи, даже самый отецъ его, и не только надобно было обнажать передъ нимъ голову, но даже сбрасывать плаще и обнажать верхнюю часть шѣла, до пояса. Вокругъ Опу находились его сесеры, братья, отецъ его Гапан, человекъ старый, съ сѣдыми волосами и сѣдою бородою, худощавый, но высокаго роста, и еще свѣжій и крѣпкій. Объ Оаммо и Обереѣ уже никто не упоминалъ.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ начальниковъ острова въ то время былъ нѣкто *Потату*, извѣстный Куку еще въ первое его путешествіе. Съ

исполинскимъ ростомъ и апленическимъ сложеніемъ, Пошапу соединялъ особенную пріятность лица, благородство осанки и увлекательную кропоснь въ обращеніи. Онъ былъ такъ удивительно огромень, что толщина бедръ его равнялась толщинѣ тѣла рослаго мапроса. Жена его, Пола-Тегера, неуступала супругу ни ростомъ, ни дородствомъ, была почти 6-ти футовъ въ вышину. Названная сестрою Кука (*Tuageyne no Tuti*) еще въ первое его путешесствіе, она чрезвычайно гордилась эпимъ шишумомъ, и когда однажды Англіійскій мапрозъ нехотѣлъ впустить ее въ комнату Капишана, великанша схватила бѣдняка за-воротъ, сбросила его съ ногъ, вошла своевольно, и жаловалась своему названному брашу, что ее осмѣливающіе непускаютъ къ нему.

Въ этотъ годъ, Кукъ плавалъ въ разныхъ направленіяхъ по архипелагу Таишскому. Онъ видѣлъ друга своего Ори на Вагине, гдѣ начальникъ другаго Англіійскаго корабля, соупникъ Кука, капитанъ Фюрно взялъ съ собою островишянина Маи; потомъ посѣтилъ Кукъ Раіашеа, гдѣ узналъ Орео, царя сей часши острова, и откуда посылалъ офицеровъ своихъ въ Тагаа; возвращаясь изъ поѣздки, посланные привезли островишянина, желавшаго ѣхать съ Англичанами, и называвшагося *Гиди-Гиди* (Эдидей), уроженца Бора-Борскаго, родственника Пуни.

На слѣдующій годъ, въ Апрѣлѣ, Кукъ опять прибылъ къ Машаваи, гдѣ видѣлъ многочисленный флотъ Таишскій, назначенный къ дѣйствию противъ

Эimeo, подъ начальствомъ Товга , начальника Тешагскаго. Силою хопѣли покорить островъ Эimeo Мошу-Аро , двоюродному брашу главнаго Царя Таишскаго, изгнанному дядею его Магине.

Ничего немогло бытъ любопытнѣе этого флота дикарей. Военные корабли Таишянъ состояли изъ большихъ двойныхъ лодокъ, 40, 50 и 60-ти фушовъ въ длину ; на каждой находилось человѣкъ по сороку воиновъ и гребцовъ; въ другихъ, малыхъ лодкахъ, число которыхъ простиралось до 170-ти, назначенныхъ для перевозки тяжестей, было по восьми человѣкъ. Вѣрнымъ счисломъ, на 330 ти судахъ, помещалось всего неменѣе 7,760 человѣкъ. Надобно еще замѣтить, что этотъ флотъ не былъ снабженъ полнымъ числомъ людей, и что его выславили только два округа Таишскіе; Таia-Рабу неучаствовалъ въ походѣ. По этому вычислу можно опредѣлять народонаселеніе Таиши того времени.

Одежда воиновъ представляла странную пестроту. Ее составляли при большіе лоскута тканей, съ вырѣзкою для головы по срединѣ, надѣтые одинъ на другой. Верхній, самый обширный, былъ бѣлаго цвѣта, второй краснаго, третій, самый короткій, темнаго. Щипы и кирасы, изъ ивовыхъ вѣтвей, были украшены перьями и зубами акулъ. Шлемы и кошторыхъ воиновъ простирались до пяти фушовъ въ вышину; это были длинныя ивовыя плешушки, спереди съ полукруглымъ наличникомъ, въ чешыре фута шириною, украшеннымъ блестящими, зелеными и голубыми перьями, бордюрою изъ бѣлыхъ перьевъ, и бахромою въ видѣ лучей, сходящейся

изъ длинныхъ красныхъ перьевъ разныхъ тропическихкихъ птицъ. Главные начальники флота оплечались еще длинными, круглыми хвостами, изъ желтыхъ и зеленыхъ перьевъ, висѣвшими на спинѣ и напоминавшими нашей Турецкихъ. Адмиралъ Товга имѣлъ нѣтъ такихъ хвостовъ; на концахъ ихъ были плешушки изъ кокосовыхъ волоконъ, перемѣшанные съ красными перьями. На головѣ адмирала былъ не шлемъ, но что-то въ родѣ чалмы, весьма красивой. Товга казался человѣкомъ лѣтъ 60-ти, высокимъ, сильнымъ, благородной и привлекательной физіогноміи. — Кукъ недождался оплывшій флотъ, и уже въ послѣдствіи узналъ чѣмъ кончилось грозное предпріятіе. Первые битвы оказались удачны. Мошу-Аро былъ наименованъ царемъ, но Магине скоро возвратился съ новыми силами, прогналъ своего соперника, и принудилъ Таишскаго Ошу къ новой экспедиціи. Предпріятіе повели медленно и слабо. Грозное положеніе Магине заставило Товга вступитъ въ переговоры, вмѣсто битвъ, и соглашаться на уступки. Вначалѣ дѣла адмирала возбуждали негодованіе и гнѣвъ Ошу, но попомъ Царь принужденъ былъ согласиться, и Магине остался обладателемъ Эimeo.

Прежде нежели совершились окончательно измѣненія всѣхъ этихъ событій, Кукъ совершилъ свое второе и нрешье путешествованіе. Связанный дружбою съ начальниками Таиши, почти признанный равнымъ многими изъ нихъ, онъ былъ посѣщаемъ ими, какъ другъ, уважаемъ, какъ старшій. Въ Мапаваи видѣлъ онъ Рети, непереславававшего

спрашивать новыхъ вѣсней о другѣ своемъ *Пута-Вери* (Бугенвилѣ); кромѣ того, Нигураю, сестру Опу, вышедшую за-мужъ за своего двоюроднаго брата Те-ари-дери, сшарика Ори на Вагине, царя Орео на Раіапсеа, куда благополучно доставилъ Кукъ молодаго соуптника своего Гиди-Гиди, дикаря умнаго, веселаго, добраго, засшавляващаго любипшъ себя.

Трешье пупешесствіе Кука совершалось въ 1777 году. Съ двумя кораблями прибылъ онъ къ полуострову Таіа-Рабу, гдѣ все еще власшвовалъ молодой Ваги-Адуа, братъ Ваги-Адуа II-го; попомъ перешелъ къ Мапаван, и тушъ приняшъ былъ, какъ сшарый знакомый. Оспавивъ сію приснанъ въ концѣ Сеншября, Кукъ посѣпилъ Эимео, видѣлъ царя Магине, сжегъ двадцашъ шупземныхъ лодокъ, за шо, что оспровишяне украли у него козу; оспанавливался близъ Вагине, управляемаго Таири-Таиріа, оспавилъ въ эшомъ мѣспѣ друга Англичанъ, знаменшаго Маи, благополучно прожившаго въ Англіи нѣсколько лѣшъ, и жестоко наказалъ одного изъ дикарей, дерзнуващаго украсшъ секспанъ. «Я приказалъ эшому негодяю—говоришъ Кукъ, очень равнодушно — обришъ волосы на головѣ и бородѣ, и отрѣзашъ уши.» Для Европейца, кажешся, эшо значило слишкомъ придерживашься Турецкаго уголовного уложенія, но Кукъ всегда посшупалъ шакимъ образомъ. Эшо была посшоянная сисшема обхожденія его съ дикарями. Черезъ нѣсколько дней попомъ, на присшани Раіапсеа, бѣжалъ мапрозъ съ Англійскаго корабля; Кукъ немедленно объявилъ

спрогїя шребованїя, захвашилъ сына, дочъ и зяпїя начальника Орео, и невыпускалъ ихъ до шѣхъ поръ, пока бѣглець не былъ ошысканъ и приведенъ.

Въ промежуткѣ времени, между вторымъ и претымъ пушешесствїемъ Кука, Ноября 27-го 1774 года, Испанскїй капитанъ Доминго Бонечеа ошановилсѣ въ Вапушераской гавани, на полуостровѣ Таїа-Рабу. Посланный Перуанскимъ Губернаторомъ для перевезенїя на Таиши двухъ Каплическихъ Миссіонеровъ, Бонечеа былъ дружески принятъ начальникомъ Ваги-Адуа, кошорый неопвергнулъ предпрїяпїя Испанцевъ, и даже спаралсѣ поспѣшесшвовашъ ему. Самъ Опу явилсѣ на полуостровѣ, желая видѣлъ новыхъ чужеземцевъ. Проповѣдниковъ ошавили на Таиши, а Бонечеа ошправилсѣ обозрѣлъ различныя мѣста архипелага, и прибылъ къ Таиши снова, 26 Января 1775 года. Здѣсь скончалсѣ онъ; крестъ означилъ для пошомсшва мѣсно его могилы. Черезъ два дня послѣ пошери своего начальника, Испанскїе корабли ошправилисѣ обратно въ Лиму, ошавивъ своихъ Миссіонеровъ на исполненїе благочесшваго ихъ предпрїяпїя. Но, кажешсѣ, что проповѣдники невидѣли успѣха въ дѣлѣ своемъ; по крайней мѣрѣ, въ пошѣже самый годъ они ошплыли въ Перу на Испанскомъ кораблѣ, и ошплъ проповѣданїя Хрисшїанской вѣры не былъ въ послѣдсшвїи возобновляемъ Испанцами. Вирочемъ, по сознанїю самыхъ Англичанъ, Испанцы долго были съ грустью и дружесшвомъ воспоминаемы на Таиши. Грубое и повелишель-

ное обхожденіе Кука невспрѣчало между дикарями сочувствія столь всеобщаго и постоянного.

Недолго спустя послѣ отбытія Англійскаго мореплавателя, Опу женился на Гидіѣ, старшей сесшрѣ Мошу-Аро, такъ, что сіи власшители соединились двойшвеннымъ союзомъ. Первенецъ этого брака былъ умерщвленъ родишелями, боявшимися ушрапы своей власти, но Опу немогъ рѣшиться на подобное варварство съ вшорымъ сыномъ своимъ, и въ слѣдствіе сего, по неизмѣнному закону Таишскому, принужденъ былъ къ отказу отъ своего шипула, или переходу изъ состоянія царя въ званіе правителя. Перемѣнивъ при семъ по обычаю имя Опу на другое, онъ перемѣнялъ его еще нѣсколько разъ, и кончилъ выборомъ имени *Помаре*, означавшимъ по-Таишски *простуду*, въ память жестокой простуды, какую получилъ онъ въ одномъ изъ своихъ походовъ. Европейцы утвердили это послѣднее прозваніе непремѣннымъ, и отъ того прежній Опу получилъ имя *Помаре I-го*, а сынъ его былъ извѣстенъ подъ именемъ *Помаре II-го*. Рожденіе ребенка было для отца его не только причиною оставленія шипула Опу, но сдѣлалось еще виною разрыва между высокими супругами. Гидіа оставила бѣднаго Помаре, и была ему вѣрнаю только въ политическомъ отношеніи.

Власшъ малолѣшняго Опу и отца его вскорѣ подверглась большой опасности. Грозный соперникъ, адмиралъ Товга, перешедшій на Эimeo, издавна уже шайлъ непріязненные замыслы, и Кукъ принужденъ былъ вмѣшиваться въ усмиреніе често-

любивыхъ его предпріятій. Свободный послѣ того, Товга соединилъ силы свои съ пособіемъ Тешага, Ата-Гуру, Магине, и началъ дѣйствовать противъ обласней Пари и Восточной. Вражда продолжалась долго, неудачная для Помаре, но безплодная и для врага его. Жгли лодки, опустошали поля, рѣзали скошину, оставленную для приплода Кукомъ, истощали взаимно воинскія силы Эimeo и Таиши. Въ этихъ событіяхъ умеръ Магине, и ему наследовалъ сынъ его; сообщники Моту-Аро щещно спарались перебить у него власть.

Одиннадцать лѣтъ пропекло такимъ образомъ, и ни одинъ Европейскій корабль неprisпавалъ къ островамъ, о которыхъ прежде говорили шоль много въ Европѣ. Изъ всѣхъ воспоминаній, изъ всѣхъ подарковъ, оставленныхъ Европейцами островамъ, шолько одинъ несчастный даръ уцѣлѣлъ шамъ и развился въ ужасной степени, болѣзнь губительная для человека. . . Тѣмъ сильнѣе и скорѣе передана была дикарямъ пагубная эта болѣзнь, чѣмъ привѣтливыѣ и снисходительныѣ были они въ образѣ сношеній своихъ съ Европейцами. Зараза сдѣлалась общею, влилась въ кровь, обезобразила и изуродовала въ основаніи прекрасное и сильное поколѣніе Таишскихъ мужчинъ и очаровательныхъ тамошнихъ женщинъ. Грустно думать, что почти всюду первымъ плодомъ сношеній образованнаго міра съ дикимъ былъ ядъ болѣзней и спраданіе физическое.

Послѣ Бонечеа и Кука, первый Европейскій корабль, представшій къ Таиши, былъ *Lady Penrhyn*,

подъ начальствомъ капитана Севера, перевозившаго колонистовъ въ заведенія на берега Новаго-Южнаго Валлиса. Капитанъ остановился близъ Машаваи, въ Іюль 1788 года, желая доспать свѣжихъ запасовъ для экипажа, страдавшаго скорбушною болѣзнію. Помаре явился на корабль. Онъ показалъ капитану поршреть Кука, считая его драгоценнымъ, святымъ залогомъ дружбы, щашельно соблюдаемымъ. Северъ немного почелъ безполезнымъ извѣстить Помаре о смерти знаменитаго мореплавателя, но даже вручилъ ему разные подарки отъ имени Кука. Восхищенный Помаре снабдилъ капитана всѣмъ, чѣмъ только могъ. Северъ видѣлъ на островѣ Гиди-Гиди, сопутника Кукова. Маи и двое Зеландцевъ, перевезенныхъ Кукомъ на Таиши, тогда уже умерли. Поведеніе островитянъ съ Англичанами, друзьями, столь давно невиданными, было почтительно, скромно, даже нѣжно.

Я говорилъ уже объ экспедиціи капитана Блея, описывая островъ Пипкаирнъ. Назначенный для перевезенія въ Америку драгоценныхъ произведеній Таиши, Блей пять мѣсяцевъ осматривался по сему случаю въ Машаваи. Помаре сначала былъ въ ошсупствіи, но пріѣхалъ немедленно, узнавъ о приходѣ Блея. «Этотъ правитель Таиши (говоритъ Блей) человекъ, росомъ въ 5 фузовъ и 8 дюймовъ, весьма сильный, дородный, и кажется лѣтъ около 35-ти отъ рода. Гидіа, жена его, высокая и прекрасная собою, имѣетъ живую, умную физіогномію. Ваи-Дуа, близкій родственникъ царя, славился своею храбростію, но онъ горькій пьяница. Малолѣт-

ному Помаре II-му еще неболѣе шести лѣтъ. » — При первомъ свиданіи, правишель и жена его просили Блея отвезши ихъ въ Англію. « Мы хошимъ видѣть вашего короля Георга », говорили онъ и она. Вѣроятно, это было только предлогомъ, а настоящая причина заключалась въ опасеніи соперниковъ, грозныхъ и дѣятельныхъ. Блей оклонилъ предложеніе; онъ общалъ возвратиться и обезопасить владѣльца своею помощію отъ всѣхъ его непріятелей. Храбрый Товга тогда уже скончался; Тепагу, дядя царскій, былъ его послѣдникомъ. Ваги-Адуа царствовалъ въ Таіа-Рабу; Реши и Пошашу были еще живы и посѣщали Англичанъ.

Bounty, корабль, начальствуемый Блеемъ, отправился въ море, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ островитяне снова увидѣли его у береговъ Таиши. Блея уже не было на кораблѣ; возмущеніе подчиненныхъ предало несчастнаго капитана произволу бурь и морей. Бунтовщики сплели туземцамъ нелѣпую сказку, увѣряя, что кукъ, смерть котораго все еще была неизвѣстна Таишянамъ, прислалъ ихъ съ кораблемъ, и требуетъ, чтобы часть островитянъ отправилась на этомъ кораблѣ, для заселенія земли, находящейся на пути къ острову Тонга, гдѣ осмался и дожидается ихъ Блей. Дикари повѣрили; перевезли на корабль 460 свиней, 50 козъ, множество курицъ, собакъ, кошекъ, шакъ, что *Bounty* походилъ на Ноевъ ковчегъ. Одиннадцать женщинъ и принадцать мужчинъ дополнили собою этотъ живой грузъ и отправились къ Тубуаи. Экспедиція была неудачна; корабль съ Англич-

скими буншовщиками и Таишскими колонистами снова ворошился въ Машаваи , 22 Сентября 1789 года. Шестнадцать Англичанъ остались на острове; другіе, какъ уже говорилъ я, соединили жребій свой съ жребіемъ лейтенанта Хрисстіана и поселились на Пипкаирнѣ. Что касается до оставшихся на Таиши, рѣшась вводить между шужемцами Европейскія искусства , они начали строить шунеръ на Европейскій манеръ. Одинъ изъ нихъ, Чурчилль, бывшій у Блея констапелемъ, отправился въ Таіа-Рабу къ Ваги-Адуа , которому былъ онъ *taio* (другъ). Товарищъ Чурчилля, Томпсонъ, человекъ грубый и жестокій, послѣдовалъ за нимъ и раздѣлилъ выгоды новаго состоянія поварища. Счастье и умъ такъ послужили Чурчиллю, что послѣ смерти Ваги-Адуа островитяне объявили его своимъ начальникомъ. Чурчилль готовился уже принять обладаніе полуостровомъ, когда злобный Томпсонъ прекратилъ жизнь его выстрѣломъ изъ ружья. Мѣся за начальника , ими избраннаго, шужемцы убили Томпсона. Мѣсто его заступилъ 4-хъ лѣтнее дитя. — Другіе Англичане, удерживаемые Помаре, жили спокойно. Однажды испугалъ ихъ видъ Европейскаго корабля , направлявшагося къ Машаваи , но вскорѣ разувѣрились они въ опасности , увидя на кораблѣ Шведскій флагъ. Это былъ капитанъ Коксъ , ласково встрѣченный правителемъ, и отправившійся далѣе черезъ нѣсколько дней , оставя на Таиши бѣлаго мапроза, Броуна по имени, человека дѣятельнаго и умнаго , который сдѣлался другомъ и правою рукою Помаре. Вскорѣ сей пра-

вишель увидѣль, сколь полезна можетъ быть ему помощь Европейцевъ. Въ войнѣ прошивъ Эimeo, несогласившись лично принимать участія въ битвахъ, Европейцы ссудили оспровишанъ своимъ оружіемъ, научили ихъ дѣйснвованъ имъ, и эшого было доспапочно для доспавленія побѣды семейству Мошу-Аро, споль долгое время бывшему въ изгнаніи. При гораздо большей опасности, когда Пошашу и Тешуга, начальники Таишанъ, подняли оружіе прошивъ правительсва и захватили обласъ Пари, Англичане сдѣлали еще болѣе, вмѣшавшись сами лично въ битвы. Тогда конченъ былъ ими шунеръ, поспроенный на манеръ Европейскій, и они оправились на немъ, въ сопровожденіи шугемныхъ лодокъ. Аша-Гуру подвергся нападенію шунера съ моря, когда Помаре съ другими Англичанами напалъ на непріятелей по сухому пуши. Успѣхъ былъ рѣшительный; власъ начальниковъ Аша-Гуру, споль долго прошивившихся власни Таишскихъ Опу, разрушилась совершенно. Пошашу и Тешуга принуждены были спасаться бѣгствомъ въ горы, и смиренно прибѣгнушь пошомъ съ покорностью къ Помаре II-му. Они возвращили ему царское маро, за двадцать лѣтъ прежде похищенное въ Парискомъ мораѣ, и хранившееся все эшо время въ Аша-Гуру. Получивъ великій знакъ царскаго достоинства, побѣдители хошѣли, чшобы царь Таиши явился торжественно облеченный симъ знакомъ. Кромѣ шого, обвернули еще Его Таишское Величешво флагомъ, кошорый оста- видъ на островѣ капишанъ Коксъ. Въ шакомъ

уборѣ, препоясанный маро, Опу былъ церемоніально водимъ по всему острову, даже посѣшилъ полуостровъ Таіа-Рабу, дошолъ независимый; но о завоеваніи его помышлялъ уже въ то время правишель.

Онъ уговаривалъ Англичанъ бытъ помощниками въ предпріятіи, когда появленіе фрегата *Пандора*, начальствуемаго капитаномъ Эдуардомъ, положило конецъ счастію и намѣреніямъ Англійскихъ бѣглецовъ. Опъ имени Великобританскаго правишельства, капитанъ пошребовалъ выдачи всѣхъ, убѣжавшихъ съ корабля *Bounty*. Прошивъ пушекъ Эдуарда спорить было невозможно. Правители Таиши оказали себя неблагодарными къ услугамъ несчастныхъ бѣглецовъ, и безъ малѣйшаго сопрошивленія выдали ихъ, невзирая на вопли и рыданія вдовъ и сиротъ, остававшихся послѣ нихъ на Таиши, гдѣ они завелись уже семействами. Помаре, безпрерывно подспрекаемый мыслью путешествовать въ Англію, особенно помогаль Англійскому капитану въ захваченіи бѣглецовъ, и, какъ милосши, просилъ послѣ того, въ награду за помощь, взять его на корабль. Безъ сопрошивленія брата Ора-Пига, желаніе Помаре могло на сей разъ исполниться.

Въ концѣ того-же года явился близъ Таиши *Ванкуверъ* съ своими кораблями. Изъ начальниковъ, бывшихъ во времена Кука, онъ нашелъ только двухъ, *Помаре I-го* и *Потату*. Помаре, ушвердившій уже пребываніе свое на Эimeo, поспѣшно прибылъ для свиданія съ Ванкуверомъ. Политическое на-

правление дѣлъ на Таиши спремилось тогда къ соединенію власти надъ всѣмъ архипелагомъ въ однѣ руки. Таіа-Рабу принадлежалъ младшему брату царя; изъ двухъ другихъ братьевъ, Ора-Пига исправлялъ должность правителя, а претій начальствовалъ въ Пари. Вагине признавалъ надъ собою власть Помаре II-го. Мани-Мани, преемникъ Пуни въ обладаніи Раіашеа и Тагеа, былъ прогнанъ бунтовщиками и жилъ на Таиши, въ качествѣ великаго первосвященника, ожидая новаго переворота и приговоря его. Помаре I-й управлялъ Эimeo, съ властью, почти равною правителю. Со всѣхъ сторонъ сближались такимъ образомъ обстоятельства, долженствовавшія сосредоточить единство силы Помаре II-му. Его друзья и родственники только о томъ и думали, открылись въ этомъ Ванкуверу, и просили его употребить личное пособіе, или, по крайней мѣрѣ, дать имъ пушекъ, ружей и пороху. Ванкуверъ отвѣчалъ, что не можетъ рѣшиться на предложеніе ихъ безъ особеннаго дозволенія своего государя, но увѣрялъ однакожь, что король Георгъ, вѣроятно, не откажетъ въ пособіи другу своему, царю Таишскому.

Бывши офицеромъ въ экспедиціяхъ Кука, Ванкуверъ могъ сообразить и замѣтить, какъ измѣнился Таишскій архипелагъ, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Онъ невидѣлъ уже прежнихъ, свѣжихъ и красивыхъ женщинъ, прежнихъ сильныхъ и стройныхъ мужчинъ. Народонаселеніе вообще уменьшилось, сдѣлалось хилѣе, ничтожнѣе, потеряло свои первобытныя формы, казалось щедушнѣе, безцвѣтнѣе.

и явно клонилось къ упадку. Ванкуверъ нашелъ даже измѣненія въ языкѣ; съ воцареніемъ Помаре 11-го, множество сшаринныхъ словъ Таишскихъ измѣнилось, и строгое запрещеніе было предписано прошивъ нѣкоторыхъ словъ, подвергнувшихся перемѣнѣ.

Въ Февралѣ 1792 года, корабль *Матильда*, подъ начальствомъ капишана Виспергида, послѣ 15-ти дневнаго пребыванія у острова Таиши, разбился на скалахъ острова Оснабрика. Спасшійся въ шлюпкахъ на Таиши, экипажъ былъ ограбленъ островианами, несмотря на то, что весьма немногое могъ спасти при кораблекрушеніи. Едва узналъ о шакомъ посшункѣ Помаре, онъ вешупился за ограбленныхъ и наказаль похишшителей раззореніемъ ихъ округа.—Небольшой корабль, *Принцъ Вилліамъ Генрихъ*, остановился близъ Таиши 26-го Марша 1792 года. Нѣсколько человекъ изъ экипажа *Матильды* были взяшы на сей корабль; другіе навсегда осшались на островѣ. — Въ Апрѣлѣ 1792 года, еще разъ явился достопамяшный для туземцевъ Блей. Онъ опяшъ начальшвоваль, и уже двумя кораблями, *Провидѣніе* и *Пособіе*, и опяшъ прибыль на Таиши для перевезенія ошсюда хлѣбнаго дерева и другихъ прозябеній въ западную Америку. Блей пробыль на островѣ около шрехъ мѣсяцевъ, часшо видался съ Помаре, и спарался примиринь несогласія и вражду между начальниками острова. Ошправляясь съ своимъ грузомъ хлѣбныхъ деревъ, Блей взялъ съ собою Гиди-Гиди и еще одного Таишянина; Гиди-Гиди осшался въ западной Америкѣ,

гдѣ препоручили ему стараніе за разведеніемъ привезенныхъ съ Таиши растеній ; шоварищъ его уѣхалъ въ Англію и тамъ умеръ.

Послѣ Блея являлись на Таиши капитанъ Нью, съ кораблемъ *Дедалъ*, въ Февралѣ 1793 года, и два корабля, *Дженни* и *Британія*, въ 1794 году. Марша 5-го 1797 года остановился наконецъ у Таишскихъ береговъ корабль *Duff*, подъ начальствомъ капитана Вильсона, которому препоручено было развезши на разные острова Южнаго Океана Протестантскихъ Миссіонеровъ, проповѣдниковъ Христіанской вѣры. Это событіе составило важнѣйшую эпоху въ лѣтописяхъ Таишскихъ.

Прибытіе людей, проповѣдывавшихъ новую вѣру, произвело шѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе на шужемцевъ, что Великій Жрецъ Мани-Мани немедленно объявилъ себя на сторонѣ Миссіонеровъ — спранное рѣшеніе для человѣка, которому прежняя вѣра приносила почести и доходы! Онъ сдѣлался другомъ, покровителемъ чужеземцевъ, пришедшихъ ниспровергнуть алтари боговъ его. Миссіонеры, восхищенные споль неожиданнымъ пособіемъ, немедленно принялись за исполненіе своего благочестиваго призванія; два Шведа, *Андрей Линдъ* и *Петръ Гаггерштейнъ*, жившіе на Таиши, сдѣлались у нихъ переводчиками.

Для вѣщаго доказательства, что всѣ гошovy видѣли въ новыхъ пришельцахъ друзей и братьевъ, шоржесшвенный обрядъ совершенъ былъ 16-го Марша, въ присушствіи Помаре I-го, Гидіи, спараго Гапай и Паишіа, начальника Машавайскаго:

Миссіонерамъ уступили въ полное владѣніе до-
шаночныя земли въ Мапаваи. Старый Великій
Жрецъ, Мани-Мани произнесъ при семъ случаѣ важ-
ную рѣчь, сопровождая ее выразительными жестами,
на которыя всѣ знающіе Таиціане
отвѣчали знаками согласія. Въ слѣдствіе такого
торжественнаго уступленія, Англичане немедленно
принялись строить, на принадлежавшей уже
имъ землѣ, удобный домъ для Миссіонеровъ, и ту-
земцы помогали при семъ случаѣ всѣми средствами.
Когда постройка была кончена, проповѣдники,
обрекшіе себя на пребываніе въ Таици, съ пятерью
женщинами и двумя дѣтьми, переселились въ но-
вое жилище, а Вильсонъ, исполнивъ свою обязан-
ность въ семъ мѣсѣ, отправился къ Нука-Гива.

Оставленные среди людей, еще вполне предан-
ныхъ идолопоклонству, Миссіонеры пытались мало
по малу привлекать ихъ къ истинной вѣрѣ. Однимъ
изъ первыхъ предпріятій проповѣдниковъ было
стараніе уничтожить варварскій обычай, въ слѣд-
ствіе коего *ареи* убивали дѣтей своихъ, чтобы
не лишаться черезъ то обладанія своимъ имѣніемъ.
Миссіонеры старались въ семъ случаѣ пронести
чувство материнской любви, и это чувство не-
было глухо къ ихъ убѣжденіямъ. Жена арея
Омпаіе, убѣжденная ими, согласилась оставить въ
живыхъ своего ребенка и отдать его на воспи-
таніе Европейцамъ. Она открыла свое намѣреніе
мужу, но тотъ рѣшительно отказался, и отвергъ
всѣ убѣжденія, какія употребляли для склоненія
его Миссіонеры. «Нѣтъ» — говорилъ онъ — «я не

смѣю нарушишь правъ , предоставленныхъ арео-
ямъ ! » — Но своимъ упорствомъ , ты оскорбляешь
Бога — ошвѣчали Миссіонеры — и возбуждаешь на
себя гнѣвъ Его. — « Если-бы я видѣлъ—возражалъ
упорный дикарь — что Богъ наказываетъ за это
ареоевъ , я неспорила-бы за мое право. Но развѣ
за это умерли ошцы наши ? » — А кто тебѣ ска-
залъ , что именно не за это ? — возразилъ Миссіо-
неръ. Неожиданный ошвѣтъ поколебалъ дикаря , но
онъ упорствовалъ , и несчастный ребенокъ былъ
умерщвленъ. Также безплодны были спаранія въ
подобномъ отношеніи съ царицею Гидіа , кошо-
рая нехотѣла исполнить требованія пошому , что
дишя ея происходило ошъ крови прослоюдина.
Ребенка дѣйствительно умерщвили , какъ очисти-
тельную жертву , и когда Миссіонеры начали упре-
кать Гидію , она чрезвычайно разсердилась. Надобно
было молчать и шерпѣть.

Вильсонъ опять явился въ Мапаван 6-го Іюня ,
и нашелъ Миссіонеровъ весьма довольныхъ ласко-
вымъ обхожденіемъ Таишанъ , но почти нисколько
неуспѣвшихъ въ своей проповѣди. Любопытныя и
вѣрныя изслѣдованія сдѣланы были въ это пребы-
ваніе Вильсона , продолжившееся около двухъ мѣся-
цевъ. Племянникъ Капишана обозрѣлъ весь ошровъ.
Мы приведемъ здѣсь главнѣйшіе выводы его обозрѣнія ,
ибо они показываютъ картину тогдашняго состоя-
нія ошрова. Въ *шестнадцать* тысячъ человекъ опре-
дѣлялъ онъ все народонаселеніе Таиши , и сей ипогъ
могъ показатъ значительность уменьшенія Таишанъ ,

со времени открытія ихъ Европейцами. Вильсонъ посѣдилъ различные памятники острова. Онъ осмотрѣлъ огромные морая *Палара* и *Ата-Гуру*. Я упоминалъ уже о первомъ; второй находился въ сѣверной части долины Ата-Гуруской, около мили отъ берега, подъ защитою деревъ, осынявшихъ его своей тѣнью. Онъ занималъ равнину, окруженную деревяннымъ палисадомъ, составляя пространство въ 100 квадратныхъ футовъ. Половина этой загородки была вымощена, и на ней возвышался жертвенникъ, или подмостка, на шестнадцати деревянныхъ столбахъ, по 7-ми футовъ въ высоту каждый. Подмостка эта, 36 футовъ длиною и 6-ть футовъ въ ширину, была покрыта толстыми рогожками, края копорыхъ спускались по бокамъ, въ видѣ бахрамы. Тутъ на рогожкахъ клали приношенія, свиней, ожерелья, черепахъ, рыбу, бананы, кокосы, все находившееся въ состояніи гнилости, болѣе или менѣе, но шакъ, чтобы могло вонять. Въ одной сторонѣ палисада сдѣлано было отверстіе, загороженное грудю каменьею, и на ней поставлены были *ти*, или священные камни, съ нѣкошорыми украшеніями. Въ углу морая возвышался родъ навѣса, или сарая, гдѣ жили спражи священнаго мѣсна. У нихъ стоялъ ящикъ, хранилище великаго бога, или *атуа*. Но бога тутъ небыло, и Вильсону сказали, что онъ теперь путешествуешь, пошелъ принимать поклоненіе въ одномъ изъ ближнихъ мораявъ, но возвратишься вечеромъ. Вильсонъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ вечеромъ возвратившагося путешественника: это была

связка чего-то, раздѣленная на двѣ части, одну во всю длину ящика, другую маленькую; на двухъ концахъ висѣли пучки красныхъ и желтыхъ перьевъ, приношеніе людей благочестивыхъ. При видѣ такого спраннаго божества, Англійскій мореплаватель немогъ не захохотать, и старался убѣдить присутствующихъ, какъ нелѣпо было имъ обожать эту глупую связку. Спражи благоговѣнно отвѣчали, что это великій атуа, что гнѣвъ его производитъ громы и бѣдствія, и по его волѣ деревья переспанутъ приносить плоды. Вильсонъ требовалъ, чтобы ему открыли и показали, что именно находится въ связкѣ пряпицъ, признаваемой божествомъ. Жрецы отвѣчали, что только Мани-Мани имѣетъ право къ ней прикасаться, и что впрочемъ шумъ ничего нѣтъ, кромѣ красныхъ перьевъ, вѣшки банана и кокосоваго голичка, завернушаго въ покрывало.— Неподалеку отъ моря, Вильсонъ видѣлъ *тупапау*, то есть, мѣсто, гдѣ сохраняется трупъ умершаго начальника, или знаменитаго человека, до совершеннаго сгніенія его. Это былъ *тупапау* Ори-Пига, умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ прежде. По желанію Вильсона, трупъ сняли съ подмостки, на которой онъ лежалъ, и развернули рогожки, въ которыхъ былъ онъ завернутъ, на подобіе покрывекъ Египетскихъ мумій, такъ, что наружи оставались у него только ноги. Когда умершій былъ совершенно открытъ, Вильсонъ замѣтилъ, что внутренность его была вынута и кожа пропитана какимъ-то составомъ, отъ чего походила она на бумагу, пропитанную

масломъ и присохнувшую къ костямъ. Несмотря на жаркій климатъ, запахъ отъ гніенія трупъ былъ едва ощушительнъ.

Бальзамированіе Таишянъ производилось слѣдующимъ образомъ: вскрывали шѣло, для извлеченія изъ него внутренностей и мозга; потомъ мыли его и по нѣскольку дней напирали кокосовымъ масломъ. Приготовленное такимъ образомъ, шѣло полагалось на тупапау и предославлялось гніенію. Памятникъ Ори-Пига состоялъ изъ подмошки, 6-ти фузовъ длиною, 4-хъ шириною, ушвержденной на чепырехъ обрубкахъ; въ половину вышины его сдѣлана была крышка, почти равная величинѣ подмошки; особенная крыша защищала трупъ отъ дождя; на верхнюю вносили его, или для напирания масломъ, или для показанія друзьямъ и родственникамъ покойника. На ближнихъ деревьяхъ висѣли банановые и другіе плоды, предложенные живыми духу умершаго. «Но гдѣ-же теперь эиотъ духъ?» спрашивалъ Вильсонъ. Оспровишяне усмѣхнулись, и потомъ отвѣчали: *Аре по* (ушелъ въ ночь).

Вильсонъ обозрѣлъ большой дворецъ Помаре I-го, находившійся въ долинѣ Ваипо-Ваипи, обширный сарай, 350 фузовъ въ длину, 42-хъ въ ширину. Двадцать деревянныхъ столбовъ, по 20-ти фузовъ въ вышину каждый, поддерживали во внутренности возвышенную часть кровли, а внѣшніе, нисшіе края ушверждались на 124-хъ столбахъ, вышиною въ 10-ть фузовъ. Спроцилы, поддерживавшія крышу, имѣли по 5-ти фузовъ между перекладинами, будучи расположены на 18-ть дюймовъ одно отъ

другаго. Каменная стѣна окружала все зданіе. Здѣсь-то осправлялись торжественные пиры и праздники, доходившіе иногда до того, что на нихъ съѣдали всѣхъ свиней, собирая ихъ со всего оспрова.

Вильсонъ распался наконецъ съ Миссіонерами, предославя жребій ихъ зашипѣ благочестиваго предпріятія и ревности новообращаемыхъ оспровишанъ. Первое дѣло Миссіонеровъ заключалось въ изученіи туземнаго языка. Они оказали въ этомъ быстрые успѣхи, облегчаемые усердіемъ туземцевъ. Въ замѣну привѣпливаго обхожденія, Миссіонеры оказывали важныя услуги начальникамъ, пособіемъ своихъ кузницъ и спроишельныхъ орудій. Доброе согласіе поддерживалось между дикарями и Европейскими колониспами, только невозможно было удержашъ дикарей отъ воровства, казавшагося въ нихъ врожденнымъ свойствомъ; то и дѣло, безъ всякаго стыда, похищали у Миссіонеровъ различныя вещи, и безъ особеннаго надзора скоро растащили-бы все, что только можно было ушатишь и украсъ.

Уже около года пребывали Миссіонеры на Таиши, когда корабль *Nautilus*, подъ начальствомъ капитана Бишопъ, спалъ у пристани Мапавайской, 6-го Марша 1798 года. Предназначенный для мѣховой шорговли по С. З. берегу Америки, этотъ корабль шакъ много претерпѣлъ отъ безпрестанныхъ бурь, что явился близъ Таиши въ самомъ жалкомъ состояніи. Помаре II-й неспронулся бѣд-

ствіемъ Англійскихъ мореходцевъ, и оказалъ имъ такое непріязненное презрѣніе, что безъ пособія Миссіонеровъ Nautilus, вѣроятно, не получилъ-бы никакой помощи. Исправленный по возможности, корабль пушился въ море, но сильный порывъ вѣтра снова бросилъ его къ берегу. Три машроза бѣжали на островъ при семъ случаѣ; Бишопъ ошнесся къ Миссіонерамъ, а они начали требовашь у царя выдачи бѣглецовъ. Неслыханное дошолъ насиліе было оказано: посланныхъ ошановили и ограбили на пуши. Безъ усильнаго засшупленія Помаре I-го и Гидіи, ограбленные могли погибнуть. Должно было полагашь, что Помаре II-й учасшвуешъ въ оскорбительныхъ поступкахъ ошпровишянъ, ибо, хошя въ слѣдствіе упрековъ его ошца и машери, виновные Таишяне были наказаны, но бѣглецовъ невыдавали. Все это происшествіе опеталило Миссіонеровъ, давая имъ предчувствовашь, что за нимъ могушь слѣдовашь дальнѣйшія оскорбленія и насилія. Большая частъ колонисшовъ были шакъ испуганы, что рѣшились удалишься съ Таиши и уѣхашъ съ земляками; шщешно прошивилсся этому Помаре I-й; колонисшы несогласились, и шолько шестеро изъ нихъ, въ томъ числѣ одинъ женашый, ошважились прошивосшавишь бѣдспвію шерпѣніе, но непокидашь начашаго благочесшваго дѣла. Полагаясь на волю Божію, не шолько ошшались они на Таиши по прежнему, но даже ошказались ошъ всякихъ орудій и средствъ зашщиты, подаривъ два свои послѣднія ружья Помаре и Гидіи.

Вскорѣ подтвердились опасенія бѣглецовъ Европейскихъ, и спокойствіе оставшихся Миссіонеровъ начало бытъ нарушаемо. За нихъ стоялъ Помаре I-й, но, дѣйствуя совершенно противъ воли опца, шѣмъ сильнѣе подвергалъ ихъ всяческимъ обидамъ царь Таишскій. Вообще туземцы начали непріязненно смолрѣть на Миссіонеровъ, послѣ того, какъ Помаре I-й своевольно наказалъ оскорбителей каишана Бишопа, защищая Европейцевъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда два большіе корабля спали въ виду острова. Туземцы думали, что эти корабли прислалъ Англійскій король, мстить за оскорбленія его подданныхъ, и въ испугѣ разбѣжались по горамъ. Но корабли были два кишоловныя судна, *Cornwall* и *Sally*, оставившіе островъ черезъ три дня; одинъ мапрозъ бѣжалъ съ нихъ при семъ случаѣ.

Послѣ отбытія этихъ кораблей, неожиданное событіе возмушило Таиши. Начальникъ Папара, соперникъ Помаре I-го, нѣкто *Орипаіа*, хотѣлъ испытать доброшу пороха, оставленнаго ему Европейцами, нечаянно зажегъ его и погибъ при взрывѣ. вмѣсто того, чтобы воздасть покойному почести, должныя по его званію начальника, Помаре I-й поругался шѣлу Орипаіа, выславленному на шупапаѣ. Это оскорбило Помаре II-го, шакъ, что онъ немедленно собралъ войско, пошелъ къ Машаваи, раззорилъ шамошнюю область, разогналъ обитателей и объявилъ опца своего лишеннымъ всякой власши на островѣ. Нежелая немедленно открыть своихъ честолубивыхъ видовъ къ приумноженію.

власти, Помаре опдалъ Машаваи во владѣніе Великаго Жреца, Мани-Мани. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего подарка, новый владѣтель былъ умерщвленъ по его приказу. Онъ продолжалъ попомъ и съ другими начальниками такое хищничество и насиліе. Округи юго-западные добровольно покорились ему; прочимъ угрожалъ онъ вооруженнымъ набѣгомъ, если они непослѣдуютъ данному примѣру.

Среди опасенія опъ эсихъ внутреннихъ смутъ, Миссіонеры жили довольно спокойно, и были попревожены только смертью одного изъ своихъ товарищей, происшедшею по особенному случаю. Эпомъ товарищъ благочестивыхъ Миссіонеровъ, *Левисъ* по имени, влюбился въ молодую Таишянку, и непременно хотѣлъ жениться на ней, хотя она несоглашалась принять Христіанской вѣры. Тщетно прошивились такому предпріятію Миссіонеры, и принуждены были наконецъ опречься опъ Левиса. Онъ исполнилъ свое несчастное намѣреніе, и черезъ нѣсколько дней былъ найденъ мертвый, неподалеку опъ своего жилища. Подозрѣвали, что смерть его была насильственная. Помаре I-й хотѣлъ мстить за убійца, но Миссіонеры просили его не начинать никакихъ изслѣдованій. Другую потерю понесли Миссіонеры въ товарищъ своемъ *Гаррисъ*, опправившемся въ Портъ Джексонъ, на корабль *Betzy*. Побѣгъ его вознаградило прибытіе миссіонера Генри, съ женою, одного изъ первоначальныхъ членовъ миссіи, возвратившагося изъ Англіи на корабль *Елиза*. Опъ него съ радостью

узнали, что Вильсонъ благополучно возвратился въ Англію; что Общество миссій снова готовитъ корабль *Duff*, для отправленія въ Южный Океанъ, съ людьми и запасами. Долгое время Миссіонеры ожидали исполненія лесной надежды, но — шѣмъ спрашнѣ было для нихъ извѣстіе, привезенное капитаномъ Бумкеромъ, начальникомъ *Албіона*, что *Duff*, отправленный изъ Лондона, на пути былъ захваченъ Французскимъ корсеромъ, и что миссія, находившаяся на островѣ Тонга-Табу, уничтожена тамошними дикарями, которые умертвили при томъ трехъ пасторовъ, а другихъ заставили спасаться бѣгствомъ.

Сомнительно казалось послѣ сего положеніе Таишской миссії, и оно могло сдѣлаться бѣдственнымъ, по случаю междоусобій, угрожавшихъ острову. Все измѣнилось на время съ прибытіемъ корабля *Purpoise*, остановившагося у Мапаван, и привезшаго подарки Помаре II-му, отъ имени Поршъ-Джаксонскаго губернатора. Такое торжественное признаніе Англичанами власти царя Таишскаго умирило его непріятелей; междоусобіе было оставлено; миссія увидѣла лучъ спасенія. Положеніе ея укрѣпилось тогда еще болѣе. На кораблѣ *Королевскій Адмиралъ*, начальствуемомъ Вильсономъ, прибыло восемь новыхъ Миссіонеровъ, принявшихъ правительствомъ Таиши съ великою ласковостью. Прежніе Миссіонеры знали уже довольно порядочно языкъ туземный. Они проповѣдывали Евангеліе дикарямъ и обучали дѣшей Кашихизису; даже нерѣдко пускались во внутренность остро-

ва, для обращенія туземцевъ въ обширѣйшемъ объемѣ. Первый изъ Миссіонеровъ, отважившійся на подобное предпріятіе, былъ *Ноттъ*; съ Марта 1802 года, обошелъ онъ весь островъ, всюду проповѣдуя истинную вѣру. Вездѣ встрѣчали его съ дружескимъ гостепріимствомъ. Многіе слушали рѣчи его съ любопытствомъ, нѣкоторые даже убѣждались его ревностью. Были даже такіе, которые говорили, что господа поклоняются новому Богу, только боясь, чтобы прежній не разсердился на нихъ и не наказалъ ихъ смертію. Возвращаясь къ мѣстопребыванію миссіи, Ноттъ проходилъ черезъ Апа-Гуру. Тутъ увидѣлъ онъ Царя, отца его и почти всѣхъ начальниковъ Таишскихъ, совершающихъ торжество въ честь богу *Оро*; множество свиней было приготовлено для пиршества вокругъ большого моря, и нѣсколько человѣкъ, принесенныхъ въ жертву богамъ, висѣли на окрестныхъ деревьяхъ. Ужаснувшійся столь неожиданнаго позорища, Ноттъ хотѣлъ убѣждать идолослужителей въ безуміи ихъ обрядовъ, но никто недумалъ его слушать.

На другой день, въ моравъ было другое собраніе, болѣе шумное и болѣе драматическое по своей развязкѣ. Помаре II-й и отецъ его начали рѣчи; они объявили, будто богъ *Оро* проситъ ихъ перенести его изъ Апа-Гуру въ Таушира, что на Таіа-Рабу, и въ слѣдствіе сего надобно опудалъ бога въ ихъ руки. При такомъ предложеніи начался спрашный споръ и шумъ. Начальники Апа-Гурускіе рѣшились непреклонно отпеклись уступитъ своего

бога. Усиленнымъ пребываніямъ со стороны Царя и правителя прошивопославили столь-же усиленный приказъ. Царь и правитель рѣшились упопробить силу. Помаре приказалъ взять бога, и воины, выбѣжавшіе для сего изъ лодокъ съ оружіемъ, исполнили приказъ Царя, несмотря на сопротивленіе Аша-Гурусцевъ. Флотъ царскій немедленно отправился послѣ сего опѣ Аша-Гуру, увозя съ собою, подъ предводительствомъ обоихъ Помаре, знаменишаго *атуа Оро*; за такое насиліе съ эшимъ богомъ, Помаре рѣшились испросить немедленнаго прощенія у него, и принесли ему въ жертву человека; богъ нисколько на нихъ несердился, но слѣдствіемъ насильственнаго похищенія его изъ Аша-Гуру была война, извѣстная у Таишянъ подъ именемъ: *Те таман іа Руа*, то есть, войны *Руа*, по имени начальника, предводившаго возмущившимися Аша-Гурусцами. Черезъ нѣсколько дней послѣ оскорбленія ихъ морая, они напали на округъ Фага, раззорили его совершенно, перерѣзали обитателей, коихъ успѣли захватить, продолжили грабежи и убійства въ округѣ Паре, и удалились угрожая Машаваи подобнымъ жребіемъ.

Поступки обоихъ Помаре при эшомъ событіи возбудили общее негодованіе. Удалясь на полуостровъ Таіа-Рабу, они бесечно внимали несчастнымъ островитянамъ, извѣщавшимъ ихъ о слѣдствіяхъ бѣдственнаго похищенія Оро. Приписывая эшо мщенію раздраженнаго бога, Помаре старались только умилоштивлять его жертвами. Миссіонеры немогли ожидать себѣ опѣ нихъ защиты, и без-

прерывно ожидали, что хищники Апа-Гурускіе нападуть на Машаваи, разоряють ихъ убѣжище и умершвляють колонисшовъ. Среди пренептнаго ожиданія бѣдсвій, одинъ за другимъ, вдругъ появились въ Машавайской гавани два Европейскіе корабли. Первый изъ нихъ былъ *Норфолькъ*, съ капитаномъ Бишопомъ, прибывшимъ изъ Порть-Джаксона, и привесшимъ съ собою миссіонера Шелли и его жену; другой *Венера*, подъ начальствомъ капитана Басса, приславшій къ Таиши для починки. *Норфолькъ* былъ попомъ жестоко поврежденъ и разбишъ неожиданною бурей, и небольшое число людей, бывшихъ на немъ и спасшихся отъ кораблекрушенія, поступили въ распоряженіе Миссіонеровъ и Помаре. Трисуна чловѣкъ дикарей приплыли тогда-же съ острова Эimeo, въ пособіе Царю. Начались битвы прошивъ возмущителей, подкрѣпляемые помощію Англичанъ. Но Апа-Гурусцы, несмотря на то, одержали поверхность; ихъ бѣшеную ярость подкрѣпляла мысль, что они сражающіеся за честь своего бога, а воины Помаре шрусили и робѣли, думая, что сражающіеся за дѣло безбожное. Только присущствіе Англичанъ могло спасти Машаваи отъ несчастныхъ слѣдсвій неудачнаго сраженія. Начали переговоры. Было положено, что отъ сего времени Машаваи должно почиташъ неупральной землею, какъ обласъ принадлежащую болѣе Англичанамъ, нежели Помаре, и попому свободную для всѣхъ паршій. Безъ Бишопа никогда недождались-бы подобныхъ условій беззащитные Миссіонеры.

Мѣсто междоусобій измѣнилось. Гордые успѣхомъ , и увѣренные , что самъ Оро сражался за нихъ , Аша-Гурусцы присоединили къ себѣ обищателей Папара и другихъ округовъ Таишскаго полуострова , перешли перешеекъ и успремились къ Таушира , гдѣ находились тогда оба Помаре. Хищники засѣли ихъ почти безоружныхъ , погруженныхъ въ молитвы , уничтоженныхъ пагубною мыслью , что богъ , оскорбленный ими , нехочешъ умилошпвишья ; воины бѣжали опѣ нихъ , несмѣя учаспвовашъ въ войнѣ , начашой за свяшоташпство. Изъ числа остававшихся вѣрными , находилось сорокъ человекъ , вооруженныхъ огнеспрѣльнымъ оружіемъ , когда у противниковъ было только четырнадцать человекъ съ ружьями , но такое преимущество нисколько недополнило совершеннаго упадка духа. Оба Помаре , разбитые , прогнанные , принуждены были бѣжашъ моремъ въ Машаваи , а противники ихъ взяли въ Таушира своего знаменишаго Оро , и въ шоржеспвѣ перенесли его въ Аша-Гуру. Совершенно опчаянные , униженные , побѣжденные , Помаре непочисали себя безопасными даже въ Машаваи , и хотѣли бѣжашъ на Эимео , навсегда оставя Таиши. Бишопъ и его товарищи опклонили ихъ опѣ этого намѣренія и замѣнили совѣтами потерянную бодрость Царя и правителя.

Разувѣряя Помаре , нешолько словами , Бишопъ принялся за рѣшительныя мѣры. Онъ полагалъ , что бывшихъ у него людей доспашочно , при пособіи испуска , для защиты Машаваи , окружилъ палисадами жилище Миссіонеровъ , выкопалъ ретранша-

меншы, сломалъ даже часовню, для укрѣпленія мѣста, и поставилъ на плашформѣ четыре мѣдных пушки, оставленные съ корабля *Nautilus*. Рогашками загорожены были всѣ пуши, и часовые безпрестанно наблюдали за общею безопасностью.

Съ своей стороны, Помаре сдѣлали также нѣкоторыя укрѣпленія на высокахъ Тага-Раи, черезъ кошорыя проходила дорога въ Мапавай съ западной стороны. Узнавъ, что войско бунтовщиковъ возвратилось опять въ Таа-Рабу, Царь и правитель рѣшились напасть въ отсутствіи ихъ на беззащитную область Аша-Гуруску. При неожиданномъ нападеніи, встрѣпивъ только сшариковъ, женщинъ и дѣтей, Помаре перерѣзали болѣе двухъ сотъ человѣкъ и бѣжали, обогранные кровью беззащитныхъ непріятелей. Но безплодная свирѣпость эта только привела въ ярость Аша-Гурусцевъ, нисколько неослабивъ ихъ силы. Война между двумя враждующими сторонами сдѣлалась смертельной и непримиримою. Могли бытъ въ ней промежутки мира, но ненависть и злоба не могли уже допустить ни до покорности, ни до рѣшительнаго забвенія вражды.

Nautilus, привычный къ плаванію въ южныхъ моряхъ, прибылъ тогда снова къ берегамъ Таипи. Начальникъ его рѣшился подкрѣплять Помаре. Одна изъ шлюпокъ корабля, съ Англійскими машпрозами, сопровождала Царя въ его очистишельномъ путешествіи къ идолу Оро. Помаре хотѣлъ послѣ сего продолженія войны, и 3-го Іюля, капитанъ Бишопъ и начальникъ корабля *Nautilus*, съ 23-мя

Европейцами, хорошо вооруженными, въ шлюпкѣ, на кошорую поставили 4-хъ фуншовую пушку, поплыли, вмѣстѣ съ лодками Помаре, къ берегамъ Аша-Гуру. Одинъ изъ Миссіонеровъ сопровождалъ экспедицію въ качествѣ лекаря. Приславши къ непріятельской землѣ, ненашли тамъ ни одной живой души. Предвидя покушеніе Помаре, туземцы бѣжали въ свою *пари*, или крѣпость, усиленную для нихъ самою природою, миляхъ въ четырехъ отъ берега, неприспунную для Таишскаго оружія, и шрудную для покоренія даже Европейскими средствами. Приблизившись къ скаламъ пари, Англичане открыли стрѣльбу, но она могла только напугать, но не заставивъ покориться. Къ вечеру осаждающіе хотѣли уже отступать, но раздраженные дерзкимъ вызовомъ одного молодаго воина, кошорый принялъ имя *To-morrow-Morning*, осажденные бросились изъ крѣпости и напали на отступавшихъ. Битва завязалась на открытомъ мѣстѣ; Англичане вмѣшались въ нее; шестидесятъ шестъ непріятелей оспались на мѣстѣ; остальные бѣжали въ горы. Думали, что этого урока будешь достаточна, и что на другой день Аша-Гурусцы сами придутъ просить милости. Но, напрошивъ, они опять укрѣпились въ пари, сильнѣе, многочисленнѣе и рѣшительнѣе прежняго. Начальникъ ихъ, родственникъ Помаре, называвшійся *Таатаги*, не хотѣлъ слышать о покорности. Помаре принужденъ былъ удалиться, убѣдясь въ шрудности покоренія непріятелей, кошорыхъ дѣлали непобѣдимыми отчаяніе и мѣстоположеніе. Царь и войско его

возвратились въ главное мѣстопробываніе свое, Паре.

Этимъ было возстановлено спокойствіе, хотя и незаключено особенныхъ договоровъ; обѣ стороны измучились бѣдственными междоусобіями, рѣшились нѣсколько времени несражаться и ненападать друга на друга. *Nautilus* отправился опѣ Таиши, и вскорѣ попомъ уѣхалъ храбрый защитникъ Царя и Миссіонеровъ, капитанъ Бишопъ, на корабль *Венера*.

Другіе корабли посѣтили Таиши, и въ числѣ ихъ находились *Purpoise* и *Жемгужина*. Капитанъ вшорога, Бейерсъ, занимался описаніемъ Таиши, а прикащикъ корабельный Турнбулъ передалъ намъ нѣкошорыя любопытныя подробности его описаній. Турнбулъ видѣлъ обоихъ Помаре, отца и сына, людей исполинскаго роста, почти 6-ти фушовъ вышиною, сильныхъ и складныхъ. Будто для прошивоположенности, подлѣ нихъ находился въ то время карликъ оспровишянинъ, не выше 36-и дюймовъ. —Бейерсъ обзрѣвалъ разные острова Таиискаго архипелага. *Вагине* управлялся тогда ребенкомъ, не болѣе восьми лѣтъ отъ роду. На *Raiatea* начальствовалъ Тама-Туа, человекъ рослый и мужественный. Сшранное событіе ознаменовало для Бейерса посѣщеніе Раіашеа. Жена начальника, Тири-Мани, молодая и ловкая, умѣла обольстить многихъ изъ экипажа, назвалась всѣмъ имъ таіо (по-другою), и набрала себѣ множество подарковъ. Это такъ осмѣлило ее, что при содѣйствіи нѣсколькихъ находившихся на кораблѣ преслупниковъ,

рѣшилась она завладѣть кораблемъ. Многіе изъ туземцевъ хотѣли подкрѣпить эшонтъ замысль, и только поспѣшнымъ опѣздомъ успѣлъ капитанъ спастись отъ ухищреній Океанійской Армиды. Но бѣдный бригъ его неизбежалъ однакожь бѣдствія: онъ разбился на скалахъ архипелага Помосу, подлѣ Паллизеровой купы оспрововъ. Шестнадцать чело-вѣкъ экипажа доспигли Таиши въ шлюпкѣ, и Турнбулъ оспался тушъ на нѣкошорое время для шорговли.

Тишина на Таиши продолжалась. Упомленные, взаимно ослабленные, враги шали свою ненависть. Впрочемъ, смерть, постигнувшая одного за другимъ многихъ прежнихъ начальниковъ оспрова, способствовала миру. Прежде другихъ умеръ *Гапан*, отецъ Помаре I-го, красивый спарикъ, крошкій, добрый, услужливый, и равно сожалѣемый туземцами и Европейцами. За нимъ послѣдовалъ внукъ его, сынъ Помаре I-го, молодой влашпшель Таіа-Рабу, кошораго немогли исцѣлишь отъ пѣжкой болѣзни ни *табу*, ни ворожба, ни даже принесеніе чело-вѣка на жершву. Наконецъ, Сентября 3-го 1803 года, умеръ знаменишый *Помаре I-й*, нечаянно, послѣ сышнаго обѣда, на 55-мъ году отъ рожденія. Около шридцати лѣшъ эшонтъ чело-вѣкъ былъ главнымъ дѣйшвующимъ лицомъ на Таиши, столько-же замѣчательнымъ во время своего счасшя, сколько и въ дни бѣдшвій. Упорный, дѣяшельный, превожимый спрасшями, храбрый, ловкій въ дѣлахъ, Помаре I-й провелъ всю жизнь свою въ непрерывной борьбѣ, вопреки законамъ спраны влашвовалъ при

своемъ сынѣ, прошивился всѣмъ врагамъ своимъ съ удивительнымъ упорствомъ, и удержалъ званіе правителя до самой смерти. Одаренный необыкновенною понимливостью, гошовой на нововведенія, онъ всегда постоянно былъ покровителемъ Миссіонеровъ, сохраняя доброе расположеніе къ нимъ, по личной привязанности, и по общанію, которое далъ имъ въ началѣ прибытія ихъ на Таиши. Послѣ смерти его, насюущій царь, или *Помаре II-й*, принялъ имя, или лучше сказать, спалъ рѣшительно называться именемъ Помаре.

До сего времени, по сознанію самихъ Миссіонеровъ, проповѣдь ихъ не оказывала никакихъ успѣховъ. Всюду, гдѣ появлялись они, шужемцы смѣялись надъ ними, если и удерживались отъ обидъ. Всего болѣе оскорбляли Миссіонеровъ насмѣшки дикарей надъ Христіанскою религіею. Таишяне презрительно говорили, что Европейскій Богъ слуга ихъ великаго бога Оро, и что стыдно имъ промѣнять стараго сильнаго бога на новаго безсильнаго. Иногда, если при появленіи гдѣ нибудь миссіонера оказывался внезапно заболѣвшій дикарь, пришельца обвиняли въ зломъ умыслѣ и принуждали удалиться немедленно. Но несмотря ни на какія препяишвія, Миссіонеры ревностно продолжали исполнять принятую ими на себя обязанность. Въ Январѣ 1805 года приготовленъ уже былъ ими подробный кашихизисъ на Таишянскомъ языкѣ, а въ Маршѣ слѣдующаго года они соснавили окончательную азбуку, послужившую основаніемъ

для послѣдовавшихъ попомъ переводовъ Священнаго Писанія.

Начинали надѣяться болѣе счастливыхъ послѣдствій отъ всѣхъ этихъ трудовъ, но неопредѣленный и невѣрный миръ, удерживавшій оспровишанъ отъ междоусобій, былъ вдругъ распоргниутъ, и слѣдствиемъ разрыва было начало продолжительныхъ и плачевныхъ междоусобій. — Въ Юнѣ 1807 года, войско Помаре внезапно напало на Аша-Гуру, разграбило, перерѣзало жишелей, заспавило оспальныхъ бѣжащъ въ горы, и возвратилось, везя съ собою шрупы, шоржеспивенно возложенные на жершвенникъ Оро. Немгновенно послѣдовала расплаша за шаконъ безчеловѣчный, варварскій поступокъ. Начальники Аша-Гуру долго расшисывали средства мспишъ своимъ непріятелямъ, но за шорѣшились мспишъ имъ ужасно и окончательнор. Тутъ немогли уже ожидать спасенія Миссіонеры. Они предупредили гибель свою бѣгшвомъ, къ чему подало имъ средства прибытіе корабля *Perseverance*. Миссіонеръ Ношшъ вступилъ на корабль послѣдній; онъ испышывалъ всѣ средства, стараясь примирить Помаре и Аша-Гурускихъ начальниковъ. Все оказалось шщешно. Надобно было бѣжашъ.

Началась несчастная война, которую означили въ дѣшописяхъ Таиши именемъ: *Тамаи раги іа Арагу-Раіа* (великая война Арагу-Раіаская), и слѣдствія ея были рѣшительны для Таиши.

Начальникомъ обшашелей Аша-Гурускихъ былъ *Танта*, прежній полководецъ Помаре, но шеперь

самый лютей врагъ его, воинъ, считавшійся первымъ храбрецомъ изъ всѣхъ Таишянъ. Одно имя его казалось уже залогомъ побѣды. Когда Помаре узналъ, что Таиша перешелъ къ его противникамъ, онъ почелъ себя побѣжденнымъ безъ битвы, и въ отчаяніи горько плакалъ. Между тѣмъ, все еще нерѣшался онъ уступить безъ сопротивленія. Вспомоществуемый совѣтами великаго жреца, Помаре отважился даже начать наступательныя дѣйствія, и напалъ на непріятелей, хотя превосходныхъ по силѣ и избранному ими мѣстоположенію. Жестоко отбитый, несчастный Царь принужденъ былъ бѣжать въ Пару, не смѣлъ останавливаться шире, просился съ царствомъ своимъ, и удалился на Вагине, гдѣ остановились тогда Миссіонеры, надѣясь найти здѣсь безопасное пристанище.

Таиши и Таіа-Рабу принадлежали возмущившимся; ни одинъ изъ значительныхъ начальниковъ не осмѣливался противоборствовать имъ. Первый шагъ побѣдителей къ владычеству ознаменовался кровью и опустошеніемъ. Они прошли по округамъ Пары и Машаваи, разоряя жилища начальниковъ, поверженныхъ къ Царю, грабя заведенія Миссіонеровъ, расхищая все, имѣвшее какую нибудь цѣнность; даже перелили въ пули типографическія буквы, изъ книгъ скапали патроны, похищали найденное оружіе и передѣлали въ орудія для битвы всѣ кухонные снаряды. Упоенные успѣхомъ, они надѣялись еще большихъ, ожидали случая завладѣть первымъ кораблемъ, который появится близъ

острова; положили рѣзатьъ всѣхъ Европейцевъ, если они осмѣляшся прислать къ Таиши. Этому бѣдствію едва неподвергся шунеръ *Венера*, котораго нѣкому было предупредить объ опасности. По счастію, вмѣсто того, чтобы немедленно истребить экипажъ, рѣшились оставить его для принесенія въ торжественную жертву богу Оро. Между тѣмъ Англійскій корабль *Уранія* прибылъ къ острову, и успѣлъ исторгнуть несчастныхъ плѣнниковъ изъ рукъ ожесточенныхъ дикарей. Островъ сдѣлался вовсе недоступнымъ. По примѣру Таиши, другіе острова возмутились мятежными, различными крамолами; искра безумной ярости зажгла страшнымъ пожаромъ всѣ головы шужемцевъ, и среди кровавыхъ междоусобій немогло уже быть мѣста для проповѣдниковъ мира. Въ слѣдствіе сего, 26 Октября 1809 года, всѣ Миссіонеры покинули Таитскій архипелагъ и отправились въ Портъ-Джаксонъ. Остались только два пастора, *Гейвудъ* на Вагине и *Ноттъ* на Эimeo.

Но сей послѣдній успѣлъ сдѣлать именно тогда самое важное и рѣшительное завоеваніе. Несчастное состояніе Таиши было этому главною причиною. Изгнанный, бѣдствующій, униженный Помаре жилъ на Эimeo, безъ надежды на будущее, безъ утѣшенія въ настоящемъ. Онъ находился въ такомъ расположеніи духа, которое благопріятствовало религіозному назиданію. Богъ Оро явно шелъ противъ него. Богъ Христіанскій могъ быть къ нему благосклоннымъ. Таковъ былъ его первоначальный религіозный выводъ, а выводъ политиче-

скій казался еще убѣдительнѣе для дикаря: могущество Англичанъ, вѣроятно, будетъ готово пособить Христіанскому Царю и возстановитъ его снова на тронѣ. По той или по другой причинѣ, но сколько-же и по внутреннему убѣжденію въ истинахъ Христіанской религіи, Помаре сдѣлался ревностнымъ ученикомъ Ноппа; какъ ребенокъ принялся онъ учиться читать и писать, чтобы вполне познать таинства Христіанской вѣры. Когда столь важная особа подала собою примѣръ, всѣ другіе дикари непрерывно слѣдили ему послѣдовать, и вскорѣ на Эimeo обратились и приняли крещеніе множество оспровившихъ. Ревность была такъ велика, такъ сильна, что пасторъ Ноппъ не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ новообращенныхъ; онъ призывалъ къ себѣ помощниковъ, и товарищи его возвратились на Эimeo въ началѣ 1812 года.

По возвращеніи ихъ, видя, что все спремилось къ великому религіозному перевороту, Помаре рѣшился публичнымъ дѣломъ доказать свое совершенное присоединеніе къ новому исповѣданію. Вотъ, какъ сдѣлалъ онъ это: однажды принесли ему черепаху — живошное, особенно подлежащее *табу*, кошораго нельзя было ѣсть иначе, какъ приготовивъ въ морѣ и отдавъ часть богамъ. вмѣсто того, чтобы дожидаться, пока исполнится эшопъ суевѣрный обрядъ, Помаре приказалъ просто сварить черепаху, вмѣсто обыкновеннаго мяса, и подать ему, ничего неоставляя идоламъ. Поступокъ его произвелъ большой соблазнъ и спраш-

ный шумъ между придворными ; еще болѣе возопіяли жрецы. Думали, что громъ небесный разразился надъ нечесливымъ Царемъ, едва только приступили онъ къ нарушенію страшнаго табу, или, по крайней мѣрѣ, что онъ подавился первымъ кускомъ законопреступнаго кушанья. Разумѣется, что ничего этого неслучилось ; съоль кончился благополучно ; черепаха оказалась вкусною и здоровою. Совершивъ съоль торжественное распоряженіе съ прежними суевѣріями, Помаре всмалъ изъ за-съола, и обратился къ окружающимъ его съ слѣдующими словами : « Видише-ли шеперь, что вы покланяешесь ложнымъ, вымышленнымъ вами богамъ ? Они ни добры, ни злы, и безсильны благодѣшествовать вамъ и вредить вамъ. Посшупайше-же такъ, какъ я посшупаю, и никшо изъ васъ въ эшомъ не раскается. » — Дѣйствительно, многіе немедленно послѣдовали примѣру Царя. Новая вѣра, съоль ушѣшишельная, съоль благодѣшельная, непредставляла ни одного изъ шѣхъ кровавыхъ, жестокихъ обрядовъ, кошорымъ слѣдовалъ народъ, болѣе по боязни, нежели по набожностіи. Мало по малу опучились вѣришь могущесшву таинственнхъ идоловъ, не боялись уже ихъ, смѣялись надъ ними, и все было кончено. Начальники прежде просшолодиновъ приступили къ Христіансшву. Тапоа, начальникъ Раіашеа, Тамашуа, шесш Помаре, Магине, начальникъ Вагине, и множество другихъ, принялись за ученье. Сдѣлавшись ревностнымъ христіаниномъ, Помаре хошѣлъ, чтобы новая религія имѣла свои храмы. Учредилась каѣедра, и Миссіонеры

могли свободно говорить съ тысячами народа ,
убѣжденнаго и убѣждаемаго въ словахъ ихъ.

Въ это время , два начальника , прибывшіе съ
осрова Таипи , предложили Помаре возвратиться
на несчастный островъ , преданный совершенному
безначалію , и возстановить тамъ власъ свою и
спокойствіе бѣдныхъ островитянъ. Всѣ паршіи со-
жалѣли о Помаре и призывали его совершить но-
вый благодѣтельный переворотъ. Дѣйствительно ,
со времени его побѣга Таипи сдѣлался жертвою
ужаснѣйшихъ безпорядковъ и самаго отвратитель-
наго разврата. вмѣсто того , чтобы устроить
миръ и спокойствіе въ своемъ завоеваніи , возму-
тили только грабили и истребляли. Поле-
вые работы были оставлены ; единственное сра-
ніе островитянъ обращено на перегонку корня
ти (*dracaena terminalis*) и извлеченіе изъ него пья-
наго напитка. Весь островъ сдѣлался обширнымъ
винокурнымъ заводомъ и развратнымъ кабакомъ.
Кубы устроивали въ выдолбленныхъ каменьяхъ ,
прикрывая ихъ сверху доскою , и употребляя бам-
буковину вмѣсто холодильной трубы. Выпекавшее
вино прямо собирали въ чашечки , въ кокосовую
скорлупу ; вокругъ каждаго такого куба , устроен-
наго наскоро , стояло по 10-ти , по 20-ти , по 30-ти
дикарей , и они пили спекавшій напитокъ , едва
успѣвая дожидаться , пока наполнится чашка , или
скорлупа. Дѣлаясь послѣ сего мерзвецки пьяны ,
они приходили въ безумную ярость , бросались
другъ на друга , дрались , рѣзались , убивали одинъ
другаго на мѣстѣ попойки. По возвращеніи своемъ

на Таиши, Миссіонеры узнавали мѣста такихъ неисповѣдныхъ оргій по остаткамъ винокуренныхъ снарядовъ и грудамъ косшей, окружавшимъ сіи ряды.

Помаре зналъ всѣ подробности, думалъ, что наступилъ уже часъ положить предѣлъ безпорядкамъ, расчищая, можетъ быть, съ излишнею увѣренностью, что продолжительность бѣдствія пригостила ему мирное обладаніе. Онъ отправился на Таиши, гдѣ, дѣйствительно, съ начала встрѣтилъ онъ мало препятствій своему владычеству. Но незная еще что будетъ далѣе, онъ не хотѣлъ везти съ собою Миссіонеровъ, и утѣшалъ себя и ихъ въ разлукѣ благочестивыми посланіями.

« Да возмогу я—писалъ онъ къ паспорту Ношпу — да возмогу я упишишь гнѣвъ Эговы, на меня обращенный, на меня человека злаго, порочнаго, грѣхами обремененнаго, виновнаго въ пресупномъ равнодушіи, въ непознаніи истиннаго Бога, виновнаго въ упорствѣ, съ какимъ спремился я къ злу. Да возможеть Эгова просишь мое безуміе, мое невѣріе, мое презрѣніе къ вѣрѣ его. Да возможеть Эгова даровать мнѣ своего божественнаго духа благости, и освятишь сердце мое, содѣлашь меня способнымъ опречься ошъ моихъ злыхъ обычаевъ, содѣлашься человекомъ-избранникомъ въ народѣ его, и бышь спасеннымъ благодацію Іисуса Христа, нашего единственнаго Спасителя. Я человекъ порочный, и грѣхи мои велики и многочисленны. »

Въ другой разъ, бывши боленъ, писалъ онъ :
« Скорбь моя велика, но если-бы могъ я получить

благодать и прощеніе прежде кончины моей, я почиталъ-бы себя счастливымъ. Увы! если умру не получивъ прощенія отъ Господа—велико будетъ мое несчастіе! Да возмогутъ грѣхи мои быть опущенными и душа моя спасенною отъ Іисуса Христа! Да обратишь Эгова взоръ свой на меня прежде смерти моей, и возрадуюся!»

Такъ говорилъ знаменитый новообращенный христіанинъ, жаркій въ вѣрѣ, воспорженный и глубоко пронутый. Онъ нескрывалъ чувствъ своихъ отъ Таишанъ, хотя они упорствовали въ идолослуженіи. Торжественно объявлялъ онъ себя христіаниномъ, говорилъ о служеніи Оро, какъ о беззаконіи, и публично исполнялъ христіанскіе обряды. Вначалѣ, его религіозная ревность вредила его политическимъ отношеніямъ. Едва одинъ Матавайскій округъ согласился признавать власть его; другіе округи оставались независимы, управляясь своими начальниками и своими жрецами, утверждавшими, что Помаре опсупникъ, недостойный власти и начальства. Въ это время у Помаре родилась дочь, названная *Аимата*, отъ одной изъ дочерей Тамашуа, начальника Раіатеа. Впрочемъ, немногія событія ознаменовали исторію Таиши въ 1812 и 1813 годахъ. Торговля съ Европейцами казалась навсегда прекращенною. Кое-когда приспавали къ разнымъ гаванямъ корабли Европейцевъ, но не смѣли оставаться надолго. Только два корабля означили тогда свое пребываніе бѣдственнымъ участію, равно ихъ постигшею: *Королева Шарлотта*, начальствуемый миссіонеромъ Шелли, и

Дельфинъ, подѣ начальствомъ капитана Фольджера; на шомъ и на другомъ находились экипажи, набранные изъ Таишянъ; оба корабля занимались жемчужною ловлею около архипелага Помосу, и были нечаянно захвачены возмущившимися мапрозами Таишянскими. Начальникъ *Королевы Шарлотты* успѣлъ спастись; начальникъ *Дельфина* погибъ при возмущеніи. Первый изъ сихъ кораблей, прибывшій въ Машавайскую гавань, былъ возвращенъ ошъ Помаре наспоющему хозяину его; другой попался на морѣ капитану Валькеру, начальствовавшему кораблемъ *Endeavour*, и былъ опнятъ у бунтовщиковъ.

Церковь на Эimeo процвѣтала во все это время. Спеченіе новообращенныхъ было многочисленное; едва успѣвали Миссіонеры говорить проповѣди и крестить. Юля 25-го, 1813 года, торжественно освящена была главная Эимейская часовня; въ ней опправили божественную службу, при многолюдномъ собраніи вѣрныхъ, и обрядъ кончился общимъ причащеніемъ всѣхъ присутствующихъ. Толпа начальниковъ изъ общества арреевъ видна была среди другихъ христіанъ; великій жрецъ Эимейскій, первый поборникъ идоловъ, по имени *Паи*, убѣжденный рѣчами пастора Ноппа, бросилъ въ огонь всѣхъ своихъ боговъ и объявилъ себя христіаниномъ. Весь архипелагъ, мало по малу, слѣдовалъ непреоборимому направленію. Блестящія, многочисленные обращенія совершались на Вагине, Раіа-шеа, Тагаа. Прибыли даже начальники съ Таиши, предводимые Помаре, убѣдившимъ ихъ въ истинахъ

свяшой вѣры. Въ числѣ прибывшихъ находился *Упа-Пару*, таіо нашего капишана Пендлешона, одинъ изъ самыхъ важныхъ людей на Таиши. Въ концѣ 1814 года считалось уже на архипелагѣ 500, или 600 хрисціанъ, и увеличеніе успѣховъ проповѣди возраспало съ каждымъ днемъ. Миссіонеры просили прислать къ нимъ новыхъ собрашій. Таишянскій переводъ Евангелія былъ оконченъ, и его оиправили въ Поршъ-Джаксонъ печашать.

Но шакіе успѣхи возбудили и непримиримую зависть идолопоклонниковъ. Пока хрисціане образовывали собою опдѣльный узелъ небольшого общесшва, шо довольсшвовались преслѣдовашь ихъ изъ-явленіемъ общаго презрѣнія; когда они сшали сильнѣе, ихъ хошѣли уничтожишь позоромъ сильнѣйшей насмѣшки. Общимъ согласіемъ положили придавать опсшупникамъ прозвание *Буре-атуа* (опъ словъ: *Буре* — молишвы, и *Атуа* — боги). Но когда рѣшительное преимущесшво начало переходить на спорону хрисціанъ, несмотря на презрѣніе и насмѣшку, когда проповѣдь Евангелія, подкрѣпляемая царскимъ примѣромъ, явилась шеперь дѣяшельнѣе, сильнѣе, нежели когда либо прежде, идолопоклонники поклялись уничтожишь убійсшвомъ все, шо прошивосшояло дошолѣ усиліямъ другаго рода. Враждебные между собою начальники соединились союзомъ и заговоромъ прошивъ непріятелей общаго бога ихъ. Уѣзды *Паре*, *Мапаваи*, *Вапай-Ано* сосшавили между собою шайный замыселъ о побіеніи враговъ, подобный *Сицилійской вечернѣ*. Приглашенные приняшь учаспіе въ кровавомъ дѣлѣ, на-

чальники Аша-Гуру и Папара также обѣщали пособіе. Положили перерѣзать нечаянно всѣхъ бурешуа, находившихся на Таипи, ночью съ 7-го на 8-е Іюля 1814 года. Безъ неоспорожности нѣкоторыхъ заговорщиковъ, безъ увѣдомленія, даннаго почти въ самый часъ исполненія заговора, ни одинъ христіанинъ неизбѣжалъ-бы смерти. Едва оспавалось полчаса сдвинуть поспѣшно на море лодки, и всѣмъ удалились на Эimeo.

Заговорщики шли уже толпами на убійство, по заключенному условію. Можно вообразить бѣшенство ихъ и изумленіе, когда во всѣхъ жилищахъ, опмѣченныхъ знаменіемъ ненавистнаго имъ креста, они ненашли ни одной живой души! Видя свою добычу избѣгнувшею гибели, въ исповомъ бѣшенствѣ, они обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, складывали вину одинъ на другаго, перешли опъ словъ къ дракѣ. Полипическіе раздоры, на минушу изглаженные желаніемъ религіознаго мщенія, явились вновь, свирѣѣе, неукрошимѣ прежняго. Жители Папара и Аша-Гуру, всегдашніе враги *Пори-Ону* (собирашельное названіе обипашелей С. В. Таипянскихъ областей), первые нарушили временный союзъ, напали на своихъ непріятелей, перерѣзали ихъ, истребили главныхъ вождей и лучшихъ воиновъ. Жители Таіа-Рабу, предвидя нападеніе, признали власъ побѣдителей, начали бипвы и опусшошенія въ слѣдъ за ними, такъ, что все приморье Таипянское, богатые округа Паре, Фага, романпическія долины Гаушуа, Машаваи, Вапай-Ано, явили собою страшное зрѣлище гибели и

испребленія. Когда все погибло — жилища и обиташели, когда ничего уже неосталось передъ губишелями, они заспорили за добычу, неумѣли подѣлить ее и начали рѣзаться опчаянно. Аша-Гуру и Папара соединились прошивъ Таіа-Рабу, и прогнали шамошнихъ обиташелей въ ихъ горныя *пари*. Убийство, пожаръ, хищеніе, насилуваніе пали на долины шамошнія, и усилили и безъ того непрерывныя переселенія на Эimeo, гдѣ искавшіе спасенія идолопоклонники были принимаемы въ нѣдра Христіанской Церкви. Такимъ образомъ, междоусобія, достигшія до послѣдней крайности, служили въ явную пользу новаго исповѣданія. Помаре былъ дѣятельнѣйшимъ орудіемъ всеобщаго обращенія; какъ простой проповѣдникъ проходилъ онъ по всѣмъ селеніямъ Эimeo, подавая собою примѣръ, уговаривая, подкрѣпляя власною и силою истины, имъ вѣщаемыя.

Такъ начался 1845 годъ. Эimeo, мирный и благоденственный, населялся христіанами. Таиши, преданный пагубѣ необузданныхъ страстей, склонялся къ гибели совершенной. Начальники смятеній видѣли это различіе, недумали обратиться къ раскаянію, и напрошивъ, положили измѣною разрушить счастье жителей Эimeo. Черезъ посланниковъ своихъ, они убѣждали бѣглецовъ Таишянскихъ воротиться, вступивъ въ обладаніе ихъ имѣніями, обѣщая имъ спокойствіе, миръ и свободное исповѣданіе новой вѣры. Опасались коварства въ эшомъ предложеніи, но однакожь приняли его. Помаре рѣшился самъ наблюдать за порядкомъ возвращенія

на Таиши. Онъ собралъ знаменишѣйшихъ воишелей Эимео и окрешныхъ оспрововъ, ревностныхъ христіанъ и воиновъ неуспрашимыхъ. Флошъ оспорочно осправился ошъ Эимео. При видѣ его, смяшеніе началось на Таиши; вооруженные идолопоклонники шолпами спали на берегу, и криками и шѣлодвиженіями давали знать, что будущъ прошивишся высадкѣ войска многочисленнаго и сильнаго. Они начали даже спрѣляшъ. Помаре нехотѣлъ опражашъ силы силою. Онъ крошко увѣщавалъ своихъ прошивниковъ, и получилъ ошъ нихъ позволеніе выйдши съ подчиненными на берегъ и начашъ мирные переговоры. По наружности, миръ ушвердился, но онъ небылъ искренень и немогъ продолжишся.

Ноября 12-е 1815 года—день доспопашный въ лѣшописяхъ Таиши—было воскресенье. По полудни, Помаре и шриспа воиновъ, прибывшихъ съ нимъ съ Эимео, собрались для осправленія божешвенной службы, на мѣсшѣ, называемомъ *Наріи*, подлѣ деревни *Буна-Ауіа*, въ округѣ Аша-Гурускомъ. Идолопоклонники ждали такого случая, предвидѣли его. Многочисленные, хорошо вооруженные опряды ихъ окружили мѣсто, гдѣ собрались бурешуа. Едва Помаре возгласилъ священный гимнь, слышалась спрѣльба. Множештво непріашелей, неся передъ собою знамя Оро, въ воинешвенномъ порядкѣ приближались, съ ужаснымъ крикомъ: *Битва, битва!* — Невзирая на угрожавшую опасность, Помаре хотѣлъ прежде всего кончить начашья молишвы. «Эгова защищаетъ насъ!» восклицалъ онъ —

« чего спрашишесь вы? » — Воины его остано-
вились.

Они сшли въ боевой порядокъ, когда молишвы были кончены; при опрядѣ хриспіанъ успроились на морскомъ берегу лѣспницею, лицомъ къ непріа-
шелю, разсыпанному со споронъ горной. Впе-
реди всѣхъ видны были шрое знаменишыхъ вождей: Ауна, Упа-Пару и Гишоши; средній опрядъ нахо-
дился подѣ начальспвомъ Магине, и героини жен-
щины, Помаре-Вагине, вооруженной мушкетомъ и кошьемъ, и одѣшой въ кирасѣ изъ плешушекъ ро-
мага. Чшо касается до самого Помаре, онъ избралъ себѣ мѣспю въ одной изъ лодокъ, имѣя съ собою множесшво стрѣлковъ, и предполагая разспроишъ ружейнымъ огнемъ флангъ непріашеля. На другой лодкѣ, начальспвуемой Англичаниномъ Джое, спю-
шла небольшая пушка, оказавшая важную помощь сражавшимся

Едва Помаре успѣлъ кончишъ пригошювленія къ бою, идолопоклонники напали на него съ великою яросшью. Ударъ ихъ былъ жестокій, поколебаль передній опрядъ, и множесшво воиновъ принуждены были осшавишъ поле бишвы. Упа-Пару спасса шоль-
ко шѣмъ, чшо сбросилъ съ себя плашье, за кошо-
рое ухвалилась шолпа непріашельскихъ воиновъ. Воины Помаре пустили въ бѣгсшво черезъ ку-
спарникъ и примкнули къ опряду Магине. Тушъ завязалась упорная бишва. Начальникъ буншовщи-
ковъ, Упу-Фара, палъ, пронзенный ударомъ кошья. Друзья хошѣли пособишъ ему. « Помощь ваша без-

полезна—говорилъ онъ—мспшите за меня — вошъ чѣмъ вы мнѣ пособите!» Онъ указалъ на одного изъ храбрыхъ воиновъ Магине, по имени *Равеае*. Двадцашъ человекъ бросились исполнить волю умиращаго начальника, и едва могли опбить Равеае опъ ихъ нападенія. Несмотря на смерть своего главнаго полководца, буншовщики продолжали сражашься съ неизъяснимою яростью. Но мужество Магине, убійственный огонь Джое, ружейная пальба Помаре рѣшили побѣду. Ужасъ, внушенный непріателямъ, сдѣлался споль-же силенъ, сколь сильна была до того времени ярость ихъ. Идолопоклонники дрогнули, и опрометью побѣжали къ своимъ горнымъ крѣпостямъ.

Очиспивъ опъ непріателя побережье, воины Помаре, увлеченные спаринною привычкою, хошѣли преслѣдовашь и рѣзашъ бѣгущихъ, по крайней мѣрѣ, дорѣзашъ всѣхъ, кшо оспался раненый и немогъ убѣжашъ. Но, швердымъ голосомъ, Помаре провозгласилъ: *Атира* (довольно)! оспановилъ убійспва, хошѣлъ доказашъ на дѣлѣ добродѣтели, внушаемая Христіанскою вѣрою. Вмѣсто избіенія раненыхъ, щашательно собрали ихъ, перевязали имъ раны; вмѣсто мщенія и насилія семейспвамъ побѣжденныхъ, окружили ихъ всѣми благодѣтельными попеченіями. Трупъ вождя непріательскаго, Упу-Фара, лежалъ еще, распроспертый во прахѣ, оставленный идолопоклонниками. Помаре велѣлъ съ почестью похоронить его по обычаю идолослужителей, въ гробницѣ предковъ. Онъ послалъ къ непріательскимъ пари, извѣспить, чшо безъ разли-

чія и исключенія прощаешъ всѣхъ буншовщиковъ , и забываешъ все прошедшее. Такіе поступки, дошолѣ неслыханные между дикарями, пріобрѣли Помаре , и Богу , имѣ проповѣдуемому , множесство приверженцевъ. Каждый могъ теперь сравнивать два вѣрованія—одно, дышащее крошостью и милосердіемъ, проливающее кровь, даже для собственн- ной защиты, съ прискорбіемъ; другое дикое, безчеловѣчное , непрерывно пребывающее жертвъ кровавыхъ и бесполезныхъ. Простое сравненіе было лучшимъ доказательствомъ преимущества вѣры Христіанской, и день побѣды Нарійской былъ днемъ торжества истинной вѣры и покоренія Таиши законной власпи.

Желая усилить еще болѣе всѣ сіи побудительныя причины обращенія въ Христіанство, Помаре рѣшился разоблачить предметы обожанія Таишянъ ошъ мнимой силы и благоговѣнія, какое они еще внушали. Онъ хотѣлъ поругаться имѣ, столь смѣло, столь дерзко, что самый суевѣрный идолослужитель могъ бытъ послѣ того исцѣленъ ошъ страха, имѣ ощущаемаго. Для сего онсправилъ онъ отрядъ избранныхъ воиновъ въ Таушира, гдѣ хранилась знамениная спашуя Оро. Исполняя повелѣніе Царя , посланные вошли въ шамошній морай. Передъ собраніемъ жрецовъ и изумленныхъ , шрепещущихъ поклонниковъ, воины Помаре ниспровергли алтари, разбросали приношенія и священныя вещи , взяли идола (это былъ грубо обдѣланный ишшуканъ челоуѣка , изъ ння казаурины) , бросили его на землю, отрубили ему голову, унесли ее съ

собою и повергли къ ногамъ Помаре. Онъ приказалъ, чшобы ее упопрбили на какое нибудь презришельное назначеніе въ кухни его, но потомъ велѣлъ бросить ее въ огонь. Это приказаніе, исполненное публично, и безсиліе бога, немогущаго мести за свое оскорбленіе, были знакомъ общаго разрушенія всѣхъ моравъ и испребленія всѣхъ идоловъ на Таиши.

Такъ уничтожилось идолослуженіе Таишянъ, и вскорѣ было оно рѣшишельно испреблено и на окресныхъ островахъ, слѣдовавшихъ примѣру главнаго острова. Въ полгода, всѣ идольскія капища, всѣ идолы исчезли на архипелагѣ. Только островъ Мауниши упорствовалъ еще до 1847 года, когда обращеніе его было вполне совершено жишелями Бора-Бора.

Помаре царствовалъ послѣ сего безспорно и спокойно. Христіанскій Таиши рѣшишельно повиновался ему; онъ раздѣлилъ власшь свою съ шѣми начальниками, кошорые были учасниками его изгнанія, бѣдствій, и въ послѣдствіи шоржества. Первыми въ числѣ ихъ явились Миссіонеры, дорого купившіе продолжительнымъ, тяжкимъ шрудомъ почести и выгоды учаснія въ преобразованіи Таишянской земли. Помаре готовъ былъ передать имъ лучшіе учаски земель и какую угодно власшь, но мысль преобладанія и гордосши бываетъ слѣдствіемъ шолько спокойствія и благоденствія, и пошому проповѣдники оказали на сей разъ особенную кротосшь и безкорыстіе. Восемь, или десять

новыхъ собратій явились раздѣлять благотеспи-
выя занятія прежнихъ Миссіонеровъ, ежедневно
спановившіяся многочисленнѣе и важнѣе. Учрежде-
но было нѣсколько заведеній на всѣхъ островахъ,
чтобы сколько возможно усилишь поученіе и на-
зиданіе дикарей. Можешь бышь, не должно-ли
упрекнуть Миссіонеровъ, что въ излишней ревно-
сти къ доброму дѣлу, успановляя новое нравствен-
ное уложеніе туземцамъ, они слишкомъ мало со-
ображались съ прежними ихъ нравами. Можешь
бышь, они неразочли опасныхъ слѣдствій перемѣ-
ны, спараясь съ излишкомъ замѣнили прежніе,
своевольные, развратные нравы островищанъ по-
спановленіями, уже слишкомъ строгими и суро-
выми. Жалобы и сѣшванія, прорывавшіяся опъ вре-
мени, даже нѣсколько заговоровъ на жизнь Помаре,
показывали, что общее обращеніе дикарей въ Хри-
стіанство, незначило еще полного и общаго убѣж-
денія ихъ въ истинахъ свяшой вѣры.

Распространеніе Священнаго Писанія казалось
лучшимъ средспвомъ дѣйспвовать на умы дикарей,
пребывавшіе новаго и сильнаго подкрѣпленія. Сна-
чала напечатали Евангеліе на Таишянскомъ языкѣ
въ Поршѣ-Джаксонѣ; но пошомъ, когда это оказа-
лось недостаточно и затруднительно, рѣшились
завеспи печашаніе книгъ на самыхъ островахъ Та-
ишскихъ. Миссіонеръ Эллисъ исполнилъ шакое на-
мѣреніе. Онъ прибылъ на Эimeo съ шипографскимъ
спанкомъ и буквами. Появленіе его и начало пе-
чашанія книгъ сдѣлали величайшее впечатлѣніе.
Книгъ рѣшишельно недоставало. Едва приходи-

лось по одному букварю на семейство, и каждый принужденъ былъ учиться азбукѣ поочередно. Многіе, несмотря на то, неимѣли средствъ достать себѣ букваря, и принуждены были списывать его кое-какъ. Неимѣя также средствъ достать бумаги, сославляли бумагу особеннаго рода изъ древесной коры, окрашивая ее въ фіолетовый, или красный цвѣтъ, и царапая потомъ на ней буквы и слова. Такъ распространяли цѣлыя ошривки изъ Священнаго Писанія, и даже частъ проповѣдей, записывая ихъ на память.

Предупрежденный о привозѣ типографскаго станка, Помаре отдѣлилъ для типографіи особенный домъ, и только объ одномъ просилъ — увѣдомишь его немедленно, когда печатаніе начнется. Въ назначенный день, онъ явился въ заведеніе, сопровождаемый множествомъ начальниковъ. Элисъ, въ присушствіи его, принялся набирать листъ, но видя, что Царь съ завистью смотритъ на блестящія, новыя буквы, предложилъ ему самому заняться наборомъ и начать азбукою. Съ помощію миссіонеровъ, Помаре работалъ успешно, набралъ цѣлую страницу. Онъ хотѣлъ, чтобы ее опечатали немедленно, и съ трудомъ согласился подождать, пока цѣлый листъ былъ конченъ наборомъ. Когда недобно было печатать, опять ему предложили честь начинать дѣло. Элисъ показалъ ему, какъ надобно намазывать буквы чернилами, класъ бумагу, верстъ станокъ. Листъ опечатанъ былъ довольно чисто. Помаре схватилъ его, восхищенный своею работою, разсматривалъ, передалъ дру-

гпмъ, оппечашаль еще два листа, дивился, любовался ими. Когда его любопытство и восторгъ были уже удовлетворены, онъ велѣлъ показати оппечатанные листы народу. Крикъ радостнаго изумленія полны привѣспивоваль ихъ. Послѣ сего торжесшвеннаго начала работа пошла дѣяшельно. Царь ежедневно приходиль въ типографію смонрѣшь и радовашься. Онъ все замѣчаль, считаль буквы, счелъ, что буква А повторяется пять тысячъ разъ на шесшнадцати страницахъ. Напечатали 2,600 экземпляровъ азбуки, Таишянскій капихизисъ, опривки изъ Священнаго Писанія, и наконецъ Евангеліе опъ Луки. « О великая Британія! О земля премудрости! » восклицаль народъ, толпившійся у входа въ типографію, сбѣгаясь опвсюду, чтобы видѣшь Миссіонеровъ за работою и просишь у нихъ книгъ. Сшеченіе народа было непрерывное, безчисленное. Приморье было всегда усеяно лодками; всѣ окресшныя жилища набишы были полною пріѣхавшихъ, пришедшихъ, и за всѣмъ шѣмъ цѣлый таборъ кочеваль еще окресшь, неимѣя средствъ доспашъ какое нибудь другое присшанище. Можно было подумашъ, что здѣсь происходишь непрерывная ярмарка. Чтобы книги неслишкомъ скоро избивались, какъ умѣли переплешали ихъ, обверпывая въ шканъ изъ древесной коры, въ собачьи, козлиныя, кошечьи шкуры. Сначала все раздавалось даромъ, но попомъ, для приданія большей цѣнносши книгамъ въ глазахъ оспровишянъ, положено было брашь за нихъ небольшое количество кокосоваго масла.

Элистъ , у котораго заимствую я всѣ сіи подробности, рассказываетъ множество анекдотовъ о томъ наслажденіи , какое ощущалъ онъ , видя ревность новообращенныхъ къ разбору произведений его типографіи.

« Нерѣдко—говоритъ онъ — видалъ я по 30-ни, по 40-ку лодокъ, приплывавшихъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Эimeo и другихъ острововъ. На каждой бывало по пяти, по шести человекъ, прибывшихъ единственно для пріобрѣтенія драгоценныхъ книгъ. И нерѣдко эти покупатели должны были ждать по пяти, по шести недѣль. Они привозили съ собою огромныя связки писемъ, писанныхъ на плащановыхъ лисьяхъ, и свернувшихъ на подобіе старинныхъ пергаментовъ: это были просьбы тѣхъ людей, которые, неимѣя возможности явиться сами, умоляли посласть къ нимъ книгъ.

« Однажды вечеромъ, при захожденіи солнца, пристала къ берегу лодка, съ пятью людьми. Они остановились, свернули парусъ, высадили лодку на берегъ и отправились къ моему жилищу. Я пошелъ къ нимъ навстрѣчу. «*Лука! те парау на Лука!*» воскликнули они въ одинъ голосъ, показывая мнѣ бамбуковины, наполненныя кокосовымъ масломъ, привезенныя ими въ заплату за книги. У меня небыло готовыхъ экземпляровъ; я обѣщалъ имъ дать книгъ завтра непременно, и просилъ подождать, а между тѣмъ идти къ комунибудь изъ знакомыхъ и отдохнуть послѣ путешествія. Каково было мое изумленіе, когда на другой день,

вспавши съ восхожденіемъ солнца , я нашелъ бѣд-
ныхъ пришельцевъ, лежащихъ на кокосовыхъ листь-
яхъ подлѣ моего жилища , безъ всякой другой за-
щищы, кромѣ широкихъ, рогоженныхъ плащей, ко-
торые обыкновенно носятъ оспровитяне ! Я спѣ-
шилъ выйдти къ нимъ, и узналъ, что они провели
пушъ всю ночь. Когда я спрашивалъ , почему не
пошли они ночевать въ какомъ нибудь жилищѣ —
« Нѣтъ » — отвѣчали они—« мы боялись , чтобы въ
ошесуствіе наше непришелъ кто нибудь къ тебѣ
ранѣ насъ, невзялъ у тебя книгъ , кошорыя обѣ-
щаль ты намъ пригословишь , и незаспавилъ насъ
уѣхашъ съ пусными руками. Мы обще посовѣшо-
вались вчера, и рѣшились только тогда отойдши
отъ швоего жилища , когда получимъ то, за чѣмъ
мы сюда ѣхали. » Я ввелъ ихъ въ типографію , на-
скоро собралъ имъ листы , подарилъ каждому по
экземпляру ; одинъ изъ нихъ просилъ у меня еще
двухъ экземпляровъ , первый для мащери , другой
для сесщры. Завернувъ драгоцѣнныя пріобрѣщенія
въ лоскущья бѣлой шкани, дикари спряпали ихъ
на груди своей, пожелали мнѣ благополучія, и не-
пивши , неѣвши , невидавшисьъ ни съ кѣмъ , побѣ-
жали на берегъ , спустили лодку, растянули свой
парусъ , сдѣланный изъ пальмовой рогожки , и съ
радосшію спѣшили плышъ на свою родину. »

Изъ всего рассказаннаго можно видѣшъ , что на
архипелагѣ Таипскомъ быщро и мгновенно совер-
шилось тогда полное преобразование. Помаре былъ
главнымъ его виновникомъ. До конца жизни своей,
онъ неизмѣнилъ ревности и усердія къ Миссіоне-

рамъ, помогаль имъ своею власпію въ распространеніи Христіанской вѣры, и даже самъ переводилъ Священное Писаніе на Таишянскій языкъ. Дѣятельность его неограничивалась только эшимъ; онъ занимался торговыми дѣлами и показалъ необыкновенныя дарованія во многихъ случаяхъ. Когда Миссіонеры начали говорить объ усиленіи земледѣльческихъ и торговыхъ предпріятій между оспровишянами, въ первый разъ Помаре воспрошивилъ ихъ желаніямъ. Онъ объявилъ въ одномъ изъ собраній, что ему извѣсны вредныя слѣдствія подобныхъ замысловъ; что такъ начинали въ другихъ земляхъ, но умноженіе богатствъ всегда оканчивалось потомъ хищеніемъ и завоеваніемъ. Подобное рѣшеніе было, конечно, хорошо рассчитано для сохраненія единства власши, но въ то же время противно выгодамъ образованія Таиши. Насажденія сахарныхъ просей, учрежденія сахарныхъ заводовъ уничтожились въ слѣдствіе такого полицейскаго распоряженія, своекорыснаго и раззорительнаго. Обогащеніе спрану значить благодѣшельствовало ей, и чтобы тому ни споспѣшествовало, надобно обо всемъ эшомъ заботишься.

Непреклонный въ подобныхъ предметахъ, Помаре соглашался на все, когда рѣчь шла о подкрѣпленіи и распространеніи Христіанства. Такимъ образомъ, онъ согласился на учрежденіе вспомогательныхъ обществъ Миссіонерскихъ; эти общества были ни что иное, какъ средства собиранія доходовъ съ христіанъ въ пользу духовныхъ наставниковъ. Объявляя Помаре, что Лондонское

Общество миссій можетъ содержать на свой счетъ только Таишскихъ-собственно Миссіонеровъ, проповѣдники предложили ему составивъ добровольными пожертвованіями оспровитянь общій капиталъ, который могъ-бы прикрывать издержки другихъ обществъ. Каждый христіанинъ долженъ былъ вписываться въ книгу приношеній, опредѣляя количество свиней, кокосоваго масла, пашаповъ, корней арровъ-руша, и всего что обязывается онъ вносить ежегодно. Тщеславіе и благочестіе участвовали равно въ сихъ приношеніяхъ; другіе начали ихъ изъ подражанія; остальные согласились изъ страха. Почти никого небыло изъѣзжаго отъ плашежа. Такой добровольный сборъ начался съ 1818 года, и вскорѣ превратился онъ въ правильную сборку, которая, возрасая ежегодно, образуетъ нынѣ для дикарей довольно значительный налогъ. Уже въ 1822 году, количество ежегодной сборки, на одномъ Таиши, составляло 9226 бамбуковинъ кокосоваго масла (каждая въ 4 фунта), 24 свиньи, 267 связокъ арровъ-руша (по 5 фунтовъ каждая), и 191 пукъ хлопчатой бумаги. Другіе острова вносили по соразмѣрности.

Такимъ образомъ, правленіе Помаре II-го было смѣшеніемъ добра и зла. Въ послѣдніе годы жизни, Помаре помрачилъ славу свою весьма важнымъ порокомъ: онъ предавался пьянству, употреблялъ крѣпкіе напитки до такого излишества, что они совершенно помрачили его разумъ и испортили его здоровье. Помаре самъ чувствовалъ вредъ несчастной слабости, но никакъ немогъ воздержаться.

Удаляясь ушромъ въ небольшую бесѣдку, гдѣ занимался онъ переводомъ Священнаго Писанія, подъ одною рукою уносилъ Помаре свою Библию, а въ другой несъ бутылку рому. Нерѣдко, ощущая, что разумъ его помраченъ безпрестаннымъ пишемъ—« О Помаре! », восклицалъ онъ съ горестью— « О Помаре! теперь свинья была-бы досгойнѣ тебя управляшь твоими обласьями, нежели ты, пьяное живошное! » Излишество не прошло ему даромъ. Помаре скончался отъ водяной болѣзни, 7-го Сентября 1824 года, сорока восьми лѣтъ отъ рожденія, на рукахъ миссіонера Крука, впрочемъ не возбудивъ большаго сожалѣнія Миссіонеровъ, хотя былъ онъ самымъ надежнымъ и дѣлательнымъ орудіемъ ихъ дѣйствій. Отъ второй жены, Теремое-мое, остались послѣ Помаре дочь *Аммата*, дѣвочка восьми или девяти лѣтъ, и сынъ четырехъ лѣтъ. Эшого ребенка провозгласили Царемъ Ошайши, подъ именемъ *Помаре III-го*; шепка его *Помаре-Вагине* была объявлена правишельницею.

Миссіонеры надѣялись управлять послѣ сего Таиши съ большею свободою и власью. Посланные отъ Лондонскаго Общества миссій, два инспектора, *Тейерменъ* и *Беннетъ*, прибыли на Таиши съ особенными полномочіями. Они должны были опредѣлить всѣ отношенія Таипской миссіи, обративъ тщательное вниманіе на Европейцевъ, обитающихъ на островѣ, почти все бродягъ и бѣглецовъ, людей опасныхъ, бѣжавшихъ съ разныхъ Европейскихъ кораблей, или изъ Ботани-Бейской колоніи ссыльныхъ; инспекторамъ поручено было наконецъ го-

воришь, какъ равнымъ съ равными, съ власнишелями Таиши, споль покорными до сего времени. Неожиданное препяшствіе оспановило честолюбивые замыслы: правительница Вагине, опъ кошорой пошребовали безусловной покорности, возспала прошивъ неумѣренныхъ шребованій, и опказала рѣшительно въ ограниченіи своей власши, объявляя, что непошерпишь никакой чуждой опеки надъ собою, и угрожая даже, что прибѣгнешъ къ употребленію особенныхъ мѣръ прошивъ спѣснительныхъ и безъ того успановленій миссіи. Такая гордоспъ возбудила жестокое негодованіе Миссіонеровъ, но, несмѣя возспашъ прошивъ воли Правительницы, споль упрямо изъявленной, они рѣшились шерпѣшь и ждашь вознагражденія въ будущемъ. На Таиши-собспвенно ничего нельзя было прошивопоспавишь владычеспву Вагине; шѣмъ ревностнѣе выискивали всѣ случаи возспавашъ прошивъ нея внѣ предѣловъ Таишскаго оспрова. Вошъ одно изъ замѣчательныхъ собышій сего рода: осенью 1822 года, Вагине рѣшилась посѣшншь союзника своего Магине, власнишеля оспрова Вагине, и прожила у него нѣсколько недѣль, окруженная Дворомъ своимъ. Однажды понадобилось ей на чтошо дерево; увидѣвъ въ загородкѣ у одного оспровишянина именно шакое, какое ей надобно было, правительница велѣла срубишь его. Хозяинъ дерева, нѣкшо *Тегуе*, пожаловался на нее судѣ; шопъ принялъ жалобу, и на другой день назначилъ призывъ въ судъ обѣихъ споронъ. Увѣдомленная, что ей должно явишься къ ошвѣшу, Вагине горделиво

предстала на мѣстѣ судилища, къ отной сѣвкѣ съ бѣднымъ жалобщикомъ. Судья, по имени *Ори*, сидѣлъ на рогожкѣ, подъ тѣнью кокосника. Онъ допросилъ сначала обиженного, требовавшего удовлетворенія за похищеніе его собственности. Обращаясь пошомъ къ правительницѣ *Таини*—«Приказывала-ли ты срубить дерево?» спросилъ судья. — Да. — «Знаешь-ли ты законъ, запрещающій такое дѣло?» — Знаю, но я выше закона.—«Гдѣ-же это написано? Вошъ списокъ нашихъ законовъ: покажи мнѣ, гдѣ тушъ означено, что кто-бы то ни былъ, исключается изъ всякой отвѣтственности законной?» — Вагине взяла книгу и не знала какъ отвѣчать. Видя, что хошашъ начинать судъ обыкновеннымъ порядкомъ, она рѣшилась кончить его платою обиженному, послала служителя за деньгами, и положила передъ судьей мѣшокъ пѣспровъ, прося его заплашить *Тегуе* убытки. «Этого недостаточно» — отвѣчалъ судья. Боясь, что дальнѣйшій судъ нанесетъ ей публичный позоръ, Вагине заплакала.—«Еще-ли думаешь, что ты выше закона, и полагаешь, что имѣла право срубить дерево, неспрашивая позволенія хозяина?» — Нѣтъ! вижу, что я ошибалась.—«Хорошо. Скажи теперь, *Тегуе*, какого желаешь ты удовлетворенія?»—Если правительница признается—отвѣчалъ жалобщикъ—что она была неправа, срубивъ дерево у меня, беззащитнаго бѣдняка, вижу доказательство, что она nebude въпредѣ поступать такимъ образомъ; этого довольно, и больше никакого удовлетворенія требовать я нехочу. — Все собраніе привѣт-

спивовало похвалами безкорыстїе Тегуе, и судъ кончился. Вагине удалась приспыженная и униженная. Только эшого и желали Миссіонеры. Ихъ поведеніе въ семъ случаѣ было соображено съ системою преобразованія, какую принимали они. До сихъ поръ, обладателями всего на Таишскихъ оспровахъ были арреои; народъ трудился и рабспивовалъ Таишскому чиноначалію неимѣя собспвенно никакого достоянія. Осудили правительницу за то, что она покусилась завладѣть имѣніемъ просполюдина, значило на дѣлѣ показати новый законъ, по копорому гражданскія права собспвенности распроспранялись на всѣхъ безъ различія. Обращая вниманіе народа на идеи, дошолъ ему неизвѣстныя, Миссіонеры вознаграждали его за пожертвованія, какія приносилъ имъ народъ—уничтоженіе идольскихъ праздникоу, плясокъ, пьянспва, игръ, что все было спрого запрещаемо, и чѣмъ ушѣшали себя прежде просполюдины за шяжкое рабспво и безнадежность жизни. Эту систему приняли Миссіонеры во всѣхъ дѣлахъ своихъ—вознаграждають однимъ за другое, раздѣляють и власпвовать дѣленіемъ, ошнимають у одного и давають другому, благочестіе и привязанность къ религіи почишають единспвеннымъ знакомъ дошпоинства, имѣють припомъ за всѣми тайное соглядатайспво, словомъ — тайно и явно вести все къ шому, чшобы дѣйспвительная власпъ на Таиши была ихъ власпью.

Немного Европейскихъ кораблей, копорыхъ имена и приключенія были-бы достойны памяти, посѣщали Таиши съ 1816-го до 1823 года. Въ 1820

году приспавалъ къ острову Русскій мореплава-
шель *Биллингсгаузенъ*. Но пребываніе двухъ началь-
ствуемыхъ имъ кораблей въ Мапавайской гавани
неознаменовалось ничѣмъ особеннымъ. Французскій
мореплавашель *Дюперре*, съ кораблемъ своимъ *Ра-*
ковиною, прибылъ въ Мапавай въ Маѣ 1823 года.
Здѣсь пробылъ онъ при недѣли, употребивъ все
это время на наблюденія и изслѣдованія. Донынѣ
неизвѣстны еще публикѣ подробносши путешествія
Дюперре. Имѣя передъ глазами журналъ одного
изъ соупниковъ Французскаго мореплавателя, мы
извлекаемъ нѣсколько подробностей для любопыш-
ства нашихъ читателей, шѣмъ болѣе, что здѣсь,
въ краткомъ очеркѣ, схвачена тогдашняя физіогно-
мія Таиши.

« При самомъ прибытіи нашемъ къ острову, по-
ложено было открыть вновь учрежденныя на Таи-
ши народныя собранія, и 13-го Мая отправлена
была прежде всего божественная служба, для благо-
словенія новаго дѣла. Любопышствуя видѣть это
шоржество, мы отправились съ Миссіонерами Виль-
сономъ, Беннепомъ, и многими нашими офицерами.
По прибытіи нашемъ въ Папава, я увидѣлъ шузем-
цевъ, мужчинъ и женщинъ, идущихъ двумя строй-
ными рядами, въ глубокомъ молчаніи, къ церкви.
Можно было почестъ эту толпу народа собраніемъ
набожныхъ пилигримовъ, идущихъ на совершеніе
религіознаго обряда, видя всѣхъ ихъ одѣтыхъ въ
черныя плащя. Въ церкви каждый спалъ на мѣстѣ,
отведенномъ его округу и уѣзду. Весь обширный
храмъ, состоявшій изъ сарая, на 700 фушовъ въ

длину, былъ наполненъ народомъ, и несмотря на стеченіе столь многочисленное, царствовало повсюду такое благоговѣйное молчаніе, что ни въ одномъ углу не лѣзя было проронить ни одного слова проповѣдниковъ. Служеніе началось въ десянь часовъ утра духовнымъ гимномъ, кошорый хоромъ пѣло все собраніе. Послѣ сего прочитали нѣсколь- ко ошривковъ изъ Дѣяній Апостольскихъ. Нако- нецъ, миссіонеръ Барфъ говорилъ продолжительную рѣчь, на шекстъ изъ пророка Ісаи. Его вырази- тельное и вняшно произнесенное всшупленіе, каза- лось, произвело сильное впечатлѣніе на слушае- лей. Нѣкоторые изъ присушествовавшихъ спарались наскоро записывать на клочкахъ бумаги мѣсна про- повѣди, наиболѣе ихъ поразившія. Царское семей- ство присушествовало въ храмѣ, но безъ всякаго особеннаго опличія, замѣшанное среди другихъ ошпровишянъ. Инспекторъ миссіи, Беннетъ, ука- залъ мнѣ всѣ значительныя лица Таиши: Таши, Гишоши, Упа-Пару, Ушами, и другихъ, имена ко- торыхъ были мнѣ извѣсны изъ рассказовъ о собы- тіяхъ, происходившихъ въ послѣднее время.

«По окончаніи служенія, насъ проводили къ спо- лу, приготошвленному подъ шашромъ правишель- ницы, вблизи гробницы Помаре II-го. Скамейки, ко- робья, просто доски, служили вмѣсто кресель и спульевъ. Столь былъ засшавленъ кушаньемъ, пло- дами хлѣбнаго дерева, свиньями, пшпцею. Между всѣмъ эшимъ разспавлены были графины съ ромомъ и кокосовою водою. Настоящими хозяевами пира, даже по наружносши, небыли ни правишельница,

ни члены царскаго семейства, но Миссіонеры, сидѣвшіе отдѣльно съ своими семействами, на почетныхъ мѣстахъ. Царское семейство и начальники были удалены на конецъ стола, и если-бы мы сами неприблизились къ нимъ, неспоспешались изъяснивъ имъ знаковъ всевозможнаго уваженія и пріязни, они казались-бы посторонними гостями, а не распорядителями нашего угощенія. Ласковое обращеніе наше чрезвычайно обрадовало ихъ; вообще всѣ они показались намъ людьми умными, привѣжливыми, способными ко всему, если-бы своекорыстіе Миссіонеровъ незаспавляло нарочно пренебрегашъ ихъ образованіемъ. Юный Помаре и молодая Аимапа, какъ по всему можно было замѣтивъ, особенно одарены были умомъ и способностями превосходными.

«На другой день открылись засѣданія Таишскаго парламента, или конгресса. Только рисовальщикъ нашъ, Г-нъ Лежёнъ, присушествовалъ при этомъ собраніи. Оно продолжалось нѣсколько часовъ, и многіе изъ Таишскихъ начальниковъ говорили при семъ случаѣ рѣчи. Краснорѣчивѣйшимъ ораторомъ изъ всѣхъ оказался Тапи. Главнымъ предметомъ рѣчи его былъ споръ о поголовномъ сборѣ съ оспровишянъ, по пяти бамбуковинъ кокосоваго масла съ cadaго человека. Пошомъ шли сужденія о подавяхъ, въ пользу Царя и въ пользу Миссіонеровъ. Мы узнали въ послѣдствіи, что при раздѣленіи голосовъ первая часть вопроса была принята утвердительно, но вторую, относящуюся до Миссіонеровъ, оставили впредъ до рѣшенія,

пошому что Миссіонеры предвидѣли ошказъ. Около чешырехъ тысячъ челоѣкъ присушсвовали при семъ случаѣ и учаспвовали въ совѣщаніяхъ конгресса. »

Послѣ Дюперре посѣшилъ Таиши Русскій мореплавашель *Коцебу*. Сужденія сего путешественника о дѣлахъ и распоряженіяхъ Тайпскихъ Миссіонеровъ были особенно спрогои. Онъ рѣшишельно осуждалъ Миссіонеровъ. Всего болѣе порицалъ Коцебу неумѣстную и взыскашельную спрогоспъ Тайпскихъ проповѣдниковъ, присвоившихъ себѣ власпъ судей надъ совѣспью и поступками пуземцевъ. Коцебу приводилъ многіе примѣры въ подпвержденіе своего мнѣнія. Такъ рассказываетъ онъ , что когда одинъ оспровишянинъ укралъ рубашку у Русскаго мапроза , то , несмошря на прощеніе Русскаго Капишана, на его заступленіе и просьбу пощадишь вора, бѣдняка связали и ошправили на рабошу. Только ошъ одного могъ спасши его Русскій Капишанъ—наказанія плешми. Неменѣ спрогое наказаніе опредѣлено было Миссіонерами за прегрѣщенія прошивъ седьмой заповѣди. Бѣдныхъ Таишянки, нѣкогда споль шаловливыя, споль вольныя въ обхожденіи съ мужчинами, неизмѣнивъ прежнихъ наклонноспей, изъ спраха принуждены были казапъся набожными жеманницами; жеспокое наказаніе преслѣдовало ихъ за малѣйшую шалоспъ съ Европейскими мореходцами.

Апрѣля 24-го , 1824 года , малолѣшный Помаре III-й, воспитанникъ Миссіонеровъ, былъ коронованъ

въ торжественномъ собраніи островитянъ. Начальникъ миссіи, Девисъ, принялъ управленіе всѣми дѣлами во имя Царя, давъ клятву, что будетъ управлять крошко и правосудно, по закону и слову Божію. При семъ торжествѣ объявлено было общее прощеніе, и всѣ бывшіе дошолѣ въ изгнаніи получили дозволеніе возвратиться на Таиши. Миссіонеры надѣялись владычества непрекословнаго и полнаго; но мечта ихъ, положишь съ сего времени въ основаніе еокрапическій деспотизмъ, вскорѣ разрушилась неожиданнымъ событіемъ. Помаре былъ отвезенъ на Эimeo, гдѣ помѣстили его на воспитаніе въ Академію Южнаго Океана (South-Sea), основанную Миссіонерами, и начальствуемую паспоромъ Ормондомъ. Въ Декабрѣ 1826 года, оказалась на Эimeo заразительная болѣзнь; одною изъ первыхъ жертвъ ея былъ малолѣтній Царь Таишскій; онъ умеръ на рукахъ своей матери, 44-го Января 1827 года.

Пользуясь крашкременнымъ полнымъ владычествомъ, Миссіонеры успѣли ввести важное измѣненіе въ государственныхъ постановленіяхъ Таиши, учредивъ родъ національнаго представительства, и тѣмъ уничтоживъ навсегда неограниченную власть различныхъ власпишелей на островахъ. Положено было, что депутаты различныхъ округовъ должны будутъ ошнынѣ собираться разъ въ годъ, и разсуждать объ улучшеніи всѣхъ частей законодательства. Эти депутаты должны были избираться всѣми шужемцами по большинству голосовъ, и пользоваться правами своими три года.

Сначала число депутатовъ было ограничено двумя отъ каждого округа, но собранію предоставлена власть увеличить сіе число до трехъ и четырехъ, если оно признаетъ такую мѣру полезною. Утверждено было, что съ того времени никакое уснановленіе не имѣетъ силы, если неутвердитъ его согласіе депутатовъ, предлагаемое каждый разъ на утвержденіе Царя. Такимъ образомъ на Таиши составилось нѣчто подобное Англійскимъ Парламентамъ.

Въ засѣданіяхъ 1826 года, Таишскій парламентъ издалъ различные новые законы, и между прочимъ одинъ, по которому осуждался на пеню 30-ти долларовъ каждый Европейскій капитанъ, оставившій кого нибудь изъ своихъ матрозовъ, или людей своего экипажа на Таиши, безъ позволенія начальника округа. Пена должнствовала бытъ раздѣлена слѣдующимъ образомъ: 20-ть долларовъ въ казну Царя, 6-ть начальнику округа, 4-ре тому туземцу, который представишь оставленнаго Европейца правительству. Каждого тайно укрывшагося на островѣ жители обязаны были опыскивать и представлять немедленно. Туземецъ, остановившій Европейскаго бѣглеца, получаетъ восемь долларовъ, если бѣглецъ схваченъ имъ на берегу, и пятнадцать, если онъ пойманъ во внутренности острова. Европейецъ, опысканный послѣ опплытія корабля, съ котораго онъ укрылся, подвергается работѣ, именно, обязывается обработать 50-ть шуазовъ дороги. Цѣль такого постановленія Миссіонеровъ была понятна: они хотѣли оградить себя этими

средствами опъ вліянiя, какое имѣли до шѣхъ поръ на Таишянь Европейскіе поселенцы, непринадлежавшіе къ миссіи, купцы, спекулянты, искатели приключеній, военные люди, остававшіеся на островѣ и подрывавшіе своими совѣтами власшь Миссіонеровъ.

Капитанъ Бичей, посѣтившій Таишскій архипелагъ въ 1826 году, отдавая полную справедливосшь благочеспию и заботливоспи Миссіонеровъ, ихъ многоразличнымъ и многочисленнымъ трудамъ, говоритъ однакожь въ своемъ описаніи, что излишній пурипанизмъ Миссіонеровъ оспановилъ рѣшительно политическое и торговое образованіе общественноспи на Таиши. «Соображая успѣхи, вообще сдѣланные Таишянами въ государственномъ правленіи — говоритъ Бичей — учрежденіе новыхъ постановленій между туземцами, изданіе законовъ, можно ожидать, что въ будущемъ принесетъ все это благіе плоды. Но теперь Таиши находящся въ положеніи нерѣшительномъ. Туземцы не только нейдутъ впередъ, въ отношеніи промышленности и народнаго богатства, но они лишились даже многоаго, что прежде способствовало ихъ благоденствію и удобствамъ жизни.»

По кончинѣ Помаре III-го, исторія Таиши не представила донинѣ ничего замѣчательнаго. Намѣсто умершаго Царя возведена была юная сестра его Аимаша, послѣдній остатокъ Царскаго семейства Помаре. Она получила имя *Помаре-Вагине I-й*. Тетка ея объявлена была правительницею. Парламентъ Таишскій продолжаетъ собираться ежегод-

но, но засѣданія его вообще неважны и незначительны. Послѣдній замѣчательный мореплаватель, посѣщавшій Таиши, былъ Капитанъ *Валдегравъ*, остановившійся близъ острова въ Апрѣлѣ 1830 года. Онъ нашелъ общество на Таиши въ состояніи снраннаго перехода отъ прежнихъ обычаевъ, при неопредѣленномъ и смѣшанномъ понятіи касательно всѣхъ нововведеній. Таиши являлъ сшибку идей и мнѣній въ самомъ правленіи, полууничтоженныя права прежняго неограниченнаго деспотизма, полувозникшія права простолудиновъ, и надъ всѣмъ этимъ неограниченную власть Миссіонеровъ; они особенно занимались въ то время торговлею, завладѣли монополіею продажи запасовъ Европейцамъ, и старались присовокупить къ этому монополію кокосоваго масла и арровъ-рупа; взяли также на себя обязанность маклеровъ, подрядчиковъ. Царское семейство получило отъ нихъ за все это полную свободу въ частной жизни, и, скрываясь отъ народа, молодая Царица неподавала примѣра добраго поведенія. Общій соблазнъ умножало еще то, что мужъ ея, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, необыкновенный полсмякъ, и пошому прозванный *Помаре-Обу-Раги* (Помаре полсдобрюхій), незаботился о поступкахъ жены своей, и хладнокровно участвовалъ въ гульбѣ и шалостяхъ Двора, какъ будто дѣло вовсе до него не касалось. . . .

ГЛАВА LXI.

ОСТРОВА ТАИТСКІЕ.—НРАВЫ, ОБЫЧАИ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Изъ всего, мною рассказаннаго, можно понять, что въ фیزیологическомъ отношеніи должно понимать два Таиши: одинъ при открытіи его, другой нынѣшній. Первый — перло Полинезіи, былъ тогда населенъ красивымъ, прекраснымъ племенемъ; другой, съ признаками вырожденія и упадка, едва кое-какъ представляешь немногіе остатки преждебывшаго населенія.

Общій цвѣтъ кожи Таишянъ оливковый, или бронзовый, съ множествомъ пятенъ, съ желто-свѣтлаго цвѣта кожи спаршинъ до темнаго просолодиновъ. Пропорціи вообще прекрасныя; видъ добрый и упреждающій. Лицевой уголъ открытый, какъ у Европейцевъ, если не жимали лба и заплата въ младенчествѣ, что бываетъ въ обычаѣ у махерей, предназначающихъ дѣтей своихъ для военнаго занятія. Другія отличія Таи-

пьянъ: лобъ, иногда низкій, чаще высокій и хорошо образованный; брови черныя, хорошо очеркнутыя, несколько дугою, сколько прямою линією; глаза рѣдко большіе, но блестящіе, и какъ смоль черные; скулы невыдавшіяся; носъ прямой и орлиный, иногда съ оплутыми ноздрями, и въ старину приплюскиваемый кормилицами, ибо это находили красивымъ; ротъ хорошо обрисованный, но съ толстыми губами; зубы здоровые, немного широкіе, бѣлизны ослѣпительной и весьма прочные; уши большіе; подбородокъ наиболѣе острый; лицо круглое, иногда угловатое, какъ у Ташаръ, но профилемъ похожее на Европейское; волосы черные, блестящіе, гладкіе, или курчавые, но не руноподобные. Ростъ мужчинъ вообще средній; только старшины образовывающъ особенную породу, племя Папагоновъ.

Бѣлизна кожи совсѣмъ несоставляла для Таитянъ предмета заботы; по ихъ мнѣнію, темный цвѣтъ показывалъ силу, а бѣлый слабость. Поэтому незаботились они сохраняя себя отъ солнца. На поляхъ битвы рубили они самыхъ шемныхъ людей, чѣмъ подѣлать потомъ изъ костей ихъ ножицы, иглы, шилья, уди, полагая, что кости шемныхъ людей прочнѣе свѣтло-цвѣтныхъ. Элись разсказывающъ, что видя челоуѣка цвѣтнаго, дикари обыкновенно говаривали: *Тагата ра е, те ере ере!* *Иви маитаа тона* (эшакой чернякъ! какія славныя кости)! «Складъ Европейцевъ всегда казался имъ хуже ихъ склада, и если изъ пріѣзжихъ мапрозовъ встрѣчали они здоровяка, складнаго и сильнаго по виду — «Вотъ красавецъ — повноряли пуземцы—

жалъ, что онъ не Таишянинъ!» Долгое время близна кожи почиалась даже между ними признакомъ болѣзни.

Всѣ путешественники говорили о миролюбивыхъ и гостепріимныхъ нравахъ Таишянъ, добродушіи ихъ, веселости, кропоси. Хопя измѣненные послѣ опкрытія острова опъ сношеній съ Европейцами, качесства сіи находяпся еще въ привычкахъ и характерѣ нынѣшнихъ Таишянъ. За то главный прежній недоспашокъ ихъ—воровство уничтожилось съ болѣе ясными понятіями о собственности. Впрочемъ, едва-ли непреодолимую наклонность опровишянъ здѣшнихъ къ хищенію недолжно было наиболѣе приписывать изумительной новоси предметовъ, видѣнныхъ ими на Европейскихъ корабляхъ, и великой цѣнѣ, какую предполагали они для малѣйшей бездѣлки, шила, гвоздика, нешолько ножа, или шопора.

Несмотря на врожденную беспечность и склонность къ забавамъ, руководѣлья небыли у Таишянъ въ грубомъ состояніи дикоси. Ихъ дома, лодки, украшенія во времена Кука доказывали, напрошивъ, нѣкоторую степень ловкости въ работѣ и смысленность работниковъ. Но за то до сихъ поръ невелика остается надежда на Таишское племя, легко достигающее до познаній нисшей степени, но неумѣющее возвыситься далѣе.

Ничего достовѣрнаго незнаемъ мы касательно происхожденія Таишянскаго. Только смѣшенные преданія найдены были между туземцами. Легенда,

записанная Барфомъ, говоришь, что пятое поколѣніе разумныхъ существъ, созданныхъ Таароа и Гина (двумя божествами-создателями), называлось *Рагу тагата и те ао іа тии* (порядокъ міра, или шіи). Вотъ что произошло между этими двумя божествами. Гина сказала Таароа: «Какъ добышь человѣка? Боги день и ночь установлены, а человѣковъ нѣтъ!»—На сіе Таароа отвѣчалъ: «Спупай на берегъ и во внутренность земли; сыщи моего брата.»—Я была уже во внутренности и тамъ никого нѣтъ.—«Спупай въ моря—можешь бышь, онъ тамъ будетъ, или на землю, и онъ будетъ на землѣ.»—Кто въ морѣ?—«Тиимаа-Раапай.»—Кто эшотъ Тиимаа-Раапай? Не человѣкъ-ли?—«Человѣкъ и швой братъ—иди въ море и ищи его.» Опустивъ такимъ образомъ богиню, Таароа спалъ думая о средствахъ образованъ человѣка, и для сего взялъ онъ сущность и форму; потомъ пошелъ на землю. Гина встрѣшила его, не узнала, и сказала ему: «Кто ты?»—Я Тии-Маараа.—«Гдѣ ты былъ? Вездѣ я искала тебя, и въ морѣ искала, и тамъ тебя небыло.»—Я былъ у себя, и такъ какъ вотъ ты моя сестра, то пойдемъ ко мнѣ.—Хорошо, и такъ, какъ ты мой братъ, проживемъ вмѣстѣ.—Онъ и она спали живъ какъ мужъ и жена, и сынъ рожденный Гиною, назвался Таи. То былъ первый человѣкъ. Потомъ у Гины была дочь, названная Гина-ереере-Монои. Она сдѣлалась женою Тии, и родила ему сына, названнаго Тааша—слово, съ нѣкоторыми измѣненіями, значащее во всей Полинезійи человѣка. Гина, дочь и жена Таароа, ба-

бушка Таапа, превратилась въ прекрасную, молодую дѣвушку, соединилась еще съ своимъ внукомъ, и родила отъ него Уру и Фана, настоящихъ основателей человѣческаго рода.

Другое преданіе кажется намъ чѣмъ-то особеннымъ. Его передалъ намъ миссіонеръ Эллисъ. По сему преданію, Таароа, по созданіи свѣта, образовалъ человѣка изъ *араа* (красной земли), служившей и пищею новому созданію, пока появилось хлѣбное дерево. Однажды Таароа навелъ на свое созданіе глубокій сонъ, взялъ изъ него *иви* (кость), и изъ этой иви сдѣлалъ женщину. Онъ и она были родоначальниками человѣковъ. Пересказывая все это съ словъ туземцевъ, Эллисъ даетъ однакожь замѣшпъ, касательно второй половины разсказа, что *иви* значптъ не только *кость*, но еще *вдову*, и *жертву*, *убитую на сраженіи*.

Неменьше различны преданія Таишянъ о происхожденіи домашнихъ живошныхъ, найденныхъ у нихъ при открытіи ихъ острова Европейцами. По однимъ, всѣ живошныя перевезены были къ нимъ отъ западныхъ народовъ; по другимъ, это само-бышнее продолженіе дѣлъ Таароа, который, послѣ человѣка, сдѣлалъ чешвероногихъ для земли, птицъ для воздуха и рыбъ для воды. Есть еще легенда, будто жилъ когда-то, въ старое время, старикъ, могущій и мудрый, жилъ, жилъ, умеръ, и изъ его гнѣющаго шѣла родилась свинья, населившая Таиши свиньями. Замѣшимъ, что дикари предполагали въ свиньяхъ особенныя души, которымъ послѣ смерти свиней назначалось особенное мѣсто, *офе уна*.

Свиньи составляли важный предметъ для дикарей. Каждой давалось особенное имя, какъ будто человеку, только имена свиней бывали неизмѣняемы, а человѣческія перемѣнялись при каждомъ возрастѣ.

У Таишянъ были преданія о всеобщемъ потопѣ. Таароа, первый изъ боговъ, разсердился однажды на землю и бросилъ ее въ море. Все поглотилось волнами моря, кромѣ немногихъ *ауру*, или высокихъ мѣстъ, оставшихся сверхъ моря, и образовавшихъ нынѣшніе острова. Сей рассказъ принадлежалъ островамъ восточнымъ. На западныхъ былъ другой. Богъ воды, Руа-Гапу, спалъ однажды въ глубинѣ моря, на своей коралловой постелѣ, когда рыбакъ осмѣлился приплыть на мѣсто его покоя, хотя оно и было табу. Закинувъ свою уду, зацѣпилъ оно его за волосы бога. Рыбакъ думалъ, что попалась славная добыча, тянулъ, шакъ сильно, что вытащилъ Руа-Гапу на поверхность моря, взбѣшеннаго шѣмъ, что ему помѣшали опдохнуть. «Ты погибнешь!» говорилъ Таишскій Непшунъ. «Проси, проси!» умолялъ его рыбакъ, въ испугѣ бросившись на колѣни. Богъ смиловался, но просивъ рыбака, хотѣлъ укрѣпить свою досаду надъ островами. Положено бытъ пощопу. Милосердуя надъ несчастнымъ рыбакомъ, онъ указалъ ему на островъ съ утесами, именуемый Тоа-Марама, находящійся на востокъ отъ Раіапсеа. Бѣднякъ ушелъ туда съ однимъ другимъ, свиньею, собакою и парой курицъ. Только что пристали они къ назначенной землѣ, разыгрался океанъ, на-

чалъ все шопить, и напрасно бѣжали отъ него люди; океанъ безпрестанно подымался, пока всѣ люди погибли. Совершилось дѣло разрушенія; воды схлынули; рыбакъ явился на родину съ своими товарищами, и какимъ-то образомъ развелъ опять людей, собакъ, свиней и куриць. Всего непонятнѣе шупъ: почему оспровомъ спасенія называется утесъ, едва возвышайся надъ моремъ, когда полагающъ пошонувшими всѣ другіе высокіе оспрова? На шакое возраженіе оспровишяне отвѣчаютъ, что шакъ было, и явнымъ признакомъ пошона почишающъ они мадрепоровыя глыбы и раковины, находимыя на самыхъ высокихъ горахъ. «Только морскія волны могли занесшъ ихъ шуда,» говорятъ они.

Оспровъ Раіашеа, кажется, былъ самымъ важнымъ мѣстомъ архипелага для религіозныхъ преданій. Тутъ живали прежде провозвѣстники, изъ копорыхъ многіе назывались *мави*. Одинъ изъ самыхъ знаменимыхъ мави предвѣщалъ, что въ грядущихъ вѣкахъ *вага ама оре* (лодка безъ перевѣса) пристанешъ къ Таишскимъ оспровамъ изъ ошдаленной земли. Такая лодка казалась дикарямъ несбыточнымъ дѣломъ. Пошому, при жизни предвѣщателя словамъ его вообще невѣрили. Но онъ наспоялъ, и бросивъ свою *умате* (деревянную чашку) въ озеро, сказалъ, что шакъ будешъ плавашъ чудная лодка. Преданіе переходило изъ рода въ родъ, до самаго прибышя Европейцевъ. Когда Европейскіе корабли явились подлѣ оспрововъ, ихъ почли сначала плывучими землями, обшалищемъ боговъ,

громъ бросающихъ , но разсмотрѣвъ лучше ихъ устройство , всѣ дикари заговорили : *Те вага а мави , тевага ама оре* (вошъ лодки мави , вошъ лодки безъ перевѣса)!» Тутъ всѣ увѣрились въ слова предвѣщающаго. У Тайшянъ было и другое предвѣщаніе , что приплыветъ лодка безъ снастей , и теперь , когда они уже видѣли событіе одного чуда , дикари крѣпко увѣрены въ исполненіи второго предвѣщанія. Если мави говорили вѣрно одно , какъ солгать имъ о другомъ? Осмѣялся , прибавляешь г-нъ Эллисъ , явишься у Тайши пароходу , и оракуль мави будетъ исполненъ.

Родословіе Царей Тайшскихъ , по преданію , восходило до боговъ. Поэтому личность Царей была священнымъ *табу* , и всѣ члены царскаго семейства превышали всякихъ другихъ знашныхъ людей. Богъ и Царь соединялись для Тайшянъ въ особѣ ихъ власпишеля , и обладая при томъ званіемъ Великаго жреца , Царь соединялъ въ себѣ всѣ власпи и почести. Настоящее названіе Царя было *аріи-раги* , или *аріи-табу* , а *оту* было только названіе уже дѣйствительно царствующей особы.

Какъ на Гаваяхъ , общественное дѣленіе состояло прозякое : *гуи-аріи* , заключавшее въ себѣ Царское семейство и знашныхъ людей ; *буе-раатира* , обнимавшее владѣльцевъ , или главнѣйшихъ мызниковъ , и наконецъ *мана-гуи* , просионародье. Всѣ сии три званія подраздѣлялись еще , и самое послѣднее опдѣленіе были *тити* , рабы , и *теутеу* , слуги. Первыми называли плѣнниковъ , взятыхъ на вой-

нѣ, которымъ подарена была жизнь, или обипаше-
 лей покоренныхъ и завоеванныхъ земель. Эпихъ
 несчастныхъ можно было уподобить дичи, всегда
 гошовой на жертвоприношенія. Впрочемъ, съ ними
 обходились крошко и иногда давали имъ даже
 вольноснѣ. Теушеу были люди, неимѣвшіе помѣ-
 шьевъ и принужденные служишь изъ найма дру-
 гимъ. Обезлюдненіе острововъ сдѣлало нынѣ сіе
 званіе весьма малочисленнымъ. Ремесленники и ры-
 баки иногда считались въ званіи теушеу, иногда
 раашира. Сіи послѣдніе были шѣ, кто могъ вести
 жизнь независимую, какъ-то: владѣльцы земель и
 исправлявшіе благородныя занятія. Большая посте-
 пенность существовала въ раашира; одни облада-
 ли многимъ, другіе малымъ: одни были опдапчики,
 другіе наемщики (*rentiers, fermiers*); это званіе
 составляло живительную часть общества; през-
 вѣе, рабочящѣе, нравственнѣе своихъ старшинъ,
 оно плодотворило Таиши своею дѣятельностью и
 шрудомъ. Говоря фигурнымъ языкомъ, дикари имѣ-
 ли присловіе: «Таиши корабль, Царь его мачта,
 Раашира снаспи.» Раашира были также воинами и
 жрецами. Надъ ними возвышались *гуи-аріи*, или
 члены царскаго семейства, пользовавшіеся безмѣр-
 нымъ уваженіемъ и множествомъ преимуществъ.
 Гордые своими опличіями, они стерегли ихъ,
 какъ Жидъ стережетъ сокровище, и щадительно
 наблюдали, чтобы какой нибудь выскочка не забѣ-
 жалъ въ ихъ кашу; всѣ дѣши отъ брака гуи-аріи
 съ женщиною низшаго званія были немилосердо
 умерщвляемы.

Вопшъ какъ учреждалось общесшвенное чиноначаліе: прежде всего шли Царь, Царица, брашья Царя, какъ ближайшіе кровные. Царсшво было наслѣдное, переходя и въ женское колѣно. Самый спранный обычай Таишянъ состоялъ въ принужденномъ опказѣ власши опцу, послѣ рожденія сына. Опець самъ объявлялъ о своемъ низложеніи, и приказывалъ носить по остроу царскую хоругвь съ гербомъ своего сына; повсюду, гдѣ хоругвь проносили безопасно, значило, что народъ признаетъ власшъ, но гдѣ ее раздирали, это означало буншъ и войну.

По воцареніи юнаго власшишеля, учреждали Дворъ его. Разумѣется, что власшъ Царя была въ семъ случаѣ только номинальная (по имени). На дѣлѣ продолжалъ царсшвовашъ опець. Кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ знаковъ почеша, на всѣхъ налагаемаго, все осшальное—правленіе, чесшъ, почешъ, подаши принадлежали регеншу. Сшоль спранный обычай касался нешолько царскаго семейсшва, но былъ неизмѣненъ для всѣхъ семейсшвъ гуи-аріи, и даже раашира. Хошя весьма древній, онъ немогъ бышъ ничѣмъ удовлетворишельно оправданъ. Конечно, давалъ онъ правамъ наслѣдсшва и передачѣ званія и собсшвенности силу и важность особенныя, но съ другой стороны былъ онъ ужаснымъ поводомъ къ дѣшоубійсшву, и источникъ бѣдсшвій и обезлюдненія.

Царь и Царица никогда неходили. У нихъ были ношашаи, плеча кошорыхъ замѣняли имъ собсшвенныя ноги. Во время пушешесшвій дѣлали они ша-

кимъ образомъ въ одинъ часъ по двѣ лѣ перехода, несомые силачами, перемѣнявшимися отъ одного мѣсна до другаго. Пересадка драгоценной ноши съ однихъ плечъ на другія производилась въ одно мгновеніе. Одинъ ношашай наклонялся, чтобы спустить съ себя, другой, чтобы принять на себя бремя неогнненое, и Царь, или Царица ловко перескакивали съ плечъ на плеча. Такой образъ путешествія, запрещенный всѣмъ другимъ аріи, назывался *амо*, или *вага*.

Величайшимъ знакомъ почтенія къ Царю и Царицѣ считалось обнаженіе шѣла въ ихъ присушствіи. Знашные и народъ неосвобождались равно отъ сей обязанности. Едва раздавался кличъ: *Те аріи* (Вонъ Царь)! надлежало привести себя въ сошпояніе совершенной нагошы, и оставаться такъ, пока Царь будетъ пронесенъ мимо. Если, по забывчивости, или по дерзости, кто нибудь не исполнялъ обряда почтенія—плашье его раздирали немедленно. Идя мимо Царскаго мѣснопробыванія, означаемого *тін*, или деревяннымъ болваномъ, требовалась такая-же церемонія.

Великолѣпно осправлялось воцареніе власшишеля. Различаясь въ разныя времена, обыкновенно совершалось оно, когда государь доспигалъ 48-ти лѣтняго возраста. Всегда предшествовали этому какія нибудь чудеса, какъ-то: внезапное и неожиданное выростаніе дерева, или шому подобное. Великій опличительный знакъ царской одежды состояла *маро-ура*, шѣсная опояска, изъ волоконъ, выбишыхъ изъ расшенія *ава*, переплешенныхъ съ *ура*,

или красными перьями, взятыми съ идоловъ. Черезъ сіи перья передавались Царю принадлежности божества. Во все время, упошребляемое на сошканіе великаго маро, непрерывно приносили на жершву людей.

Когда все было гошово для церемоніи, шесшвіе ошправлялось шоржесшвенно въ морай Оро. Идола сдвигали шамъ на другое мѣсто, а на его обыкновенномъ сѣдалищѣ, деревянной фигурной скамейкѣ, учреждали сѣдалище Царю. Едва Царь садился шушъ, Тари-муа (первосвященникъ), послѣдуемый Миро-Тагуа (жрецами), съ большимъ шамшамомъ, шрубамн, разными звучными орудіями, и съ *тапа-ау* на рукѣ (родъ украшенія изъ кокосовыхъ листьевъ), поднималъ идола и несъ его изъ храма, среди двухъ рядовъ почшншельныхъ обожашелсей. Шесшвіе ошправлялось къ приморью, и Оро вносили въ священную лодку, кошорую легко можно было узнать по ея переплешеннымъ шапаау. По данному знаку, Царь, дошолѣ ошшававшійся неподвижно на мѣстѣ идола, поднимался, бралъ вѣшвъ священнаго *меро*, срубленную внутри морая, шель къ морю, купался и омывался шамъ. Совершивъ свое омовеніе, входилъ онъ въ лодку, гдѣ Тари-муа препоясывалъ его маро-уромъ, и призывалъ благословеніе бога словами: «Распространи власш Царя на моря близъ священнаго ошшрова.» Толпа народа, сшоявшая на берегу, привѣшшвовала между шѣмъ совершеніе обряда кликами: «Маева аріи, Маева аріи,» и эшо громогласное *vivat* сопровождало лодки, плававшія въ шо время около береговъ.

Даже морскія чудовища почивали долгомъ явившись для изъявленія своей покорности новому владыкѣ земли и моря. Два обоготворенные рекина, Туумао и Тамгуи, всегда были замѣчаемы приближавшимися къ Царю, пока онъ омывался, и своимъ приходомъ, какъ шолковали эшо жрецы, поздравляли они власпишеля съ началомъ власпи и почешей. Должно думать, что привѣшествовіе эшихъ поклонниковъ допускалось только на извѣстномъ разстояніи. Послѣ плаванія по морю, Царь возвращался на берегъ, и ложился на кровати Оро, положивъ голову на священную подушку *тафеу*, обрубокъ фигурнаго вида. Четыре носильщика, члены царскаго семейства, поднимали его и несли къ великому храму *табу-табу-атеа*. Жрецы провожали ихъ съ своими музыкальными орудіями, а за ними шли начальники и народъ, вопія изъ всѣхъ силъ: «*Маева ари!*» Доспигнувъ ограды морая, спавили Оро и сына его подлѣ Царя, на возвышенномъ помоспѣ, и народъ воздавалъ поклоненіе богу и Царю. Обрядъ оканчивался общественною сатурналіею.

Характеръ обожанія, придававшійся Царю самымъ его воцареніемъ, распространялся пошомъ на всѣ предметы, какіе употреблялъ онъ, плащье, мебель, лодки, носильщиковъ, жилища временныя и посноянныя, и эшо означалось даже самыми ихъ названіями. Такъ, на примѣръ, жилища Царя именовались *аоран*, облака небесъ, лодка его *ануа нуа*, радуга, голосъ его называли громомъ, огонь въ его хижинѣ молніею; неговорили: «Царь пушешеспву-

ешъ,» но употребляли слово: *магута* — лепишъ. Словомъ, всѣ воспочныя гиперболы были употребляемы въ придворномъ Таишянскомъ языкѣ.

Каждый начальникъ, управляя своею областью, признавалъ верховную власшь Царя. Каждый оспровъ дѣлился обыкновенно на восемь округовъ, *матаина*, правителями коихъ были члены царскаго семейства. За важныя преступленія, Царь могъ изгнать ихъ и обратитъ ихъ собственностію. Воля его встрѣчала иногда сопротивленіе, ибо осужденные властители старались устроить между собою и своими сосѣдями могущій союзъ. Повелѣнія Царя передавали гонцы, пробѣгавшіе по оспрову, съ кокосовыми листьями въ рукахъ. Принять такой листъ значило повиноваться — не принять его значило ослушаніе. Кокосовый листъ былъ эмблеммою владычества. Общественные уклады передавались отъ высшихъ низшимъ черезъ посольство *ниау*, настоящихъ военныхъ курьеровъ.

Никакого правильного закона небыло на Таиши. Прослоудины оканчивали споры между собою, какъ умѣли и могли; только за оскорбленіе начальниковъ полагалась ошвѣщенность. Смерть, изгнаніе, включеніе въ число людей, осуждаемыхъ на жертву, были самыми главными наказаніями. Злорѣчи Царя считалось преступленіемъ столь ужаснымъ, что не только виновный подвергался казни, но, кромѣ того, область, гдѣ онъ жилъ, должна была предстать челоуѣка, для принесенія на жертву богамъ. Распутство ненаказывалось; обольщеніе иногда, но особливо, если мужъ жало-

вался. Въпренные и чуждые ревности, Таишяне нерѣдко передавали женъ своихъ друзьямъ, и мѣнялись ими на время. Несмотря на то, что воровство было врожденно у Таишянъ, его наказывали, какъ преступленіе. Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, съ поличнымъ, могъ быть убитъ безнаказанно. Наказывали его шѣмъ еще, что садили въ полуизгнившую лодку, и пускали по морю на пожраніе акуламъ. *Гарураа*, или ошобраніе имѣнія, было наказаніемъ самымъ обыкновеннымъ. Оскорбленные воромъ входили въ его жилище, и брали у него все что могли; виноватый не смѣлъ прошивишься, ибо, при сопровивленіи его, народъ оказалъ-бы надъ нимъ жестокое правосудіе.

Было однакожъ у Таишянъ особенное званіе, состоявшее въ всякихъ законахъ: его соспавляли *ареон*. Имъ позволялись грабежъ и воровство. Бродяги, распушныя, своевольныя, безнаказанно шягошили они землю родную своими пребываніями и беззаконіями. Они соспавляли между собою сильный союзъ, шѣсное общество, существовавшее не только на Таиши, но во всей Полинезій, секту, имѣвшую свои преданія, свое родословіе и свои права. Они считались происходящими отъ Уру-Тешефа и Оро-Тешефа, сыновей Таароа и Гины и брашьева Оро.—Ареон дѣлился на семь отдѣленій, различавшихся каждое особеннымъ шапуажемъ. Самое высшее называлось *авае паран*, песпірая нога; второе *оти оре*, у котораго обѣ руки были шапуированы отъ пальцевъ до плеча; за ними слѣдовали *гаротеа*, шрешье отдѣленіе, съ шапуажемъ отъ

плеча до кисти; четвертое отдѣленіе было *суа*, съ двумя, или тремя небольшими фигурами на обоихъ плечахъ; у пятого отдѣленія, *аторо*, находился небольшой знакъ на лѣвомъ боку; шестые отличались маленькимъ колечкомъ около колѣна, наконецъ, седьмой отдѣлъ, *поо*, были родъ кандидатовъ въ шапуажъ; ихъ называли также *поо фареареа*, потому, что имъ предославлялась при большихъ случаяхъ самая трудная и утомительная часть плясокъ, таншомимъ, и проч. — Званіе ареоя было почиваемо назначеніемъ свыше. Каждый кандидатъ, припвораясь одурѣвшимъ, долженъ былъ явиться въ общесшвенномъ собраніи, перевязавши нѣло лисьями *dracena*, вымазавши лицо краснымъ сокомъ *матт*, покрывши голову налѣчикомъ изъ плешушки кокосовыхъ лисьевъ, надушивъ волосы благовоннымъ масломъ, или украсивъ ихъ пахучими цвѣтами. Въ такомъ нарядѣ бросался кандидатъ въ толпу ареоевъ, вмѣшивался въ игры ихъ, сшарался ошличиться бѣшенствомъ и силою, и продолжалъ сумасбродство до окончанія праздника. Этимъ означалось призваніе въ ареои, и если желающій бывалъ послѣ сего принятъ, его опредѣляли въ прислужники одному изъ главныхъ начальниковъ общесшва. Послѣ искуса, когда испытаны были преданность и послушаніе новичка, поступалъ онъ въ число брашьевъ, съ извѣстными обрядами, копорые происходили въ какомъ нибудь *таупити*, или шайномъ собраніи общесшва.

Первый ареой приводилъ избранника, одѣнаго въ особенную шкань, и предславлялъ его своимъ

собраніямъ, подъ принятымъ имъ именемъ. Заспав-
ляли его произносишь родъ присяги, что онъ бу-
дешь умерщвлять своихъ дѣшей. Потомъ, съ осо-
беннымъ шѣлодвиженіемъ, говорилъ онъ шоржеспи-
венное воззваніе. Кончивъ сіи предварительные об-
ряды, одѣвали избраннаго въ плащъ, которое но-
сила женщина самага высокаго ошдѣла, и онъ спа-
новился ареои седьмой сшепени. Жизнь ареоевъ
была развращная, праздная, беспушная. Иногда, со-
бравшись большою толпою, они плавали ко многимъ
островамъ архипелага, нерѣдко соспавляя флоши-
лю изъ 50-60 лодокъ. Благосклонно принимаемые
вышними, чшими народомъ, шерпимы рааширами,
они казались господами шой сшороны, гдѣ осша-
навливались. Сшараясь освящивъ свое бѣспушество,
ареои начинали приношеніемъ свиней Оро, по-
крывая пришомъ алшари его бананами, плодами
хлѣбнаго дерева и другими жершвами. На одной
изъ ихъ кочевыхъ лодокъ утреждался родъ плову-
чаго морая въ честь двухъ основашелей общесшва,
Оро-шешеша и Уру-Тешеша, а шакже и другихъ
божесшвъ ареойскихъ, изображаемыхъ камнями,
кошорые были убраны красными перьями. Тамъ, гдѣ
ареои хошѣли на время осшановишья, пригошов-
ляли они свои предсшавленія, на половину рели-
гіозныя, на половину мірскія. Тѣло чернили они
угольями, а лицо вымазывали краснымъ сокомъ ма-
ши. Красивые пояса ихъ сплешались изъ желшыхъ
лисшьевъ ши. Иногда накрывались они желшыми
лисшьями банана, а для головныхъ вязанокъ брали
цѣшны гуту, или баррингшони. Предсшавленія

ареоевъ именовались *улаупа*. Сидя въ кругу, они запѣвали легенду, или пѣсню, въ честь бога, или какого нибудь славнаго ареои. Потомъ одинъ изъ общесѣва, стоя въ срединѣ, провозглашалъ речитативъ; ему въпорили хоромъ, сначала тихо и глухо, потомъ шумно и непонятно. Нерѣдко также, давая своимъ игрищамъ саширическое направленіе, они обращали въ насмѣшку жрецовъ, начальниковъ, просполюдиновъ, или дѣлали намѣки на общесѣвенныя событія. За шѣмъ слѣдовали разные роды борьбы, но только не кулачный бой, копорый считали они дѣломъ недоспойнымъ ихъ званія. Любимое упражненіе состояло въ пляскахъ, и нерѣдко этому посвящались цѣлыя ночи на пролетъ. Проспранныя и хорошо украшенныя зданія назначались для такихъ увеселеній. Иногда пляски и забавы происходили въ лодкахъ, и особенно когда власпишель острова принималъ въ шомъ участіе. Взойдя на возвышенную подмосшку, ареои совершали свои шаинспвенные обряды. Вымазанные съ ногъ до головы, они сопровождали ихъ спранными движеніями, криками, дикою музыкою, гдѣ особенно слышны были дудка и шамшамъ. Вообразите себѣ фантасмическое дѣйствіе подобныхъ сценъ, движенія, шума, мѣшавшагося съ шумомъ моря, ревомъ волнъ, гуломъ буруновъ и плескомъ океана на скалы прибрежныя! Споль блаженныя въ здѣшней жизни, ареои постарались не забыть о себѣ и въ будущей. Имъ исключительно предоспавлялась монополія на Таипскій элизіумъ. Для поржесива переселенія въ вѣчное блаженство, множесствомъ спранныхъ обря-

довъ сопровождалась смерть ареоя. *Отогаа*, или общій прауръ, долженствовалъ продолжаться два или три дня, и во все это время шло оставалось на своемъ мѣстѣ, окруженное плачущими родственниками и друзьями. Потомъ шли ареои въ большой морай, гдѣ хранились кости царей. Жрецъ Оро произносилъ надъ трупомъ молитву, прося бога взять изъ него божественное вдохновеніе, бывшее въ немъ во все время жизни его, и сохраняя у себя, для передачи его потомъ кому либо другому. За тѣмъ погребали шло въ оградѣ морая.

Впрочемъ еогонія Таишская составляла дѣло весьма спутанное, и нерѣдко явно противорѣчащее. Легенды измѣнялись, нешолько на каждомъ островѣ, но даже въ каждомъ округѣ, и ни одна изъ нихъ неимѣла аллегорическаго, либо дѣйствительнаго смысла споль явнаго, чшобы можно было извлечь изъ него какую нибудь систему.

Здѣсь должно опровергнуть нелѣпое извѣстіе, которое, по своевольнымъ исполкованіямъ, выведено было первоначальными Миссіонерами. Они говорили будшо во главѣ міеологической іерархіи Таишянъ поставлялись при *атуа*, выше всѣхъ почитаемые, а именно: *Тане те Мадуга*, *Оро Матау*, *атуа те таманди*, и наконецъ *Таароа*, *ману те гоа*. Всего страннѣе, что Миссіонеры переводили эти при названія названіями Христіанскихъ ипоспасей, увѣряя при томъ, что Таишяне, изъ величайшаго уваженія къ симъ шремъ главнымъ богамъ, непризывали ихъ въ обыкновенное время, а пре-

доставляли молибы имъ только на время великихъ смятеній, или голода, и что сіи главные боги находились въ Парѣ и Аріи-Раги. У боговъ нисшаго разряда, называвшихся Оро, Опу, Тамагоро, Таири, Ору-Гапу, Оіагу, Тама, Тоа-Иши и Вавеа, у каждого была своя должность и особенные жрецы. Наконецъ, *тии* были духи покровители каждого семейства, родъ боговъ Пенашовъ, Ларъ, или Мановъ.

Но всѣ сіи сказанія первыхъ Миссіонеровъ опровергнушы г-мъ Эллисомъ, продолжипельныя и ученыя изслѣдованія котораго надъ Таишскимъ языкомъ, дающъ ему безспорное право первенства предъ другими. Тройство Таишскихъ главныхъ боговъ оказалось неумѣстною и грубою натяжкой, и вошъ что могли опкрышь дословѣрные рассказы туземцевъ о Таишской теогоніи и мифологіи:

Общее мнѣніе утверждаетъ, что боги всѣ были дѣти мрака, *По*, что есть: *Фана-по*, или рожденные ночью. Самый *Таароа*, первый изъ боговъ, поже, что Гавайскій *Танароа*, или Тонгскій *Тангароа* (*), существовалъ только со времени выхода своего изъ *По*, ночи, или хаоса. Нѣкоторые *Таата-Пари*, или вѣщуны, думали правда, что свѣтъ пресущественъ богамъ, и что Таароа былъ человекъ, обоготворенный послѣ его смерти, но другіе смотрѣли на него, какъ на творца и бога. *Оро* былъ

(*) Любопытно, что у Якушовъ старшій богъ назывался *Тагара*, и это имя звучитъ во многихъ Азіатскихъ мифологіяхъ. Прим. Пер.

его первый сынъ. Для сообщенія съ людьми, эпи боги превращались въ пшицъ, и посредствомъ того входили въ *ту*, испукановъ, или идоловъ морая. Таароа, сынъ его Оро, и превращеніе ихъ въ пшицу—вопъ шѣ основанія, изъ которыхъ первые изслѣдователи Таишской мифологіи вывели свое мнимое происхожденіе.

Оро, національный богъ Таишянъ, взялъ себѣ жену и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей. Соединенно съ двумя главными, Таароа и женою его *Офеу-феу-маитераи*, порожденіемъ ночи, образовался родъ гексархіи мифологической, и кажется, она была основою всѣхъ прочихъ вѣрованій Таишскихъ. Помаре II-й нѣсколько разъ говаривалъ Ношпу о высшемъ богѣ надъ всѣми другими, называя его *Руміа*, но богъ эшопъ и имя его были совершенно неизвѣстны жрецамъ.

Среди смѣшенія божествъ и хаоса ихъ принадлежностей, невозможно различить никакой глубокой, или философской мысли. Явно, что все это смѣсь положительной исторіи и выдумокъ, по преданіямъ, приписанныхъ жрецами для прославленія, или перемѣшанныхъ самимъ народомъ, жаднымъ чудеснаго. Надобно бы исписать много ушомышальныхъ страницъ, еслибы захотѣли исчислить бездну всѣхъ боговъ и подвластныхъ имъ полубоговъ, людей и живошныхъ обоготворенныхъ. Индійское многобожіе, можетъ быть, болѣе намъ вѣдомое, не такъ сложно, какъ Таишскій фетишизмъ. У нѣкоторыхъ боговъ были однакожъ поэтическія

сторонны, опдѣляющія ихъ отъ прочихъ. Таковъ *Гиро*, богъ океана, играющій важную ролю въ пу-земныхъ разсказахъ. Онъ былъ великій путешес-спвенникъ, первоклассный искашель приключеній, небоявшійся ни подводныхъ безднъ, ни самыхъ свирѣпыхъ бурь. Онъ пробѣгалъ моря во всѣхъ на-правленіяхъ, то по поверхности, то въ глубинѣ, дружески разговаривая шамъ съ морскими чуждами. Однажды, когда онъ уснулъ въ одной изъ подвод-ныхъ пещеръ океана, ураганъ вздумалъ шупишь съ лодкою, въ которой находились друзья *Гиро*. Отъ сна *Гиро* могли-бы случишься съ друзьями его большія бѣды, еслибы непоспѣшили поскорѣ разбудить великаго укротителя морей; онъ вспалъ пресер-дишый и спасъ друзей своихъ.

Другіе морскіе боги были *атуа-мао*, боги-реки-ны, или повелѣвающіе акулами. Эпи спрашные кишородные были управляемы ими. Они пожирали и щадили людей, слѣдуя приказу и волѣ бога, надъ ними начальствовавшего. Въ плывущей по морю лодкѣ, они различали жреца, уважали его, спасали въ случаѣ крушенія. Одинъ изъ такихъ акульных любимцевъ нешупя увѣрялъ *Эллиса*, что акула, находившаяся въ повелѣніяхъ его бога, часто перевозила опца его и его самого съ *Раіа-теа* на *Вагине*. И такъ Греческой баснѣ объ *Арі-онѣ* нашлась дружка въ разсказахъ жрецовъ *Оке-аніи*?

Рядомъ съ морскими богами были воздушные боги, легкіе, прелестные, исполненные чудесныхъ способностей. Въ поэзіи *Полинезійской* были свои

Сильфы и Гномы, свои Гули и Саламандры. Вся вселенная казалась дикарямъ исполненною невидимыхъ божествъ, жужжавшихъ въ воздухѣ, зеленѣвшихъ въ лисьяхъ деревь, бѣлѣвшихъ въ пѣнѣ волнъ океана. Любовь и страхъ мѣшались со всѣми эпими аллегоріями. Лунное зашмѣніе пугало путешественцевъ, ибо оно означало имъ, что злой духъ хочетъ проглотить ихъ благодѣтельное свѣтило. Они бѣжали къ своимъ морямъ и молили боговъ спасти ихъ добрую луну. Форма и образованіе острововъ зависѣли у нихъ также отъ воли того, либо другаго бога. Ихъ власть и воля заоспирала конусами горы, и уравнила площадкою скалистые утесы, находящіеся налѣво отъ гавани Талу на Эimeo, и прицѣпленные къ острову длиннымъ перешейкомъ.

Были еще боги для игръ, боги для медицины, боги для ремесленниковъ, даже особенный богъ для каждаго ремесла, земледѣлія, плошничества, каменщичество, и проч. — У мершвецовъ и привидѣній были свои боги, и черезъ это все дѣлалось болѣе или менѣе богошворимо: духи умершихъ, обожаемые подъ именемъ *тін*, и подъ формою болванчиковъ, разныя рыбы, птицы, одна порода цапель, зимородокъ, шри породы снѣгирей, всегдашніе жильцы моравъ. Впрочемъ, мѣра власни всѣхъ сихъ боговъ была ограничена и весьма частная.

Идолы, изображавшіе боговъ и *тін*, дѣлались изъ дерева *айта*, или казуарины, окушаннаго многими складками священныхъ шканей. Одни изъ

нихъ были грубо обдѣланы въ самыхъ спранныхъ и нелѣпыхъ формахъ ; другіе безобразны вовсе , прикрыты плешушками , искусно сдѣланными изъ кокосовыхъ волокъ , и украшены красными перьями. Мѣтра идоловъ была весьма различна , ошъ нѣсколькихъ дюймовъ до 7-ми и 8-ми фузовъ. Я уже сказалъ , что идолы духовъ назывались *тін* , идолы боговъ именовались *ту*. Всѣ почиались вообще божественными , но особливо , когда въ нихъ вселялся , по мнѣнію дикарей , самъ богъ , и отвѣчалъ на вопросы жрецовъ. Въ другое время , сославляя почешное только , но пустое жилище бога , идолъ уже невидѣлъ большого обожанія. Исключительно иные ишуканы сосполяли изъ мадрепоровыхъ кусковъ , или базальтовыхъ призмъ , грубыхъ , угловатыхъ , окушанныхъ въ шкани. Самымъ лучшимъ уборомъ идоловъ счищались красныя перья и фазановыя хвосты. Таишскіе боги были особенно охотники до такого рода перьевъ , или *ура* , и охотнѣе передавали имъ свое вдохновеніе , нежели всѣмъ другимъ предметамъ. Такое обстоятельство служило поводомъ къ особеннаго рода освещенію , называвшемуся *пае-атуа*. Всѣ идолы были выносимы изъ ихъ капищъ , обнажаемы ошъ обвертокъ , мазаны масломъ и выставляемы на солнечный свѣтъ. Люди , желавшіе имѣть уры , освещенныя мазью боговъ , приходили въ морай , гдѣ жрецы брали у нихъ перья и украшали ими идоловъ. Многіе изъ болвановъ были пустые , и перья помѣщались у нихъ во впадинахъ. Если идолъ былъ плоскій , перья привязывали вокругъ него шонень-

кими снурочками. Въ обмѣнъ перьевъ , опданныхъ богамъ, жрецъ вручалъ приносишю два , или приура , запачканные идольскимъ масломъ , или пропишанные , какъ говорили дикарямъ , божескимъ вдохновеніемъ. Тщательно завершивали такой подарокъ въ красивую плешушку , опъ кошорой оставляли наружѣ только кончики , и потомъ опянь опдавали ихъ жрецамъ , кошорые произносили надъ ними *убу* или молишву , прося идола продолжишъ свою божесшвенносшъ въ перьяхъ, даже и по опдѣленіи ихъ. Тушъ обладатель драгоцѣнности бралъ ее къ себѣ, и пряшалъ въ бамбуковый фушляръ. Она спановилась насшоящимъ фешшшемъ, и если обѣшъ обладателя ее бывали исполняемы, онъ приписывалъ эшо священному *уру* , и чшилъ его прибавкою *ту* , или деревяннаго идола , куда пряшалъ залогъ своего благоденсшвія. Иногда воздвигали имъ даже алшари и капища. Впрочемъ , когда доходило до вложенія ура въ идола, надобно было несши его въ большой морай , чшобы главные болваны передали ему свое божесшвенное вліяніе.

Храмы, какъ уже много разъ говорено, назывались *морай* , или *марай* , по новѣйшему произношенію Миссіонеровъ , вѣроятно , болѣе вѣрному. Морай эши состояли изъ обширныхъ опгородокъ , окруженныхъ палисадомъ, а наиболѣе спѣнами , въ кошорыхъ заключались часовни идоловъ, алшари, или помосшы для жертвоприношеній, хижины жрецовъ, и нерѣдко гробницы начальниковъ. Три рода различалось мораяевъ: служившіе для цѣлаго опшрова ,

и наиболѣе носившіе имя *Табу-табу-атеа* (пресвятое мѣсто), служившіе одному округу, и наконецъ посвященные богу одного какого нибудь семейства. Обыкновенная форма всѣхъ моравъ была обширный прямоугольникъ, пространство котораго измѣнялось, смотря по состоянію спроишелей и важности идоловъ. Двѣ стороны замыкались высокими каменными стѣнами; фасадъ заслонялся низенькимъ палисадомъ и съ-лица нерѣдко возвышалось широкое грубое строеніе въ видѣ пирамиды, на которой ставили иступаны боговъ. Въ великомъ моравѣ Аша-Гурускомъ, такая пирамида была 250 фузовъ длины, при 90 фузахъ ширины въ основаніи и 50-ти фузахъ вышины. Самая верхушка имѣла 170 фузовъ длины и почти 6 фузовъ ширины. Сступени, по 6 фузовъ вышиною каждая, вели на верхъ пирамиды. Внѣшняя обкладка ея состояла изъ мадрепоровыхъ, или базальтовыхъ камней, тщательно обдѣланныхъ, особливо по угламъ, что должно было сдѣлать дикарямъ неописанныхъ трудовъ.

Теперь всѣ моравы уничтожены, но куда-бы вы ни пошли, вездѣ увидите вы остатки ихъ — во внутреннихъ долинахъ, подлѣ селеній, на мысахъ и въ ущельяхъ горъ. Изъ деревьевъ, какими окружали ихъ, всего чаще встрѣчалась казуарина, съ ея унылыми листьями, *salorhyllum*, *веслесія* и *кордія*, непроницаемая солнечнымъ лучамъ.

Жречество было наследственное. Жрецы считались равными начальникамъ. Царь считался иногда жрецомъ національнаго капища, а достоинство

первосвященника всегда опдавалось члену царствующаго семейства, вѣрояпно, въ избѣжаніе всякаго спора, могущаго произойдти между гражданскою и духовною власными.

Служеніе идоламъ состояло изъ молишвъ, приношеній и жершвъ. Молишвы, или *убу*, хошя крашкія, произносились шихо, важно, шакъ, чшобы идолъ успѣлъ замѣшишь ихъ. Жрецъ подгибалъ одно колѣно, или складывалъ обѣ ноги подъ себя, наклоняясь, и упираясь спиною въ базальшовый столбъ, кошорымъ оканчивалась вымощенная площадка, гдѣ возвышался идолъ. Неначиная еще молишвъ, онъ бросалъ вѣшку священнаго *меро* на помосшь, передъ изображеніемъ идола.

Приношенія состояли изъ рыбъ, пшицъ, плодовъ, свиней, шканей, и другихъ обдѣланныхъ предметовъ. Запасы приносились жареные, или сырые; въ первомъ случаѣ надлежало приготошвишь ихъ въ оградѣ капища, и шогда шолько часть шла богамъ, а осшашокъ брали жрецы. Учаспки боговъ сшавили на *ваты*, деревянные подмосшки, гдѣ и подвергались они гніенію. Вапы сіи поддерживались кольями, 8-ми или 40 фушовъ вышиною, выглаженными, а часшо и рѣзными; ихъ покрывали священными вѣшвями и окружали гирляндю, изъ банановыхъ лиспьевъ, прекраснаго желшаго цвѣша. Свиней, назначенныхъ идоламъ, давили, или рѣзали весьма осшорожно, шакъ, чшобы не изломашъ ни одной кости. Трупы ихъ расшягивали на вапы.

Все эшо было позволишельно и неужасно: жившныхъ и плоды приносили богамъ своимъ всѣ

первобытные народы, и особенно паспыри. Но рядомъ съ такими приношеніями шли другія, жестокія и неоправдимыя. Мы хотимъ сказать о жертвоприношеніяхъ человѣческихъ, называвшихся *ngia* (рыба), на условномъ языкѣ Таинскихъ жрецовъ. Такія жертвы отправлялись во время войны, при великихъ народныхъ смятеніяхъ, и по случаю болѣзней сильныхъ начальниковъ, а также при сооруженіи моравъ. Когда воздвигали славный морай Маева на Вагине, каждый столбъ храма сего былъ посвященъ на шрупъ несчастливца, зарѣзаннаго въ честь кровожадному божеству.

Жертвы избирались, или изъ плѣнниковъ, захваченныхъ на войнѣ, или изъ людей, сдѣлавшихся подозрительными начальникамъ и жрецамъ. Когда округъ какой нибудь, или семейство, доставили жертву, они считались табу, или обреченными. Къ нимъ преимущественно обращались въ другой и третій разъ. Изъ того часто происходило, что опмѣченныя жертвою семейства бѣжали въ горы, едва только замѣчали гонимность къ жертвоприношенію новому. Жертву вообще убивалъ внезапно начальникъ округа, и потомъ клали шрупъ въ длинную корзину изъ кокосовыхъ листьевъ, несли въ капище и ставили передъ идоломъ. Освящая приношеніе, жрецъ вытаскивалъ изъ шрупа глазъ, клалъ его на банановый листъ, и представлялъ царю, который подносилъ его ко рту, какъ будто хотѣлъ съѣсть, но потомъ передавалъ другому жрецу, подлѣ стоявшему. Оиъ времени до времени, въ продолженіе убу, жрецъ рвалъ у себя клоч-

ки волосовъ и клалъ ихъ передъ идоломъ. Попомъ, когда молишва была окончена, шрупъ обвершывали въ кокосовые лисья и клали на ближнее дерево. Тунъ осматывался онъ до совершеннаго сгніенія мяса, послѣ чего погребали кости подъ помоспомъ морая.

Едва умиралъ кшо - нибудь, *тагуа-тутера* обязанъ былъ изслѣдовать причину смерти его. Онъ садился въ лодку и плылъ до того мѣста, гдѣ находился шрупъ умершаго, ибо духъ мертвеца, выѣзая изъ шѣла, долженъ былъ показаться ему, и сказать, для чего оставилъ онъ свое жилище? Если человекъ скончался отъ гнѣва боговъ, опкровеніе являлось въ видѣ пламени; если злость какого нибудь непріятеля погубила его, красное перо было тому признакомъ. Опредѣливши такъ или сякъ, *тагуа* сообщалъ родственникамъ покойнаго слѣдствіе своихъ изысканій, и получалъ отъ нихъ плату, сообразную важности смерти. За этимъ бездѣльникомъ являлся *тата-фаа-тере*, или *фаа-тубуа*, должность котораго состояла въ отвращеніи зла отъ оставшихся родныхъ мертвеца. Такое важное дѣло совершалось посредствомъ множества моливъ и обрядовъ. Наконецъ возвѣщали бѣднякамъ о совершенномъ успѣхѣ заклинаній, и они должны были отдариваться за доставленную имъ безопасность.

Тунъ начинали распоряжаться погребеніемъ. Труны бѣдняковъ и простолюдиновъ клали на ложе изъ пахучихъ растений, и родные становились подлѣ него на ссражу. Ближайшіе должны были

царапашъ себѣ лицо, грудь и шѣло острыми рекин-
новыми зубами. Кровь шекла ручьями у каждого.
Послѣ продолжительнаго сѣшнованія, поднимали
трупъ, помощью покровей снѣгивали его, шакъ,
что колѣна подходили къ лицу, а руки склады-
вались кресшъ-на-кресшъ на груди, и въ шакомъ
положеніи хоронили его.

Трупамъ начальниковъ воздавались почести *ту-
папау*, о чемъ я говорилъ выше. Ихъ бальзамирова-
ли и ославляли на подмосшкахъ до сгніенія. Тог-
да брали косши и зарывали ихъ въ мораѣ. При-
ношенія сѣсшныхъ припасовъ постоянно были вы-
сшавляемы передъ *шупапау*, ибо, по мнѣнію дикарей,
въ мясѣ и плодахъ есшъ невидимыя, шончайшія ча-
спицы, кошорыя вылешаютъ изъ нихъ и пишакшъ
мершвыхъ. Мораи и мѣсна погребенія были шабу,
даже и въ военное время; но иногда побѣдишели
пресшупали запрещеніе, оскверняли гробы, граби-
ли алшари, ниспровергали идоловъ, вырывали кос-
ши и дѣлали изъ нихъ оружія — самый позорный
знакъ уничиженія для побѣжденных! Впрочемъ,
подобныя неисповсшва были рѣдки. Обыкновенно,
храмы уважались, какъ равно и служилели ихъ.
Уважали шакже и спражей *шупапау*, людей особенно
шабуированныхъ.

Можно было назвашъ Таиши машкою шабу.
Нигдѣ въ Полинезіи эпошъ законъ исключенія и
запрещенія небылъ споль взыскашеленъ, мѣлоченъ,
своевлашпенъ и жестокъ. Со дня рожденія до дня
смерши, для Таишянина сущесшвовало самое слож-
ное раздѣленіе позволенныхъ и запрещенныхъ ку-

шаньевъ. Всюду и всегда встрѣчало его грозное *veto* (запрещеніе) — здороваго и больнаго, въ капищѣ, внѣ капища, на приморьѣ, внутри острова, въ селеніи, въ полѣ, за обѣдомъ, во снѣ, на войнѣ, на морѣ, въ хижинѣ, на рыбной ловлѣ, на охотѣ — вездѣ и всюду. Мужчины, и особенно тѣ, кто болѣе или менѣе принадлежалъ къ служенію идоламъ, были вообще почитаемы, какъ *ра*, или священные. Поэтому могли они ѣсть все, что предлагалось богамъ, между тѣмъ какъ *ноа*, или женщины, подѣ страхомъ смерти не смѣли касаться многихъ исключительныхъ ѣствъ. На огнѣ, гдѣ готовилась пища мужчинъ, нельзя было готовить пищи для женщинъ. Тоже наблюдалось касательно корзинокъ и всякой домашней утвари. Какъ на Гаваяхъ, и здѣсь также, презрѣніе къ слабому полу, запрещенія, униженіе его прошивъ мужчинъ, немало способствовали особенной ревности, съ какою дикарки обратились въ христіанство, въ которомъ видѣли успавы равенства и свободы прошивъ несправедливыхъ своихъ мужей, братьевъ и ошцовъ. Онѣ охотно промѣняли это благодѣяніе на новое табу, которое сшоль сшрого наложили на нихъ Миссіонеры, запрещая игры и увеселенія, любимое упражненіе Таипянокъ.

Изъ игръ и увеселеній, пляски и пѣніе преимуществовали надъ всѣмъ. Тѣ и другія исполнялись при звукахъ шуземнаго оркестра, бѣднаго гармоніею. Музыкальными орудіями были шамшамы разной величины, трубы изъ раковинъ, *игара*, родъ барабана, съ одной стороны изъ бамбука, во все

колыяцо проспи, продыравленное сплошь. Били въ него палкою. Послѣдній инструменъ была дудка, или *вино*, наиболѣе дѣлаемая изъ проспины, въ фушъ длиною, съ чешырьмя дырочками; на ней играли носомъ; звуки производились глухіе, но пріятныя, и обыкновенно дудка эша сопровождала *пеге*. Такъ называли баллады, предназначенныя къ прославленію подвиговъ божескихъ и геройскихъ; иногда изображали въ нихъ какое нибудь историческое событіе. Ихъ произносили публично, помогая речипапиву паншомимою. Общность эшихъ пеге образовывала преданія о прежней исторіи острововъ. Прежде запрещенія ихъ, Миссіонерамъ надобно-бъ было собрать такія пѣсни, какъ докуменшы для Полинезійской исторіи. Элись приводишъ одно событіе, кошорое лучше всего могло бы доказашъ пользу подобнаго собранія. Два дикаря заспорили однажды о томъ, какъ былъ украденъ у капитана Блея, въ 1788, или 1789 году, якорный буй. Одинъ изъ спорщиковъ истощилъ все свое краснорѣчіе, но прошивникъ несоглашался, и видя упорство его надобно было запѣшъ ему пѣсню о спорномъ дѣлѣ:

*О меа еіа е Тареу еіа
Еіа те поито а Блаи.*

« Былъ одинъ воръ, назывался онъ Тареу, и укралъ онъ буй у Блея. »

Доказательство оказалось такъ сильно, что прошивникъ принужденъ былъ замолчать.

Безчисленное множество других увеселений было у Таишянъ, но главнымъ изъ нихъ должно было послужить *таупити* или *ороа*. Такъ называли шоржесивенные праздники, при возвращеніи начальника, побѣдъ, великомъ какомъ нибудь событіи. Борьба играла здѣсь первую роль; андешы сходились со всѣхъ сторонъ острова, чтобы показать свое искусство передъ многими тысячами зрителей. Пока шла схватка героевъ, глубокое молчаніе царствовало въ собраніи, но побѣда одного изъ противниковъ была принимаема съ кликами и громкими восклицаніями. Женщины не боялись вмѣшаться въ такія пиррическія игры, даже боролись съ мужчинами, и царица Тере-мое-мое, въ платьѣ борца, нерѣдко мѣрялась силами со многими молодыми вельможами Двора своего. За борьбою слѣдовалъ кулачный бой, менѣе уважаемый и почтенный. Бойцы жестоко били другъ друга кулаками, направляя удары въ голову. Съ первыхъ разовъ лица ихъ окровавлились; иногда такіе спычки были убійственны, и однажды великій жрецъ Оро въ Мапаван, челоуѣкъ чудесной силы, въ одинъ день и въ одной схваткѣ убилъ двухъ своихъ противниковъ, отца и сына. Лежачаго и побѣждавшаго соперника бить не позволялось. Кто осмѣивался на ногахъ послѣ всѣхъ другихъ бойцовъ, того объявляли побѣдишелемъ.

Игра въ перебѣжки (*Фаатитіан гамо раа*) была любимою у молодыхъ Таишянъ. Вымазавши шѣло масломъ, обвязавъ по срединѣ шѣла маро, голову прикрывши вязаницею цвѣшовъ, съ шурбаномъ изъ

шкани, впрочемъ совершенно нагіе, соперники пускались по аренѣ, длинной, гладкой, усыпанной пескомъ. Перегонка другъ друга въ лодкахъ, при морской пишинѣ, сославляла также увлекательное зрѣлище для всѣхъ и называлась *фаатитіаи гамо реавиа*.

За всѣмъ эшимъ должно упомянуть о военныхъ забавахъ, игрѣ въ копья и пращи, чѣмъ особенно отличались Таишяне, и потомъ о примѣрныхъ биввахъ, любопытныхъ неменѣе Гавайскихъ биввъ. У Таишянъ были также *паипаи*, *туираа*, *гару-ра-алуу*, игры мячемъ на ровномъ пространствѣ — первая, бросая его руками, вторая ногами, прешья съ прибавленіемъ кулачнаго боя. Дикари здѣшніе стрѣляли еще для забавы изъ лука (*теа*, или *вагита*), котораго неупотребляли на войнѣ. До пѣшущяго боя были они спрасны неменѣе Малайцевъ и Тагаловъ. Наконецъ была еще здѣсь игра, извѣстная Гавайцамъ — плаванье черезъ прибрежный прибой на доскѣ. Сошши собирались на берега, предаваясь сей опасной забавѣ, которая прерывалась только ужасающимъ крикомъ: *Мао* (аккула)! послѣ чего всѣ спѣшили спастись отъ чудовища. Дикарямъ Таишскимъ вѣдомы были качели (*тагоро*), ходули, змѣи (*уо*), игра взрослыхъ, *теа-теа*, игра дѣшей, и родъ игры въ угадки, *тупауру-пауру*.

Пляски бывали чрезвычайно разнообразны. Въ *гейва* участвовали мужчины и женщины, но почти всегда раздѣльно. Женщины костюмировались красиво. Убравши головы плешушками *тамау*, человѣческими волосами, или вязаницами изъ бѣлыхъ цвѣ-

шовъ *теапри*, онѣ обнажали руки и шею, украшали грудь раковинами, или пучками перьевъ, и надѣвали плащъ изъ шкани, почти бѣлой, съ алою каймою. Другой, неменѣе прекрасный костюмъ былъ топъ, въ какой нарядилась молодая Таишянка, поднесшая Куку подарки своихъ земляковъ. Плащъ ея было раздвинуто на ивовой плетущкѣ, похожей на спаринныя фижмы нашихъ дамъ, и на этомъ подвижномъ подножіи были раскладены подарки, съ особеннымъ искусствомъ.

Движенія плясуній вообще бывали шихи, но правильны и опредѣленны. Руки и ноги ихъ двигались въ совершенномъ согласіи съ шамшамомъ и дудкою. Всего чаще пляски происходили въ красивыхъ спроеніяхъ, нарочно для сего назначаемыхъ. Кровля, поддерживаемая деревянными столбами, низенькая загородка, снаружи прикрывшая стѣнками, а посрединѣ большая зала, устланная рогожками, на кошорыхъ плясали актеры зрѣлища и сидѣли зрители — такъ располагались мѣста плясовыхъ собраній. *Патау*, или начальникъ пляски, становился подлѣ барабана и показывалъ фигуры. Начинали плясать вечеромъ и продолжали иногда всю ночь.

Пища Таишянъ главнѣйше состояла въ рыбѣ, раковинахъ, шаро, плодахъ хлѣбнаго дерева, бананахъ и кокосахъ. Свинина, сберегаемая для начальниковъ, являлась на столѣ просполюдина только онѣ времени до времени, въ торжественные дни. Все это пекли въ подземныхъ печахъ, а жарили рѣдко. Кромѣ означеннаго мною, употреблялись еще для

ѣды : инокарповые каштаны, иньямы, или *уги*, сладкіе, папаны, или *умара*, другой корень, называвшійся *патера*, корень *піа*, изъ котораго Англичане дѣлають шеперь превосходный арроврушъ, плоды *spondias*, или *ви*, одного рода *eugenia*, или *агіа*, иногда *morinda*, или *ноно*, молодые ошпрыски *погеу*, *convolvulus brasiliensis*, и одинъ огромный папоротникъ, именовавшійся *неге*. Только во время голода прибѣгали къ двумъ послѣднимъ снадобьямъ, какъ равно и къ шишкамъ *arum Rumphii*.

Какъ всѣ дикари, Таишяне неимѣли установленнаго времени для ѣды. Они ѣдали когда хотѣлось, и ѣдали часто. Однакожь вечеромъ былъ главный обѣдъ ихъ. Вода составляла общее питье, но, смрастные охотники до ава, они пивали ее при всякомъ случаѣ, и, если могли, то безъ всякой мѣры. По разсказу Андерсона, всего болѣе составляли они ее, наливая воду на лисья расшенія, и выжимая попомъ изъ нихъ сокъ.

Всѣ болѣзни почишались Таишянами слѣдствіемъ мщенія боговъ, или злыхъ духовъ, пошому и все цѣленіе ихъ состояло въ колдовствѣ жреческомъ. Однакожь для ранъ и переломовъ употреблялись средства, извѣстныя Гавайцамъ. Безуміе считалось не болѣзною, но вдохновеніемъ и чѣмъ-то божественнымъ. Пошому безумцы чрезвычайно уважались. Мы уже замѣтили это повѣрье на Гаваяхъ и въ Индіи. Впрочемъ, оно было и осмѣяно обще почти всему Восшоку.

Нѣкоторыя преданія Таишянъ восходили по счету до шридцати поколѣній. Время дѣлилось у

нихъ двѣнадцатью полнолуніями, съ прибавкою по временамъ тринадцатаго. Каждое полнолуніе, каждый день отъ одного до другаго и каждая часъ дня имѣли свое собственное, иногда что нибудь значившее названіе. Семнадцатая, 18-я и 19-я ночи послѣ полнолунія каждого мѣсяца почиались такими, когда духи бродящъ по землѣ. Ими особенно пользовались воры и мошенники.

Численіе походило на Гавайское. Считали *уру*, десяшками, *рау*, сотнями, *mano*, тысячами, *манотини*, десяшками тысячъ, *рагу*, сотнями тысячъ, и доходили до *ту*, мильона. Рыбу, плоды хлѣбнаго дерева, кокосы иногда сосчитывали парами. Впрочемъ, Таишяне вообще съ большою легкостью изучали численіе, и въ нынѣшнихъ училищахъ классъ Ариѣмешики, по словамъ Миссіонеровъ, идесть всего успѣшнѣе.

Языкъ Таишскій есть нарѣчіе Полинезійское, и одно изъ самыхъ бѣдныхъ, по причинѣ несовершенства многихъ согласныхъ. Единственные согласные, опличительные въ Таишскомъ языкѣ звуки, сущі: Б, Д, Ф, М, Н, П, Р, Т, В. Такой недоспашокъ замѣняеши умноженіемъ гласныхъ и дѣлаеши языкъ Таишянъ труднымъ для чужеземца, ибо одно слово означаеши двадцать различныхъ предмешовъ. Только ударенія характеризизируютъ опшѣнки словъ. Но несмотря на его бѣдность, языкъ Таишскій можеши выражати мысль ярко и сильно. Неоднократно, на дикихъ трибунахъ Папара, онъ являлъ дѣйствіе орапорскаго искусства въ собраніи слушателей. Впрочемъ, должно прибавиши, что намъ

многое оспается еще узнать, касательно механизма Полинезийскихъ языковъ. Ограниченные нашимъ планомъ, мы не можемъ заняться здѣсь симъ филологическимъ вопросомъ во всемъ пространствѣ, какого онъ заслуживаетъ. Французскій мореплавашель Дюмонъ-Дюрвиль предпринимаетъ объяснить и изложить сей важный предметъ въ особенномъ и подробномъ сочиненіи, соображая, не только отношенія Полинезийскихъ нарѣчій взаимно, но разсмапривая отношенія ихъ къ Малайскимъ и Мадекаскимъ языкамъ. Такими изслѣдованіями можешь понемногу распоргнуться завѣса, опдѣляющая Океанію отъ нашего торговаго и ученаго міра, и — почему знаешь: не единственное-ли это средство проникнуть до первоначальной, шайнственной колыбели народовъ, столь многочисленныхъ и достойныхъ всякаго любопытства?

ГЛАВА LXII.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ ОСТРОВА ТАИТИ КЪ ОСТРОВАМЪ
ТОНГА. ОСТРОВА ВАВИТУ, МАНГІА, ВАЙТУ-ТАКИ,
ТУВУАИ, И ПРОЧ.

Новая буря, захватившая насъ, 29-го Апрѣля вечеромъ, среди Таишскаго архипелага, небыла такъ жестока, какъ прежняя наша Нукагивская шалунья. Черезъ двой сушки с. з. вѣтеръ смягчился, и Океанія наша могла держаться своего пуши, пока направленіе вѣтра неперейдетъ къ Ю. В. и не сдѣлается попутнымъ. Пендлешонъ быстро рѣшился держаться до параллели острова Вавишу, чтобы оттуда прямо двинуться къ островамъ Тонга. Зная теперь фаталистическое убѣжденіе нашего капитана въ необходимости успунокъ, шамъ, гдѣ спорить нельзя, я уже не удивился такимъ быстрымъ его рѣшеніямъ, непонятнымъ для Филиппа и остальныхъ нашихъ сопутниковъ. Какъ ни вѣрили Пендлешону всѣ его подчиненные, но часто однакожь говаривали про него: «Онъ превеликій

дуракъ и въ по-же время превеликій умница; опъ шого онъ начнешь глупостью, а кончишь умно.»

Какъ-же хопѣшь, чтобы эти моряки судили и говорили иначе, когда, вопъ на-примѣръ, шеперь, лицо и посшупки капишана прошиворѣчили самымъ неоспоримымъ выводамъ ихъ логики? Капишанъ рѣшился, и — дулъ вѣшеръ прошивный, а онъ казался весель. Подуль вѣшеръ благопріятіе — онъ наморщилъ лобъ! Надобно-ли было говоришь и объясняшь: «Видите, господа: шамъ, подъ $31^{\circ} 25'$ ш. ю. и $132^{\circ} 40'$ д. з., полагаюшь купу острововъ, слѣдуя извѣстіямъ нѣсколькихъ Американцевъ. Капишанъ Дж. Мишчель увѣряешъ, что онъ видѣлъ ее въ 1823 году, и что она простираешся на 48 миль опъ З. къ В. — Вопъ, пользуясь нашею невзгодою, мы могли-бы осмошрѣшь эту купу, удостовѣришься точно-ли она сущесшвуешъ, въ чемъ можно сомнѣвашься. Досадно, что перемѣна вѣпра на благопріятный мѣшаешъ намъ сдѣлашь такое обозрѣніе!» — Пендлешонъ эшого неговорилъ, а если-бы онъ сказалъ, могли-ль поняшь его?

Сомнишельные острова Мишчеля несоставляли еще всего, о чемъ жалѣлъ Пендлешонъ, неимѣя возможности двигашься въ спорону. Въ эшой-же споронѣ находились купа *острововъ Басса* и островъ *Рапа*.

Острова *Басса*, (ихъ чешыре) лежатъ подъ $27^{\circ} 40'$ ш. ю. и $145^{\circ} 50'$ д. з. Ихъ ошкрылъ мореплавашель, давшій имъ свое имя, въ 1803 году. Паульдингъ видѣлъ ихъ въ 1826 году. Впрочемъ, шолько эшо и знаемъ мы объ нихъ. Бассъ и другіе

полагали, что ихъ должно почищать Квиросовыми *Coronados*, но вѣрнѣе опнесши сіи послѣдніе къ купѣ Глочестерской въ Помошускомъ архипелагѣ.

Рапа составляетъ болѣе значительный предметъ любопытства. Въ первый разъ увидѣлъ его Ванкуверъ, 22 Декабря 1791 года. Сношенія тамошнихъ дикарей съ эшимъ мореплавателемъ сначала ознаменовались робостью и недовѣрчивостью. Попомъ, болѣе дерзкіе, дикари осмѣлились обнаружить неизмѣнную склонность къ воровству, что кажется соединеннымъ съ природою всѣхъ Океанійскихъ поколѣній. Особливо обольщало ихъ желѣзо; они старались красить даже гвозди изъ корабля. Туземцы Рапаськіе показались Ванкуверу вообще похожими на жителей Тонга. Онъ полагалъ, что имя начальника оспровскаго было *Кораи*, а самаго оспрова *Опаро*. Подъ эшимъ именемъ Рапа долго находился на нашихъ картахъ. Непопородный, Рапа состоялъ изъ прибрежья, покрышаго зеленью, и оканчивающагося внутри нѣсколькими дикими вершинами, копорыя къ низу связываешь рядъ утесовъ. Ванкуверъ принялъ сіи утесы за селенія, укрѣпленныя подобно на Новой Зеландіи. Лодокъ у оспровишанъ было довольно; около 30-ти плавало вокругъ корабля, и человекъ 300 было на нихъ, почему все народочисліе Рапа полагали до 1500 человекъ. Дикари казались средняго роста, довольно толсты и хорошо сложены. Физиогномія ихъ была веселая и привлекательная. Они были почти нагіе и съ брышми головами. Только у немно-

гихъ начальниковъ по шѣлу повязанъ былъ шравяной поясъ.

Послѣ Ванкувера, безъ сомнѣнія, многіе приспавали къ Рапа, но никто ничего неговорилъ намъ объ этомъ оспровѣ. Эллисъ сдѣлался вторымъ описашелемъ его, черезъ 20-ть лѣтъ послѣ ошкрытія. Между шѣмъ, самъ эшопъ миссіонеръ рассказываетъ, что нѣкто капитанъ Поуэль, котораго заспало близъ Рапа безвѣтріе, въ 1814 году, былъ поводомъ страннаго покушенія со стороны туземцевъ. Ихъ непустили на корабль и они уцѣпились за веревку, висѣвшую съ корабля. Человѣкъ пятьдесятъ, пуспаясь вплавъ, хошѣли шацинъ корабль къ берегу, и надобно было угрозами зашнавипъ ихъ бросипъ свое безразсудное предпріятіе.

Эллисъ явился передъ Рапа 26 Января 1817 года. Едва показался корабль его, двадцать лодокъ бросились навспрѣчу. Дикари были точно такіе, какими описалъ ихъ Ванкуверъ — смуглые, складные, съ правильными физіогноміями, нагіе, прикрытые только поясами изъ *dracaena*, и безъ малѣйшаго слѣда шапуажа. Взойдя на палубу, постѣшипили шопчасъ сдѣлались шакъ смѣлы, что надобно было приняпъся за ручную раздѣлку съ ними. Они воровали не шолько вещи, но даже хващались за людей. Одинъ изъ нихъ, сильный великанъ, подхвалилъ подъ руку юнга, и хошѣлъ бросипъся съ нимъ въ море, шакъ, что мальчишко едва успѣлъ ошбишъся. Другаго служишеля едва ошняли машпрозы. Спращное замѣшашельство сдѣмалось на палубѣ.

Большая собака, свирѣлая и дикая, которую держали на цѣпи, при видѣ незнакомыхъ дикарей показала необыкновенную и внезапную робость. Вместе съ того, чтобы лаять и бросаться на нихъ, она запрягалась въ кануру свою и дрожала отъ страха. Испугъ живошного еще болѣе усилился, когда дикари подбѣжали къ бѣдной собакѣ, схватили, поволокли ее, спараясь спастись ее въ море и гордясь своею добычею. Но собака была прикована къ цѣпи, цѣпь къ канурѣ, канура къ палубѣ. Дикари ничего недумали, рвали цѣпь, и только увѣрившись въ бесполезности своихъ усилій принялись за другое. Одинъ изъ нихъ ухватился за кошку, схватилъ ее, бросился въ море и вплавь достигъ лодки, гдѣ члѣвницу встрѣтили кликами восшорга. После такихъ дерзкихъ поступковъ и наглости неукротимой слѣдовало принять мѣры рѣшительныя. Капитанъ приказалъ гнать посѣщителей, что нескоро успѣли сдѣлать, и то при общихъ усиліяхъ экипажа. Опомнившись отъ своего страха, собака сильно пособила работѣ своимъ лаемъ. Едва прогнали любезныхъ гостей, корабль отправился къ Таиши. Но Элисъ успѣлъ однакожь удостовериться, что настоящее имя острова, подъ которымъ онъ теперь извѣстенъ, *Рапа*.

Въ 1825 году Рапа былъ посѣщенъ Таишскимъ кушперомъ, на которомъ прибыли въ Таиши два шужемца Рапаскіе. Принятые Миссіонерами съ особенною ласкою, дикари эти полюбили христіанскую вѣру и выучились читать. Полагая ихъ довольно приготовленными, Миссіонеры отправили посѣщи-

шелей своихъ на родину ихъ , съ двумя Таишянами. Возвращеніе земляковъ показалось дикарямъ Рапаскимъ торжествомъ. На рукахъ несли лодку, въ кошорой они сидѣли , и шакъ вынесли ихъ на берегъ. За шѣмъ начались самыя дружескія сношенія ; сандальное дерево мѣняли на сѣсшныя припасы, и капишана умоляли пріѣхать еще разъ. Онъ обѣщалъ и исполнилъ обѣщаніе. Въ Январѣ слѣдующаго года опять явились на Рапа два Таишскіе Миссіонеры, съ намѣреніемъ осшашься шущъ навсегда. Съ ними были ихъ жены и еще двое шоварищей , печашныя Таишскія книги , земледѣльческія орудія , полезныя сѣмяна для посѣва и спроевой лѣсъ, для успройсшва часовни. Одинъ изъ самыхъ спарыхъ Миссіонеровъ Англійскихъ на Таиши, г-нъ Давіесъ, управлялъ всею экспедиціею. Несмошря на нѣкошорыя часшныя спрошшвленія , миссія скоро принесла желанные плоды. Уже много дикарей было обращено , когда близъ Рапа осшановился корабль *Dolphin* , въ Іюнѣ 1826 года. Со временъ Банкувера до шого времени мѣсшность и жишели мало измѣнились. Тысячи съ двѣ дикарей обшало на Рапа въ бѣдныхъ лачугахъ , пишаясь шаро и рыбою. Послѣ Паульдинга ни одинъ замѣчашельный плавашель непосѣщалъ Рапа , и шолько Таишскіе Миссіонеры поддерживающъ сношенія съ эшимъ осшровомъ , кошорый весь шеперь обращенъ въ христіансшво. Черезъ нихъ знаемъ мы , что несчастныхъ дикарей недавно посшигла какая-то заразштельная болѣзнь, ошъ кошорой едва-ли уцѣлѣло ихъ человекъ 500. Находясь подъ 27° 36' ю. ш.

и $446^{\circ} 32'$ д. з., по описаніямъ Миссіонеровъ , гористый возвышенный, Рапа будетъ ошъ 40-ти до 42 миль въ окружности. Горы внутренней его обласи восходящъ ошъ 200 до 300 шуазовъ вышиною, однѣ въ видѣ коническихъ пионовъ, другія уподобляясь базальшовымъ колоннамъ. По вѣшнему виду, горныя спремнины почно походящъ на укрѣпленныя селенія издали, и Ванкуверъ легко могъ ошибиться. Но горная часть острова нынѣ вовсе необишаема. Народонаселеніе почти все нѣсенися по прибрежью, у пристани, находящейся на восшочной споронѣ острова. Тутъ обрабошываешся нѣсколько полей съ шаро, досташочныхъ для проишанія бѣднаго ошашка жителей. Гавань, именуемая *Аураи*, образуешъ собою пространство нѣсколькихъ миль; входъ въ нее шруденъ, но обширная внутренность представляетъ повсюду добрую споянку. Воды прѣсной множество. Туземное произрасшаніе заключается въ рѣдко-разбросанныхъ деревьяхъ и кустарникахъ по скашу горъ. По широнѣ, подъ какою лежишъ Рапа, на немъ ешъ уже прозябенія умѣренной полосы.

На З. С. З. ошъ Рапа, на разспояніи льѣ сорока, Американскія каршы спавяшъ, подъ $27^{\circ} 2'$ ш. ю. и $448^{\circ} 47'$ д. з., ушесы, миль десяти пространствомъ, опкрышы въ 1830 году, капишаномъ Уиксомъ (Weeks), на кораблѣ Новый Бедфоршъ, и названны имъ *Ланкастеръ*. До новаго обозрѣнія можно сомнѣваться въ сущесшвованіи эшого опаснаго мѣсна. Такое-же сомнѣніе ошашеся касашельно острова, будшо-бы найденнаго, въ 1824 году,

капитаномъ Кеминомъ , подъ 26° ш. ю. и 153° 49' д. з. — Островъ этотъ не куча-ли облаковъ, подобная тѣмъ , которыя безпрестанно являющіяся и исчезающъ на карсахъ Океаніи ?

Послѣ всѣхъ сихъ , мнимыхъ и дѣйствительныхъ , острововъ и утесовъ , которые къ большому сожалѣнію Пендлешона , немогли мы теперь осмошрѣть и повѣришь , слѣдуетъ островъ *Вавиу*. Онъ видѣлся уже передъ нами въ волнахъ океана. Издали казался онъ средней вышины, плодороденъ и лѣсисъ , показывая характеръ произрастанія , похожій на Таишскій. Уже съ четверть часа обходили мы около южнаго мыса острова , когда явилась къ намъ лодка. Трое дикарей сидѣли въ ней, и одинъ явно былъ начальникомъ другихъ. По обхожденію, крошечному и смиренному, особливо по неприкосновенности нашихъ гостей ко всему , что они видѣли на палубѣ , легко можно было догадаться, что Миссіонеры уже овладѣли Вавиу и преобразили на немъ нравы жишелей. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ дикари здѣшніе уже крещены. Наши гости изъявляли сильное желаніе, чтобы мы остано- вились близъ ихъ острова , но Пендлешонъ полагалъ , что мѣсто было довольно неудобно , и потому нехотѣлъ сворачивать съ своего пути. Припомъ мы знали , что на Вавиу свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь , уменьшившая уже до 700 человекъ населеніе острова, прежде составлявшее тысячи при душъ. По всему этому, мы запланили за приглашеніе дикарей кой-какими по-

дарками, и пустились къ оспрову *Тубуан*, гдѣ предположили оспановипись.

Испанецъ Гайангось ошкрылъ, въ 1775 году, Февраля 5-го, оспровъ *Вавишу*, или, какъ зовуть его обыкновенно *Раиваван*. Туземцы показались ему наглыми и ворами. Въ то время они не знали еще шапуажа и носили одежду похожую на Таишскую. Лодки были у нихъ превосходныя и оружіе хорошо обдѣланное. Вновь осмошрѣнный Броупономъ, въ 1794 году, Вавишу былъ посѣщенъ Генри, въ 1811 году, и онъ почелъ его своею находкою. Послѣ того посѣщали Вавишу многіе купеческіе корабли. Но только въ 1822 году христіане Таишскіе явились сюда для-распространенія испинной вѣры. Успѣхъ ихъ былъ мгновенный и полный. Находясь подъ $23^{\circ} 50'$ ш. ю. и $150^{\circ} 42'$ д. з., Вавишу соспавляетъ ошъ 12-ши до 15 миль въ окружности.

Вавишу былъ уже далеко ошъ насъ, когда 4-го Мая, ушромъ, мы увидѣли оспровъ *Тубуан*, и ушромъ спали подлѣ мѣлей западной его оконечности, на 5-ши брассахъ глубины. Тушъ на прибрежьи живешъ все народонаселеніе оспрова, челоуѣкъ съ 300. Они занимають два небольшія селенія, въ кошорыхъ замѣтили мы нѣсколько разсѣянныхъ шамъ и здѣсь каменныхъ домиковъ, обмазанныхъ извешью, на манеръ Таишскихъ жилищъ, болѣе щегольскихъ, нежели удобныхъ, и неснолько здоровыхъ и надежныхъ, какъ спаринныя хижины дикарей. Едва оспановились мы, шлюпка перевезла насъ къ берегу, гдѣ вышли

мы между двумя рядами туземцевъ. Каждый изъ дикарей наперерывъ спарался обласкать насъ, сказавъ намъ привѣтливое слово на своемъ Полинезійскомъ нарѣчїи, съ которымъ я поспѣху успѣлъ ознакомиться. Нѣсколько человекъ вызвались провожать меня къ селенію, въ кошоромъ небыло ничего замѣчательнаго. Хижины походили на Нукагивскія. Несмотря на предупрежденія Пендлешона, я хотѣлъ продолжитъ мою прогулку далѣе, и осмотрѣть внутренность острова. «По крайней мѣрѣ—говорилъ мнѣ капитанъ—возьмите кого нибудь изъ начальниковъ.» Мнѣ указали самого главнаго изъ нихъ, Тубуайскаго Королька. Нагнувшись съ одного утеса, по колѣни въ водѣ, Его Величіе ловилъ себѣ рыбу на обѣдъ. Когда я спросилъ его, благоволилъ-ли онъ принять должность моего вожда, онъ покачалъ головою и оборотился къ своей удѣ. Надобно было сильнѣйшее убѣжденіе. Я вынулъ изъ кармана красивый ножикъ и показалъ Его Величію. Гордость Королька уступила; онъ бросилъ свою уду, и пошелъ передо мною, увѣряя меня, что онъ былъ мой другъ, мой истинный другъ.

Королькъ-другъ мой привелъ меня сначала къ болошишному пространству, гдѣ присѣлъ онъ, выгнувши спину по верблюжьи, и просилъ меня садиться на него спокойно. Какъ ни совѣстно мнѣ было, но я вскарабкался на моего знаменитаго друга, и онъ понесъ меня туазовъ черезъ 300 болошной грязи. Ноша его была довольно тяжела, а дорога неудобна. Вошъ почему мой знаменитый другъ сильно усталъ и былъ весь испачканъ грязью,

достигнувши окончанія болоша. Впрочемъ грязь немогла бытъ ему опасна, и окунувшись въ ближнемъ ручьѣ онъ явился чистехонекъ, пошому что былъ совершенно нагой. За болошомъ, мы вышли на долину, покрышую кокосами, бананами, хлѣбными деревьями, папайерами, и шамъ и сямъ разбросанными, развалившимися хижинами, по видимому, съ давняго времени оставленными. Долина эша была прекрасна на взглядъ, плодоносна, цвѣтуща, окружена холмами. Мы шли по ней около часа, когда мой сопутникъ внезапно закричалъ пронзительнымъ голосомъ, шакъ, что я зашрепеталъ невольно. Мы пришли на мысль совѣшны недовѣрчиваго Пендлешона. Но испугъ мой оказался напрасенъ. На призывъ начальника, вдали показался дикарь, будшо привидѣнїе, выскочившій изъ куспарника. Въспо всякаго непрїязненнаго поступка, ему велѣно было карабкаться на кокосовое дерево, сорвашь нѣсколько орѣховъ и бросишь къ намъ. Съ наслажденїемъ утолилъ я свою жажду. Чтобы дополнишь угощенїе, мой Королекъ зазвалъ меня въ одну хижину, гдѣ поднесли намъ сушеннаго шѣша и хлѣбныхъ плодовъ. Но несмотря на все мое желанїе сдѣлашь честь гостепрїимству дружбы, я немогъ проглатишь ни одного кусочка кушаньевъ. Мы опправились пошомъ къ приморью другою дорогою, между дикорасшущими сахарными просшиями. Подлѣ входа въ селенїе видно было кладбище, съ двумя, или шремя грубо сдѣланными истуканами подлѣ могилъ. Ошсюда немедленно хошѣлъ я опправишь на корабль, но мой другъ

и сопутникъ непременно хопѣлъ вознаградишь плохое угощеніе, какимъ подчивалъ меня прежде, и просилъ оспашься обѣдать. Въ самомъ дѣлѣ, теперь подали кушанья разнообразіе и пипашельнѣе. Кислое шѣшо, необходимая принадлежность здѣшней гаспрономіи, явилось, правда, между прочимъ, но за то была шущъ рыба, пойманная самимъ Королькомъ, и кромѣ того жареная курица, шаро, плоды хлѣбнаго дерева, и всякая всячина, славно приготовленная. Всѣ кушанья, завернутыя въ банановые лисья, были разставлены на рогожкахъ, разоспленныхъ по землѣ; нѣкошорый порядокъ видѣнь былъ въ ихъ разстановкѣ, и множество служителей, стоя въ хижинахъ начальника, гошovy были исполнять повелѣнія моего Амфишріона. Явилось множество гостей, въ-рояшно, все начальниковъ, хопя и ниже званіемъ моего друга. Мы присѣли на корточки, напали на нашъ обѣдъ, ѣли, пили въ круговую. Хозяинъ самъ услуживалъ мнѣ и никому неусшупалъ эшой почести. Желая ошблагодаришь за всѣ ласки, я предложилъ моему знаменишому другу мою дорожную фляжку съ ромомъ, изъ кошорой пили мы обще. Видя, что онъ часно къ ней прикладываеться, и незная, каковъ бываетъ онъ хмѣльный, я предложилъ ему удѣлишь понемногу драгоцѣнной влаги другимъ собесѣдникамъ, и даже указалъ ему на двухъ спариковъ, гостей, казавшихся спаршими послѣ него. Мой другъ разсердился, схватилъ фляжку, спряталъ ее за спину и угрюмо сказалъ мнѣ: «Нѣтъ, нѣтъ! Я ничего имъ не дамъ—слиш-

комъ хорошо будетъ это для нихъ!» Впрочемъ, досада моего хозяина была мимолетнымъ облачкомъ на горизонтѣ нашей дружбы. Едва показавъ я видъ, что забываю о фляжкѣ, мой Королекъ сдѣлался опять милъ, ласковъ, услужливъ. Онъ готовъ былъ все опустить мнѣ—своихъ служителей, свое жилище, даже свою королеву. Драгоценный подарокъ мой пронулъ его до глубины души. Думаю, что за бутылку рому я могъ-бы сдѣлаться преемникомъ его власти. Судя поному, какъ услужливъ и добръ сдѣлался мой пріятель за маленькую фляжку, полагаю, что за бутылку онъ отказался-бы отъ своего царства въ мою пользу. Когда Пендлешонтъ явился звать меня въ шлюпку, пять или шесть разъ принимался другъ мой тереться носомъ со мною, плакалъ, какъ дитя, и бросился даже вплавь догонять насъ и опять прощаться. Мое посѣщеніе, конечно, сослало эпоху въ исторіи оспрова, и—видишь-ли, какъ мало иногда бываетъ надобно для того, чтобы сдѣлаться историческимъ лицомъ!

Кукъ первый открылъ островъ Тубуаи, въ Августѣ 1777 года. Онъ неprisаивалъ здѣсь, но ознакомился съ туземцами, выплывшими къ нему на лодкахъ, фушовъ по 30-ти длиною; въ каждой было по семи и по восьми человекъ. Кукъ описываетъ дикарей здѣшнихъ сильными, мѣдноцвѣтными, съ черными, гладкими волосами, круглыми, полными лицами и весьма свирѣпымъ характеромъ. Всѣ приплывшіе къ кораблю были нагіе, но на берегу замѣтили нѣсколько человекъ, окутанныхъ въ бѣлыя шкани. Перламутровыя раковины висѣли у

нихъ на груди, въ видѣ ожерельевъ. Послѣ Кука, въ Тубуаи явились буншовщики корабля *Bounty*, какъ я говорилъ уже, и щещно старались здѣсь нѣсколько разъ поселиться. Наконецъ, въ 1844 году, прибыли сюда Миссіонеры. Несмотря на сильное сопротивленіе туземцевъ, силою и кропотливою, пришлецы эши успѣли распространить здѣсь христіанство. Въ бытность Паульдинга, въ 1826 году, Тубуаи былъ еще раздѣленъ между христіанами и идолопоклонниками. Теперь идолослуженіе совершенно уничтожилось.

И со скалами, его окружающими, Тубуаи не болѣе 4-хъ, или 5-ти миль въ ширину, но между нѣмъ на немъ есть высокіе, лѣсистые холмы. Долины и побережье покрыты произрастаніемъ, показывающимъ плодородіе почвы. Во время открытія, на островѣ находилось много свиней и пшеницы; были на немъ всѣ пропитческія произведенія. Подобно окружающимъ его островамъ, Тубуаи нынѣ клонится къ упадку. Прежде считали на немъ до 4000 человекъ; теперь едва-ли есть до 300 жителей всего на все. Положеніе Тубуаи — 23 24' ш. ю. и 154° 44' д. з. —

Направляясь на островъ Римешара, мы могли видѣть, въ нѣсколькихъ лѣхъ разстояніемъ, островъ *Руруту*, иначе *Огитероа*. Кукъ открылъ его въ 1769 году, и нашелъ неплодороднымъ и почти пустыннымъ. Но жители казались крѣпки, стройны, и были tatuированы только на плечахъ и на концахъ ногъ. Одежаніе ихъ составляли шканы, хорошо сплетенныя и хорошо окрашенныя. Оружіе ихъ

было изъ крѣпкаго дерева, искусно выработанное. Лодки, оплично вырѣзанныя, были украшены поло-
сою бѣлыхъ перьевъ, висѣвшихъ къ кормѣ и къ
носу. Забытый послѣ Кука до 1811 года, Рурушу
только въ 1822 году былъ осмошрѣнъ Таишскими
Миссіонерами. Теперь всѣ жишели его христіане.
Онъ находится подъ $23^{\circ} 47'$ ш. ю. и $153^{\circ} 6'$ д. з.—
Окружность его 12-13 миль.

Едва пришли мы на линію острова *Риметара*,
шлюпка поплыла отъ Океаніи. У Пендлепона былъ
на островѣ землякъ, другъ, корреспондентъ. Онъ
отправился шуда, видѣшся съ своимъ пріятелемъ,
и на весь визитъ употребилъ неболѣе 3-хъ часовъ.
Во все это время, корабль нашъ стоялъ въ откры-
томъ морѣ, потому, что приближеніе къ скаламъ
острова опасно. Маленькая эта земляца замѣча-
тельна своимъ плодородіемъ. Миссія, здѣсь осно-
ванная, служишь центромъ соединенія для миссій
всѣхъ окрестныхъ острововъ. Открытый въ 1811
году, капитаномъ Генри, Риметара былъ забытъ
до 1821 года, когда поселились здѣсь Миссіонеры.
Паульдингъ, бывшій здѣсь въ 1826 году, полагалъ
народочисліе острова человекъ въ 300. Всѣ они
жили въ небольшой деревенькѣ на приморьи, во-
кругъ большаго, выбѣленнаго извѣскою дома, мѣ-
ста жилища пашпоровъ, царей острова. Въ заго-
родкахъ находяшся здѣсь насажденія пашпоровъ и
пабаку, и кромѣ того небольшія поля съ инья-
мами и шаро. Припасовъ обиліе, и въ нѣсколь-
ко часовъ, проведенныхъ здѣсь, Англійскій капи-
танъ успѣлъ достать до 30-ти свиней, кромѣ

множества овощей. Идолослуженіе, кажешся, здѣсь совершенно истреблено. Осишки столбовъ, около 60-ти фузовъ вышиною, суть единственныя указанія мѣста, гдѣ существовалъ некогда морай. Зданіе уничтожено волею Миссіонеровъ. При маломъ возвышеніи, въ три мили шириною и три мили длиною, защищаемый цѣпью утесовъ, Римешара лежитъ подъ $22^{\circ} 38'$ ш. ю. и $154^{\circ} 22'$ д. з.

Далѣе, подъ $24^{\circ} 40'$ ш. ю. и $157^{\circ} 44'$ д. з., Океанія прошла мимо острова съ коралловымъ основаніемъ, окруженнаго прибоами. Широкій только полуостровъ на 300, онъ растягивается почти на милю въ длину. Поверхность его покрыта кустарникомъ. Утесы эти были открыты Паульдингомъ, который единственнымъ обитателями ихъ нашелъ морскихъ птицъ. Полные господа острова, онъ испугались маврозовъ. Прибрежье, говоря буквально, было усыяно яйцами.

Еще нѣсколько дней продолжилось плаваніе наше отъ острова къ острову. За утесами Паульдинга, Океанія уклонилась немного къ сѣверу, и поочередно прошла мимо острововъ Мауши, Миши-Аро, Ваніу, Мануаи и Вайшу-Таки, милыхъ, зеленѣющихъ, принадлежащихъ къ одной группѣ, извѣстной въ описаніяхъ Миссіонеровъ подъ названіемъ *острововъ Гарвея*. Мы видѣли ихъ всѣ издали, мимоходомъ, но вотъ что извѣстно объ нихъ:

Самый южный изъ всѣхъ этихъ острововъ, *Мангіа*, былъ открытъ Кукомъ, въ 1777 году. На корабль Кука находился тогда Май, возвращавшійся на свою родину. Онъ служилъ переводчикомъ

Англійскому капишану , и уговорилъ шуземцевъ , прибывшихъ въ лодкахъ , взойдши на палубу корабля. Сначала они робѣли , а попомъ сдѣлались смѣлѣе. По видимому , дикари эши сосшавляли собою довольно красивое поколѣніе людей крѣпкихъ и складныхъ , хошя маленькаго росша. Физиогноміи ихъ были счастливья и характеръ веселый. Черные волосы ихъ завязаны были на верхушкѣ головы лоскушками шканей. Бороды были у нихъ длинныя , и руки и другія часши шѣла шашуированы. Большія прорѣхи въ мочкахъ ушей служили имъ , шо для всшавки украшеній , шо вмѣсто маленькаго гардероба всякой всячины. Одинъ изъ дикарей , кошорому Кукъ подарилъ ножикъ , вложилъ эшопъ подарокъ въ прорѣху своего уха , какъ будшо въ ножны. Другіе прятали сюда пронизки , и даже лоскушья шканей. Ткани эши , дѣлаемыя изъ коры *Broussonetia* , были красивы и блестящи , какъ издѣлія сего рода на Тонга. Хорошо усшроенныя лодки оканчивались къ кормѣ вилочкою. Кукъ немного пробылъ на виду острова , хошѣлъ выйдши на берегъ , но шуземцы , собравшись по побережью , показывали сшоль непріязненныя намѣренія , что онъ ошказался ошъ посѣщенія ихъ земли. Таишскіе Миссіонеры были настойчивѣе и счастливѣе. Они основали здѣсь миссію , и несмотря на безчисленныя препяшешвія , обрашили въ христіанство все народонаселеніе острова. Мангіа , иначе *Manaia* , довольно возвышенная земля , около пяши льѣ въ окружности. Произраспаніе его двоякое: низкое , густое , шемнозеленое , и высокое , разсѣянное ,

несполь мрачнаго цвѣта. Нѣкошорые холмы красноваты, безплодны, покрыты папоротью. Въ 1823 году считали здѣсь до 1500 жителей. Высшая точка острова лежитъ подъ $21^{\circ} 55'$ ш. ю. и $160^{\circ} 48'$ д. з.

Въ 36-ми лѣ на $S\frac{1}{4} S. E.$ отъ Мангіа, является островъ Маути, открытый только въ 1824 году, въ ту эпоху, когда усердствовали Таинскіе проповѣдники Евангелія въ здѣшній, дошоль малоизвѣстный архипелагъ. Капитанъ Байронъ, остановясь близъ Маути въ 1825 году, былъ очарованъ дружескимъ пріемомъ, какой оказали ему островитяне. Нигдѣ, по словамъ его, нѣтъ болѣе красивыхъ и богатѣйшихъ мѣстоположеній, нигдѣ ненайдете и правовъ болѣе крошкихъ, болѣе простыхъ, болѣе скромныхъ. Маути сдѣлался теперь, маленькимъ раемъ на землѣ, благодаря его обращенію, котораго подробности весьма любопытны.

Въ 1824 году, островъ признавалъ власть царя Ваніускаго, отвергнувшаго идолослуженіе и принявшаго христіанство. Самъ эшоль власишель хотѣлъ способствовать обращенію Маути, будучи новымъ христіаниномъ. Онъ отправился на островъ съ двумя Миссіонерами, и вышелъ на берегъ среди многочисленной толпы туземцевъ. Немедленно началъ онъ говорить: «Донынѣ обожали вы куски дерева, неимѣющіе ни чувства, ни власи, ищукановъ, созданныхъ вашими руками. Вы заблуждались и должны познать истиннаго Бога. Люди, пришедшіе со мною, изъяснятъ вамъ его.» Послѣ такого краскаго воззванія, онъ приказалъ

ниспровергнушь всѣхъ идоловъ въ мораяхъ. Народъ повиновался. Еще ушромъ идолопоклонство было въ полной силѣ на Мауши, а вечеромъ его уже не осталось слѣдовъ. Черезъ мѣсяцъ потомъ, весь островъ принялъ крещеніе. На окружности 8-ми миль, Мауши, лѣсистый и плодородный, счисляется до 200 жилищей. Положеніе его : $20^{\circ} 6'$ ш. ю. и $159^{\circ} 35'$ д. з.

Въ 25-ти миляхъ на С. отъ Мауши находится *Мити-Аро*, островокъ низкій, лѣсистый, населенный сотнею жилищей, съ прудомъ содержащихъ себя произведеніями бѣдной почвы. Онъ также зависитъ отъ царя Вашиускаго ; въ ошкрытіи и обращеніи исторія его одинакова съ Мауши. Мити-Аро лежитъ подъ $19^{\circ} 54'$ ш. ю. и $160^{\circ} 4'$ д. з. — Великою онъ при, или чешыре миль въ длину и миль въ ширину.

Островъ *Ватиу*, или *Атун*, по произношенію Миссіонеровъ, въ 28-ми миляхъ на ю. з. отъ Мити-Аро. Его ошкрылъ Кукъ въ 1777 году. Онъ ошправилъ на берегъ шрехъ своихъ офицеровъ, съ Таишяниномъ Май. Туземцы сначала вспрѣтили гостей съ нѣкоторымъ почешомъ, представили передъ ними родъ комедіи, поднесли имъ припасовъ. Но доброе расположеніе дикарей непродолжилось; увлекаемые спрашью къ воровству, дикари обокрали посѣшителей, и даже вздумали задержатъ ихъ плѣнниками. Безъ угрозъ Май, который зашращалъ ихъ пушками корабля, и показалъ имъ убійственную силу пороха, посредствомъ нѣсколькихъ фейерверочныхъ шшукъ, невольничество Ев-

ронейцевъ могло продолжиться и бысть опаснымъ. Маи нашелъ на Вапіу прехъ земляковъ своихъ, оштакъ ошъ двадцати, кошорые погибли при разбишии лодки среди ошкрытаго моря. Уже лѣтъ двѣнадцать эши шрое Таишянъ жили на Вапіу, и ласково приняшые шуземцами, нехошѣли возвращашихся домой на Англійскомъ кораблѣ. Послѣ посѣщенія Кука, никто неprisпавалъ къ Вапіу до 1824 года, когда Миссіонеры явились здѣсь для обращенія ошровишянъ. Успѣхи христіанства, сначала медленные, каженіся, шеперь можно назваши полными. Всѣ дикари здѣшніе христіане. Ошровъ посредшвенной вышины, шесѣ лѣ въ окружности, окруженъ прибойми, населенъ нѣсколькими сошнями человекъ. Самая возвышенная шочка его подѣ $20^{\circ} 3'$ ш. ю. и $160^{\circ} 28'$ д. з.

Въ 40-ши миляхъ ошъ Вапіу, на С. З., лежишъ маленькій ошровъ *Фенуа-Ити*, или *Ока-Тутаіа*, по названію Кука, кошорый ошкрылъ его въ 1777 году. Эшо низкая земля, обшянушая побережьемъ изъ бѣлаго песку, лѣсистая внушри. Кукъ видѣлъ его пусыннымъ, хошя и нашелъ на немъ развалившіяся хижины, гробницы и загороженныя поля. Миссіонеры неговоряшъ ничего объ эшомъ ошровѣ въ исчисленіи купы ошрововъ Гарвейскихъ, безъ сомнѣнія пошому, что будучи необитаемъ, онъ для нихъ неваженъ. Положеніе его — $19^{\circ} 5'$ ш. ю. и $160^{\circ} 38'$ д. з.

Около 20-ши лѣ сшишаешся, на С. З., ошъ Вапіу до ошрова *Мануан*, кошорый видѣлъ Кукъ въ 1773 году, и назвалъ ошровомъ *Гарвея*. Въ первое свое

пушешесивіе, знаменимый мореплавашель почель его необишаемымъ, но посѣшивъ вшорично въ 1777 году, онъ нашель его заняшымъ дикарями свирѣпаго, непріязненнаго характера, сопрошивлявшими-ся высадкѣ Англичанъ. Чертами лица и поступками дикари эши походили на Ново-Зеландцевъ, шолько небыли папуированы. По ихъ изъясненіямъ могли понять, что у нихъ небыло свиней, и что оспровъ непроизводиль ни банановъ, ни хлѣбнаго дерева. Мануан казался шогда зависящимъ опъ царя Вапіускаго. Хотя надобно-бы предполагашъ, что и эшому оспрову надлежишъ раздѣляшъ учаспъ его сосѣдей въ нынѣшнемъ обращеніи въ христіанство, но Миссіонеры ничего неговоряшъ объ эшомъ удовлетворительо. Или, онъ сдѣлался опяшъ необишаемымъ, или оспаешся въ заблужденіи язычествва? — Собспвенно говоря, оспровъ соспавляется изъ шрехъ, или чешырехъ небольшихъ оспровковъ, низкихъ и окруженныхъ одною общею мѣлю, около 6-ши льё пространствомъ. Южный край ея находишся подъ 49° 23' ш. ю. и 161° 48' д. з.

Оспровъ *Вайту-Таки* (*Айту-Такни*, по извѣстіямъ Миссіонеровъ) опстоишъ опъ предшесшвовавшаго на 20-шъ льё къ С. З. — Эту купу опкрыль Блей, въ 1789 году. Онъ имѣль сношенія съ пуземцами, оказавшими при семъ случаѣ много довѣренности и опкровенности. Опъ нихъ узналь онъ, что на оспровѣ нѣшъ ни свиней, ни собакъ, ни иньямовъ, ни шаро, но много кокосовъ, пшицы, хлѣбныхъ деревьевъ, банановъ и *эвисовъ*. Немогши

сойдши на землю, хошя дикари просили его, Блей подарилъ имъ всякой всячины, свинью и борова. Дикари казались вѣжливыѣ и крошче своихъ соседей Мануайцевъ, и были шапуированы въ концѣ рукъ и ногъ, безъ шапуажа на спинѣ и груди, вопреки обычаю Таишянъ. Послѣ Блея былъ здѣсь Эдуардъ, посѣщившій Вайшу-Таки черезъ два года послѣ его открытія. Пошомъ сей островъ позабыли до самаго 1821 года, времени прибытія миссіонера Вилліамса, оставившаго здѣсь двухъ Таишскихъ проповѣдниковъ. Счастливо и скоро совершилось обращеніе. Царь Тамапоа сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ, а подданные слѣдовали его примѣру. Миссіонеръ Боурнесъ, бывшій на Вайшу-Таки въ 1825 году, изображалъ въ плѣнительной картинѣ мѣстность и нравы жителей. « Часовня здѣшняя кончена » — говоритъ онъ. « Дикари построили изъ коралловыхъ глыбъ набережную, въ 600 фушовъ длиною и 8-мъ шириною. Сно сорокъ чешыре домика, всѣ ошпукатуренные, вышянушы по прибрежью; многіе изъ нихъ меблированы кушетками и софами. Число крещеныхъ туземцевъ простирается до 600. » Все народочисліе составляло тогда до 1500 человекъ. Маленькая купа низкихъ островковъ образуетъ Вайшу-Таки, съ островомъ болѣе возвышеннымъ по срединѣ. Поясъ мѣлей, 30-ши, или 40-ка миль въ окружности, окружаетъ его опвсюду. Сѣверный мысъ находится подъ 18° 47' ш. ю. и 162° 8' д. з.

Раро-Тонга—вошъ важнѣйшій изъ всѣхъ острововъ, открытый только въ 1814 году, небольшимъ

Миссіонерскимъ кораблемъ. Царь Вашіускій посо-
вѣщивалъ проповѣдникамъ обратиться сюда, въ
1823 году. Оставили здѣсь двухъ паспортовъ, при-
родныхъ Таишянъ, предославляя имъ трудъ обра-
щенія туземцевъ. Менѣе нежели въ годъ, дѣло было
совершено. Царь Макеа, его семейство и главные
старшины выучились читать Таишскія книги; бо-
лѣе 1500 человекъ крестились. Успѣхи земледѣлія
слѣдовали за движеніемъ успѣховъ религіозныхъ, и
весь островъ покрылся богатою воздѣлкою. Народо-
населеніе острова росширалось тогда до 7000—
шакое-же небольшое число считалось тогда на Таиши.
Важность мѣста рѣшила одного изъ Миссіонеровъ
ушвердиться здѣсь въ 1827 году. Прежде власпъ
дѣлилась на островѣ между тремя старшинами,
почти безпрестанно сражавшимися между собою,
но со введеніемъ христіанства, Макеа признанъ
единственнымъ власпишелемъ. Географически,
Раро-Тонга намъ все еще мало извѣстна. Знаемъ
одно дословѣрно, что онъ находится подъ 21°
 $44'$ ш. ю. и $162^{\circ} 33'$ д. з.

Въ окрестностяхъ Раро-Тонга карты наши по-
казываютъ еще три острова: *Роксбургъ*, откры-
тый въ 1824 году капитаномъ Вайшомъ (White),
на кораблѣ *Медвей*. Это высокая земля, 20-ть миль
протяженія отъ В. къ З., середина которой подъ
 $21^{\circ} 39'$ ш. ю. и $163^{\circ} 0'$ д. з.—Пошомъ *Армстронгъ*,
лежащій, по одному извѣстію, подъ $21^{\circ} 22'$ ш. ю. и
 $163^{\circ} 23'$ д. з.—Наконецъ *Рурути*, маленький островъ,
открытый Генри въ 1844 году, и находящійся
подъ $20^{\circ} 20'$ ш. ю. и $162^{\circ} 20'$ д. з.—Никакихъ по-

дробностей неизвѣстно о сихъ земляхъ, и самое существованіе ихъ сомнительно. Миссіонеры, привычные плаватели здѣшняго моря, вовсе не упоминають объ нихъ, описывая острова Гарвейскіе.

При пособіи добраго Ю. В. вѣпра, Океанія наша перешла просяженіе всѣхъ исчисленныхъ мною острововъ. Утромъ 10-го Мая, она была на виду купы *Пальмерстоновой*, низкихъ, лѣсистыхъ утесовъ, на которыхъ Помаре, въ послѣдній годъ своего царствованія, хотѣлъ учредить Таишскій Бопани-Бей. Смерть недопустила его исполнить такое намѣреніе и Пальмерстонъ остался имъ, чѣмъ былъ онъ прежде — пусшынею. Кукъ посѣщалъ его два раза, въ Іюнѣ 1774-го и въ Апрѣлѣ 1777 года. Тушъ набрали кокосовыхъ орѣховъ, пальмовой капусты, сердцевины молодыхъ кокосовъ, нѣжныхъ вѣшвей пандана, рыбы и пшичьихъ яицъ. Кукъ узналъ, что вся купа состоить изъ 9-ти, или 10-ти островковъ, низкихъ, узкихъ, болѣе или менѣе лѣсистыхъ, и расположенныхъ на прибоѣ, почти кругообразномъ, миль шести отъ сѣвера къ югу. Обширный лагунъ занимаетъ внутренность земли. Только обломки лодки и пагай, найденные на берегу, свидѣтельствовали о пріѣздахъ сюда рыбаковъ съ острововъ окрестныхъ. Эдуардъ, въ 1791 году, попомъ другіе плаватели посѣщали Пальмерстонъ. Онъ находится подъ $48^{\circ} 4'$ ш. ю. и $165^{\circ} 30'$ д. з.

Прямая дорога отъ Пальмерстона къ Тонга представляла намъ только незначущія изслѣдованія: утесы *Бевриджа* и *Низолсона*, которыхъ самое су-

щесствованіе сомнительно, и островъ *Дикій* (Savage), пренебрегаемый всѣми мореплавателями со времени посѣщенія его Кукомъ. Увидѣвши сей островъ, 20-го Іюня 1774 года, Кукъ хотѣлъ сдѣлать мѣстное обозрѣніе его. Два раза и на двухъ мѣстахъ покушались учинить высадки, но дикари шамъ и здѣсь воспротивились этому, съ невѣроятною свирѣпостью и ожесточеніемъ. Прогнанные убійственнымъ огнемъ съ берега, они засѣли въ лѣсу, откуда неосмѣлились гнать ихъ. Англичане перѣбрались даже идти во внутренность земли, гдѣ непріятель могъ имѣть надъ ними выгоду мѣстоположенія. Дикари ходили совершенно нагіе, и только на головѣ и на поясѣ были у нихъ повязки изъ бѣлой шкани. Темная кожа ихъ была совершенно покрыта полосатымъ шашуажемъ; оружіе ихъ состояло изъ копья, дубина, дропикъ. Рѣзба на ихъ лодкахъ показывала нѣкоторую степень искусства. Тамъ, гдѣ приставалъ Кукъ, островъ былъ невысокъ и покрытъ зеленою папоротниковъ и кустарника. Прибрежье состояло изъ освѣщенныхъ извесняковъ, возвышавшихъ свои коралловые, въ 40 фузовъ вышиною, снизу подмываемыя волнами моря, скалы. Форшеръ полагалъ, что внутренность острова прежде занималъ лагунъ, превратившійся въ плодородную долину вулканическимъ поднятіемъ земли. Предположеніе это не было попомъ ни ошвергнуто, ни подтверждено. Кукъ считалъ окружность острова въ 44-ты лѣ. Дюперре, обходившій его въ нѣкоторомъ разстояніи, въ 1823 году, говоритъ, что онъ проши-

раешся отъ $18^{\circ} 59'$ до $19^{\circ} 40'$ ш. ю. и отъ $172^{\circ} 2'$ до $172^{\circ} 44'$ д. з.

Мы не рѣшились заботиться объ осмотрѣ, ни утесовъ Ничолсона и Бевериджа, ни острова Дикихъ. Путь нѣсколько сѣвернѣе могъ бытъ болѣе занимателенъ и полезенъ, и Пендлешонъ предпочелъ его. Онъ рѣшился идти къ Тонга послѣ опознанія только острововъ Гамоаскихъ, столь несовершенно и неопредѣленно описанныхъ донныѣ. Океанія повернула въ слѣдствіе сего, перешедши Пальмерстонъ, къ С. З. — Погода была такъ способна, море такъ прекрасно, что нашъ прыжокъ почти несоставлялъ большаго разстройства прошивъ прямой дороги. Впрочемъ, Филиппъ бранился на эпошъ разъ что-то менѣе обыкновеннаго, и тѣмъ заставилъ меня думать, что у него скрывается шайный замыселъ поторговать съ дикарями Гамоаскими. Это совершенно дикая спорона, одна изъ такихъ, которыя безпрестанно болѣе и болѣе переводятся въ Океаніи, какъ онъ жаловался.

Съ моей спороны, признаюсь, не безъ удовольствія видѣлъ я приближеніе къ такимъ мѣстамъ, куда непроникло еще новое общественное преобразование Океанійской части свѣта. Океанію можно дѣлить на двѣ половины, одну предославляя впечатлѣніямъ пріятнымъ — отъ этой половины мы теперь удалялись — другую сильнымъ драматическимъ впечатлѣніямъ, потрясающимъ душу позорищамъ — къ этой половинѣ мы шли теперь и касались ея предѣла. Еще *Полинезійскія*, купы *Гамоа* и *Тонга* уже сосѣди *Меланезіи*, и въ нравахъ,

обычаяхъ, образѣ жизни ихъ шужемцевъ уже опзы-
ваеиша шакое сосѣдство. Архипелагъ Виши, съ
его неприязненными племенами, находишся въ нѣ-
сколькихъ льѣ опсюда. Наше пушешествіе, до
сихъ поръ столь однообразное, столь спокойное,
среди народовъ, кошорыхъ уже коснулось обще-
ственное устройство Европейское, можешъ бышъ,
шеперь перейдетъ въ драму старинныхъ плаваній
по Южному Океану! По крайней мѣрѣ, мы увидимъ
новую перемѣну въ мѣстахъ и въ людяхъ. Эшо
восхищало меня. Ежедневно разспилалъ я каршу,
и пересосшавлялъ планы и вычешы пушешествія
полнѣе и любопышнѣе. Какъ ученикъ Пендлешона,
кошорымъ онъ начиналъ гордиться, я сдѣлался уже
шеперь порядочнымъ географомъ, дополняя мои
теоретическія познанія пракшическими опытами и
наблюденіями. « Капишанъ! » сказалъ я однажды
Пендлешону, когда мы вмѣстѣ развернули каршу
Океаніи — « а вѣдь вошъ всего эшого мы неувидимъ! » и я указалъ ему на множество маленькихъ
Полинезійскихъ ошстрововъ, разсѣянныхъ между
архипелагомъ Гавайскимъ и купою Гамоаскою, на
проспранствѣ почти 700 льѣ. — « Разумѣешся, не-
увидимъ—ошвѣчалъ мнѣ Пендлешонъ—да, бѣда не-
велика! Все эшо шочки ничшожныя, болъшею частію
сомнишельныя, и почти всѣ сплошь необишаемыя.
Хошше-ли, я корошко сдѣлаю вамъ полный ихъ
переборъ? » — Сдѣлайте одолженіе, капишанъ! —
И Пендлешонъ началъ рассказъ свой, указывая
каждый ошровъ на каршѣ.

«Смотрите: вотъ вамъ прежде всего ушесъ *Мануэль-Родригезъ*, кошорый мы привыкли сшавишь на каршу, слѣдуя сшариннымъ Испанскимъ каршамъ. Никшо не видалъ его въ новѣйшее время, и, кажешся, скоро его выскобляшь съ каршы Океанійской. Также надобно-бы уничтожишь *мнимый* островъ *Малленъ*, заявленный однимъ Американцемъ, и эши два ушеса и острова, кошорые показывающися на югъ отъ острововъ *Смиша*. Острова *Смита*, по крайней мѣрѣ, досновѣрны. Ихъ открылъ въ 1807 году *Джонсонъ*, капитанъ Англійскаго фрегата *Корнваллисъ*, а въ 1815 году видѣлъ ихъ *Дайонъ*, капитанъ Испанскаго корабля *Фернандо*. Это купа островковъ необитаемыхъ, кораллородныхъ, покрытыхъ плохимъ произрастаніемъ. Окружающъ ихъ полагающъ въ девять миль, съ С. З. къ Ю. В. — Положеніе ихъ $46^{\circ} 53'$ ш. ю. и $171^{\circ} 52'$ д. з.

«Далѣе, вотъ еще другіе сомнительные острова, *Санъ-Педро* и *Баркеръ*, и два, или три такіе-же ушеса близъ экватора, кошорые видише въ неподалеку на воспокъ отъ купы *Джилъберша*. — *Нью-Нантуккетъ*, объявленный, какъ открытіе, въ 1824-мъ, или 1825 году, отъ шкипера киполовнаго корабля *Lopez*, и находящійся будшо-бы подъ $0^{\circ} 44'$ ш. с. и $176^{\circ} 40'$ д. з., пребуешъ новаго обозрѣнія, и тогда только можешъ бышь досновѣрно посшавленъ на каршу.

«Существованіе острова *Пальмира* досновѣрнѣе. Видѣнный сначала Американцемъ *Фаннингомъ*, 14 Іюня 1798 года, онъ вновь былъ осмошрѣнъ, черезъ

нѣсколько лѣтъ попомъ , капитаномъ Маккеемъ (Maskay). Это низкій необитаемый островъ , при лѣе пространства, съ двумя лагунами внутри, при богами извнѣ, изъ коихъ одинъ , западный , будеть почти при лѣе въ ширину. Якорное мѣсто нуть находится на сѣверной сторонѣ , глубокое на 48-ть брассовъ. Имя острову дано Саулемъ (Sawle), капитаномъ корабля Пальмира, видѣвшимъ его въ 1802 году. Положеніе его подъ $5^{\circ} 50'$ ш. с. и $164^{\circ} 45'$ д. з.—Въ 4-хъ, или 5-ти лѣе къ С. лежишь опасный утесъ , открытый и осматрѣнный капитаномъ Фаннингомъ. Форма его походитъ на полумѣсяцъ, и онъ занимаетъ около 6-ти лѣе отъ С. къ Ю.

«Фаннингу также обязаны мы открытіемъ вопъ этого острова *Вашингтона* , или острова *Новаго года* (New Year), по картамъ Арровсмиша. Это возвышенная, покрывшая зеленью, но безлюдная и окруженная прибогами земля. Лежишь она подъ $4^{\circ} 45'$ ш. с. и $162^{\circ} 28'$ д. з. — Ближе къ экватору видите вы купу *Фаннинга*, названную по имени открывшаго ее плавателя. Ее составляютъ при лѣсистые островка, окруженные прибоемъ, внутри коихъ есть доброе якорное мѣсто. Два изъ островковъ, къ С., миль по 9-ти въ длину; восточный шесть миль. Когда Фаннингъ выходилъ здѣсь на землю, онъ нашелъ ее покрывшую морскими пшцами, столь незнакомыми съ человекомъ, что ихъ можно было хватать руками. Невидя на островѣ жителей, Фаннингъ думалъ, что онъ всегда былъ необитаемъ. Но Маккей, проходившій здѣсь черезъ

нѣсколько лѣтъ попомъ для ловли голошурій и черепахъ, нашелъ на поверхности земли нѣсколько правильно обписанныхъ каменьевъ, а начавши копать землю, въ 2-хъ фузахъ глубины, открыли каменный склепъ, наполненный пепломъ, обломками человѣческихъ костей, каменными, черепаховыми и костяными орудіями, различными украшеніями, копейцами дрошиковъ и стрѣлъ. Г-нъ Ле-Гоаранъ былъ здѣсь въ послѣдствіи, въ 1828 году, и засталъ до 25-ти судовъ, занявшихъ ловлею голошурій. Купа Фаннинга находится подъ $3^{\circ} 48'$ ш. с. и $161^{\circ} 25'$ д. з. — Нѣкоторые изъ мореплавателей называютъ ее *America*.

«Далѣе на югъ, вошъ островъ *Рождества* (Christmas), открытый Кукомъ въ Декабрѣ 1777 года. Онъ провелъ шутъ на пристани нѣсколько дней, и добывалъ черепахъ и рыбу. Это земля низкая, лѣссная, безлюдная, около 15-ти лѣ въ окружности, съ порядочною пристанью на западномъ приморьѣ, гдѣ углубленіе гавани внутрь острова дѣлаетъ изъ него фигуру полумѣсяца. Положеніе — $1^{\circ} 59'$ ш. с. и $159^{\circ} 50'$ д. з.

«Все, что мы знаемъ объ островѣ *Джарвисъ* (Jarvis), состоить въ извѣстіи Арровсмиша, что островъ этотъ открытъ капитаномъ Броуномъ, и въ 1822 году былъ видѣнъ капитаномъ Локкомъ. Полагають его подъ $0^{\circ} 30'$ ш. ю. и $162^{\circ} 18'$ д. з. — Островъ *Broke*, который на Американскихъ картахъ спавяетъ неподалеку на Ю. В. отъ предыдущаго, не мнимый-ли двойникъ Джарвиса?

«Островъ *Малденъ* былъ открытъ капитаномъ Байрономъ, 29 Юля 1825 года. Это низкая, лѣсисная, окруженная прибоемъ земля, около 12—15 миль въ окружности. Безлюдная нынѣ, она показываетъ примѣты прежняго своего населенія. Тутъ нашли обширныя чешыреугольныя площадки, складенныя изъ коралловыхъ камней, обдѣланныхъ руками человѣческими. Онѣ возвышаются ступенями, съ отдѣльнымъ камнемъ по срединѣ — вѣроятно, алтаремъ. Форма ихъ напоминаетъ Нукагивскіе и Таишскіе морай. Положеніе острова подъ 4° ш. ю. и 157° 20' д. з.—По одной Американской картѣ, на половинѣ дороги отъ Малдена къ Нука-Гива находится островъ, но такое показаніе сомнительно.

«Перейдемъ къ острову *Старбуку* (Starbuck), открытому въ 1823 году капитаномъ сего имени, когда перевозилъ онъ изъ Гавай въ Европу царя Ріо-Ріо и жену его. Байронъ видѣлъ этотъ островъ въ 1825 году, и описываетъ его болѣе Малдена безплоднымъ, такъ, что ни одного дерева нѣтъ на его мадрепоровой почвѣ. Лежитъ онъ подъ 5° 58 ш. ю. и 157° 26' д. з.

«Небольшой островъ *Каролины* былъ открытъ Броушономъ, въ 1795 году, и по словамъ Арровсмиша вновь видѣнъ Бассомъ черезъ нѣсколько лѣтъ; но лучше другихъ описалъ его Паулдингъ, въ 1825 году. Это низкая, окруженная прибойми земля, шестъ, или семь миль въ длину, при посредственной ширинѣ. Видно на ней нѣсколько большихъ деревьевъ, но болѣе кустарниковъ. Хотя и без-

людный, онъ представляетъ между нѣмъ слѣды дикаго образованія. Положеніе его подъ $9^{\circ} 55'$ ш. ю. и $152^{\circ} 20'$ д. з. — Самый эиотъ оспровъ нѣкошорые изъ киполововъ означающъ подъ именемъ *Торнтона*.

«Объ оспровѣ *Флинтъ* сказано нѣчего, кромѣ того, что Крузеншпернъ почищаетъ его ошкрытымъ въ 1801 году, и ставитъ подъ $44^{\circ} 30'$ ш. ю. и $154^{\circ} 30'$ д. з. — Нѣкошорые географы полагающъ, что эио Квиросовъ оспровъ *Peregrino*.

«Оспрова *Пенргейнъ* были въ первый разъ издали замѣчены капитаномъ Северомъ, съ корабля *Lady-Penrhyn*. Коцебу посѣпилъ ихъ въ 1816 году и видѣлся съ жишелями. Они походящъ на Нукагивцевъ, и хошя нешапуирующъ, но полосящъ себѣ кожу правильными почками. Всѣ они ходящъ нагіе, за исключеніемъ немногихъ, носящихъ пояса изъ грубыхъ шканей. Ошрацивающъ они себѣ ногши, особливо начальники, шакъ, что у иныхъ ногши бывающъ почши въ при дюйма. Сношенія Коцебу съ шуземцами необошлись безъ непріязни. Робѣя вначалѣ, дикари ободрялись мало по малу, и начали наконецъ хвашаться за все съ удивительнымъ безсмыдсшвомъ. Имъ грозили, и они грозили въ свой чередъ. Коцебу увидѣлъ, что необходимо испугашъ эшихъ негодяевъ сильнѣе. Ружейный высшрѣлъ поразилъ ихъ смертельнымъ ужасомъ; они побросались въ воду, но пошомъ ошашъ вошли въ свои лодки и понемногу окружили корабль. Капитанъ велѣлъ распускашъ паруса; корабль двинулся и множество лодокъ дикарскихъ, находившихся на пуши

его, было пощоплено. Купа Пенргейна составляется изъ множества низкихъ, покрытыхъ кокосами и другими деревьями, и расположенныхъ на коралловомъ основаніи острововъ. Коцебу опредѣлилъ средину ихъ подъ $9^{\circ} 2'$ ш. ю. и $159^{\circ} 55'$ д. з.

«Вопъ еще островъ *Pescado* (Рыбій), сохраненный на картѣ Арровсмиша, но почиаемый сомнительнымъ, и острова *Рирсонъ* и *Гумфрей*, кошорые едва-ли не смѣшеніе съ Рыбимъ. Оба они были ошкрышы Пашриксономъ, видѣвшимъ ихъ въ 1822 году и описывавшимъ низкими и необишаемыми. Они лежатъ подъ $40^{\circ} 32'$ ш. ю. и $163^{\circ} 40'$ д. з.— За шѣмъ слѣдуютъ острова *Суворова*, кошорымъ далъ это имя, по имени своего корабля, Русскій мореплавашель Лазаревъ—купа маленькихъ острововъ, подъ $43^{\circ} 2'$ ш. ю. и $165^{\circ} 5'$ д. з. — Чшо касается до острововъ *Опасности* (*Danger*), видѣнныхъ Байрономъ въ 1765 году, кажешся, они иже, что островъ *Solitaria*, найденный Миндана въ 1595 году. Слѣдуя разсказу Байрона, купа эта образуешся изъ прехъ низкихъ, весьма лѣсисныхъ, населенныхъ острововъ, опоясанныхъ опасными прибоями, кошорые проспираются болѣе нежели на чешыре лѣѵ опъ земли къ западу. Байронъ видѣлъ шущъ лодку, но немогъ имѣть сообщенія съ дикарями. Ширина опредѣлена — $40^{\circ} 45'$ сѣв. — Предполагаемая долгоша $168^{\circ} 40'$ зап., но это сомнительно.

«Гораздо вѣрнѣе можемъ мы говорить объ островѣ *Кларанцъ* (*Clarence*), кошорый былъ ошкрышъ Эдуардсомъ, въ 1791 году, но Эдуардсъ

неприспавалъ къ землѣ, а Паулдингъ былъ здѣсь въ 1825 году. Корабль его остано­вился на виду острова и вскорѣ былъ окруженъ мно­жествомъ лодокъ, изъ ко­торыхъ въ каждой находилась отъ 4-хъ до 8-ми чело­вѣкъ. Когда одна изъ нихъ по­дошла на надлежащее разстояніе, съ корабля бро­сили въ нее веревку, чтобы ей можно было при­цѣпиться къ борту. Дикари схватились за конецъ веревки, но, вмѣсто предназна­чаемаго употребленія, поспарались они при­тянуть ее къ себѣ, сколько могли болѣе, и по­мощью перерѣзали. Это значило на­чаться смѣлымъ воровствомъ. Небезпокоясь о томъ, какъ примутъ ихъ по­ступокъ, они продол­жали идти на греблѣ къ кораблю, требуя еще веревки. Имъ рѣши­тельно отказали, и одинъ изъ дикарей, безс­праш­ный здоровякъ, полѣзъ на корабль. Его окружили, хотѣли говори­ть съ нимъ, но онъ, ни о чемъ неза­ботясь, пошелъ прямо къ своей цѣли, какъ будто рас­поряжался на пус­томъ кораблѣ. Подошедши къ кормѣ, далъ онъ знакъ своей лодкѣ спастись поближе, и по­мощью, схватывая все, что видѣлъ — клѣшки, веревки, орудія, желѣзо, по­суду, припасы, — началъ кидать къ своимъ товари­щамъ, безъ дозволенія хозяевъ, а тѣ очень спо­койно подбирали, что бросалъ онъ, и уклады­вали въ лодку свою. Нѣкоторые изъ ма­нрозовъ хотѣли остано­вить наглаго разбойника. Онъ покраснѣлъ отъ ярости, и еще дѣлательнѣе продолжалъ свою уборку. Тутъ самъ Паулдингъ почелъ обяза­тельно вступи­ть въ дѣло. Легонько ударилъ онъ ружьемъ своимъ дикаря, ко­торый, безъ малѣйшаго

спраха, ухватился за дуло. Паулдингъ спалъ защищающься. Дикарь схватилъ его поперегъ-шѣла и бросилъ-бы въ море, его и ружье вмѣстѣ, если-бы машрозы неопняли силою капишана. Разбойника немогли поймашь. Онъ прыгнулъ въ море, достигъ лодки своей и горделиво расположился на своей добычѣ.

Его примѣръ ободрилъ другихъ дикарей. Самымъ наглымъ образомъ, они цѣплялись за все. У шлюпки вывернули они ея желѣзный руль. Капишанъ опнялъ его, положилъ подлѣ себя, но едва поворошилъ голову въ сторону, руль былъ снова украденъ и воръ прыгнулъ въ море съ своею добычею. Товарищи его старались перехватить лодшъ, кошорый принуждены были бросашь опъ времени до времени въ море, для безопасности корабля. Ни угрозы, ни просьбы неоспанавливали негодаевъ, и надобно было безпрестанно опасашься, что они ошорвуншъ свинецъ и веревочку. Цѣлое утро прошло въ безпорядкѣ и оспорожности. Сошняя лодокъ безпрестанно окружала корабль, и дикари бросали на него дубины, кокосовые орѣхи, разные обломки, восклицая рѣзко и пронзительно. Тяжелымъ орѣхомъ попали они въ голову корабельнаго лекаря, и если-бы незащишила шляпа, ранили-бы его жестоко. Только на недолгое время разсѣялись нападчики. Шлюпка, кошорой приказано было измѣряшъ окрешности, для омысканія якорной спюянки, спустилась на море, и при видѣ ея, лодки дикарей двинулись во всѣ стороны. Измѣреніе дозволили они кончешъ безъ помѣхи, но когда

шлюпка пустилась обратно къ кораблю, лодки дикарей окружили ее; у гребцовъ начали опшнмать весла; махали надъ ихъ головами тяжелыми дубинами. Опасность являлась большая, но исполощенный выстрѣлъ разсѣялъ ее. Одинъ дикарь былъ раненъ въ руку, другіе бѣжали отъ звука выстрѣла, и шлюпка спаслась поспѣшнымъ уходомъ.

«Дружба ушановилась наконецъ между хозяевами и госпиями, несмотря на размолвку и дурной пріемъ отъ хозяевъ. Лодки дикарей опять окружили корабль. Раненый дикарь взошелъ на палубу; рану его перевязали и надавали ему подарковъ. Началась небольшая мѣна. На куски желѣза и старые гвозди, дикари промѣнивали искусно сдѣланныя рогожки, уды, украшенія изъ черепахи и косшей. Только честности не знали они въ своей торговлѣ, и многіе изъ нихъ имѣли случай доказать свою ловкость въ воровствѣ и насиліи.

«Всѣ дикари были вооружены, одни длинными дрошиками, другіе дрошиками покорооче, слегка загнутыми, въ видѣ сабель. Первые были длиною отъ 8-ми до 12-ти футовъ; у иныхъ было на нѣсколько футовъ насажено рядами акульихъ зубовъ, крѣпко ушверженныхъ плешушками изъ кокосовыхъ волокъ. Сабли укрѣплялись такимъ-же образомъ, и это дѣлало раны ихъ опасными и даже смертельными. Иные изъ дикарей украшали головы вѣнками изъ сухихъ кокосовыхъ листьевъ. Одежду составляли вообще пояса изъ листовяныхъ плешушекъ и плащи изъ рогожекъ, въ два, при фуша шириною и чешыре длиною. Нижній край рогожки

оканчивался бахрамою, служившею вмѣстѣ украшеніемъ и защищою отъ мусшиковъ, кошорыхъ шамъ бездна. Сильные и складные, съ мѣдноцвѣтною кожею, туземцы покрыты рубцами, доказывающими, что нерѣдко бываетъ у нихъ работа копьями и саблями. Длинные волосы свои заплетаютъ они въ косы, безобразнымъ образомъ. Бороды неываютъ у нихъ ни длинны, ни густы.

« Кларанцъ составляетъ, по описанію Паулдинга, купа низкихъ, лѣсистыхъ острововъ, расположенныхъ на мѣли, долженствующей имѣть весьма большое протяженіе. Паулдингъ рассказываетъ, что приближась къ одному изъ острововъ, онъ едва могъ видѣть другіе, отдаленные. Положеніе всей купы подъ $9^{\circ} 42'$ ш. ю. и $173^{\circ} 50'$ д. з.

« Въ сорока миляхъ отсюда находится островъ *Йоркъ*, открытый Байрономъ, въ 1765 году. Сей мореплаватель видѣлъ его необычаемымъ, и запасся на немъ кокосами. Пошомъ былъ здѣсь Эдуардъ въ 1791 году, а Паулдингъ въ 1825 году, и нашелъ жителей. Они походили на дикарей Кларанца, но не были такъ дѣшевы, такъ сильны, болѣе робки, бѣдны и болѣзненны. Островъ состоитъ изъ цѣпи низкихъ и лѣсистыхъ островковъ, на одномъ общемъ имъ протяженіи мѣлей, почти въ 30-ть миль окружностью. Положеніе — $8^{\circ} 33'$ ш. ю. и $174^{\circ} 20'$ д. з.

« Мы приближаемся къ концу нашей незанимательной бесѣды — сказалъ Пендлешонтъ, видя, что я упомянулъ уже его продолжительнымъ исчисленіемъ именъ. « Вотъ вамъ еще островъ *Сидней*, отъ

крышый Эмманпомъ , по словамъ Пурдея, въ 1823 году, и попомъ видѣнный Ле-Гоараномъ, въ 1828 году — маленькая, необишаемая, довольно низкая земляца, подъ $4^{\circ} 27'$ ш. ю. и $173^{\circ} 4'$ д. з. — Попомъ — оспровъ *Бирнѣ*, опкрышый въ одно время и шѣмъ-же мореплавателемъ, кошорый опкрылъ Сидней, опянь по словамъ Пурдея. Онъ находится подъ $3^{\circ} 21'$ ш. ю. и $173^{\circ} 50'$ д. з. — Наконецъ, замѣшимъ оспровъ *Мери* (*Mayu*), недавно опкрышый кораблемъ сего имени — груда оспровковъ, 20-ть льѣ въ окружности, съ внушреннимъ лагуномъ, подъ $2^{\circ} 48'$ ш. ю. и $174^{\circ} 30'$ д. з.—Надобно-ли вамъ говоришь о сомнишельныхъ оспровахъ *Гарднеръ* и *Артуръ*? Недосповѣрныя извѣсшя поспавляющъ ихъ подъ $4^{\circ} 30'$ ш. ю. $176^{\circ} 42'$ д. з. и $3^{\circ} 33'$ ш. ю., $178^{\circ} 20'$ д. з.

ГЛАВА LIX.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ ОСТРОВОВЪ ТАИТСКИХЪ КЪ ОСТРОВАМЪ ТОНГА. — ОСТРОВА ГАМОА.

Пока Пендлешонъ раскрывалъ передо мною богатство своихъ географическихъ свѣдѣній, нашъ легкій корабль недремалъ на волнахъ Океана. Онъ мчался къ островамъ Гамоаскимъ, такъ спойно, что нисалѣйшій проливной вѣтерокъ не вѣялъ ни разу въ его паруса, и спокойный при быспрошѣ своей, казалось, онъ едва подвигается съ мѣста, между тѣмъ, какъ мы шли по 9-ти и 10-ти узловъ. И вошъ, съ вечера 13-го Мая, спада глупышей и голандовъ обозначили для насъ приближеніе къ землѣ. На слѣдующій день земля явилась передъ нами. Мы спали прошивъ небольшого острова, окруженнаго мѣлю въ шесть миль окружностью, съ нѣсколькими тощими деревцами по срединѣ. « Это островъ *Розы*, единственное опкрытіе земляка вашего Фрейсине — сказалъ мнѣ Пендлешонъ. « Онъ далъ ему имя своей жены, сопровождавшей

его въ путешествіи вокругъ свѣта. » Но впрочемъ, видъ острова Розы не возбуждаетъ идей розоваго цвѣта. Это печальная, бѣдная скала, населенная гоэландами, и лежащая подъ $14^{\circ} 33'$ ш. ю. и $170^{\circ} 26'$ д. з.—Коцебу видѣлъ ее въ 1824 году.

Обогнувши сей ушестъ съ сѣвера, мы завидѣли вершины острова *Опуна*, и днемъ шли по его южному побережью. Это земля, около 200 шазовъ возвышеніемъ, срѣзанная пикомъ, и до самой вершины покрывшая прекрасными деревьями, среди которыхъ возвышаются многочисленныя кокосы. Вопреки обыкновенію всѣхъ другихъ Океанійскихъ острововъ, вмѣсто расположенія селеній своихъ по побережью, дикари здѣшніе ставятъ ихъ на полувозвышеніи, гдѣ кажутся они висющими, среди шашечницы зелени, образуемой насажденіями иньямовъ и папашовъ. Когда мы были въ виду острова, лодки дикарей отдѣлились отъ берега, съ намѣреніемъ прислать къ нашему кораблю, но мы были слишкомъ далеко и шли такъ поспѣшно, что подобное предпріятіе оказывалось невозможно. Послѣ *Опуна* мелькнули передъ нами острова *Леоне* и *Фанфуге*, гораздо менѣе пространствомъ и болѣе низкіе.

Мы шли прямою дорогою на *Мауна*—*Мауна*, гдѣ несчастный капитанъ *Делангль*, спутникъ *Лаперуза*, былъ безчеловѣчно убитъ дикарями, при чемъ погибло столь много мапрозовъ. Сердце мое невольно сжалось, когда я приблизился къ этой роковой странѣ. Океанія наша была отъ нея въ 4-хъ, или пяти миляхъ; далѣе обходила ее сѣверный

мысль, и шла попомъ около сѣвернаго ея берега, миляхъ въ двухъ. Съ палубы можно было различить длинную цѣпь прибоевъ, гдѣ кипѣли и бѣлѣлись волны морскія. Въ разныхъ мѣстахъ, мѣль пересѣкалась, образуя маленькія гавани, убѣжища для дикарскихъ лодокъ. Весь берегъ представлялъ цѣпь восхищительныхъ мѣстоположеній. То являлся намъ дикій, дремучій лѣсъ, то перелѣски и рощицы по лугу, то маленькія долины, то селенія подъ кучами густыхъ деревьевъ, и среди всего этого водопады, ниспадавшіе въ море, или каскады, сыпавшіеся пѣнистою пылью съ высоты известняковыхъ скалъ, и вездѣ признаки обилія и населенія—хижины, лодки, обработанныя земли, цвѣтущіе огороды, селенія, хорошо устроенныя. Наслаждавшись нѣсколько часовъ общими зрѣлища, мы прибыли передъ побережье залива, достопамятнаго несчастною гибелью здѣсь Делангля и его товарищей.

Это было очаровательное, спокойное мѣстечко, подобное тѣмъ, мимо которыхъ мы шли, уединенное, тихое, пѣнистое, шакъ, что съ моря можно бы почесать его необитаемымъ. Надъ вершинами зеленыхъ деревъ его не было видно дыма, ни одна лодка не двигалась по волнамъ залива, и ни одной незамѣтали мы выпавшей на берегъ. При шакомъ пустынномъ, безлюдномъ зрѣлищѣ, шрудно было узнать берегъ, гдѣ Лаперузъ видѣлъ себя мгновенно окруженнымъ собою лодокъ, наполненныхъ припасами. Океанія остановилась прошивъ залива, и долго ждали мы, ничего невидя. Наконецъ, лодочка, съ шремъ дикарями, вы-

плыла изъ зашишной бухты въ споронѣ, и гребцы направляли ее къ нашему кораблю. Когда приспала она къ намъ, одинъ изъ дикарей взошелъ на палубу, робко, недовѣрчиво, озираясь кругомъ, какъ будто боялся измѣны. Остановясь на краю, онъ предложилъ намъ нѣсколько кокосовъ, за что дали ему кусокъ желѣза, и онъ поднесъ его ко лбу въ знакъ благодарности. Послѣ такого обмѣна, сдѣланнаго съ видомъ добродушія, дикарь снова осмошрѣлся недовѣрчиво, будто собирался съ духомъ, и попомъ, въ какомъ-то порывѣ восторга, началъ онъ длинную рѣчь, возвышая выраженіе понемногу до самаго жаркаго тона. Въ нѣкоторыхъ періодахъ шѣлодвиженіе помогало голосу. Говорунъ указывалъ, то на берегъ, то на корабль. Безъ сомнѣнія, онъ приглашалъ насъ положишься на шеземное гостепріимство. Мы все выслушали съ величайшимъ вниманіемъ, и никто изъ насъ ничего непонялъ. Даже знаніе Пендлешона, столь опытнаго въ языкахъ Полинезійскихъ, оказалось недостаточно; едва могъ онъ, мимоходомъ, перехватить смыслъ нѣсколькихъ словъ. Но видя наше внимательное и молчаливое собраніе, говорунъ непереспавалъ говорить и дѣлалъ шѣлодвиженія, и можетъ быть, это долго продолжилось-бы, если-бы другія лодки неподшли къ его лодчкѣ.

Тутъ окружили нашъ корабль посѣпшители, сначала робкіе, а попомъ оказавшіеся забіяками, свирѣпыми и безспыдными ворами. Безъ абордажныхъ рѣшешокъ, кошорыми огородилъ боршы корабля Пендлешонъ, эши наглецы взяли-бы Океанію при-

спуномъ. Дерзость ихъ являлась такова, что даже и этого было едва доспашочно. Надлежало разспавишь по краямъ корабля мапировъ, съ копьями, и за шѣмъ нѣсколько дикарей успѣли пропѣснись къ намъ. Только чшо увидѣли они себя на кораблѣ, какъ хищные коршуны бросились они на все, чшо было у нихъ передъ глазами. Если-бы соединенными силами мы неспотарались сбросить въ море нашихъ постѣшителей, они распахили-бы Океанію по кусочкамъ.

Впрочемъ, у дикарей и небыло почти ничего, на чшо можно-бы съ ними мѣняшься. Только кокосовыхъ орѣховъ находилось по нѣскольку въ ихъ лодкахъ. Когда спрашивали мы у нихъ припасовъ, они указывали на берегъ, давая знаками разумѣшь, чшо шамъ найдемъ мы припасовъ всякихъ множество и наилучшихъ. Наспоящее поведеніе дикарей было нешаково, чшобы Пендлешону можно было положитьсь на благополучный успѣхъ высадки. Какъ ни мало было вокругъ корабля островишанъ, но, казалось, чшо они почишаютъ его своею собственностью. Вмѣсто принятія съ радостью и благодарностью маленькихъ подарковъ, какіе мы имъ предлагали, они грубо вырывали ихъ изъ рукъ нашихъ. Кшо изъ нихъ успѣвалъ пробратъсь на корабль, и шамъ получить, или украсить чшо нибудь, гвоздь, шопоръ, пронизокъ, издалека показывалъ шомъ приобрѣщеніе шоварищамъ, находившимся въ лодкахъ, и они, въ ярости, бѣсились, скрежесали зубами, съ пѣной у рта угрожали своими пиками мапировамъ, пребуя, чшобы ихъ пустили

на корабль, или также дарили. На всѣхъ лицахъ дикарей выражались безобразіе и свирѣпство. Изъ десяти бывшихъ тогда на палубѣ, только одинъ молодой дикарь, безъ сомнѣнія, начальникъ, или сынъ начальника, отличался отъ другихъ счастливыми чертами лица и фізіогноміею пріятною. Только онъ одинъ и неоскорблялъ людей, дарившихъ ему что нибудь. Небросаясь на подарки и не вырывая ихъ, онъ принималъ ихъ съ пріятными, пристойными формами, и потомъ многократно подносилъ ихъ ко лбу. Обращаясь къ землякамъ своимъ въ лодкахъ, кажешся, онъ сообщалъ имъ, о томъ что видѣлъ, забавныя и смѣшныя замѣчанія, такъ, что шѣ громко и пропѣжно хохотали. Словомъ, это былъ крошкѣй, веселый, ласковый юноша. Но за то товарищи его, были-ль они равные ему, или подчиненные, все равно, казались почти не людьми, ни по виду ни по формамъ. Рыча, какъ звѣри, по видимому, они были одарены только живошнымъ инстинктомъ и лишены разума. Увидя голую руку одного изъ мажорозовъ, одинъ дикарь сдѣлалъ отвращительную гримасу, показывая, что онъ съ охотою сожралъ-бы кусокъ такого сладкаго мяса. Эта опкровенность людоеда заставила всѣхъ насъ содрогнуться. Признаюсь, на этошъ разъ демонъ любопытства немогъ овладѣть мною, и я неуготоваривалъ капитана отпра-вляться на берегъ.

Всѣ дикари были рослы, ловки и удивительно мускулисты. Выраженіе лицъ ихъ было свирѣпо, но безъ неправильности въ чертахъ. Цвѣтъ кожи

былъ у нихъ темный; величайшее стараніе замѣтно было у нихъ въ головной уборкѣ. У однихъ, длинные, прямые, черные волосы свободно вѣялись по плечамъ и по шеѣ. Другіе носили ихъ связанными, завишыми, или закрученными, посредствомъ припеканья, такъ, что они образовывали родъ шара изъ головы, у многихъ выкрашенные желтою краскою. Другіе красили себѣ волосы красною краскою, и завивали ихъ длинными буклями, довольно похожие на старинные наши парики. Вѣроятно, такая уборка прѣбывала занятія продолжительнаго и хлопотливаго. Но за то всю одежду дикарей составлялъ передникъ, нисходившій до икръ, сдѣланный изъ какой-то особенной шкуренной шкуры. У иныхъ вмѣсто передника было что-то въ родѣ панталонновъ опѣ лядвей до икръ. Весьма немногіе украшались ожерельями изъ пронизокъ по груди. Ташуажъ былъ незначителенъ, но множество рубцовъ показывали, что война небыла здѣсь рѣдкостью и что ее вели нечеловѣколюбиво. Женщинъ въ лодкахъ видѣли мы немного, и почти всѣ онѣ были весьма безобразны. Безъ сомнѣнія, на берегу увидѣли-бы мы дикарей болѣе красиваго устройства. Главные старшины, ихъ жены и дѣти, конечно, не рѣшались пускаться въ открытое море для посѣщенія нашего корабля.

Между тѣмъ, часъ опѣ часу болѣе прибавлялось число дикарскихъ лодокъ, и несмотря на самое дѣлательное наблюденіе, палуба наша наполнялась наглецами, кое-какъ на нее проскочившими. Съ числомъ нашихъ посѣщителей усиливалась ихъ смѣ-

лосшь. Они шѣмъ безспыднѣе все грабили, а товарищи ихъ въ лодкахъ увеличивали свои угрозы. Во многихъ лодкахъ дикари провозглашали взаимно рѣчи, казавшіяся убѣжденіемъ на бипву; указывая на корабль, казалось, говоруны убѣждали одни другихъ въ легкости и вѣрности добычи. Наконецъ, въ одно мгновеніе, по данному знаку, всѣ дикари бросились къ оружію своему и взмахнули пиками на Океанію. «А, а!» вскричалъ Пендлешонъ — вошъ минуша рѣшительная. Они шакъ во зло употребляютъ наше терпѣніе, что ихъ надобно образумить!» По приказу капитана прежде всего начали очищать палубу отъ гостей. Несмотря на жестокое сопротивленіе, линки и дубинки кончили это очищеніе съ успѣхомъ. Едва совершилась первая часть подвига, мы приступили къ его окончанію вполне. «Смянь эту каналью!» возгласилъ нашъ власишель Океаніи. Онъ велѣлъ распускать паруса. Чуть наша легкая Океанія почувала свободу, и вѣтеръ, надувая паруса, двинулъ ее по волнамъ, флотъ дикарскихъ лодокъ очутился подъ нею. Несворачивая съ своего пути она смяла подъ собою три сна лодокъ шеземныхъ въ волны моря, кошорыя онѣ покрывали. По крайней мѣрѣ, пшдесятъ изъ нихъ было пошоплено и перековеркано, а множесшво другихъ повреждено. Если дикари полагали, что могутъ перегородить намъ дорогу, надежда ихъ была шрашно обманута. Океанъ являлъ шенерь позорище разрушенія. Паган, перевѣсы, мачшы, рей шрещали и плыли во всѣ шпороны. Среди обломковъ шорчали изъ волнъ головы изум-

ленныхъ непріятелей. Сначала они поспѣшили было перевертывать свои лодки, слагивать мачты, исправлять поврежденія. Но видя, что мщеніе невозможно, удовольствовались только страшнымъ воємъ и безсильными угрозами прошивъ гордаго побѣдителя, лепѣвшаго на всѣхъ парусахъ и презиравшаго безплодную ярость врага. Только немногіе дикари, словно настоящіе водяные бѣсы, успѣли уцѣпиться кое-какъ за нашъ корабль и лѣзли въ бой, но нѣсколько ударовъ дубьемъ сбросили ихъ въ море, и мы спокойно продолжали нашъ путь.

Ночью, Океанія перешла разстояніе, отдѣляющее Мауна оуи отъ острова *Оіолава*. Мая 14-го, съ разсвѣтомъ, мы были недалѣе двухъ миль отъ небольшого острова, лежащаго при восточной оконечности *Оіолава*. Тутъ нѣсколько лодокъ явилось къ намъ, съ дикарями миролюбивѣе вчерашнихъ, можетъ быть, потому, что ихъ было гораздо меньше числомъ. Кажется, что это были рыбаки. Они промѣняли намъ рыбы на разныя бездѣлки. Океанія не останавливалась. Мы шли тогда по южному краю *Оіолава*, мимо прелестной земли, плодоносной отъ приморья до вершины горъ. Нѣтъ! ни одна земля Океанійская, даже роскошный Таиши, не представилъ болѣе прекраснаго амфиатра зелени, болѣе богатаго послѣдованія роскошныхъ долинъ, одна выше другой поставленныхъ. Къ сожалѣнію, никакого якорнаго мѣста не найдено еще донынѣ на *Оіолава*, и Европейскіе корабли, не имѣя возможности останавливаться здѣсь надолго, до

сихъ поръ осматриваютъ этотъ островъ совершенно неизвѣстнымъ.

По мѣрѣ прохода нашего мимо берега, мы видѣли, какъ дикарскія лодки оплывающія отъ берега одна за другою и спѣшатъ плыть къ намъ. Но Пендлемонъ не хотѣлъ ихъ дожидаться, и спалъ не прежде, какъ достигнувши *Низкаго* острова (île Plate), находящагося въ западномъ углу Оіолава, и соединеннаго съ нимъ цѣпью прибоя, вровень съ моремъ.

Низкій островъ—это алмазъ въ Гамоаской купѣ острововъ, столь облагодѣтельствованной природою. Онъ очень низокъ, и только въ срединѣ его высился холмъ, сплоснуый къ вершинѣ. Судя по безчисленному множеству лодокъ, плававшихъ передъ нами взадъ и впередъ, этотъ клочекъ земли долженъ былъ удивительно населенъ. Мы увидѣли плывучій городокъ, лодочную площадь, обширный базаръ плодовъ, овощей, кореньевъ, свиней, колебавшійся по волнамъ, какъ плывучій Кишайскій рынокъ на Тигровой рѣкѣ. Моря невиднo было подъ лодками и народомъ. Взглядъ на дикарей непоказывалъ въ нихъ ни наглости, ни свирѣпства. Они негрозили, неворовали, какъ то и другое дѣлалось на Мауна. Напротивъ, пріемы ихъ являлись дружескіе и добрые. Въ мѣнѣ поступали они благопріятно и честно. Хохошунъ и весельчаки, они доводили иногда забаву свою до спрашнаго крика и шума, но кромѣ того, право, ихъ не въ чемъ было укорить. Когда запрещали имъ всходить на корабль, они слушались, привязывали

свой шоварь къ веревкамъ , и съ радостью брали то, что давали имъ въ обмѣнъ. Одна изъ пачекъ , которую спускали съ корабля , связка обручей , по неловкости мапироза упала въ море , и это доспавило намъ презабавное зрѣлище: хотя глубина была ужасная , дикари кинулись въ воду , схватили упавшую пачку , и спорили за нее въ водѣ , какъ будто рыбы , которыми кинули кусокъ хлѣба.

На эту честную и благоприсойную торговлю надѣялся Филипсъ. Онъ не ошибся. За цѣнность не болѣе двухъ пшаспровъ , съ прибавкой нѣсколькихъ кусковъ желѣза , пронизокъ и дюжины спарыхъ гвоздей , онъ вымѣнялъ пятьдесятъ свиней и бездну живности , плодовъ и кореньевъ. Стеклянные синяго цвѣта бусы , или пронизки , были самымъ ходкимъ шоваромъ между оспровишянами. Всѣ припасы , какіе мы вымѣнивали , овощи , коренья , плоды , были превосходной доброшы. Нѣкоторые были для насъ совершенною новостью. Смошря на груды припасовъ , наваленныхъ въ лодки , покрывавшія море , поняшь было невозможно : какъ споль маленькій оспровокъ могъ производить такое разнообразіе предметовъ , и въ такомъ чрезмѣрномъ обиліи? Намъ казалось это чѣмъ-то похожимъ на чудо.

Торговля шла чрезвычайно дѣяштельно и живо , какъ вдругъ прибытіе большой лодки прекратило ее. *Эгун, іа эгун* (начальникъ , самъ начальник)! закричали на всѣхъ лодкахъ , спѣснившихся окрестъ корабля , и въ одно мгновеніе всѣ удалились и дали ему мѣсто. Большая лодка подошла къ намъ. Она

была велика и убрана перламушровыми раковинами; въ ней сидѣли человѣкъ десянь, правившихъ пагаями. Начальникъ, правившій рулемъ, и гребцы, имѣли на головахъ вѣнки изъ зеленыхъ лисневъ, что показывало дружеское расположеніе съ ихъ спороны. Впереди въ лодкѣ, на площадкѣ, покрышой рогожками, сидѣлъ на корпючкахъ человѣкъ, довольно уже старый, распуспивши надъ головою зонпикъ Европейской рабошы. Кажется, что эша вещь была для него просто щегольспвомъ—цвѣшу кожи его нѣчего было опасаться солнечныхъ лучей. Тонкою рогожкою были прикрышы плеча его. Поясъ изъ шкани былъ у него по шѣлу. Чалма закрывала его голову. Приближаясь, онъ кричалъ другимъ дикарямъ дашь ему проходъ, ухвaнился за лѣспницу корабельную, и самъ-шрешей взошелъ къ намъ на палубу.

Эшо былъ пожилой человѣкъ, 5 фушовъ, 6 дюймовъ росномъ, худоцавый, но еще ловкій и сильный. Видъ его небылъ ошврапшелень, и науропивъ физіогномія показывала важность и поняшливоспъ. На немъ небыло ошличія шапуажемъ. Вспупивъ на палубу, спросилъ онъ: гдѣ эгуи? Филиппъ, вспрѣппившій его, указаль ему на капитана, сидѣвшаго на своей скамейкѣ. Дикарскій власпшелъ пошелъ шуда, наклонилъ голову, произнесъ нѣсколько словъ на своемъ языкѣ, и пошомъ, схвaпивши локши Пендлешона, поднималь ихъ два, три раза къ верху, приговаривая по-Англійски: Very good (очень хорошо)! Послѣ шакого полу-Европейскаго, полу-дикарскаго привѣспивія, онъ

далъ знать о себѣ, что онъ эгуи ошрова, и приказалъ положишь къ ногамъ Пендлемона подарки, ему предназначенные. Они состояли изъ шрехъ превосходныхъ свиней, копорыхъ эгуи называлъ боака, иньямовъ и плодовъ. Въ замѣнъ этого Пендлемонъ ошдарилъ шопоромъ, двумя нипками синихъ бусовъ и цвѣшнымъ шелковымъ плашкомъ, повязавши его своею рукою около чалмы дикаря. Восхищенный такими богатствами, дикарь, казалось, не смѣлъ ему вѣрить, сомнѣвался шочно-ли даряшъ ему все это, и его благодарность, робкая и недовѣрчивая, оказывалась только немногими *Very good*, произносимыми пошихоньку. Наконецъ, онъ осмѣлился спросишь: все-ли это дѣйствитель-но ошдають ему — плашокъ, шопоръ, и особливо синія пронизки? Когда его увѣрили въ шомъ—радосшь его оказалась безпредѣльною — онъ забылъ всякую предоспорожностъ, бросилъ свою важностъ, въ восшоргѣ ходилъ по палубѣ, спарался угадашь дѣйствіе, какое производишь плашокъ, повязанный на его головѣ, игралъ своими пронизками, и видя ихъ красону и цвѣшъ, съ радосши скакалъ, какъ диня, получившее гремушку, безпрестанно восклицалъ: *Very good*, плясалъ, прыгалъ взадъ и впередъ, ласкалъ локти Пендлемона, шеря своимъ носомъ объ носъ Филипса, хонъ нашъ лейшенаншъ песлишкомъ-шо былъ родъ этому часшому изъявлению дружбы. Видя своего власшншеля шоль довольнымъ, подчиненные немогли ошпавашься безъ учасшя. И вошъ за эгуи, подражая всѣмъ его движеніямъ, пошелъ его секрешаръ, или казначей,

толстякъ, съ бегемотовою шею , задыхаясь , по-
пѣя, и едва успѣвая выдѣлывать всѣ выразишельныя
движенія, какихъ пребовала его роль вѣрнаго Со-
зіи. Наконецъ, безмѣрная радость немного укро-
пилась; подарки были щедренно собраны и спря-
шаны въ корзинку , и два великіе эгуи , корабля
Океаніи и оспрова Полинезійскаго , начали гово-
ришь и разсуждашь.

Власпишель Низкаго оспрова уже видалъ прежде
Европейцевъ , какъ свидѣтельствововали эшо зон-
шикъ, почешное украшеніе его, и пара піаспровъ,
кошорые берегъ онъ, какъ рѣдкость. Когда Пенд-
лешонъ началъ объ эшомъ спрашивать, эгуи ош-
вѣчалъ, что нѣсколько лѣтъ тому, онъ плавалъ въ
лодкѣ своей къ оспрову, лежащему недалеко отъ
сюда на югъ, и что тамъ какой-то эгуи , началь-
никъ корабля, подарилъ ему зоншикъ и піаспры.
Чтобы еще лучше засвидѣтельствовашъ правду
словъ своихъ, эгуи указалъ на пушки корабля, и
подражая голосомъ ихъ выпрѣлу, давалъ знаками
разумѣшь, что ему вѣдомо дѣйствіе эшихъ убій-
ственныхъ орудій. Онъ закрылъ глаза, опушилъ
голову, будто мершвый, и мимика его была шакъ
хороша, что поварищи его съ ужасомъ бросились
отъ пушекъ далѣе, и смолѣли на нихъ съ робо-
стью и почтеніемъ. Во время эшого разговора,
нѣсколько дикарей зашумѣли о чемъ-то съ мапро-
зами , охранявшими входъ на корабль. « Сдѣлай
пуфъ изъ твоихъ пуа на эшихъ негодяевъ!» сказалъ
эгуи Пендлешону. Не уже-ли онъ нешумилъ ?

Всего болѣе изумило нашего гостя дѣйствіе большой зрительной трубы, принадлежавшей капитану. Сначала, онъ почелъ ее маленькою *пуа*, и какъ можно спарался нестать прошивъ ея опроверсія. Пендлешонъ замѣшилъ его боязнь, и просилъ его приложитъ глазъ къ стеклу. Эгуи согласился. Дѣйствіе увидѣннаго имъ было такъ для него странно и неожиданно, что онъ отбросилъ инструментъ, и труба разбилась-бы, если-бы Пендлешонъ неподхватилъ ея. Напрасно послѣ того капитанъ разувѣрялъ, смолвѣлъ самъ въ трубу, подавалъ ее дикарю; онъ небрался за нее, увѣренный, что тушь есть колдовство. И какъ-же было этого неподумать? Чудесная *пуа* дала ему средство увидѣть родныхъ и друзей, такъ близко, что онъ могъ рукою достать ихъ, а между тѣмъ они были на берегу, мили двѣ разстояніемъ отъ корабля. Какъ сдѣлать это безъ помощи колдовства?

Но несмотрѣ на подозрѣніе въ чернокнижіи, эгуи продолжилъ свою благосклонность къ нашей Океаніи и капитану нашему. Очевидно было, что ему очень хотѣлось завести Пендлешона на берегъ, и тамъ, можетъ быть, перемѣнитъ свои пошупки. По крайней мѣрѣ, для достиженія цѣли своей эгуи не жалѣлъ ничего, ни ласкъ, ни обольстительныхъ предложеній, ни обѣщаній всякаго рода. Онъ обѣщалъ сколько будетъ угодно капитану папашовъ, иньямовъ, свиней; долго говорилъ о своей великолѣпной хижинѣ, своихъ мягкихъ рогожкахъ, своихъ лодкахъ, своемъ пищьемъ дво-

рѣ. Но Пендлешонъ оспавался непреклоненъ , недовѣрчивъ. Тупъ любезный эгуи рѣшилъ употребить послѣднее орудіе, оспальное средство. Взявши капитана подъ руку, онъ указалъ ему на лодки, шѣснившіяся вокругъ корабля, и далъ ему замѣнить нѣсколькихъ женщинъ, сидѣвшихъ въ лодкахъ, называя ихъ, на своемъ языкѣ, *вараки*. Указывая потомъ еще разъ , онъ покачалъ головою , съ видомъ презрѣнія, и прибавилъ: No good (нехорошо). Видя, что его поняли, оборотился онъ къ острову, просянулъ руки, и ласковымъ голосомъ, какъ будто торгашъ, хвалящій свой шоваръ, проговорилъ нѣсколько разъ: Very good waraki (очень хороши вараки)! Все это было говорено шакъ ловко, что Пендлешонъ расхохотался. « Филиппъ — закричалъ онъ — спупай сюда — это по швоей части!» — Видно было, что старому эгуи удавалось уже заманишь къ себѣ кого нибудь своими обольстительными предложеніями, и что онъ былъ опытный мастеръ шакого дѣла.

Несмотря на свою недовѣрчивость, Пендлешонъ рѣшился-бы, можетъ быть, опважиться на опшрвление къ берегу , но мы незамѣтали никакого способнаго для пристанища мѣста , а рѣшившись идти къ острову въ шлюпкѣ, удаляясь отъ пособій корабля, значило-бы слишкомъ на многое рѣшиться. Впрочемъ , безвѣтріе и шеченіе увлекали между шѣмъ Океанію къ грядѣ шесовъ и дѣлали необходимымъ удаленіе отъ берега. Надобно было разспаваться. Мы принялись распускать паруса, и поемногу, при звукахъ прощальной пѣсни, шихо

и жалобно напѣваемой дикарями, нашъ легкій корабль освободился изъ ряда лодокъ, его окружавшихъ, и быстро и смѣло пустился по волнамъ. Эгуи оставилъ насъ, повноря свое дружеское прощанье: *Маруа, Маруа!* Толпа дикарей съ лодокъ долго провожала насъ повнореніемъ эшихъ же самыхъ словъ: *Маруа, Маруа!*

На слѣдующій день плыли мы по южному берегу огромнаго и прекраснаго острова *Пола*. Клочья облаковъ закрывали вершину горъ его, но ребра его возвышенностей, подымающіеся амфишешромъ, выказывали намъ селенія дикарей, окруженныя богатыми насажденіями. Островъ *Пола*, безъ сомнѣнія, должно причислить къ самымъ прекраснымъ, обильнымъ и населеннымъ мѣстамъ міра Океанійскаго. Съ палубы нашей могли мы различить тысячи людей, бѣжавшихъ на приморье и стоявшихъ тушъ, любясь плаваніемъ нашей Океаніи. Съ самаго разсвѣта подплывали къ намъ дикарскія лодки, но мы неоснамливались и непринимаи ихъ. Недолжно было терять времени. Свѣжій вѣперъ, переходя пошепенно къ воспоку, предсавлялъ намъ возможность быстрого перехода къ островамъ *Тонга*. Мая 12-го, въ шестъ часовъ вечера, Океанія наша повернула прямо на югъ, послѣ крапикаго, но любопытнаго обзрѣнія архипелага *Гамоаскаго*.

конецъ VI й части.

О П И С А Н І Е

рисунковъ, принадлежащихъ къ шестой части *Всеобщаго путешествія*.

Листы. Изображ.

СХVII. 231. Нукагивскіе дикари (ч. VI, стр. 28).

СХVIII. 232. Нукагивскія дикарки (VI, стр. 27).

233. Внутренность Нукагивскаго жилища (ч. VI, стр. 37, и ч. V, стр. 305).

СХIX. 234. Гону, *еекаики*, или начальникъ Нукагивскаго острова Тао-Вапи , во время Кука , въ 1774 году (ч. VI, стр. 9).

235. Эпопъ рисунокъ принадлежитъ къ ч. V-й, стр. 329.

СХХ. 236. Эпопъ рисунокъ принадлежитъ къ ч. V-й, стр. 330.

237. Дубины , ожерелья , повязки , ножи и вѣера Нукагивцевъ (ч. VI, стр. 28, 38).

СХХI. 238. Планъ , фасадъ и профиль хижины дикарей (310 футовъ длиною), на островѣ Вайгу (ч. VI, стр. 53, 56). — Планы и фасады каменнаго жилища и землянки на остр. Вайгу (ч. VI, стр. 56).

СХХII. 239. *Анеа-Табу* , или древніе огромные памятники на остр. Вайгу (ч. VI, стр. 49, 54).

240. Пристань на остр. Пипкаирнѣ, въ архипелагѣ Помотускомъ (ч. VI, стр. 69).

Листы. Изображ.

CXXIII. 241. Портретъ Англійскаго мапроза Смита, или Джона Адамса, папріарха колоніи на Пипкаирнъ (ч. VI, стр. 76).

242. Видъ селенія на остр. Пипкаирнъ, въ 1826 году (ч. VI, стр. 76)

CXXIV. 243. Видъ острова Whitsunday (Пятидесятины), въ архипелагѣ Помону (ч. VI, стр. 89).

244. Площъ, употребляемый для плаванія по морю Гамбьерскими дикарями, въ архипелагѣ Помону (ч. VI, стр. 81).

CXXV. 245. Опури и Упа-Пара, таіо, или друзья путешественника и Пендлепона, на остр. Таипи (ч. VI, стр. 117, 123).

246. *Пиға*, базальшовые утесы въ Матавайской долинь, на остр. Таипи (ч. VI, стр. 132).

CXXVI. 247. Портреты Таипянскихъ царицъ, Помаре-Вагине и Тере-Мое-Мое (ч. VI, стр. 140).

248. Гробница Помаре II-го, царя Таипскаго, въ Папара, на островѣ Таипи (ч. VI, стр. 141).

CXXVII. 249. Варскій заливъ, на Таипскомъ островѣ Вагине (ч. VI, стр. 146).

250. Портретъ *Маи*, урожденца Таипскаго острова Раіатеа, взятаго Кукомъ въ Европу (ч. VI, стр. 148).

CXXVIII. 251. Видъ Упу-Маоро, главнаго селенія на островѣ Раіатеа (ч. VI, стр. 150).

252. Портретъ Помаре I-го, царя Таипскаго, въ 1773 году (VI, стр. 186, 219).

CXXIX. 253. Вершина Пагійской горы, на Таипскомъ островѣ Бора-Бора (ч. VI, стр. 162).

254. Царскій морай въ Папара, на островѣ Таипи, 130 футовъ длины, 80 ширины, 40 вышины, видѣнный Кукомъ, въ 1769 году (ч. VI, стр. 135, 183).

CXXX. 255. Приношеніе людей на жертву въ Таипскихъ мораяхъ (ч. VI, стр. 212, 284).

Листы. Изображ.

256. Морай въ Апа-Гуру , на островъ Таипи, видѣнный Вильсономъ, въ 1797 году (ч. VI, стр. 204).

СXXXI. 257. Портретъ Помаре II-го, царя Таипскаго (ч. VI, стр. 125, 192).

258. Тупапау , или погребальница Ори-Пига , на островъ Таипи (ч. VI, стр. 205).

СXXXII. 259. Молодая Таипянка, несущая дары капишану Куку (ч. VI, стр. 291).

260. *Гейса*, или Таипская пляска (ч. VI, стр. 290).

СXXXIII. 261. Тупапау , или погребальница Таипская (ч. VI, стр. 286).

262. Идолы Таипскіе (ч. VI, стр. 204, 280).

СXXXIV. 263. Дикарь острова Мангіа , или Манаіа , въ Гарвейскомъ архипелагѣ (ч. VI, стр. 311).

264. Остатки морая, или храма , на островѣ Малденѣ, по описанію капитана Байрона, въ 1825 году (ч. VI, стр. 325).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Океанія: острова Нукагивскіе (окончаніе) ; островъ Вайгу (или Пасхи), острова Питкаирнъ и Помотускіе, Таити (или Ошайши), Васуту, Мангіа, Вайту-Таки, Тубуан (архипелагъ Гарвейскій) и острова Гамоа.*

ГЛАВА LIV. *Нука-Гива. Географія. Обитатели и произведенія. Открытіе Испанцемъ Миандана; названіе Маркизскими. Пребываніе Кука. Интрагамъ, Маршанъ, Герджесшъ, Вильсонъ, Миссіонеры, Крузенштернъ. Похожденія Француза Кабри. Экспедиція Американца Поршера — битвы съ дикарями, построеніе города и крѣпости, декларація о подданствѣ, война съ Таипи, отбытіе, несчастное окончаніе колонизаціи. Паульдингъ, Сшюаршъ, Валдегравъ. — Описаніе архипелага — число и положеніе острововъ; преданія жителей; переселенія, сложеніе, болѣзни, общественное состояніе, жрецы, начальники, произведенія земли, браки, шабу, людоедство, забавы, музыка, оружіе, шашуажъ, языкъ.....*

7

ГЛАВА LV. *Плваніе отъ острововъ Нукагивскихъ къ Таитскимъ. Островъ Вайгу. Жестокая буря. Досада Филиппа и философія Пендлешона. — Уклоненіе къ восточному краю архипелага Помоту. — Разказы объ островѣ Вайгу, или Пасхи. — Открытіе*

Роггевейномъ. Битвы съ дикарями. Кузь и описаніе Форшера—*Анга-Табу*, древніе памяшники. Лаперузь. Высадки кишолововъ. Непріязнь оспровишянъ къ Европейцамъ. Коцебу и Бичей..... 43

ГЛАВА LVІ. *Плаваніе отъ острововъ Нукагнескихъ къ Таитскимъ. Островъ Питкаирнъ.* Начало архипелага Помоту: островъ Дюси, островъ Елисавешы—разбишіе корабля кишомъ. Островъ Пишкаирнъ—приключенія Блея; буншъ машрозовъ; заселеніе Пишкаирна; Джонъ Адамсъ, пашріархъ колоніи; судьба его пошомковъ..... 63

ГЛАВА LVІІ. *Окончаніе плаванія къ островамъ Таитскимъ. Архипелагъ Помоту.* Острова Оено, Полумѣсяць, Гамбіерскіе—плосы дикарей, видъ ихъ, жилища, коварство, битва съ ними.—Острова Гудъ, Карисфордъ, Пятидесятицы, королевы Шарлошшы, Эгмоншъ, Туи-Туи, Геіу—жемчужная ловля, Полинезійскіе крешины—острова Дава-Гиди, Пшичій, Крокеръ, Анаа.—Исчисленіе и описаніе остальныхъ Помотускихъ острововъ..... 79

ГЛАВА LVІІІ. *Острова Таитскіе. Пребываніе.* Островъ Маишіа. Различіе мѣсшносши. Островъ Таиши—Таишскій лоцманъ; гавань Машавайская; смѣшная одежда Таишянъ; мѣна съ ними; *таіо*—Ошури, другъ пушешесшвенника.—Таишская церковь. Миссіонеры. Упадокъ Таиши. Долина Машавайская. Обширное шоссе. Полишическое состояніе Таиши. Жилище Ошури. Водопадъ Пига. Гора Мова. Озеро Ваги-Ріа. Аудіэнція у Таишской царицы Аимашы. Гробъ царя Помаре II-го. Форумъ Таишскій. Переселенцы Пишкаирнскіе. Островъ Мошу-Та. Морай.—Ошбышіе ошъ острова Таиши—Островъ Эимео—часовня; *South-Sea Academy*; островъ Вагине—царь Магейне; учась сына его; ишорія Май, спушника Кукова. Островъ Раіашеа—сшарая царица; пиръ на кораблѣ; посѣщеніе Таишской царицы. Островъ Бора-Бора—прелесшъ положенія; два царя шамошніе; прогулка на гору Нагіа. Разказы сшараго Тамашы—герои Пуна и Тагоа. Памяшь о быломъ Таиши. Ошплышіе ошъ архипелага..... 111

ГЛАВА LIX. *Острова Таитскіе. Географія. Топографія*
 всего архипелага и разныя именованія острововъ
 его. Число жителей. Время открытія..... 469

ГЛАВА LX. *Острова Таитскіе. Исторія. Первоначальное*
 открытіе Квирсомъ. Валлисъ и Бугенвиль. Кука
 и Бончеа. Второе путешествіе Кука — Таитскій
 флотъ. Третье путешествіе Кука — царь Помаре I-й.
 Бѣдствія Таиши. Капитанъ Северъ. Блей — бунтъ
 машрозовъ. Ванкуверъ, Вишергидъ, Вильсонъ и Мис-
 сіонеры. Помаре II-й. Тогдашнее состояніе остро-
 ва. Бишопъ. Междоусобія. Смерть Помаре I-го.
 Изгнаніе Помаре II-го и Миссіонеровъ. Внезапная
 переменъ. Торжество Миссіонеровъ, введеніе хри-
 стианства, побѣды Помаре II-го, слабости его, пись-
 ма. Типографія Таитская. Смерть Помаре II-го.
 Дюмонъ-Дюрвиль — Таитскій Парламентъ. Смерть
 Помаре III-го. Царица Аимаша. Настоящее поло-
 женіе Таиши и двора его..... 475

ГЛАВА LXI. *Острова Таитскіе. Нравы, обычаи, произве-*
 денія. Физическое сложеніе жителей; характеръ.
 Первобышныя преданія. Мави, или предвѣщатели.
 Гражданское и общественное дѣленіе. Странный
 обычай преемничества дѣшей передъ ошцами. По-
 чести царямъ. Обрядъ возведенія на престолъ. За-
 конны и наказанія. Обществъ ароевъ. Таитская
 мифологія. Ложное понятіе первыхъ Миссіонеровъ.
 Идолы и морай. Жрецы, моленія, жертвы, похоро-
 ны. Табу, пѣніе. Игры и увеселенія. Пляски, пища,
 болѣзни, языкъ..... 257

ГЛАВА LXII. *Плваніе отъ острововъ Таитскихъ къ*
островамъ Тонга. Островъ Вавиту, Мангіа, Вайту-
Таки, Тубуаи, и прот. Буря. Уклоненіе къ юго-вос-
поку. Сомнительные острова Мишчеля. Островъ
Басса. Островъ Рапа — исторія его и географія. Ост-
ровъ Вавишу, или Роиваваи. Островъ Тубуаи — про-
гулка. Острова Римешара, Мангіа, Маура, Миши-
Аро, Вавиу, Фенуа-Иши, Ману-аи, Вавишу-Таки,
Роро-Тонга, Пальмерстонъ, Дикій. Приближеніе къ
предѣламъ Меланезіи. Отличіе отъ Полинезіи.
 Общій очеркъ двадцати острововъ, разсѣянныхъ

между купою Гамоа и архипелагомъ Гавайскимъ—
исторія, географія ихъ, жищели, природа..... 295

ГЛАВА LXIII. <i>Плаваніе отъ острововъ Таитскихъ къ</i> <i>островамъ Тонга. Острова Гамоа. Быстрый пере-</i> <i>ходъ. Островъ Розы. Острова Опунъ, Леоне, Фанфуе,</i> <i>Мауна — мѣсто гибели Делангля, сопутника Лапе-</i> <i>рузова. Прелестъ земли. Пріѣздъ дикарей, ихъ дер-</i> <i>зость и свирѣпство, безобразіе и людоѣдство; ссора</i> <i>съ ними. Островъ Оіолава и Низкій островокъ—</i> <i>обиліе припасовъ, ласковость дикарей, торговля.</i> <i>Эгуи, или начальникъ. Свиданіе съ нимъ. Островъ</i> <i>Пола. Ошбышіе отъ Гамоаскихъ острововъ.....</i>	333
Описаніе тридцати двухъ рисунковъ, принадлежащихъ къ шестой части <i>Всеобщаго путешествія.....</i>	I.

